

Размышления о Двенадесятых праздниках. Том II. От Богоявления до Вознесения митрополит Вениамин (Федченков)

Том I

От издателей

От издателей

Мы продолжаем публиковать работы митрополита Вениамина, посвященные праздничным богослужениям. В настоящий том вошли описания праздников: Крещения, после которого Господь вышел на проповедь нового учения, Преображения на горе Фавор – за сорок дней до Его страданий и Распятая, торжественного Входа в Иерусалим, когда приблизилось время пострадать за род человеческий, и Вознесения Господня на Небеса через сорок дней после воскресения. Завершает том размышление о празднике Успения Пресвятой Богородицы, свидетельницы вознесения. Она пребывала с учениками в посте и молитве до схождения на всех них Святого Духа и первой из людей была взята Господом на небо.

В наши дни, когда церковная жизнь возрождается, многие люди, даже постоянно посещающие богослужения, часто не имеют ясного понятия о том, что происходит в церкви, каков смысл тех или иных таинств и служб. Между тем понимание этого совершенно необходимо для нашей духовной жизни. Богослужение – это тоже богословие, потому что основано на духовном опыте, а духовный опыт дается более всего в молитве.

Необходимость толкования богослужения очевидна. Оно подводит верующего к познанию «великой тайны благочестия – воплощения Божия Слова нашего ради спасения, воскресения, преображения», по выражению архимандрита Киприана Керна.

Владыка Вениамин придает огромное значение богослужебным текстам праздников. Стихиры, тропари, кондаки

и в особенности каноны – самые развернутые виды церковных песнопений – являются источником вероучения наряду со Священным Писанием. Написанные святыми отцами, проверенные Церковью Божией в течение тысячелетий, они и сегодня поражают нас своей глубиной и оригинальностью. Творцы богослужебных текстов раскрывают события праздников как великое таинство. Владыка призывает вчитываться в них, углубляться, а проповедников – основывать на них свои слова и поучения.

Почти все каноны к праздникам, которые разбирает митрополит Вениамин в этом томе, написаны Космой Маиумским и Иоанном Дамаскином, жившими в VIII веке, образованнейшими людьми, аскетами высокой духовной жизни. Каноны на Богоявление, Преображение, Успение Богородицы есть и у Космы, и у Иоанна, причем канон на Богоявление (так же, как и на Рождество и Пятидесятницу) написан у него ямбическим триметром – традиционным метром классической греческой поэзии. Косма и Иоанн писали каноны на великие праздники так, что они дополняли друг друга. Один давал внутренний смысл события, другой повествовал о его внешних особенностях. «Песненные каноны Иоанна и Космы не имели себе равных между гимнами других песнописцев» (Архиепископ Филарет Гумилевский. Историческое учение об отцах Церкви. Т.3. СПб. 1882. С. 208).

Обращая наше внимание на поэтические строки канонов и стихир, митрополит Вениамин помогает читателю постигать всю глубину и величие празднуемых событий. Этому же служит и прекрасная форма древних гимнов, поэтическими средствами отражающая грани праздника.

Все выделения в авторском тексте, а также в текстах Священного Писания, творений святых отцов и богослужебных принадлежат митрополиту Вениамину. Пояснения в круглых скобках, а также внутритекстовые примечания – авторские, кроме помеченных Ред. (редакционных). Пояснения в квадратных скобках приводятся редакцией для уяснения текста.

Книга снабжена редакционными комментариями и Словарем богослужебных терминов.

Богоявление

I. Каков смысл праздника?

Праздник Богоявления, или Крещения Господня, – одни из самых чтимых в православной Церкви, по крайней мере в Русской: народа в храмах бывает столько, что обычно люди стоят еще и на дворе. А когда бывают крестные ходы на реку, то прибавляются еще тысячи. А впереди несут крест, иконы, хоругви. И освящают воду.

Отчего это? Ведь почти все не отдают себе отчета, в чем смысл праздника, почему такое торжество? Даже и мы, проповедники.

Припоминаю из прошлой моей жизни весьма характерный факт. Я был ректором Духовной семинарии. Инспектор, иеромонах И., назначен был очередным проповедником в кафедральном соборе. Готовя свое слово, он никак не мог найти удовлетворявшей бы его темы. Приходили мысли о смирении Господа пред Иоанном Крестителем, а следовательно – и о необходимости смиряться и нам... Помнилось, вероятно, школьное объяснение – об открытом Господом, доселе неизвестным народу, общественного служения Его; этого не знал даже сам Предтеча: в Евангелии говорится про фарисеев: *стоит среди вас Некто, которого вы не знаете (Ин. 1:26)*. И даже про самого себя Креститель говорит: *я не знал Его*, то есть лично, до крещения; *но для того я и пришел крестить Его в воде, чтобы Он явлен был Израилю* (ст. 31), то есть еврейскому народу; и вторично говорится: *я не знал Его; но Пославший меня крестить Его в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа, сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий* (ст. 33–34).

Да, этот смысл свидетельства Иоаннова имел больше значения для отца инспектора. Но и он не удовлетворял его. Ведь народ и ученики почитали Крестителя большим, чем Христа: того уже знали как необычайного, невиданного пустынножителя, к тому уже шли народные массы исповедовать свои грехи и креститься. А о «Плотнике из Назарета» они ничего

подобного не знали; знали некоторые, что Он – сын такого же плотника Иосифа (Мф. 13:55), что Он – Сын Марии (Мк. 6:3), – и только! Можно было бы припомнить про 12-летнего Отрока, изумлявшего в Иерусалиме ученых старцев Своими ответами и вопросами (см.: Лк. 2:41–50). Но то уже было 18 лет тому назад, и едва ли теперь кто-нибудь знал и помнил даже имя Его. Да и теперь знали ли Его имя? Ведь креститься к Иоанну приходило множество людей.

И дальше: если Он пришел креститься, то, значит, Иоанн выше Крещаемого; значит, и Он – такой же грешник, как и все?..

Оставалось одно: на Пришедшего, после крещения, сошел Дух в виде голубя и был услышан голос Отца: *Сей есть Сын Мой возлюбленный*. Это ясно видел Иоанн Креститель (Ин. 1:34). Увидел он, – сказано у Марка (Мк. 1:10). Но видели ли другие? Об этом в Евангелиях нигде не говорится, значит, этого необыкновенного свидетельства народ не знал. Правда, Предтеча говорил о грядущем Мессии (Помазаннике, Посланнике Божиим), о Христе, но ожиданием Мессии жили тогда все лучшие израильтяне. *Когда же народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне: не Христос ли Он?* (Лк. 3:15), Предтеча решительно отвергал это (см.: Ин. 1:20, 25–27). И только постепенно распространялось свидетельство Иоанново. Даже близкие к нему ученики его, когда Иоанн уже был заключен Иродом в темницу, были вдвоем посланы ко Христу: *Ты ли Тот, Который должен прийти или ожидать нам другого?* (Мф. 11:3). Конечно, не сам он в этом сомневался: это решительно было невозможно после всего; но привязанные к нему ученики колебались, и он, для облегчения их, и себя включил в число сомневающихся: «нам».

Следовательно, можно с твердостью сказать, что народная масса не имела особенных оснований предпочитать Христа Иоанну; даже и после того как он стал проповедовать о Нем: *вот Агнец Божий, Он есть Сын Божий, я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем* (Ин. 1:29, 33–34). Правда, он признавал, что является только посланником пред Ним, но не я – Христос (см.: Ин. 3:28). Сравнивал он себя с «дружкой Жениха», а никак не с Самим

«Женихом Христом». Но уже и этому Иоанн «радовался»: *сия-то радость моя исполнилась (Ин. 3:29)*. А теперь Ему должно *расти, а мне умяться* (ст. 30).

И потому он скоро после этого был посажен в темницу, а потом на пире Иродовом усечен.

Все это я распространил гораздо шире, чем сомневался отец инспектор.

Но его и это тогда не захватило бы... Его интересовал иной вопрос: почему и для чего Христос крестился? Если только для явления миру, то хотя это интересно и значительно, но не объясняет сущности самого крещения: а ему это-то и хотелось понять!

Увы! И я не мог тогда удовлетворить его; не мог объяснить Божественного смысла всего события: сам не понимал его... Неудовлетворенный, он сказал что-то незначительное, несущественное... Да и мне пришлось долго-долго ожидать откровения этого смысла. Требовалось вникать в прекрасные службы наши; читать проповеди святых отцов, отца Иоанна¹ и других; самому жить, по возможности, духовною жизнью; глубже всматриваться в простонародные обычаи празднования: они, по преданию может быть, скрывают глубокий смысл. Во всем этом, в сущности, действует Сам Дух Святой, руководящий Церковью, – согласно обещанию Господа: *когда придет Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину... Он... от Моего возьмет и возвестит вам (Ин. 16:13–14)*.

Господь оставил Церковь не без руководства, а обещал умолить Отца, да даст вам *другого Утешителя, да пребудет с вами во век (Ин. 14:16)*. И этот Утешитель, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам (ст. 26).

И творческое это руководство не прекращалось никогда, ибо сказано Господом: Дух Святой *пребудет с вами во век*. И не прекратится.

Где же оно? Вот во всех указанных выше путях... К ним можно прибавить еще и иконопись, и пение, и архитектуру. Короче сказать – в жизни ЦЕРКВИ БОЖИЕЙ!

И нашим духовно-учебным заведениям очень нужно бы вникать в церковные источники. А самочинные измышления очень легко могут повести к искажениям. Даже Священное Писание еще не ручается за несомненность истины. Протестанты тоже опирались на Писание. Сектанты помнят Евангелие гораздо лучше православных. А вот Церковное Предание, заключающееся – за Писанием – в творениях святых отцов, в богослужениях, в канонах, в так называемом обычном (от слова «обычай») праве, и проч., вот здесь – наши основные камни Церкви.

К сожалению, в наших школах мало знакомили нас с этими первоисточниками. В частности, иной раз думаешь: какого блага лишаемся мы, не вникая в святых отцов, в богослужебные книги, в проповеди современных богоносных творцов, и проч.! А вместо них пробавляемся поверхностными произведениями (или, как справедливо называют их, «сочинениями») современных писателей, даже и «богословов».

Вот и нам вскрылся смысл Крещения Господня именно из этих церковных источников, взаимно проверяемых одних другими... Это – непременно!

К ним мы потом и обратимся. А пока присмотримся и к собственным переживаниям, и к обычаям «народа» и Церкви, и к иконописи: так лучше мы подойдем и к главным источникам церковного учения в Писании, и в Предании, и в богослужении, и во святых отцах.

II. Воспоминания

Оставим пока ответ о смысле праздника под вопросом, а обратимся к воспоминаниям; и этим мы, может быть, подготовимся к главному предмету.

Вот детство. Суровая зима. «Крещенские морозы». Сочельник. Литургия – после обеда, к вечеру. Но никто ничего не кушает – до «святой воды», которая освящается в первый раз еще после литургии сочельника; а завтра будет крестный ход на реку, и воду будут святить вторично. Почему? – не думалось об этом. Отложим этот вопрос и сейчас. Так искони велось, «по уставу»: что тут думать?! И нынешняя вода завтра соединится с водой, принесенной с реки, и будет стоять целый год.

И, дивное чудо, она не портится! В этом все мы были уверены. И эта вера не теперь выдумана нами. Еще святой Иоанн Златоуст² († 407) говорил: «В сей праздник», в память крещения Христова, коим Он освятил естество вод, «около полуночи, все, почерпнув воды, приносят ее домой и хранят ее во весь год. И происходит явное знамение: эта вода в существе своем не портится от продолжительного времени; но, почерпнутая сегодня, она целый год, а часто два и три года, остается неповрежденною и свежее и после столь долгого времени не уступает водам, только что взятым из источников».

А я сам слышал, что это и теперь совершается. Однажды же мне сообщили, что вода эта не испортилась вот уже 45 лет!

Вспоминаю, что после принесения домой святой воды мы, отпивши от нее сами, кропили ею всё: и комнату (у нас был домик лишь в одну комнату), и коровник, и отделение для свиней, и погреб, – при пении «Во Иордане». Потом зажженную свечкою коптели кресты над всеми дверями. Никто не объяснял нам, почему это делалось, но мы делали это в той вере, что крестами закрывался вход в наше жилище и даже в скотские помещения «нечистому духу»... Потом мы увидим, что это имело глубокий смысл. Но почему именно на день Богоявления делалось знамение креста, этого мы богословски не могли объяснить, да и не думали: жили верою, но как-то связывали с

искуплением, с распятием, с крестом... Это вскрылось много после...

Затем уже садились за постный стол... На юге же России в этот сочельник, как и в Рождественский, делалась «богатая» (обильная) кутья. Считалось, что хотя еще не наступило шестое января, но праздник уже открылся: пропели «Во Иордане», освятили воду, постились до нее, а потом уже обедали, а точнее – вечеряли... Служба кончалась поздно, к вечеру, а утренняя начиналась завтра ранним утром. Но обед был постный: и это правильней, и по уставу. При Златоусте, как мы видели, крещенская служба совершалась ночью, как и на Пасху, только у нас позднее; а у сербов и теперь ночью.

А вот и полночь. Существует и доселе предание, что в 12 часов ночи вода «колеблется», как в Пасху солнце при восходе «играет». И одна монахиня говорила мне, что она сама и монахини видели это знамение в резервуаре около их фонтана.

Утром службы... И, не кончая литургии, трогался из церкви крестный ход на реку при пении стихир: «Глас Господень (то есть Иоанн Предтеча) на водах вопиет, глаголя...», «Днесь вод освящается естество, и разделяется Иордан...»

И всегда мне представляется множество народа... Даже больше, чем на Пасху: тогда кое-как размещались в храме, хотя давка была такая, что не было (как, например, в Ростове-на-Дону) никакой возможности протискаться после каждой песни канона; но на Крещение Господне народ никак не мог вместиться в храм, и большая часть, тысяч пять-шесть, терпеливо стояла во дворе в ожидании освящения воды... Какая требовалась вера! Какое христоподобное смирение! Какое терпение! Стояли по три-четыре часа!

Ах! От такой веры и сейчас хочется плакать слезами умиления! Нагнешься и заплачешь... Удержишься, поднимешь голову, посмотришь на это множество, и опять хочется плакать от радости... Едва-едва протискались мы до центра. А на реке, по льду, до высеченного восьмиконечного креста...

Зачитали паримии... Но никто их и не понимал, да и не до этого было: все терпеливо ждали освящения воды. А между тем, первая же паримия, из пророка Исаии, такая радующая!

Она говорит о процветании безводной пустыни: Тако глаголет Господь! Даже приведу (для ясности) по-русски: *Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, и расцветет, как нарцисс! Великолепно будет цвести и радоваться... Укрепите ослабевшие руки и утвердите колена дрожащие! Скажите робким душею: будьте тверды, не бойтесь; вот – Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие! Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь... И превратится... жаждающая земля – в источники вод... И будет там большая дорога; и путь по ней назовется святым... Льва не будет там, и хищный зверь не взойдет на него... а будут ходить искупленные... И радость вечная будет над головою их! Они найдут радость и веселие, а печаль и воздыхание удалятся!* (Ис. 35).

Какая торжествующая песнь расцвета «пустыни»!

И захотел я однажды посмотреть предыдущую главу: почему говорится в следующей – о расцвете? Что было перед этим? Почему и как земля сделалась пустыней?

Приведу выдержки и оттуда... Печальная картина!.. *Приступите, народы! Слушайте и внимайте племена!.. Гнев Господа на все народы... Он предал их заклятию, отдал их на заклятие... День мщенья у Господа, год возмездия – за Сион! И превратятся реки его в смолу... Земля... будет от рода в род оставаться опустелою; во веки веков никто не пройдет по ней. И завладеет ею пеликан и еж; и филин, и ворон поселятся в ней... Никого не останется там из знатных ее, кого можно было бы призвать на царство, и все князья ее будут ничто. И зарастут дворцы ее колючими растеньями, крапивою и репейником – твердыни ее; и будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов. И звери пустыни будут встречаться с дикими кошками... И коршуны будут собираться один к другому... Ни одно из сих не преминет прийти, и одно другим не заменится!* (Ис. 34).

Вот такая мрачная картина! И вдруг после этого мы слышим: «Возвеселится пустыня и расцветет, как нарцисс!», «будет радость и веселие!»

И такая же радостная паримия вторая (Ис. 55): о силе и спасении Израиля Господом, Божиею помощью.

Из этого содержания паримий видно, что они имеют целью обрадовать верующих расцветом спасения, пришедшим на Иордан Спасителем, доселе бесплодных, пустых душ наших. Впрочем, об этом еще я преждевременно заговорил: о богослужении буду писать после.

Упомянул я уже о фигуре креста, высеченного во льду. В Ростове же на дворе стоял крест, слепленный из льда. То и другое было красиво. Кресты – на дверях. Но к чему на Крещение крест? Это стало мне понятно уже давно, лет 30 тому назад, когда я занимался вопросом об Искуплении. Тогда вскрылся мне такой смысл: все Искупление, как известно (Флп. 2:1–11), есть дело «истощания», уничтожения, смирения Воплотившегося Господа, Сына Божия; и оно началось с первого же явления Его миру. Но и об этом отложу до объяснения смысла праздника; сейчас же ворочусь к воспоминаниям.

Когда началось самое освящение, когда запели «Во Иордане», неожиданно кто-то из богомольцев выпустил заранее приготовленных голубей. Все мы поняли, что это было сделано в память Святого Духа, явившегося при выходе Господа из Иордана и почившего («пребысть») на Крещенном Христе. Это, конечно, не был голубь, – а «как» голубь, «в виде голубине», хотя и «в телесном виде», то есть в явственном, видимом, вещественном виде (Мф. 3:16; Лк. 3:22). Почему явился Дух Святой в виде именно «голубя», у святых отцов существует несколько объяснений. Во-первых, говорят они, голубь – птица кроткая и любящая чистоту: это символизирует смирение Господа Иисуса Христа, смилившегося до крещения от раба и очистившегося от «грехов мира» (Ин. 1:29), взятых Им на Себя; во-вторых, в знамение примирения людей с Богом, подобно тому как Ной выпускал голубицу; причем один раз она возвратилась, не найдя себе сухого места для ног, что могло означать еще неготовность мира для примирения с Богом, а во второй раз уже осталась с миром, то есть для спасения его Христовым искуплением, примирившим мир с Богом. И до

нынешних дней голубь является символом мира, примирения. А для этого примирения собственно и пришел Господь на землю (2Кор. 5:18–21): Он «примирил» нас с Отцом собственной жертвою на Кресте.

Но этот символ – не единственный. В день Пятидесятницы Дух Святой сошел на апостолов в виде «как бы огненных» языков (Деян. 2:3), что знаменовало приготовление апостолов к проповеди на разных языках (ст. 6) и очищение огнем от грехов. И огонь есть символ света, которым просветился на Фаворской горе Господь Иисус Христос (Мф. 17:2; Лк. 9:29); и праведных ожидает солнечный свет в Царстве Отца их (Мф. 13:43); и который доселе почивает на угодниках Божиих, как, например, на преподобном Серафиме.

Но воротимся еще к воспоминаниям. Здесь я сейчас расскажу о чудесном видении огня при крещении. Этот случай я сам читал в рукописи усопшего епископа (бывшего Благовещенского) Иннокентия (Салотчина)³. В Алтайском крае нужно было крестить одного язычника. Это было в храме. Крестным отцом был дядя крещаемого. И вот, в то время, когда священник освящал воду в чане и начал говорить слова: «Сам и ныне прииди и освяти воду сию Духом Твоим Святым», крестный, со всею непосредственностью дитяти природы, громко закричал: «Это и со мной было? И со мной было?» Что же он увидел? С купола церкви сошел в воду огонь и как бы растаял в ней. Потом доложили об этом чуде епископу, и он назначил комиссию для расследования совершившегося чуда. В эту комиссию и назначен был архимандрит Иннокентий, впоследствии епископ. Все в точности подтвердилось под присягой.

Следовательно, и теперь при крещении и вообще при освящении воды совершается такое же действие Духа Святого.

Еще припоминается другой случай, рассказанный мне самим очевидцем. В Париже, в архиерейском соборе, на день Богоявления совершали освящение воды. И при тех же словах, как и у священника, из бочки выскочили бесы в видимом образе человека. Это видел своими глазами мой знаемый и друг, писатель П.К. Иванов⁴, человек необычайной религиозности, а

прежде переживший многолетнее безбожие. Дивны дела Твои, Господи!

Расскажу и про иконы. Мне пришлось видеть в храме Сергиевского подворья (в том же Париже)⁵, где Господь был изображен совершенно нагим, как об этом и говорится в крещенских службах, – в полуоборот к Крестителю. Это имеет свой смысл, но о нем – далее речь, когда мы сосредоточимся на богослужении.

А в воде, в виде злого человека, попираемого Крещаемым Господом, лежит диавол, лицом к смотрящим. И это – до последующего.

Но для нас более известно необыкновенное, исключительно восторженное (разве кроме пасхального христосования в храме, на утрени) настроение молящихся при освящении воды: с какой верой и жаждой они стремятся подставить свое лицо под окропление! Как они усердно черпают воду из кадок и ведер! Как они благодарны и радостны, когда в их бутылочки, чайники, чашки или просто на руку каплет хоть одна капелька с кропила! Какой восторг!.. Истинно, плачется от радости... И понесут они потом святую воду по домам своим и окропят их.

И в этом водосвятии православные люди и видят собственно таинственный смысл Богоявления и Крещения. Пусть они не поняли паримий, пусть они не всё уразумели в ектениях и молитвах чина освящения, но они услышали блаженные слова: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи», – и исполнились веры, радости, восторга, и устремились за святой водой. Это привлекло их сюда в небывалом множестве! В этом они, по верному чувству, видят смысл Крещения Господня... Но об этом тоже дальше скажу. Сейчас же только отмечаю, что православный народ приходил в храмы и во дворы именно для того, чтобы получить благодатную святую воду, чтобы благодатию освятить свое жилище, чтобы хранить эту благодать Божию в бутылочках.

И мы, еще детьми, бывало, бежим домой, закрывая руками в перчатках лица от крещенских морозов. Уже не заходим и в церковь, где должна еще заканчиваться литургия, но нам уже не до этого, да мы и не знали того... А главное ведь совершилось:

благодатная святая вода – в руках... А потом разговенье от вчерашнего поста... Тепло... Радостно на душе... Боже! Сколько у нас, верующих, красоты и смысла!

Не хочу я забывать и еще одного небывалого обычая... Несмотря на лютый мороз и холодную, обжигающую воду, ежегодно находились люди, которые, предварительно раздевшись и накрывшись только верхней одеждой, после «Во Иордане» бросались в ледяную воду, откуда их вытягивали на снег и одевали. Иные бывали больными и хотели получить благодать исцеления, как расслабленный 38 лет при Овчей купели, исцеленный словом Господним (Ин. 5:1–9); или как слепой от рождения, помазанный Спасителем «брением от плюновения» Его и умывшийся в Силоамской купели (Ин. 9:1–8). Другие же хотели омыть свои грехи; особенно хотели очиститься от святочных гаданий и греховных масок, – что православные (и справедливо) считали «нечистым», демонским делом... И в этом, как увидим, есть свой смысл. Но эти купанья были не всегда.

А у греков в этот день был другой обычай: после освящения бросали крест в море – и несколько человек кидалось за ним; и кто находил крест, тому давали премию.

Насколько люди дорожат святой водой, видно из того, что даже (теперь) скрывающие свою веру, хотят хоть у других тайком взять бутылочку ее себе. А в прежнее время, в мою молодость, даже ежемесячно священники ходили по селу и совершали сокращенный чин водоосвящения, окропляя жилище...

Помню, в день «Егория» (или: Георгия, в «Юрьев день»), 23 апреля старого стиля, выгоняли лошадей и скотину на луг и освящали их. Помню, как хозяин окроплял священническим благословением и освящением поле, чтобы саранча или какие-нибудь вредные жучки и букашки не испортили посева... Русь верила...

Еще хочу рассказать про необыкновенный случай со мной. Когда я был ректором в Таврической Духовной семинарии⁶, то после освящения воды в сочельник, пошел освящать многочисленные строения... И вот какое необычайное

ощущение: я чувствовал себя... легким! Казалось, еще немного, и я полетел бы... Никогда ни о чем подобном я и не думал, нигде не читал, ни от кого не слышал, – и вдруг такое ощущение... Как это понять? – Не знаю. Но тогда мне пришло следующее объяснение: это – плод святой воды, с которой я ходил по двору. И такое ощущение продолжалось долго со мной... Мне пришла тогда мысль: наша теперешняя тяжесть, или дебелисть, есть результат нашей плотскости, нашего падения. А вот же ходила по водам преподобная Мария Египетская; перенесен был по воздуху к Даниилу в ров пророк Аввакум с пищей; апостола Филиппа восхитил ангел Господень и перенес в Азот от Иерусалима (Деян. 8:39–40). И сколько таких чудесных случаев!

Духовное, утерянное нами, состояние – было совсем иное! И не было ли дано мне, окаянному, хоть в ничтожной степени почувствовать это? И именно в день Крещения Господня, когда благодать подает и нам тонкость?

О подобном случае мне пришлось услышать позже, лет через двенадцать-тринадцать. Я был в Сербии законоучителем, духовником и священнослужителем в учебном заведении⁷. Однажды ко мне приходит ученик, лет пятнадцати, и заявляет, что после нынешнего причащения он почувствовал, будто совершенно потерял свой вес. И он спрашивал меня: что это значит? – Никто ему об этом не говорил, я же и сам никогда не испытывая после причащения ничего подобного, и в книгах нигде не читал, в молитвах же по причащении об этом нет и намека. Потому объяснить юноше этого явления решительно не мог и предположил, что это – плод причащения, одухотворение, подобное тому, какое произошло и после воскресения Господа: Он являлся и исчезал, проходил дверем затворенным; явился и ученикам после ночной и бесплодной ловли рыбы, и так далее. А причащение действительно сравнивается с воскресением Христовым, потому мы и читаем после причащения: воскресение Христово видевшие... Светися, светися... О Пасха велия и священнейшая, Христе. Потом Господь вознесся. Апостол Павел был вознесен *до третьего неба, не то в теле, не то без тела, не знаю: Бог знает* (2Кор. 12:1–5). И все это –

еще на этой земле. Значит, возможны и для нас подобные состояния... Конечно, мы недостойны этого... Но сказал Иоанн Креститель: *не мерою дает Бог Духа* (Ин. 3:34).

На этом мы и закончим свои воспоминания.

III. Благодатное Царство

Вот теперь я и перейду к выяснению главного смысла праздника. Не легко это дается. У святых отцов многократно отмечается, что крещение Христово, – как, впрочем, и все во Христе, от рождения до вознесения Его, – есть великая тайна... Поэтому и мы скажем, елико можем.

Вон даже и Иоанну Крестителю Господь не стал объяснять, почему Он должен креститься от него. И только, когда он смиренно сознавался: *мне надо креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?* сказал ему в ответ: *оставь теперь; ибо так надлежит нам (с тобой) исполнить всякую правду* (Мф. 3:14–15). Вот какой сокровенный ответ! В самом деле, все же остается вопрос: почему это было нужно? и какую всякую правду Им надлежало исполнить? Так поступил Господь с Иоанном. Однако же теперь, когда совершилось (Ин. 19:28, 30) уже все «домостроительство» спасения нашего, нам нужно попытаться вскрыть смысл крещения Господня, сколько можем. И теперь нам в этом помогут и богослужебные книги, и отеческие проповеди, и даже церковные обычаи.

Мне не сразу открылся основной смысл крещения Господня. Но когда я прочитал проповеди святого мученика Ипполита, папы Римского⁸ († 235), а особенно отца Иоанна Кронштадтского († 20 декабря ст. стиля 1908 г.) в неделю по Просвещении*, сразу озарил меня свет – и все стало ясно.

Но прежде чем говорить об этом свете, сначала нужно раскрыть о тьме, которая лежала до крещения Господня на всем ветхозаветном мире и доселе лежит на язычниках, неверующих и на не кающихся грешниках. Для этого я прежде всего сошлюсь на апостола Павла.

Вот что тогда было.

Открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою; ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им; ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания

мира и через рассматривание творений, видимы, так что они безответны.

Но как они, познавши Бога, не прославили Его как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели; и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, то и предал их Бог, в похотях сердец их, нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки. Аминь.

Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их изменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение.

И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы; исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия; злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы.

Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют (Рим. 1:18–32).

Таково было язычество: безбожие, идолопоклонство, животнопоклонение, небывалая срамота, злоба, гордыня и проч. И в заключение всего – даже одобрение делающих беззакония!.. Одобрение беззаконников! Подумать только!

Но был ведь и другой мир, по-видимому – иной: мир «избранного» Богом народа, мир иудеев. Они почитали истинного Бога, не общались с язычниками, не впускали их в храм свой, имели обрезание, славились законом, были и святые у них: Моисей и пророки; и мудрецы; и религиозные братья

Маккавеи, и целомудренные Сусанны, и праведные Симеон и Анна. Но вот как характеризует их апостол:

Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое: во-первых, иудея, потом и элина (язычника)... Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся (Рим. 2:9, 12).

За что же осудятся они? Ведь они были верующими, да еще обрезание и закон имели от Моисея? На это апостол так отвечает:

Вот ты называешься иудеем, и успокаиваешься законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее... и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины. Как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас имя Божие хулится у язычников (Ис. 52:5; Иез. 36:20). Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием... и необрезанный по природе не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании? Ибо не тот иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога. Итак, какое преимущество быть иудеем, или какая польза от обрезания? (Рим. 2:17–29, 3:1).

Итак, что же? Имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что, как иудеи, так и эллины, все под грехом (Рим. 3:9).

Таким образом, иудеи были лишь лицемерные обрядоверы и, имея закон, подлежали большему осуждению.

Если кто хочет подтверждения этой вины и из исторических источников, тот пусть обратится и туда, и он увидит, как духовно

опустился иудейский народ! Постоянные восстания, политическая борьба, революции, – вот картина жизни пред Христом. Наконец, Иудея подпала под власть Рима: ему, – как и прежде другим, – надоели эти постоянные возмутители общественного спокойствия, и с ними решено было покончить. В 70-м году по Рождестве Христовом Иерусалим был взят римлянами и разрушен. Но и это не уничтожило буйного народа: беспокойный элемент везде давал поводы к восстанию против евреев.

Есть еще и третья «держава»^{**}, лежавшая в основе тех народов, – держава дьявольская. Некоторым нежелательно верить в нее. Пусть! Но она – есть! Эта держава начала свою власть в мире после того, как первые люди своим непослушанием в раю захотели освободить себя от власти Божией над ними. И Адам ссылался на жену Еву, данную ему Богом; Ева же – на змия, вместо того чтобы обоим смиренно покаяться в грехе непослушания и тем получить себе милосердное прощение. Ведь покаяние есть утверждение правды Божией, а потому оно свидетельствует о правильности духовной основы падшего человека и заслуживает помилования и прощения. Но первые люди, вместо покаяния, встали на путь самооправдания; следовательно, они не себя обвинили, а Бога, и, значит, заявили себя врагами Божиими. Что же оставалось делать с ними? Удалить их от Себя. Да они сами уже удалились своим самооправданием и должны были оставить рай послушания Богу и теперь – подчиняться тому, кого уже послушались и продолжали слушаться своим самооправданием, то есть соблазнителю, искустителю, богоборцу – дьяволу.

Как свободные, они вольны были избрать себе желаемый путь мнимой свободы, а в сущности – повиновения врагу Божию, который уже прежде их отпал от Бога с множеством небесных духов. И когда Господь создал вместо них невинных людей, то враг, по зависти своей к ним, и задумал их соблазнить на свой путь противления Богу. И, соблазнив их, приобрел в свою власть новых подданных, тоже уже испорченных, падших людей с их наследниками, с теми же

задатками непослушания, самости, озлобления, богоборчества, о чем мы уже слышали от апостола Павла. И он сам сначала был гонителем христиан и Христа, пока до него не коснулась милость Божия и не явилась ему на пути его новых намерений – гнать христиан и в Дамаске.

И люди, с прародителей, впали в плен диаволу. А что есть его держава, это видно из Священного Писания и из горького опыта жизни человечества. У апостола Павла читаем, что Господь для того и пришел на землю, *чтобы смертью Своею лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола* (Евр. 2:14).

То же самое говорит и апостол Иоанн: *Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола* (1Ин. 3:8). И когда диавол искушал Господа в пустыне, то показал Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: *все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне* (Мф. 4:8–9). Дать кому-либо можно лишь то, что принадлежит тебе: иначе как будешь распоряжаться чужим, а не своим? И Сам Господь называет диавола «князем мира сего» (Ин. 12:31, 14:30, 16:11). И Церковь часто говорит в своих богослужениях о «смертной державе» его.

А какова была сила его над людьми, видно и из того, что он покушался прельстить Самого Господа (см.: Мф. 4:2–11); и в Евангелии указывается множество случаев изгнания Господом из людей и бесов. И с какою властью, безбоязненностью и силою! Я всегда удивлялся этому. И со Христом – мы сильны. Опыт же жизни истории человечества говорит нам, что без Него, без Христа, бесы имели и доселе имеют страшную силу над человеком.

Сообщу о том, что слышал я от английского миссионера в Лондоне: «Кто не был среди язычников, тот не знает еще силы диавола над некрещеными. И лишь там, среди них, видишь воочию его господство». Да так и должно быть! Не иначе! Без Христа Спасителя род человеческий находился в плену у диавола. И для исхищения от этого плена и нужен был Избавитель (Рим. 11:26). Он не мог быть человеком, так как сам подлежал бы освобождению; не мог быть и ангелом, ибо и пленитель-диавол сам был ангелом. Избавителем мог быть

лишь Всесильный Господь Бог. И Он был послан Отцом Небесным для этого. Но не сразу после падения прародителей. А прошло несколько тысяч лет. Для чего? – Для того, чтобы люди сами узрели, до какой степени падения может дойти человек без Божией помощи и что нет иного помощника, кроме Господа!

И вот это время пришло... Для этого воплотился Сын Божий.

Это мы и праздновали на Рождество Христово. Славное было это празднество! Но мы, христиане, радуемся этому только теперь. А во время воплощения и рождения Христа Спасителя об этом могли знать лишь немногие. И, когда Христу исполнилось уже тридцать лет, пришло время началу избавления. Для этого и пришел Господь на Иордан; а Иоанн пришел из пустыни.

Теперь мы оставим вопрос о том, почему Господь начал Свое служение с крещения... Об этом будем беседовать после.

Здесь же сосредоточимся на мысли о том, КАКОВА БЫЛА ЦЕЛЬ ЕГО ПРИШЕСТВИЯ? Для этого мы и остановились так надолго на предшествующем состоянии мира пред Христовым явлением. Апостол Павел пишет к ефесянам: *Каждому из нас дана благодать по мере дара Христова. Посему и сказано: восшел на высоту, пленил плен и дал дары человекам (Пс. 67:19).* А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли (Еф. 4:7–9). А «пленил плен» означает освобождение плененных, отнятие их у пленивших. Пророк Исайя задает такой вопрос: *может ли быть отнята у сильных добыча? И могут ли быть отняты у победителя взятые в плен?* И сам отвечает: *Да! так говорит Господь: и плененные сильным будут отняты, и добыча тирана будет избавлена; потому что Я буду состязаться с противниками твоими и сыновей твоих Я спасу (Ис. 49:24–25).*

Необходимо было, чтобы спасти человечество явился Сам Господь: *...всякая плоть узнает, что Я – Господь, Спаситель твой и Искупитель твой, Сильный Иаковлев (ст. 26).*

Да! освободить пленников от победителя-дьявола мог только Сын Божий, Бог. Для этого Он и пришел, и воплотился.

Для этого Он и открывается теперь крещением на Иордане. Много смыслов Крещения Господня.

Но мы теперь подробнее остановимся на самом существенном, на том именно: какая ЦЕЛЬ пришествия Христова?

Ныне – начало восстановления погибавшего Царства Божия. Доселе оно было похищено врагом Божиим, а теперь пришло, приблизилось время быть Царству Божию (Мф. 3:2, 4:17, 10:7; Мк. 1:15; Лк. 10:9, 11).

Читающий Евангелия и Деяния не может не обратить внимания на то, как часто в них употребляется это слово: «Царство»... Даже и в молитве Господней мы постоянно читаем: «Да приидет Царствие Твое»; «Яко Твое есть Царство». Блаженное, славное, Божественное, сверхъестественное бытие! В Боге оно – Божье, а в нас – по благодати, по дару Святого Духа, – следовательно, благодатное Царство. Таково оно и было в раю, в прародителях.

– Это Царство Мое, – сказал Господь Пилату, – не от мира сего.

– Итак, Ты Царь? – недоуменно спрашивает Пилат, не зная никакого царства иного, кроме земного.

– Я – царь. Я на то родился (на земле) и на то пришел (с неба) в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего (Ин. 18:36–37).

В чем истина? Скептика Пилата ничуть не интересовал какой-то философский вопрос: что есть истина? И он, не дожидаясь ответа от Господа, опять вышел к иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем (ст. 38).

Но он напрасно отнесся легкомысленно к слову «истина». Пилат подумал, что Христос – безвредный мечтатель, и только. Но знающий Господа мог ли так отнестись к Его слову? – Никак! Что же оно значит? И кажется, что оно совсем не вяжется с словом «Царство». На самом деле – не так. Есть два мира: один – подлинный, другой – призрачный. Еще Царь Давид, который уж и по опыту своему знал, что такое – царство, сказал о нем унижительно: *Подлинно... человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится, собирает сокровище и не*

знает, кому достанется оно. Подлинно, совершенная суета – всякий человек живущий (Пс. 38:6–7). А если «призрачен» сам человек, то тем паче – земной мир, которым он пользуется как средством. Где же тогда мир настоящий, подлинный? О нем и говорит Царь Давид: Век мой – как ничто (нуль, – говорим мы теперь) пред Тобою. А потому, Ты скажи мне, Господи, кончину мою (ст. 5, 6): там лишь у Тебя и в Тебе – истинная жизнь вечная (1Ин. 5:20). Ты Сам открыл имя Свое: Я есмь Сущий! так скажи сынам Израилевым: Сущий послал Меня к вам (Исх. 3:14).

В собственном, истинном, смысле – только Один Бог истинно существует! А все прочее существует постольку, поскольку Он есть и дает всему бытие. В Нем подлинная жизнь. В Нем и подлинное Царство. Вот это – истина. А что Пилат и евреи считают таковою, это – «призрак», не подлинная жизнь.

Христос пришел проповедовать об истинной жизни, об истинном, Божием Царстве; а земное – падшее, испорченное царство; кривое зеркало с Божьего Царства. Это – призрак! В самом деле: умрет человек – и прах лишь останется от него. Стоит ли такую жизнь называть «царством»? И потому смотрите, как равнодушно относился Христос к Пилатову царству. Для Христа оно было как ничто, как мираж, как призрак, а не «истина». А Пилат скептически отнесся к истине... Да и он ли один?

Это Божье Царство вот начнет бороться против земного, – что люди считают «настоящим»... И триста лет оно будет страдать, но все же победит мир (см.: Ин. 16:33). Христианство восторжествует. Рим падет. Римское царство развалится. О, если бы Пилат это знал!

Потом и весь земной мир приидет. Будет новый мир, новое Царство, новое небо, новая земля, *на которых обитает правда* (2Пет. 3:13), Царство Божие, Царство Отца (Мф. 26:29), Царство благословенных Отца... *уготованное от создания мира* (Мф. 25:34), «жизнь вечная» (ст. 46), «Царство Христа» (Еф. 5:5), Царство Мое... *Царство Мое не отсюда* (Ин. 18:36). *Царство мира сделается Царством Господа* (Апок. 11:15).

Вот об этом Царстве и пришел Господь проповедовать ныне, начав с крещения Своего. Это Царство устроится Духом Святым, или благодатию Его. Потому оно и должно быть названо «Благодатным Царством».

Где же это Царство?

Оно на земле назовется Церковью Христовою (Мф. 16:18). И суть его будет заключаться В БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ. Потому на Крещение Господне читается Апостол из послания к Титу. Вот оно: *явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнувши нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы Великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа... Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости банею возрождения и обновленья Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатию, мы по упованию сделали наследниками вечной жизни. Слово это верно; и я желаю, чтобы ты подтверждал о сем (Тит. 2:11–13, 3:4–8).*

Как видно, крещенский Апостол во главу, или в основание, христианской жизни ставит именно БЛАГОДАТЬ Святого Духа, даруемую нам через Господа Иисуса Христа. Так же точно говорится и в прочем Новозаветном Писании. Укажем на это. Самое Евангелие называется «Евангелием благодати» (Деян. 20:24). *Велия благодать была на всех христианах (Деян. 4:33).* На Пасху мы читаем в Евангелии: *мы сделали чадами Божиими (Ин. 1:12), ибо от Бога родились (ст. 13); и это даровано по вере во имя Его, то есть Христа: Он, Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, и эта благодать и истина произошли чрез Иисуса Христа (Ин. 1:14,16–17).* И на Воскресение Христово не читается Апостол об этом, вопреки общему порядку на двенадцатые праздники, а читается Слово Божие именно о «благодати» через Христа.

Легко заметить и то, что почти все послания апостола Павла и начинаются и кончаются словами о благодати: *через Христа Господа мы получили благодать и апостольство на проповедь о Нем; и всем... благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (Рим. 1:5, 7; 1Кор. 1:9; 2Кор. 1:2; Гал. 1:3; Еф. 1:2 и т.д., и т.д.). Исключением является только Послание к евреям, которое начинается без этого приветствия, но кончается, как и все, тем же пожеланием: *Благодать со всеми вами* (Евр. 13:25; 1Пет. 1:2; Апок. 22:21 и т.д.).

Да что много говорить об этом, если Сам Господь в последней прощальной беседе говорит скорбящим ученикам: *Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам... Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину* (Ин. 16:7, 13).

Я еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить (ст. 12). *Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек* (Ин. 14:16), *Дух Святой... научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам* (ст. 26).

И конец Христова дела был в день Пятидесятницы, когда Дух Святой сошел на человечество, в лице апостолов (Деян. 2:4), и потом и на три тысячи человек (ст. 38–41); после – на пять тысяч (Деян. 4:4). И стала возрастать Церковь Божия в Духе Святом, несмотря на гонения, и даже отчасти – вопреки и благодаря им. *Слово Божие росло, и число учеников весьма умножилось* (Деян. 6:7). Савл стал гнать и терзать Церковь в Иерусалиме, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу... Все, кроме апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии. Но рассеявшиеся ходили и благовествовали слово (Деян. 8:1–4). И Христово учение распространялось и распространялось...

Вообще, жизнь ХРИСТИАНСКАЯ ЕСТЬ ЖИЗНЬ В СВЯТОМ ДУХЕ... Послания полны учения о Духе Святом, особенно к Римлянам (Рим. 8), вся книга Деяний, где излагается жизнь первых христиан (Деян. 1:8, 2:17, 5:32, 8:18 и т.д.). Христиане

называются «духовными» (Гал. 6:1; 1Кор. 3:1 и т.д.). Евангелие от Иоанна, как известно, называется «духовным».

Особенно нужно обратить внимание на преподобного Серафима Саровского⁹. В известной беседе его с Мотовиловым¹⁰ он прямо сказал, что сущность христианства состоит в стяжании благодати Святого Духа... И это в настоящее время, когда христианство стало заключаться в вере во Христа и в обрядности, нужно нам всем помнить, что такое понимание есть «новоиудаизм»... А мы, грешные и даже недостойные носить это великое имя, и перестали думать о благодатном Духе его! Нас, пустых монахов, преподобный Серафим уже назвал «черными головешками»... Он – такой смиренный!

И славный епископ Феофан Затворник¹¹ в своих письмах против «пашковцев»¹² (теперешних сектантов, баптистов и др.) в том именно их обличал, что они во главу угла поставили веру во Христа. Конечно, это необходимо. Но цель, но сущность Христова дела – излияние Духа Святого, которого лишились падшие ветхозаветные люди. Поэтому Он и называется «Духом Христовым» (см.: Рим. 8:9), то есть посылаемым во имя Его, но исходящим от Отца чрез Сына (см. «Письма к разным лицам»). А мы и не думаем об этом. Да и самая вера во Христа – есть дело Святого Духа (см.: 1Кор. 12:3).

Да что больше говорить, когда Сам Спаситель отнес в Назарете слова пророка Исаии к Себе: *Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать (Ис. 61:1)*. И начал говорить слушателям, что на Нем *ныне исполнилось Писание сие... И все свидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходящим из уст Его (Лк. 4:18–22)*.

Не будем далее вдаваться в различение Духа Святого и благодати Его; скажем только: первое относится к Нему по существу, а второе к христианам – по дару, как действие Его, как «плоды» (Гал. 5:22; Еф. 5:9).

Я так долго и много остановился на этом вопросе, чтобы понять сильнее дело Христово и смысл Его крещения и нашего.

Вот проповедь о восстановлении «Благодатного Царства» и есть это дело Его: *Я на то родился и на то пришел в мир (Ин.*

18:37), – сказал Он Пилату; потому Он и начал Свою проповедь со слов: *Дух Господень на Мне*; потому и стал проповедовать Евангелие Царствия Божия и стал говорить: *исполнилось время, и приблизилось Царствие Божие; покайтесь, и веруйте в Евангелие* (Мк. 1:14–15; Мф. 4:17).

Потому Он после искушения от диавола (Мф. 4:1–11) начал набирать Себе помощников-апостолов (см.: Мф. 4:18–22); начал творить чудеса, исцеления, изгнания бесов, проявлять Свою царственную власть над природой, прощать грехи людям (см.: Мф. 8–9), то есть показывать «благодатное Царство Свое».

IV. Крещение Господне

Но зачем же Безгрешному нужно было креститься, как другим грешникам?

Прежде всего мы должны обратить внимание на ответ Господа Иоанну, когда тот стал со страхом противоречить Ему: *мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?* А Иисус сказал ему в ответ: *оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф. 3:14–15). Смотрите, как прикровенно Он ответил Крестителю! Можно сказать, отказался от объяснения: оставь теперь, и про какую-то «правду» упомянул. Но смиренному Иоанну достаточно было и этого: он знал Кто пред ним стоит! *Тогда Иоанн допускает Его* (ст. 15) и крестит.

Не будем пока допытываться и мы. А подобно Иоанну, смиренно послушаемся Господа. Ведь дела Божественные непостижимы нам, пока их не откроет нам Дух Святой (см.: 1Кор. 2:10–12). *Мы не знаем даже, о чем молиться, как должно; но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными... Он ходатайствует за свярых, по воле Божьей* (Рим. 8:26–27).

И если Господь сказал Иоанну: оставь, нужно было оставить. Так и сделал он, без всякого дальнейшего возражения и даже вопрошания... Сразу оставил и крестил безмолвно.

О, как прекрасно, как умирительно, как разумно поступают те, кто не говорит: *если не увижу... если не вложу перста моего в раны... не поверю* (Ин. 20:25).

Какая вера! Какое доверие! А pytanie, осязание свидетельствует еще о плохой вере и о недостатке любви к тому, кого хотят пытать... Плакать даже хочется... Ах, мы – окаянные пытатели! Потому и Господь не осудил Фому: *ты поверил, потому что увидел Меня*: это не дивно, не высоко и не любовно. А вот *блаженны не видевшие и уверовавшие!* (Ин. 20:29)... И воистину, эти – достойны ублажения, прославления, умиления... Как дети! Недаром сказал Господь ученикам: *если... не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф.

18:3). И Он обнял дитя (Мк. 9:36). А в другой раз, когда они не допускали приносящих детей матерей, чтобы Христос хоть прикоснулся к ним, Он даже вознегодовал и сказал им: *пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им; ибо таковых есть Царствие Божие... И, обняв их, возложил руки на них и благословил их* (Мк. 10:13–14, 16).

...Как хороша «детская» вера! Как она сладка! Вот и Иоанн, по смирению, задал только один вопрос: *мне бы надобно креститься от Тебя*, и, не получив от Господа ответа, кроме общего указания: так нужно, так надлежит, – послушался, повиновался Господу.

Так бы и нам следовало... Какая заслуга, если мы осязаем? Да и что мы, без Духа Святого, поймем? Все ведь от Духа!

Крестился Господь – и совершенно довольно бы вам! Нет, а мы все пытаем: да зачем? да почему? да как?.. «Бедные» мы (Рим. 7:24). *Блаженны не видевшие, но уверовавшие!* И это был лучший ответ Крестителю: *оставь!*

И теперь, – и то с неохотой, даже со скорбью, – приступим, по немощи своей продолжим размышлять над вопросом: зачем Христос крестился? ...Прости нас, Господи, за эту гордую пытливость! Сознаем свой грех, низость свою... Ты знаешь немощь нашу безумную... Помилуй нас! Вон Иоанн повиновался, но за то удостоился видеть и Духа Святого и услышать глас Отца... Не лиши же и нас этого! Ты, Отче Небесный, Сам заранее «послал» Иоанна крестить Христа в Иордане и еще указал признак Его: *на Кого увидишь Духа сходящею и пребывающею на Нем, Он есть* (Ин. 1:33). А это нужно было для того, чтобы Он явлен были Израилю (ст. 21).

Следовательно, крещение было нужно, чтобы Крещаемый Христос был открыт Израилю, а потом и всему миру, и нам, недостойным... Ведь до сих пор о Нем знали очень немногие... Он же, – как мы видели, – должен был начать величайшее дело спасения человечества, устройства и воссоздания благодатного Божия Царства... И вот величайший *из рожденных женами* (Мф. 11:11), чтимый народом, крещавший приходивших к нему, свидетельствует: *я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий* (Ин. 1:34)... *Агнец Божий, Который берет на Себя*

грех мира (ст. 29), Который будет крестить Духом Святым (ст. 33) верующих, эту пшеницу, а солому, то есть бесплодных, безблагодатных людей, сожжет огнем неугасимым (Лк. 3:17; Мф. 3:11–12).

Вот первое назначение крещения Господня.

И такое значение понятно нам. Так, когда цари назначают полководца – отнять у врагов захваченное ими пространство родины, дают ему документированный приказ, что ему поручается это дело, что он – действительный, на то уполномоченный человек. И все это знают. Он идет на ответственное дело – воевать за свою родину.

Но оно имеет не самое важное значение. Нужно, чтобы он обладал соответствующими дарованиями, способностями, знаниями, силой, а не был немощный или больной. Для этого и даны ему исключительные права. Так и теперь. Но пойдем постепенно.

Христос сначала крестился. И вошел в воду нагим. Об этом, как увидим, не один раз будет говориться и в богослужебной части. Правда, обычно на иконах рисуют Господа, на Котором средняя часть тела обвязана покровом. Но это делается, прежде всего, из нашего целомудренного отношения к Господу, а отчасти – по ложному стыду нашему; а ведь Господь создал Адама и Еву нагими, и они не сознавали никакой скверности от этого. И дети вначале совершенно не стесняются ни своей, ни чужой наготы, как невинные. Наготу же свою прародители увидели уже после грехопадения. *И открылись глаза у них обоих, сказано в Библии, – и узнали они, что наги; и сшили смоковые листья и сделали себе опоясания.* И когда Господь ходил в раю, во время прохлады дня, то прародители скрылись между деревьями рая. Адам на вопрос Господа Бога: *где ты? ...* сказал: *голос Твой услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. И сказал Бог: кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?* (Быт. 3:7–11). Потом прародители стали продолжать свою ложь и оправдывать себя, вместо того чтобы хоть смиренно покаяться, признать себя виноватыми и просить себе прощения... За это и наказаны были

изгнанием из рая и прочим (см. ст. 12–20). *И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их* (ст. 21).

Таким образом, и из Писания ясно, что одежда появилась после и вследствие грехопадения.

Господь же Иисус Христос, как совершенно безгрешный, собственно, не нуждался в ней. К тому же Он пришел именно для того, чтобы возвратить людей в первобытное невинное состояние. А они созданы были нагими. И Господь не считал это дурным, позорным. Наоборот, сказано: *И увидел Бог, все, что Он создал, и вот, хорошо весьма* (Быт. 1:31). И таким нагим был святой Симеон Новый Богослов, когда он, купаясь в воде, беседовал с ангелом. Известен и случай, как один русский подвижник выходил к людям нагим. Да так и должно быть! Но мы еще не способны на это, по греховности своей.

Далее совершается крещение Господне. Крещение – по-гречески βαπτισμα – значит погружение (как совершается очищение, омовение через погружение в воду и нечистых блюд после употребления в них пищи, – там употребляется тот же глагол βαπτίζω); погружаются предметы – нечистые, грязные; по отношению к людям – грешные. Это слово приложимо, конечно, к грешникам, требующим очищения. Но от каких же грехов мог очищаться Безгрешный? И, собственно, верно говорил Иоанн Господу: как Он «грядет» к нему за очищением в крещении?

Здесь в ответ мы должны всегда помнить, что Христос Агнец Божий взял на Себя грехи мира, – как об этом сказал Креститель (Ин. 1:29). Здесь он употребляет сравнение Христа с ветхозаветным агнцем, приносимым в жертву, в знак избавления от гибели, – прообразовательно указывавшим на Агнца Христа Искупителя (Исх. 12:3; Лев. 12:8, 23:12; Чис. 6:14, 15:5). И Христос особенно часто так именуется апостолом Иоанном в Апокалипсисе (Откр. 5:6, 6:1, 7:14, 7:17, 13:8 и т.д.).

Агнец приносился в жертву взамен самого человека. И Господь Иисус Христос ВМЕНИЛ Себе грехи мира, грехи человечества, чтобы Самого Себя принести Богу Отцу в жертву за людей. И эти грехи тяготели на Нем.

Тайна эта – велика: как можно одному вменить себе вину другого? Но в некоторое разъяснение обычно берется

сравнение любящей матери в отношении к своему ребенку. Если он заболел, она просит Бога, чтобы Он лучше ее наказал, чем дитя; если он остается в пылающем доме, она с опасностью для своей жизни, но бросается в пламень, лишь бы спасти любимое дитя: до такой степени она живет им. Во вменении себе вины другого действует закон ЛЮБВИ. И Сын Божий взял на Себя грехи людей, чтобы Самому отвечать за них пред Отцом Небесным. И на Пасху, в каноне мы поем: «Спасе мой! живое и нежертвенное заклание, яко Бог Сам Себе волею (добровольно) привел Отцу, совоскресил еси всероднаго Адама», то есть Адама со всеродным потомством (6-я песнь). И в каноне ко причащению читаем: «Господь нас ради... единою (однажды: Евр. 7:21, 9:26, 28) Себе принес, яко приношение Отцу Своему, присно закалается» (1-й тропарь 9-й песни).

А в Священном Писании не раз говорится, что Христос *есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира* (1Ин. 2:2, 4:10; Рим. 3:25; Евр. 2:17).

И, вменив Себе грехи наши, Он от них теперь и очищается крещением. Следовательно, делает это за нас, вместо нас. Какое смирение! Какая жертвенность любви! Какое послушание! И это было необходимо: Адам нарушил заповедь Божию по гордости – Христос смиряется до крещения; Адам самооправдывается – Христос очищается даже от чужих грехов, вмененных Себе.

После крещения Господь, выходя из воды, молился. А о чем «молился» Христос при выходе из Иордана? Об этом в Евангелии не сказано. Но можно предположительно дерзнуть думать, что Он мог молиться о многом. И, во-первых, молитва, как известно, есть «беседа с Богом», или общение с Богом. Нельзя не думать, что это было – вопреки Адаму: тот, согрешив, скрылся (Быт. 3:10) от Бога и был изгнан из рая; а новый Адам, Христос (ср.: 1Кор. 15:45), прежде всего возобновил общение человека с Богом. А если так, то Он первый должен был теперь начать это. Господь Бог уже говорил в раю; но услышал не покаянную, а даже обвинительную речь против Себя: *Жена, которую Ты мне дал* (Быт. 3:12), и проч.

Какая дерзость! Какое безумство согрешившего! Теперь же Христос стал молиться Отцу Своему, ибо теперь Господь ждет уже зова от человека первым... Свобода дана ему, и Бог не хочет насильно влечь человека. Какая любовь Божия в этом! И Христос, от всего рода человеческого, после смиренного крещения, теперь молится, входит в общение; а всякая молитва к Богу – есть смиренное прошение.

А может быть, Единосущный Сын вспоминает теперь то блаженное состояние общения первосозданного Адама, в котором он пребывал в раю до грехопадения. А теперь, после покаянного крещения, человек во Христе немедленно восхотел быть в таком же состоянии.

Но это была лишь одна сторона общения, человеческая; необходима была потом и другая, ответная. Она тотчас же и явилась: *небо разверзлось* (Лк. 3:21), раскрылось, как бы прорвалось, открылось... Прежде рай был закрыт для человечества. Теперь молитвою Христовою и ответною Божиею любовью отворяется; и врывается с неба знак примирения (Рим. 5:10–11; 2Кор. 5:18–19; Кол. 1:22) – Дух Святой, в виде голубя.

Когда Христос выходил из воды (Мк. 1:10) и молился, *отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь* (Лк. 3:21–22).

Так ведь и теперь делается и бывает в покаянии: за исповеданием нами грехов следует прощение по «благодати». А в крещении мы, или крестный отец вместо нас, отрицаемся от диавола, как источника греха и зла; а после этого производим уже самое таинство; и мы получаем светлую благодать Святого Духа, знаменуемую чистою, белою рубашкою, то есть Духом Божиим, но во имя Христово, ради Его заслуг за нас.

А голубица, еще со времен Ноя (Быт. 8:8–12), была символом мира. И это, после крещения Сына Божия, было так уместно и понятно. А когда Дух Святой сошел в день Пятидесятницы, там этому тоже как бы отверзлось небо; *и внезапно сделался шум с неба, как бы от несущейся сильною ветра, от быстро распахнувшейся двери, и явились языки, как*

бы огненные, и почил по одному на каждом из учеников, и исполнились все Духа Святого (Деян. 2:2–4).

Благодать Духа, отшедшая от падшего человечества, или, лучше сказать, отнятая Богом от него, возвратилась. Перед тем Господь сказал: *не вечно Духу Моему быть пренебрегаемый человеками, потому что они стали плотью (Быт. 6:3).*

А теперь Дух был возвращен к роду человеческому, пока во едином Христе. Потом же Он сделается духовный родоначальником, новым Адамом человечества, чрез Духа Святого. Разрастется благодатное Царство Христово... Для этого и совершилось крещение Господне: Он крестился за наши грехи и получил на Себя сошедшего Духа Святого и в будущем – после нового дела – Креста, – на все человечество (см.: Ин. 7:39), в день Пятидесятницы.

Но и это еще не всё.

После сошествия Духа раздался глас с небес, глаголющий: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение (Мф. 3:17).* Преславный глас Отца! Но прежде чем объяснить его, зададимся новым вопросом: почему Он раздался лишь ПОСЛЕ сошествия Святого Духа?

Конечно, все эти последовательные события – боязнь Иоанна, крещение, молитва, Святой Дух, глас Отца – совершились в этом порядке не случайно, а по каким-нибудь причинам. Почему же глас Отца послышался лишь теперь, после сошествия Духа?

Ответить на это можно без особого затруднения.

По установившемуся учению и Священного Писания, и святых отцов, Духу Святому приписывается творческое действие среди Лиц Пресвятой Троицы... Это – тайна, недоведомая нашему уму и известная лишь Самому Богу, в частности – Святому Духу; ибо, – как говорит апостол Павел, – *Дух все проникает, и глубины Божию... и Божиего никто не знает, кроме Духа Божия (1Кор. 2:10–11).* Не только для мира и для человека посредником и творческим началом является Дух Божий. При творении мира, говорится в начале Библии, *сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста,*

и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою (Быт. 1:1–2).

Наступает Новый Завет. По благоволению Отца воплощается Сын Божий от Девы Марии. Как? *Дух Святой найдет на Тебя и сила Всевышнего осенит Тебя (Лк. 1:35).* Так и теперь, в крещении Господнем, сошел на Богочеловека Христа Дух Святой. И только после этого человечество способно стало, так сказать, воспринять глас Бога Отца. Апостол Павел говорит ефесянам: *через Него, то есть через Христа, мы имеем доступ к Отцу в одном Духе (Еф. 2:18).*

Но оставим это богословствование, как младенцы (см.: *Еф. 4:14*), и услышим глас Отца с небес: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение (Мф. 3:17).*

Это свидетельство было наивысшее: возгласил Сам Отец. Потому нам особенно нужно приникнуть.^{***}

Прежде всего, Он свидетельствует, что Христос Ему Сын, а не человек... Тайна сия – непостижимейшая; но она возведена Самим Отцом, потому – истиннейшая! И с благословением воспримем ее.

Притом добавлено: возлюбленный. Почему сие? – Тайна и это. Но может быть, Отец Небесный хотел показать этим то, что Сын Его единороден с Ним, и только поэтому Он достоин любви Отчей, а всякое творение не может быть предметом такой любви. Ведь и на земле родители любят свое дитя несравнимо с чужими.

К тому же, может быть, Сын был возлюблен особенно потому, что Он, по послушанию Отцу и по любви к грешному несчастному человечеству, сошел на землю для спасения нас и этим был угоден Отцу Своему? И Сам Господь Иисус Христос любил часто указывать на Свою любовь и послушание Отцу. Этим полно все Евангелие, особенно от Иоанна. *Отец любит Сына (Ин. 3:35, 5:20, 10:17). Я пришел во имя Отца Моего (Ин. 5:43). Я чту Отца Моего (Ин. 8:49). Я живу Отцом (Ин. 6:57).* Постоянно говорит, что Он «послан» Отцом Своим (см.: *Ин. 3:17, 5:36, 7:29, 10:36, 11:42* и т.д.). Вся первосвященническая молитва Сына Божия говорит об этом (*Ин. 17:8, 18, 21, 23, 25*). А о послушании Отцу Господь говорит тоже постоянно: *Моя пища*

есть творить волю Пославшею Меня (Ин. 4:34). Не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца (Ин. 5:30). И апостол Павел говорит: *Христос смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему, то есть за послушание, и Бог (Отец) превознес Его (Флп. 2:8–10),* чтобы все исповедали, что *Господь Иисус Христос – в славу Бога Отца* (ст. 11) все совершал.

И апостол Иоанн, *егоже любляше Иисус (Ин. 13:23, 19:26),* как и он сам любил Его, любит говорить об этой любви Отца к Сыну: ему это было понятно по личному опыту своему.

Но окончим объяснение «Родителява гласа» (тропарь Крещению).

О Немже Мое благоволение. Здесь ясно утверждается, что благоволение Отчее к людям было возвращено не ради каких-нибудь достоинств или заслуг самих людей, и даже не ради милости Самого Отца, но ради возлюбленного Сына: «о Немже», «в Котором», чрез Которого. Поэтому мы твердо должны это знать и помнить: Бог Отец помиловал нас ради Сына Своего.

Да и кто иной мог умиловать Бога, кроме Бога же, или Сына Божия (1Ин. 2:1–2)? Никто! «Умилование» могло совершиться только в Самом Троичном Боге, – или «в недрах Божества»...

Так «благоволение» началось еще в воплощении Слова; а начало осуществляться – крещением Господним, поэтому одно и то же слово употребляется и при рождестве Христовом, и теперь. В третий раз будет употреблено во время преображения Господня (2Пет. 1:17–18; Мф. 17:5). И все эти события связаны одною и тою же мыслью: о Царстве Божием, которое открывается в смиренном крещении, проявляется для трех избранных учеников в славном преображении и окончится после конца мира (см.: 1Кор. 15:24–28), когда Сын Божий кончит Свое дело восстановления «Царства» и предаст его Богу и Отцу (ст. 24).

Так начинается теперь открытие этого благодатного Царства на земле.

И сейчас гласом Отчим проявляется в мире Пресвятая Троица – Бог; Отец провозглашает Сын крестится; Дух Святой снисходит на Него. Царство это есть Царство Пресвятой Троицы; о нем мы и молимся в молитве Господней: «Да приидет (на нас и на весь мир) Царствие Твое» – чрез благодать Святого Духа, Который и называется «Царь Небесный, Утешитель, Дух истины», подлинное благодатное Царствие Христово – Божие.

Пресвятою Троицею существует и живет все в мире. К Ней и должно стремиться решительно всё! Она – и источник всего, и последняя цель!

«Певцом» Ее из святых отцов является по преимуществу святой Григорий Богослов. Славою Ей всегда заканчивает свои слова святой Иоанн Златоуст. О Духе Святом более всех учит святой Василий Великий¹³. О Христе Спасителе проповедует отец Иоанн Кронштадтский, написавший свой дневник «Моя жизнь во Христе». Но все они живут Пресвятою Троицею. Ею живет и Церковь. Ей на каждое воскресенье, на полунощнице, читается Троичный канон. О Ней прежде всех иных молений упоминается в так называемом «обычном начале»: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», «Пресвятая Троице», «Трисвятое», «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», «Яко Твое есть Царство и сила, и слава Отца и Сына и Святого Духа»; трижды «Аллилуйя». Открытие литургии: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа»; славословие во всех возгласах; таинства нашего крещения и брака повторяют начало литургии; но особенно Она прославляется на Пятидесятницу, или, как и говорится по православному обычаю: на «Троицу». Этим кончается на земле дело Христово! Потому вспоминается на повечерии в Троицу Рождество Христово, ирмосы которого повторяются на Троицу. Слава благодатному Царствию Божию!

В заключение этой главы, в частности – о Пресвятой Троице, мне хочется поставить вопрос: так ли мы помним о Ней, как подобало бы помнить «подданным» Царства Божия, благодатного Царства?

Иногда мне казалось, что мы мало думаем и помним о Ней, мало молимся Ей. Возгласы мы делаем в храмах постоянно, но произносим их механически, по привычке, бессердечно. Между

тем в почитании и прославлении Пресвятой Троицы – суть нашего и жития, и молитв. Как Господь Иисус Христос постоянно, – как мы это только что видели, – поминал имя Отца Своего, «жил Отцем» (Ин. 6:57); а слово Отец – равнозначно Богу вообще, или Пресвятой Троице, так и мы должны бы всецело ЖИТЬ ЕЮ. Должно бы, чтобы и самые слова «Отец, Сын, и Святой Дух» были для нас самыми дорогими... И это возможно...

Сейчас, когда создается благодатное Царство, оно может называться «Царством Христовым», «Церковью Христовою». Но это лишь теперь. А в конце – все возвращается к Богу Отцу – в Троице.

Об этом открыл нам Дух Святой через апостола Павла. Вот его слова. В конце всего Христос передаст Царство Богу и Отцу. А пока Ему (Христу) *надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои. Последний же враг истребится – смерть. Когда же (Отец) все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог (Троица) всё во всем (1Кор. 15:24–26, 28). Всё – из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь. Истинно (Рим. 11:36). А это говорит тот, который восхищен был до третьего неба... был восхищен в рай, и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (2Кор. 12:2, 4), ибо для этого нет слов на языке человеческом!*

Как-то, живя за границей, я подумал, что если бы на улице проходящих спрашивать, веруют ли они в Троицу, то не сочли бы нас за каких-либо ненормальных или за новых сектантов? А Крещаемый Господь, получив Святого Духа и услышав глас Отца, именно для того и пришел, и крестился, чтобы падшее человечество возвратилось в Царство Отца и Сына и Святого Духа, в Царство Троицы... Ее имя было даже забыто в Ветхом Завете. И потребовалось послать Сына Божия, чтобы Он снова научил веровать в Нее. А ведь при сотворении человека Бог сказал к Лицам Пресвятой Троицы: *сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему (Быт. 1:26)*. А люди даже забыли имя Ее! Так пало человечество!

V. Испытание в пустыне

Непосредственно за крещением и, несомненно, в связи с ним, «тотчас же» последовало испытание Христа дьяволом. Вот как говорится об этом в Евангелиях.

Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от дьявола (Мф. 4:1). Далее рассказывается о самом испытании. В другой Евангелии, от Марка, сказано: *Немедленно после того (то есть крещения) Дух ведет Его в пустыню. И был Он там... сорок дней, искушаемый сатаной, и был Он там со зверями, и ангелы служили Ему (Мк. 1:12–13).* А о самом испытании, в чем оно состояло, совсем не упоминается. У евангелиста Луки добавляется: *Иисус, исполненный Духа Святого, возвратился (не сказано куда) от Иордана; потом – испытание. И ничего не ел в те дни (постился сорок дней и сорок ночей; Мф. 4:2); а по прошествии их, напоследок взалкал (Мф. 4:1–2).* Затем излагается испытание. Итак, лишь у евангелиста Луки говорится: *возвратился от Иордана.* А возвратиться можно туда, откуда Иисус и пришел ко Иоанну. *Иоанн же крестил в Вифаваре при Иордане (Ин. 1:28),* близ Иерусалима; туда и приходил народ креститься; туда и послана была делегация «из фарисеев» из Иерусалима, по правую сторону Иордана. А дальше на восток и была пустыня, в которой жил Иоанн и откуда он и приходил крестить в воде (*Ин. 1:31*). Куда же «возвращался» после крещения Иисус? Это не ясно. Но нужно думать – не домой, в Назарет, где жил праведный Иосиф и Пресвятая Дева Мария. Да и зачем бы? Наоборот, земные родственные узы теперь, после крещения, когда Христос получил свидетельство от Самого Отца Бога, что Он есть Сын Его возлюбленный, стали лишними. Теперь перед Ним стоит чрезвычайное дело восстановления Божиего Царства. До родственных ли плотских связей тут? Не случайно Он на браке в Кане Галилейской назвал Свою Матерь: Женой (*Ин. 2:4*). А в Кане было совершено Им первое чудо обращения воды в вино; ибо сказано: *так положил Иисус начало чудесам... и явил славу Свою (ст. 11).* Эта Кана была близко, к северу от

Назарета. И в ней Господь сотворил чудо, возвратившись уже из пустыни после искушения. И после сего, – говорится в Евангелии (Ин. 2:12; Мф. 4:13), – Христос, *оставив Назарет, пришел и поселился в Капернауме приморском... за Иорданом* (Мф. 4:15). Этот рыбацкий городок был на берегу Галилейского озера, или «моря», как обычно называли его в народе, потому он и назван приморским. И в Капернауме Он после и жил Сам и Мать Его, и братья (по Иосифу) Его, и ученики Его. Очевидно, Иосиф к тому времени уже умер: иначе как же могли бы оставить старца и Дева Мария, и даже дети его? А Назарет был много южнее, к юго-западу от Капернаума; а Капернаум же был на севере Галилейского моря.

В конце искушения в какой-то пустыне диавол повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма, и предложил Ему броситься вниз (Лк. 4:9–12). И отсюда возвратился Иисус, – следовательно уже вторично после крещения, в силе духа в Галилею (ст. 14). Так остается неясным, куда же «возвратился» в первый раз Христос после крещения, пред искушением в пустыне, ибо сказано (после этого слова): *и поведен был Духом в пустыню* (Лк. 4:1). И зачем с левой стороны Иордана, близ Иерусалима, Ему нужно было бы заходить в Назарет? И сказано: *немедленно* (по-славянски «абие», то есть тотчас) Дух Святой повел Его на искушение. Все это побуждает нас думать, что Христос не заходил в Назарет. А куда же? Можно думать, что выражение Луки возвратился означает или вообще «ушел от Иордана», или же пошел на север, в Галилею, откуда и приходил к Иоанну из Назарета Галилейского (Мк. 1:9), но не в место своей жизни, а куда-то в пустыню. А пустыня была по левую сторону Иордана; Назарет же – по правую. И следовательно, никакого не было смысла заходить в Назарет, перейдя Иордан; потом идти обратно через Иордан на искушение; затем идти опять через Иордан в Иерусалим, на последнее искушение на крыле храма (Лк. 4:9); оттуда же – возвращаться в Галилею и в Назарет, рядом в Кану на брак; потом – переселяться в Капернаум...

Поэтому будем понимать так, что Христос, после крещения Своего, от юга возвратился тотчас на север и был поведен

Духом в пустыню. И оттуда, после искушения уже, и воротился в Назарет, оттуда с Матерью Своею пошел на брак в Кану и, возвратившись «домой», переселился потом на постоянное пребывание в Капернаум, потому что знал, что дальнейшая деятельность Его будет вращаться около Галилейского озера. И единственный раз Он, проведя в Капернауме немного дней (Ин. 2:12), пришел в Назарет, где был воспитан, и в субботу стал проповедовать на слова пророка Исаии: *Дух Господень на Мне; ибо Он (Бог) помазал (послал Духа) Меня благовествовать... лето Господне благоприятное.* Сначала сограждане дивились словам благодати, исходившим из уст Его; но удивлялись: не Иосифов ли это сын? А потом, когда Христос сказал им: *никакой пророк не принимается в отечестве своем, по пословице: врач! Исцели Самого Себя; то, услышавши это, все в синагоге исполнились ярости и, вставши, выгнали Его вон из города, и повели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его. Но Он, прошедши посреди них, удалился (Лк. 4:16–19, 22–24, 28–30).*

Действительно, Его не приняли в отечестве. И оставаться ни Ему, ни Матери Его, ни сынам от Иосифа было уже нельзя. И потому Он переселился в Капернаум. Но прозвище «Назарянин» за Ним так и осталось (Мк. 14:67; Лк. 18:37, 24:19). Так и бесы Его именовали (Мк. 1:24). Так и Пилат надписал на кресте: *Иисус Назорей, Царь Иудейский.* Здесь слышится некоторая насмешка: Назарет был таким ничтожным местечком, что о нем даже сложилось присловие: *из Назарета может ли быть что доброе (Ин. 1:46).* И вдруг «Иисус, сын Иосифа» плотника, теперь «Царь Иудейский»?!

Но, – хотя и много времени заняло у нас это имя, – с ним связано было и Благовещение, и зачатие Господа, и перепись, для чего Матерь Божия с Иосифом обязаны были идти в Вифлеем (Лк. 2:4), и младенчество Иисусово (Лк. 2:52), и жизнь до тридцати лет, когда Он «повиновался» родителям и помогал отцу Иосифу, плотничая с ним. Его и доселе по-арабски именуют «Насира». Да будет свято это имя!

Но для нас более важно событие искушения Господа диаволом, последовавшее тотчас после крещения Его. Какую

связь имело оно с крещением?

Мы уже знаем, что крещение было нужно для открытия, для «явления» Господа Израилю (Ин. 1:31), а потом – и всему миру. Но собственно проповедь Христова и чудеса Его начались после искушения: *с того времени*, – говорится в Евангелии, – *Иисус начал проповедовать и говорить: исполнилось время* (Мк. 1:15), *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4:17), *Царство Божие, веруйте в Евангелие* (Мк. 1:15). И с этого времени Господь стал и набирать учеников Себе (Ин. 1:35–51; Мк. 1:16–20), чтобы с ними, а потом – через них, проповедовать благодатное Царство. Поэтому искушение в пустыне, собственно, надобно связывать больше с крещением Господним, как первый результат его. К нему мы и обращаемся теперь.

Зачем нужно было это искушение?

Прежде всего – затем, чтобы «Новый Адам» Христос противопоставлен был ветхому Адаму: тот пал невоздержанием, вкушением в раю запрещенного плода, а теперь Христос – идет не в рай, а в пустыню, и не ест ничего сорок дней. Так важен пост вообще; но послушание Отцу Богу – еще важнее. И Сын Божий проявил это, воплотившись и крестившись! Какое смирение!

Но прародители соблазнились не сами, а смутил их завистник-диавол: корень греха был в нем; его власть и нужно было победить прежде всего. И победить должен был человек. Таковым и был Сын Божий – Сын Человеческий, чтобы враг не мог сказать, что Бог победил его! И поэтому тотчас Дух Святой ведет Богочеловека на борьбу с диаволом. И именно после крещения, после сошествия Духа, Каковой пребывал и с первыми людьми; но и с Его помощью Адам и Ева не победили искушения. Так теперь нужно было доказать, опытно показать человеку, что он мог бы и в раю победить искушение, и теперь, с Божиею помощью, может.

Но иной кто-либо, может быть, скажет, что человеку невозможно сорок дней подряд не есть, не пить? На это я могу указать на известный мне случай. Мой друг, знакомый мне священник, попробовал поститься сорок дней. Правда, он пил

воду, но не ел ничего. И в это время нес свои обязанности: служил, совершал требы; а приход его был радиусом на 5–10 верст. И он ходил, куда требовали его. Никто и не догадывался, что он несет подвиг. Но он вытерпел только 37 дней: больше был не в силах. Оправившись, через некоторое время он вторично начал поститься. И на этот раз вытерпел 42 дня. Это я удостоверяю. Значит, даже длительное пощение возможно. А следовательно, тем более – вкушение постной пищи в среды, пятницы и посты.

Но главное тут даже не в воздержании, а в послушании. Известен факт, как богатому человеку, Х-ву¹⁴, историку, философу, богослову, поэту, – знакомые задали вопрос: почему он всегда (то есть когда Церковь велит) постится? Он спокойно ответил им, что так заповедала Церковь, и он это время хочет быть вместе со всею Церковью. – Вот мудрый ответ!

А жизнь нам показывает, что все подвижники сильно постились и достигали великих добрых плодов. Это – несомненно! И Сам Господь сказал ученикам, спрашивавшим Его, почему они не могли изгнать из бесноватого юноши беса: *по неверию вашему... Сей же род изгоняется только молитвою и постом* (см.: Мф. 17:15–21). Но довольно о сем...

Теперь задумаемся: чем же сатана искушал Христа? Три было искушения: хлебом, гордостью и имуществом, или, как говорят святые отцы, сластолюбием, славолубием и сребролюбием – основами всех страстей.

И прежде всего диавол предлагает: *если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами* (Мф. 4:3). Этим соблазнился Адам; увидели первые люди, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание (Быт. 3:6). И соблазнились они. И пять тысяч евреев, впоследствии насытившихся пятью хлебами, хотели и снова видеть, и сделать Христа Царем (см.: Ин. 6:15). И Господь сказал им: *истинно, истинно говорю вам: вы ищите Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб, и насытились* (Ин. 6:26).

Да, истинно, истинно! И теперь легко соблазнить людей хлебом! Пообещайте им земное удовлетворение и

наслаждение, – и они с трудом удержатся от соблазна или даже сразу пойдут на искушение; подайте им на выбор: веру в Бога, спасение души, вечное блаженство, здоровье, удовольствие: и многие ли теперь удержатся? Христос бесплатно наплатил иудеев хлебами и рыбой; и они готовы выбрать Его в цари себе. Боже, Боже мой: какие мы немощные!

Но Господь, будучи голодным, отверг это искушение диавола... И не в прекрасном раю, а в голой пустыне. *Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4:4), сказал еще Моисей (Втор. 8:3). И иудеи это знали и помнили: *Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть* (Пс. 77:24). *Что Ты делаешь?* (Ин. 6:30–31).

Опять все – хлеб, хлеб! А когда Господь, сотворивши великое чудо с пятью хлебами, предложил учение о вере в Него и о святом причащении Его Тела и Крови, то даже *многие из учеников Его соблазнились этим, отошли от Него и уже не ходили с Ним* (Ин. 6:66). Вот и вера! Вот и «избранный» народ! Да! Обрядоверный, земной, телесный народ! Да и теперь не то ли искушение «хлебом» мы видим? Но Господь победил первое искушение: Господь хотел не хлеба земного дать нам (много ли его и нужно-то, «насущенного», да и то на один день), а Небесного Царства, благодатного «нового вина» обещал Он миру; но – увы! – не хотят, не хотим.

Второе искушение (по Матфею, а по Луке – третье) – броситься с кровли храма и остаться живым. Зачем, зачем это нам? – Только ради славы, что мы совершаем чудеса? Ради мнения пред народом? Ради тщеславия?.. О, Боже! Какие мы мелкие! Славиться пред людьми?

Но как падки мы на это искушение! Тщеславие, говорит святой Иоанн Лествичник¹⁵, подобно троерожцу из смятого хлеба; и, как бы его ни бросали, он одним рожцом (рогом) все-таки ударится в стену. И в самом деле: чем мы только не славимся! Дашь милостыню бедняку, – думаешь о себе, чуть как не о святом. Поступил по закону, по правде, – считаешь себя праведником и хвалишься пред другими, которые кажутся тебе беззаконниками и хищниками. Сохранил целомудрие или

брачную верность? – покажешься чуть не ангелом. – И как всем нам хочется быть хвалимыми, любимыми, почитаемыми! И с этим грехом нам приходится иметь дело почти до самой смерти... Мы и смирением мнимым – возносимся. И вообще лучше других воображаем себя... Даже когда себя и грешниками называем (даже искренно), тотчас же и в то же самое время ублажаем себя. И так далее... Я не знаю, есть ли момент в нашей жизни, когда бы мы не любили славы от человек? Конечно, бывают добрые моменты, но часты ли они? И глубоки ли они? Правда, изредка встречаются такие христиане. Один из таких сказал мне про себя: «Мне легче бывает, когда меня осуждают, чем когда хвалят». Но я бы и за это ублажал себя. А иногда сам и назовешь себя грешником; но когда так назовет тебя кто-либо другой, то неприятно будет.

Между тем Господь говорит о Себе: *крещением (крестным, скорбным) должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!* (Лк. 12:50).

А чтобы мы не хвалились, сказал нам притчу о мытаре и фарисее (Лк. 18:9–14). Фарисеи даже хвалились молитвою: молились на видных местах, в синагогах и на углах улиц, чтоб показаться пред людьми (Мф. 6:5). *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты* (Мф. 23:27).

Поэтому святые люди не только не любили осуждать, но – и хвалить, ибо и похвала другим есть тоже вид самомнения и присвоение себе суда над ними.

И этим грехом согрешили наши прародители. Змей сказал Еве: *будете как боги, знающие добро и зло* (Быт. 3:5). И вожделенным ей показалось, что вкушение запрещенного плода дает знание такое (ст. 6). И вкусила и дала мужу. И узнали они различие между добром и злом: доселе жили в раю и с Богом, а теперь – изгнаны и из рая, и от Бога; доселе были невинны, как малые дети, а теперь увидали наготу свою и сшили себе смоковые опоясания...

И на это искушение не согласился Господь, сказавши диаволу: *не искушай Господа Бога твоего* (Втор. 6:16). Ибо

дьявол тоже сослался на Священное Писание: *написано: ангелам Своим заповедает о Тебе... и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею (Пс. 90:11–12)*. И он знает Писание. Но о смирении сам «преткнулся».

Тогда он приступил к последнему искушению.

Возносит Христа на весьма высокую гору (Мф. 4:8) и как-то *показывает Ему все царства вселенной во мгновение времени; и сказал Ему дьявол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их; ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Но только при одном условии: если Ты поклонись мне, то все будет Твое (Лк. 4:5–7)*. Тогда Господь говорит ему со властью: *Отойди от Меня, сатана! Написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи (Втор. 6:13)*.

Кто из людей не захочет обладать большим, даже – до всего мира?! Истинно говорит Господь: *берегитесь любостяжания! (Лк. 12:15)*. А о богачах сказал: *трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие (Лк. 18:24)*. Даже ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: *дети! Как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши (так назывались низкие ворота в Иерусалимской стене, через которые прогоняли овец, но верблюд вынужден был ползти через них с трудом на коленях), чем богатому войти в Царствие Божие. Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись? (Мк. 10:23–26)*.

А чему же они «ужасались»? И почему они сомневались в своем спасении? Ведь они же были простыми бедными рыбаками, а никак не богачами? – Да, но они понимали, что беда не в богатстве, а в «любостяжании», в желании лучшего, большего, богатого. И кто же этим не грешен? Кто не хочет большего? Кто отказался бы от богатства? Или кто, по крайней мере, свободен от хотения этого? Едва ли из тысячи тысяч сыщется такой!

Поэтому Христос родился в скотской пещере, да и то в чужой; потому до тридцати лет Своего возраста жил в повиновении у бедного плотника, мнимого отца Иосифа; потому

не имел, где главы приклонить (Мф. 8:20); потому никогда не ездил, а ходил пешком (кроме езды на осленке, да и то чужом, во время входа в Иерусалим); потому не имел места, где совершить пасхальную вечерю, и попросился дать Ему место на последнюю ночь в чужой горнице. Потому и вообще все Евангелие учит бедности, а не богатству и никак не борьбе за богатство.

И первые христиане до такой степени твердо и искренно знали это, что даже имели общую жизнь, *никто ничего не называл своим* (Деян. 2:44–45, 4:32–37). А ведь из-за этого любостяжания и зависть, и споры, и суды, и войны, и разрушение любви... Боже, Боже! И мы знаем все это; и – не делаем.

Лишь святые пустыnnики бежали от этого искушения в пустыни.

И это, всемирное, искушение Господь победил. Был в пустыне, не ел, и диаволу сказал: отойди! А чтобы поклониться сатане, о том даже немислимо и подумать! Одному Богу подобает кланяться!

Так истинно сказал Господь ученикам на Тайной вечере: *мужайтесь! Я победил мир!* (Ин. 16:33). Господь победил «искусителя» – диавола. И этим указал пример всему миру.

И даже звери были с Ним, – лучше людей; *и ангелы служили Ему* (Мк. 1:13). Ангелы и звери вместе... Какой прекрасный союз при Христе. Началось Благодатное Царство, восстановление мира; и все приходит в благобытие: и Человек Христос, и ангелы, и звери – вместе.

А диавол, окончив все искушение... отошел от Христа, но до времени: он всю жизнь Христову будет с Ним вести борьбу и доведет ее до креста. Но он уже отныне побежден. *И возвратился Иисус в силе духа в Галилею* (Лк. 4:13–14).

VI. Богослужебные мысли

Мыслей на богослужениях праздников весьма много, так что нам невозможно использовать все обилие их, и потому мы коснемся хоть главных из них.

Но зато нужно отметить, что они – суть плоды святоотеческих творений и по одному этому достойны всяческого внимания, как со стороны правильности их, так и со стороны, – что особенно важно, – глубины объяснения смысла их. А иногда эти объяснения кажутся нам очень оригинальными и для нашего обычного понимания даже неожиданными. Но если мы примем во внимание, что эти мысли проверялись Церковью Божиею, Духом Святым, в течение тысячелетий и не найдено в них ничего неправильного, то они являются для нас глубоко авторитетными.

Однако это не означает того, что церковное творчество исчерпано во всем объеме и что невозможно к этому ничего прибавить: церковное творчество продолжается и будет продолжаться до конца церковной истории. Дело в том, что составленные отцами тропари, кондаки, стихиры и в особенности – каноны представляют из себя плод их искусства, образования, духовною опыта; и к этому нужно присоединить еще и современную им историю, что также будет отражаться на их творчестве. Но индивидуальность их личности и особенности истории непременно отразятся, как и во всяком творчестве.

Новое время, новые люди могут привнести свое творчество. Но оно, конечно, не уничтожит, не отменит предыдущего, а лишь дополнит.

Так и Господь Иисус Христос сказал: *не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить, дополнить* (Мф. 5:17). И далее Он говорит, что в Ветхом Завете заповедуется так-то, а Я говорю больше (Мф. 5:28, 32, 34, 39 и т.д.).

Подобно этому можно сказать и о богослужебном творчестве.

Но вовсе не должно отменить или заменить старого; богослужебные книги и их мысли останутся вовек; и ими Церковь питалась и будет питаться и впредь; и мы должны придавать им, – по указанным выше причинам, – великое значение: должны вчитываться в них, углубляться, на них основывать свои слова и поучения; должны молиться так, как они установили. Вообще, должны положить их в основу своего празднования, после Священного Писания и в согласии с ним.

А новые мысли мы можем высказывать в своих проповедях, как это и делалось отцами и делается теперь: тут нашему творчеству – широкий простор.

К сожалению, нужно сказать, мы мало внимания уделяли этому источнику вероучения: в мирских храмах ни стихир, ни канонов не читали полностью, а если что и пелось, то и богомольцы, и даже мы, священнослужители, не углублялись в содержание их. Мы больше обращали внимание на так называемое «партесное пение» хорами одних и тех же песнопений: «Свете тихий», «Ныне отпускаеши», «Великое славословие», «Херувимская», «Милость мира», концерты и проч. Да и то в них больше слушали музыку, чем мысли и слова... И это вошло у нас в такую привычку, что почти никто не обращает внимания на эту явную несуразность. Между тем в этих-то стихирах и канонах и выражаются основные идеи празднуемых событий.

Правда, в последние несколько десятилетий стали обращать внимание и на богослужебный материал; впрочем, только в богословских школах, но не в церквях; и, кажется, нет надежды, чтобы с богослужебными мыслями считались именно там, куда они предназначены, то есть в храмах.

Но вот что обращало всегда мое внимание: как это богомольцы наши твердо знают, когда «большой» праздник, когда меньший, и точно каким-то чутьем угадывают, в чем именно заключается суть праздника. Конечно, они не смогут сами сформулировать нам свои чувства и мысли, но когда мы, священнослужители, правильно это объясним им, они искренно рады.

Еще более удивляет меня другое обстоятельство: когда нам приходится переживать в праздники те или иные чувства и мысли, то — к удивлению — потом находишь их и в богослужебных книгах. Но там оказывается их и больше, и они — глубже. Такое совпадение иногда бывает просто поразительным!

Конечно, это можно объяснить и тем, что нас в школах учили кое-чему о праздниках; и тем, что нам передается предание от отцов и дедов; и сохранившимися церковными обычаями, в которых выражаются идеи праздников. Но помимо всего этого, я полагаю, что Церковь просвещает Сам Дух Святой! Непосредственно!

Да иначе и было бы странно, что главные предметы нашей веры, выражаемые именно в двенадцятих праздниках, нуждались бы в богословском обучении, а «простым» людям были бы недоступны! Между тем историческая действительность — с первых дней христианства и доселе — показывает нам, что большинство верующих принадлежит к людям простым. Посмотрите, братия, кто вы, призванные: *не много из вас мудрых по плоти, не много сильных (власть имущих), не много благородных... И незнатное мира, и уничиженное, и ничего не значащее избрал Бог (1Кор. 1:26, 28).* Поэтому богомольцы чувствуют, что православно и где проповедник мудрствует от себя. Но мы, особенно говорящие от своего творчества, обязательно должны проверять свое — богослужебным, давно принятым Церковью материалом.

Другую особенность я увидел при знакомстве с богослужебными книгами (как я уже говорил выше) в том, что в них иногда встречаешься с совершенно неожиданными «открытиями»: такие неожиданные мысли выступают оттуда, что дивишься им и думаешь, как же этому не учили нас в школах? Как ты не знал этого сам? Например, когда я писал объяснение на праздник Рождества Христова, то вдруг встретился с мыслью: Христос воплощается, чтобы «РАТНИКА (разбойника, дьявола) УБИТЬ». Это было совершенно неожиданно для меня, хотя я тогда уже кончил высшую богословскую школу. Или вот теперь, долго не понимал: почему именно в день Крещения

Господня православные усердно стремятся получить СВЯТОЙ ВОДЫ? А при объяснении праздника мне все это вскрылось.

Значит, какой же громадный религиозно-богословский материал заключается в богослужебных книгах! И нужно пользоваться им... Особенно для проповеди.

Обратившись теперь внимательнее к богослужениям, поражаешься необычайному обилию и глубине мыслей творцов их, или Церкви. И прямо нужно сказать, что сам бы никто из проповедников никоим образом не смог бы углубиться в значение праздника так, как они.

И теперь, после неоднократного ознакомления с текстом Миней¹⁶, невозможно объять весь материал; и потому, по необходимости, придется ограничиваться более существенными идеями богослужебных объяснений значения, или смысла, праздника.

Мы нередко хотим понять все, даже в Божественном мире, в мире Пресвятой Троицы. Церковь учит совсем иному. Вот и на праздник Крещения Господня она смотрит, как на великое таинство.

«Глубина премудрости сокровенного таинства ныне является человеком; Божиих судеб бездна ныне верным открывается» (3 янв. канон повечерия, 8-я песнь). «Высота неизреченна и глубина неизмерна есть, Владыко, смотрения Твоего, всяко (совершенно) преходя ума постижение: како водою и Всесвятым Духом земныя очищаеши?» (3 янв. канон утрени, 7-я песнь).

«О, чудо чудес! Како, всякия твари вышшии, Бог наш зиждется... и обновляет волею и назидает нас водою и Духа обновлением чудным?» (там же 8-я песнь).

«Ко Иордану течем душею теплою и тамо узрим страшное таинство: боголепно бо предста, обнажився, Господь Христос мой» (там же светилен).

«Ныне же ко Иордану таинственно идем, видяще таинство велие, еже Христос Сам совершает» (4 янв. канон повечерия, 8-я песнь).

«О, чудесе преславного! Како Тя подымет вода, Владыко Господи, водами покрывающего превыспренняя?» (5 янв.

седален по 2-й кафизме).

Эти мысли о тайне Христова дела преимущественно высказываются в дни предпразднства; а когда уже наступает самый праздник, Церковь славит его и старается понять смысл, как увидим. Но и тогда, хотя и реже, говорит о тайне его. Вот на всенощной, после Евангелия, поет в стихире: «Непостижимо Господи, слава Тебе!»

«Днесь Христос на Иордан прииде креститесь! Днесь Иоанн касается верху (главе) Владычню. Силы Небесныя ужасошася, преславное видяще таинство» (6 янв. стихира хвалитная и ныне). «Воды освятил еси... страсти мира исцеляй. Велие таинство явления Твоего» (там же стихира хвалитная 3-я).

«Даже чини ангельстии, видевшие Владыку, уподобльшася рабу и водами крещаему, поюще, дивляхуся» (стиховна на утрени 8 янв.).

И только!

Мало того, что это Божественное дело – «непостижимо», оно ужасает и Иоанна Крестителя, и ангелов, и людей, и саму тварь. И хотя, как увидим, одновременно с этим будет говориться и о радости и веселии, но при чтении богослужений на первый план выступает именно страх. Мы теперь привыкли и к воплощению Бога от Марии Девы, и к крещению Господню, а на самом деле то и другое не только «непостижимо», но и должно бы нас ужасать, если мы смогли бы вникнуть в эти тайны Божии. Так и было. Так и учит нас Церковь в богослужениях, с первого дня предпразднства. И прежде всего послушаем главного свидетеля и очевидца, самого Крестителя Иоанна.

«Грядет ко Иордану Христос Истина (в отличие от ветхозаветных прообразов) креститесь от Иоанна, и (он) глаголет к Нему: аз требую от Тебе креститися, и Ты ли грядеши ко мне? Не смею, сено прикоснуться Огню! Ты мя освяти, Владыко» (2 янв. на «Господи, воззвах» стихира и ныне). «Како положу на верх Твой руку, егоже трепещут серафими?» (там же стиховна и ныне).

Господь повелевает: так нужно! И он крестит.

Но Иоанн «трепещет»; так и должно: «трепещеши яко слугитель: Владыка бо главу преклоняет тебе» (4 янв. седален по 2-й кафизме). И так и было: «трепетен бысть Предтеча» (тропарь на и ныне на освящение воды). «Трепеташе рука Крестителя, егда Пречистому верху коснуса» (прикоснулась) (6 янв. стихира 5-я на литии).

И как не трепетать! Бога крестит Иоанн! И не только он, но ужасаются и ангелы: «Явльшуся Тебе во Иордане, Спасе, в водах креститися плотию, ангельская воинства ужасавшася, зряще рабу предстояща Владыку твари» (3 янв. седален по 1-й кафизме). «Единочестное Слово Отцу и Духу, воплощенно за милосердие и крещаемо, ангельстии лица видяще, трепетаху» (там же седален по 2-й кафизме).

Да и как им не ужасаться? – «Ужас бо видети Небесе и земли Творца, на реце обнажшагося и крещение от раба за (для) наше спасение приемлющаго, яко раба: и лица ангельстии дивляхуся страхом и радостию» (5 янв. тропарь 9-го часа).

Вот мы уже видим новое слово: радость же пока подождет немного... Посмотрим еще на тварь...

Этот трепет и ужас охватил всю тварь. Будем ли понимать это как сильную и выразительную метафору или же (что истиннее) действительное событие, но в богослужении на все дни Крещения употребляется это соучастие твари. Именно.

До самого праздника, с первого дня предпразднства на стихиры поется стих из псалма: «Видевше Тя воды и убояшася», а начиная с Крещения – другой стих: «Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять» (назад). И тотчас же поется стихира: «Видеша Тя воды», и вторично: «видеша Тя воды и убояшася» (стиховна вечерни). Эти слова взяты из псалмов Давида (Пс. 76:17, 113:3). И в них псалмопевец вспоминает и разделение Чермного моря при переходе евреев из Египта (Исх. 14:22), и разделение Иордана при Иисусе Навине (Нав. 3:8, 4:7), и чудо Илии и Елисея (4Цар. 2:8, 2:14). И на эти чудеса ссылается и Церковь в богослужении.

Иордан представляется сознающим, что Сам Бог пришел к воде, и со страху побежал назад: «Иорданская река устыдевшися и убоявшися, возвратися (возвратилась) вспять»

(3 янв. седален по 2-й кафизме). «Возврати струи (течение), Иордане... ужаснися от лица Владычня» (2 янв. хвалитна и ныне). «Подобно им, и мы поем, трепещущее, Слове, видя Твоея нищеты (унижения) высоту» (2 янв. на утрени светилен).

Но наряду с этим ужасом Церковь вселяет в нас и другое чувство – радость и веселие, и тоже с первого дня предпразднства. «Иордане реко, веселия исполнися; земля и море, горы и холми и человеческая ныне играйте сердца» (2 янв. стихира на «Господи, воззвах»). «Божественный Предтече, Сего приими радуяся» (2 янв. седален по 1-й кафизме). «Да каплют горы радование, и холми да взыграют веселящися, реки да восплещут рукою: явися, грядет Христос» (4 янв. 7-я песнь канона утрени). «Земля и наземная играйте и радуйтесь» (5 янв. стиховна вечерни). «Да радуется земля вся, Небо да веселится, мир да играет, реки да плещут рукою, источники и езера, бездны, моря да срадуются: приходит бо Христос Адама очистити и спасти Божественным крещением» (5 янв. 9-я песнь канона повечерия). А в праздник Предтечи (7 января) Церковь уже говорит, что «крещением он сетующих (печальных) обычай отъемлет (уничтожает) вконец, совершенно» (стихира на стиховне).

И теперь оба эти чувства объединяются: «Видев Предтеча крестится пришедша, радуется душою и трепещет (дрожит) рукою» (на Господи, воззвах 1-я стихира). «Трепещет рукою, ужасаяся рукоположити, радуется душою» (2 янв. хвалитна на славу). «Вся земля тайно да радуется ныне, горы да играют» (там же на и ныне). Иоанн Креститель приглашает и других радоваться: «с трепетом служа Иоанн Владыце, радуется душою и вопиет с веселием: срадуйтесь мне еси роди праотца (Адама), прииде бо чаяние (ожидание) наше, прииде на Иордан Христос» (5 янв. хвалитна на славу).

И Церковь теперь, зря впереди конец жизни Христовой, обращается и к нам: «Воспоим, людие, Рожденному от Девы и в реце Крещшемуся Иордане, и к Нему возопиим: Царю всякия твари, даруй нам неосужденно чистою совестию, верно достигнути Твое святое из мертвых тридневное востание», то есть воскресение (5 янв. стихира хвалитна и ныне). Вот что

предвидит Церковь: униженное начало открытия служению мира в крещении закончится воскресением Его из мертвых, радостной Пасхой!

Заканчивая этот отдел, мы видим, что Церковь с силою говорит об ужасе пред Крещающимся Господом, а мы об этом не думаем совсем, как подобало бы; дивятся ангелы, но – увы! – не мы. Но все это покрывается радостью. А точнее, страх соединяется с радостью. Так и заповедует псалмопевец: *Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом* (Пс. 2:11).

Таково правильное духовное настроение православных людей. А мы не имеем этого страха Божия! Между тем в слове Божиим говорится, что *начало премудрости – страх Господень* (Пс. 110:10), что *страх Господень следует за смирением* (Притч. 22:4), что вообще совершать святыню, вести святую жизнь нужно в страхе Божиим (2Кор. 7:1).

А мы вообще не имеем страха Божия, в частности, никто не думает о нем в праздник Крещения, – как Церковь говорит в богослужении своем на этот день. Этому нужно поучиться нам, грешным. Сын Божий, Бог, крещается от раба Иоанна во Иордане!

Почему, для чего, – об этом Церковь будет говорить далее.

Начнем с самых первых, еще до-временных, событий. В славнике, на литии праздника поем стихиру Иоанна Монаха, то есть Дамаскина¹⁷: «Господи, исполни хотя, яже уставил еси от века», то есть предназначил еще до создания мира, «воплотился и от вод Иордан... служителей тайны предопределил». Начало праздника еще тогда было уже решено в Пресвятой Троице: как и воплощение, так и крещение, и прочее – до крестной смерти Христовой, до искупительной жертвы Его. И эта жертва была возложена Отцом на Сына, согласно и Писанию (Евр. 10:6–7; Пс. 9:8–9; Быт. 3:15; Ин. 5:46). О ней проповедовал Иоанн, называя Христа «Агнцем Божиим, Который берет на Себя грехи мира» (Ин. 1:29, 36). Так поет и Церковь в богослужении: «священнодействовав крещение Христово, яко Агнец незлобив священнодействуемый, принеслся еси жертва» (7 янв. песнь 7-я, 2-го канона утрени).

Но первое всего Христос принес Себя в жертву, как «Агнец Божий», как жертва за мир.

Но эта predetermined жертва принеслась только после создания и падения человека; и то – через 5538 лет. Почему так? Церковь в богослужении отвечает: «неразумын никтоже и ко Христу неблагодарен да будет, долготерпение пождания Его и благодать укоряя, да не преобидит» (3 янв. 9-я песнь канона повечерия). Следовательно, причиною «пождания» было Божие долготерпение и милосердие: Господь терпел грехи мира по благодати Своей, пока люди сами не осознают всей губительности отпадения от Бога и греховности своей (Рим. 1–3; Рим. 9:22; 2Пет. 3:15).

Но Агнец-жертва predetermined была «от века». И вот теперь она является в мир на Иордане, является в мир впервые: доселе, после Рождества, Христос был в неизвестности, теперь открылся миру. Почему же Иоанн Креститель назвал его, по откровению Божию, Агнцем-жертвой?

Человек пал; и, павши, даже не покался в своем грехе. Изгнан он был из рая... И потомство его стало еще больше ухудшаться – до крайности. И само оно уже не могло исправиться, и никто другой не мог этого сделать. На человечество наложена Богом «клятва» за грех Адама. Вот как об этом говорится в крещенском богослужении: «Державу» (силу одоления) «на враги крещением Твоим, Слове, дал еси нам, любовь чутчим Твое смотрение» (то есть план спасения), «еже» (которое) «волею совершил еси, разрешив» (освободив) «человеки от клятвы, во Едеме пребывшия» (наложенной, а не в природе человека бывшей) (12 янв. стиховна на вечерне).

Клятва же состояла в том, что за преслушание Бога и за послушание диаволу, прельстившему прародителей, человечество было удалено от Бога и отдано в рабство тому, кого оно захотело послушаться, кому оно повиновалось, то есть диаволу – змию. Удаление же от Бога, или отлучение (греч. «анафема») от милости Божией и есть проклятие, или клятва. И этой клятвы никто снять не мог, как Богом наложенной.

Только Сам Бог мог ее снять: это и сделал Сын Божий, Бог воплотившийся и теперь крещаемый, а потом – и распятый за нас. Но для этого Он должен был стать жертвой, взять на Себя грех всего мира и за него принести Отцу Своему послушание – даже до смерти на кресте (Флп. 2:7–8). Это Он и обещал Отцу Своему: *Вот иду... исполнить волю Твою, Боже* (Евр. 10:7, 9). Это и есть жертва. И теперь, в крещении, она начинается.

Об этом в богослужении на праздник много говорится. Приведу несколько таких мыслей.

В кондаке предпразднества сразу же говорится: «Спасти бо приидох Адама первозданного», то есть восстановить таким, каким был первозданный до падения. И эта мысль об Адаме повторяется постоянно до конца попразднства.

Как же совершается это спасение? – Вменением греха Адама Сыном Божиим Себе, чтобы потом загладить его. «Сопрестолен Отцу и Духу Сый» (будучи), «ангельскими воинствы дориношуся; но в малем вертепе, странствуя, родихся в Вифлееме за благоутробие» (любовь, сострадание к людям); «поэтому и ныне, Иоанне, десницу твою Мне взаимствуй, да» (чтобы) «отмыю во Мне мира прегрешения». Именно: «во Мне» Самом сначала, как Боге. «Мене крести, во Мне человеков очищающа прегрешения».

«Спасти хотя заблуждшаго человека, не не сподобился еси в рабий зрак» (человеческий образ) «облещися». И далее следует дивная мысль: «подобаше» (надлежало) «бо Тебе, Владыце и Богу восприяти наше за ны: Тебе бо крещшуся плотию, Избавителю, оставления сподобил еси нас» (6 янв. стихира на Господи, возвах). Никто не мог спасти нас, – только Бог. И оказать такую милость мог только Бог, как Всеблагий, хотя и по правде, за жертву Собою Сына. Так очищаются в Христе грехи наши: «Христос наши в воде погребает грехи, яко благ» (5 янв. 1-я песнь канона утрени). В стихире, после освящения воды, поем: «О нашем бо прегрешении быв человек, нашим очищением очищается во Иордане, Един Чистый и Нетленный, освящай мене и воды. Вземляй грехи наша на рамена, пришел еси, Иисусе к струям Иорданским» (5 янв. стихира на хвалитех).

Так крещается Христос во Иордане и омывается не от Своих грехов, как Безгрешный, а от взятых на Себя, вмененных Себе грехов наших.

Се, Агнец Божий, взявляй грехи мира! (Ин. 1:29). Если бы в мире кто-нибудь взял на себя наши денежные долги и уплатил их за нас, как бы мы благодарны ему были! Как бы мы были рады за себя, что освободились от неоплатных долгов! Как бы мы потом были верны этому человеку, желая хоть этим отплатить ему за спасительный дар! Какою любовью мы хотели бы заслужить его доброе отношение к нам своим поведением и вообще всюю своею жизнью! Как бы боялись чем-нибудь огорчить его.

А мы так ли поступаем?

Об этом говорит притча Господня о должнике в десять тысяч талантов, а еврейский золотой талант стоил на прежние деньги двадцать пять-двадцать шесть тысяч рублей, то есть о неисчислимом долге его. И все это было прощено. А ему должен был некто 100 динариев (динарий – дневная плата работающему, 20–21 копейка по прежнему), то есть долг рублей в двадцать: долги несоизмеримые! Но первый должник жестоко обошелся со своим: повалил его, душил и потом посадил в темницу. Такой жестокости удивились даже товарищи бедняка; и они рассказали про все государю своему; и он снова потребовал от него безмерного долга и *«отдал его истязателям»* (см.: Мф. 18:23–34). Так, заключает Господь, и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его (ст. 35). Потому и в молитве Своей Господь научил нас просить: *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим* (Мф. 6:12).

И апостол Павел пишет: *Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть... А Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками* (Рим. 5:6–8).

Здесь, правда, говорится уже об искупительной смерти Христа; но крещение Его есть начало искупительного подвига за

нас. Как же мы должны бы отвечать Господу за Его крещение! И как отвечаем? Мы и Господа не любим как должно. Мы и к «братьям» холодно относимся. Какие нам «братья» все эти «чужие» люди. А часто мы смотрим на них, как на врагов!

Слово же Божие и Церковь совсем иначе учат нас. Например, с первого дня предпразднства начинается славословить: «Господи, слава Тебе» (2 янв. стиховна). И, чем дальше, тем это славословие учащается: «славно бо прославися; Боже наш, слава Тебе» (2 янв. хвалитна). «Тя превозносим, Христе, во веки» (3 янв. 8-я песнь канона повечерия). Или: «Крещаемая чистыми делы почтим» (2 янв. 9-я песнь канона повечерия). Но пока продолжим выяснять смысл самого праздника.

Это, вероятно, неожиданно для нас, хотя мы за святой водой собираемся, – как говорили, – в исключительном множестве; но Рождество Спасителя чтим, кажется, светлее. Однако послушаем Церковь.

«Светел убо мимошедший праздник, светлейший же, Спасе, приходящий» (2 янв. стиховна 1-я вечерни). «Ясен убо мимошедший праздник, славнейший же настоящий день» (там же стиховна 3-я). «Светлейший солнца бысть прешедший праздник Рождества Христова; ясен и пресветел показася приходяй Божественного явления Его» (2 янв. стиховна утрени). В чем же причина этого превосходства? Не только в необычности обстановки: Дух почивает на Сыне, Отец дает глас с неба; а в том, что теперь Сам Бог Сын и вся Троица является миру. Человечество и даже избранный народ до такой степени пали, что даже Святую Троицу забыли! Ныне Она снова открывает Себя миру. Христос родился в скотской пещере, в неизвестности; здесь теперь Он явился миру открыто: «се (вот), явился Господь, Иорданскими струями одеян» (3 янв. 6-я песнь канона утрени). И Церковь это славит радостно: «Благословен явлейся, Боже наш, слава Тебе» (3 янв. конец стихир на хвалитех).

Потому и самый праздник Крещения называется еще Богоявлением: «Твоего богоявления, ныне» (прежде) «сокровенная действиями» (появлением и крещением) «сказал

еси, явль» (открыв прежние тайны) «человеком днесь» (5 янв. 3-я песнь канона повечерия). Поэтому и мы вопием: «Слава явившемуся Богу и на земли виденному» (6 янв. стихира на хвалитех и ныне). И повторяем часто в кондаке: «Явился еси днесь вселенней; пришел еси и явился еси, свет неприступный... Велие таинство явления Твоего!» (6 янв. хвалитна).

Но это явление было не только одного Сына Божия, а и всей Пресвятой Троицы: «Троица Бог наш, Себе нам днесь нераздельно яви; ибо Отец явленным» (явным) «свидетельством (-о) сродства возгласи; Дух же голубиным образом сниде с Небес; Сын Пречистый верх» (главу) «Свой Предтечи преклони» (царские часы, 3-й час, 2-й тропарь). «Троицы явление во Иордане бысть: Самое бо Пребожественное Естество, Отец возгласи: Сей Крещаемый – Сын возлюбленный Мой, Дух же прииде к Подобному» (6 янв. 8-я песнь канона утрени).

О явлении Пресвятой Троицы поется и на вечерне (в стихире на «Господи, возвах» и в тропаре: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Тройческое явися поклонение»); и в каноне на утрени: «Прославим Отца, и Сына, и Духа Святаго: се бо Троица Ипостасьми» (Лицами) «Единосушная» (по существу), «Единже Бог» (6 янв. 7-я песнь канона утрени). «Имже» (Христом) «Троическое таинство познася, во Иордане Тебе крещущуся» (9 янв. стиховна вечерни). «Щедротами Твоими, Боже, умолен, заблуждшее и погибшее взыскал еси... темже пришел еси на Иордан, сказав таинство Святыя Троицы» (9 янв. седален по 1-й кафизме). И нам Церковь обещает: «так и нам исходное» (то есть последствие)... «пакибытия баня» (наше крещение) «будем. Отсюду и Троицы узрим свет незаходимый» (6 янв. 9-я песнь канона утрени).

Уже по всему этому праздник Крещения есть «светлейший». Но он светлее и по спасительным последствиям своим.

Каким же? Одно уже мы указали: провозглашение истины бытия Пресвятой Троицы; а с этой истиной связана и другая цель.

Другая цель – воссоздание Божьего Царства. Для этого собственно и был послан от Отца Всесветлое Слово ночи отгнати зломрачное стремление (устремление ко злу и тьме) и искоренити грядеши человеков грехи (6 янв. 4-я песнь канона утрени); а вместо этого – привлещи Твоим крещением, Блаже, светлы... сыны (там же) Единороднаго Тя очищение Отец в мир посла (4 янв. 4-я песнь канона повечерия).

Немного нужно пояснить. Доселе было Царство Пресвятой Троицы, Царство блаженства и святости во Святом Духе. Но люди пали, и потому они без Бога устремились к злу, к греху. И в богослужении очень много говорится о грехе, о греховном царстве. «Далече человечество от Бога бывшее» (ставшее), «Слово Божие» (Христос), «ущедрив» (по милости), «Человек явися» (воплотившись); «а теперь крещением Богодельным» (боготворящим, делающим людей богами, не по существу, – как обманчиво, лестию соблазнил диавол прародителей, сказав им: *будете яко бози* (см.: Быт. 3:5–22), – «но по благодати сие» (человечество) «присвояет снова Себе боголепно и к первообразному возводит достоянию» (состоянию, достоянию, наследию Божию) (3 янв. 5-я песнь канона утрени).

«Да исполнится это Отчее благоволение... на сие» (для этого) бо приидох: Мене крести, во Мне человеков очищающа прегрешения» (4 янв. стихира на хвалитех слава). И вместо поклонения Троице люди стали кланяться идолам; «а теперь от идольския измывшеся нечистоты, снова просвещаются душами Его» (Христа) «ради» (царские часы, тропарь 6-го гласа). И как Сам Он, так и мы чрез погружение в воду [мертвость Божественную... образующе], потом «со Христом совостаем, тридневному востанию приобщающиеся» (5 янв. 7-я песнь канона повечерия). «Водою погребсти наши грехи хотя» (желая) «во Иорданских струях, Христос Бог оживляет нас «истлевших» (5 янв. 3-я песнь канона утрени). И действительно, Он, пламенный (пожигающий)... грех восприим, погребает во Иорданских водах, сияя Божества сиянием (3 янв. стихира на хвалитех слава), которое сильнее того пламени; «огнем Божества, идя на крещение, хочет погрузити нас водою и Духом,

люте сокрушенных грехопаденьми» (4 янв. 7-я песнь канона утрени).

Вот каким стало бывшее Царство Божие: темным, злым, смертным, растленным, погибающим. «Державу сокрушил еси греховную, Христе Боже наш» (6 янв. седален по 1-й кафизме).

Но есть худшее зло, чем грехи: люди впали в рабство диаволу, стали подданными его. Диавол был источником, соблазнителем греха; его люди и послушались, ему и подчинились, в его державу вступили. Поэтому нужно избавить их от его владычества.

Как же это могло быть?

Сделались они такими потому, что Бог этим рабством и наказал их, говоря приспособительно к человеческому слову, точнее, они сами после падения сделались неспособными жить с Богом. В богослужении на Крещение есть прекрасное место, где выражается эта мысль: «ныне... явился еси нам, Спасе наш и Зиждителю... во Иордане, яко щедр» (по любви к нам), «и ослепленные светом Твоим, Христе, просветил еси» (12 янв. стиховна на вечерне). Когда это они были «ослеплены»? – После падения своего: свет Божественный стал им нестерпим и даже опасен, вреден для души. Так и сияние солнца нам нестерпимо; и мы, если будем смотреть на него, то ослепнем; поэтому и не смотрим прямо, – разве через темное, тусклое стекло, как говорит и апостол Павел даже про себя и вообще про христиан: *теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу* (1Кор. 13:12).

Но в Священном Писании и в богослужебных книгах говорится нам богоприличнее: Господь наказал падших людей. И это – не в смысле, конечно, раздражения на них или озлобленного гнева, а в смысле проявления величества Божия к нашему самовольству. И сейчас мы увидим человекообразные выражения о «вражде», «примирении»; о «клятве» мы уже говорили. Мира, Христе, сый Царь, вражды средостение разорил еси, плоти подобием явився сущим на земли, то есть еще воплощением; а теперь вместо такого царственного дела, – как уничтожить «средостение», преграду и «вражду» между Богом и людьми, – Господь является на Иордане, прося Себе

очищения: Иоанн этому «дивится со страхом» (5 янв. 5-я песнь канона утрени). И нужно было прежде всего «примирить» людей с Богом; но как же? – Воплощением и потом крещением Христа, за любовь крайнюю плоть приимшаго, и крещением нас Отцу примирившаго (4 янв. 8-я песнь канона на повечерии).

Подробнее это не раскрывается в богослужении, но самое «примирение», уничтожение «вражды», утверждается. Впрочем, нечто по этому поводу указывалось уже: вменение Себе грехов человеческих Крещающимся, очищение в водах, «крайнее смирение» Божие. Например: Смирался, предгрядеши креститися речными струями. Грядет... Господь преклонится руце твоей, Иоанне... смиренно, яко да смиренного мя вознесет крещением (3 янв. 4-я песнь канона утрени). Руками создавый, Христе, человека, под руку Предтечеву подклоняеши, яко человек смирался, яко да возвысиши мя, древле смиревшася (падением) и погибша (4 янв. 9-я песнь канона утрени). Да Твоя славы всяческая исполниши, Себе Самого истощил еси даже и до рабья образа. Ныне же длани раба подклоняеши главу рабски, уничиженно (5 янв. 1-я песнь канона повечерия; ср.: Флп. 2:7–8). Полный истощися (4 янв. 6-я песнь канона утрени). Крайнее смирение! (2 янв. седален по 2-й кафизме).

Это «истощание», «уничижение» Себя, но за человека, и является тем спасающим искуплением, которое началось воплощением, продолжается теперь смиренным крещением, а кончится распятием, чем и примирил Господь Отца с падшим человечеством.

И теперь, после примирения, возвращается благоволение Божие, пока к Сыну; клятва снимается, Дух Святой, пока на Христе, является; сила вражия над человеком разрушается – ибо возвратилось Божие благоволение, милость, любовь, благоутробие.

И теперь мы обратимся к последнему пункту: уничтожению власти дьявола.

Об этом так много говорится в богослужении, как ни о чем, кроме благодати. Читая стихиры и каноны, дивишься такому множеству! Но мы не обращаем на это внимания, будто это не касается смысла праздника. Нет! – наоборот, в этом и

сказывается он прежде всего. И «простой» народ чувствует это сильнее, потому он и приходит в таком множестве на «Иордань» для получения святой воды. Обратимся же и к текстам богослужения. Здесь диавол называется, как увидим, змием, зверем, волком, мучителем, врагом, прелестником, губителем и проч. и проч.

Господь идет на крещенные, омыти (смыть) хотя (желая) Адамово рукописание (2 янв. стиховна на вечерне), данное им на задолженность диаволу. А теперь Он стер змиеву главу и отверз рай, который «затворило преступление» Адама, обольщенного лестью змиевою, вкушением древа иногда (2 янв. стиховны на вечерне; ср. Быт. 3:1–6). Поем, – зовет Церковь, – главы Стершему невидимых врагов (3 янв. 8-я песнь канона утрени). Агнец Божий предста к рабу, прося крещения... свободити ищай поработенныя ны от льстиваго, и доброту (красоту) первую погубльшыя (3 янв. 9-я песнь канона утрени). На Иорданских струях стоиши... ища, Христе, овча, еже дивий (дикий) волк расторгне (разорвал) лестию (4 янв. 3-я песнь канона утрени). Род человеков горькаго мучительства вражия избавися (5 янв. 4-я песнь канона повечерия). Царь убо, мира Начальник и сущих в водах древле пронаречеса (см.: Ис. 9:7), но удавляется Твоим очищением и низлагается... легион; рук же Твоих, Спасе, создание, поработенное от него, державною Твоею рукою освобождения сподобил еси (там же 6-я песнь). Избавление грядет Христос крещением подати всем верным: сим бо... низложшаго (диавола) мучителя посрамляет, Небеса отверзает, Духа Божественнаго низводит, и нетления причастие дарует (там же 8-я песнь). Змиев главы сокрушити Христос спеша, ныне грядет водами (5 янв. 5-я песнь канона утрени). Таящагося в водах борителя, князя тьмы, тщуся (стремлюсь) погубити, избавляя мир от сетей его (царские часы, стихира 6-го часа). Предгрядеши ныне на Иорданскую реку потопити змия (2-й тропарь 6-й песни канона предпразднства 2 янв.). Днесь Небесе и земли Творец приходит плотию на Иордан, крещения прося, безгрешный, да очистит мир от лести (прелести, обмана) вражия... и очищение водою роду человеческому дарует (6 янв. стихира на стиховне). Преста лесть вражия... гора и холм

врагов понижается (5 янв. 8-я песнь канона повечерия). Господь уловляет змиев, гнездам натекая (набрасывая на гнезда) многими сетями, низлагая (их) Бог Слово; запинаят же (сокрушает) уязвившаго всемирный род, сего потребль (уничтожив), избавляет тварь (6 янв. 4-я песнь канона утрени). Соблюдаемся благодатию, вернии, и печатию (крещения); яко бо губителя бежаша (там же 9-я песнь).

Вот какова была держава греха и диавола. После смирения и «примирения» Крещаемым с Отцем оно лишается силы; и вместо нее восстанавливается Царство Божие – Духом Святым, или Царство Небесное, Благодатное царство. К этому мы и переходим.

Так и начинает Церковь славословить дело Христово: Слава пришествию (воплощению) Твоему Христе! Слава Царствию Твоему! Слава смотрению (плану спасения) Твоему, Едине Человеколюбче (7 янв. седален по 1-й кафизме). И еще Иоанн проповедовал о приближении этого Царства: Покайтесь, приблизися бо Небесное Царство, призывая вся (всех) к славе Божией (5 янв. 4-я песнь канона повечерия). Царствуеши, но не мирски (не от мира сего) естеством Сый Царь... Свойственну (общую) имаши Державу Царствия со Отцем, прежде веков, присно и во веки с Духом (там же 6-я песнь). Вифлеем оставивше... ко Иордану тецем душею теплою; и тамо узрим страшное таинство: боголепно бо предста обнажився Христос мой, одевая мя во одежду Небеснаго Царствия (3 янв. светилен).

Иначе это Царствие Божие может быть на земле именуемо еще Церковью. Приспе Христос ко струям Иорданским, крещения прося, очищаяй грехи... Радуйся, языческая Церковь, Царю (Богу) уневестившись (3 янв. стихира на хвалитех). От воды таинственно Духом соделал еси, Спасе, многочадну Церковь, первее безчадную (5 янв. 5-я песнь канона повечерия). Непогодная древле и безгодная люте, днесь веселися Христова Церковь: водою бо и Духом сынове тебе родишася (6 янв. 3-я песнь канона утрени).

И создание (лучше сказать: воссоздание) Благодатного Царства ныне, в крещении, лишь начинается: Вся исполняй,

яко Бог, крещается от раба, обнищавати (умалается, уничижается Сам) начат (начал), богатные дары даруяй (2 янв. стихира на стиховне), то есть спасая и воссозидая людей. Ныне дело державно (царственное, могущественное) совершает Владыка Господь, ибо влечет к Себе Богозданное естество – все творение (6 янв. 3-я песнь канона утрени).

Этим мы теперь обращаемся ко всей твари, а не к одному лишь умалившемуся (уничиженному) человечеству, неизглаголанно величая (возвеличивая его) крещением (4 янв. 5-я песнь канона утрени). Нет, возвеличивается ныне и вся тварь. Этому также много посвящается Церковью в богослужении. Христос явися, всю тварь хотя обновити (тропарь предпразднства)... Крести мя: хошу бо исполнити естество земных освящения и очищения (4 янв. 9-я песнь канона утрени).

Да Твоя славы всяческая исполниши, Тебе Самого истощил (умалил) еси... Ныне же длани раба подклоняеши главу рабски (5 янв. 1-я песнь канона повечерия). Земля освятится Рождеством Твоим святым, Слове... ныне же водное естество благословися, Тебе плотию крещшуся (там же песнь 9-я). Ныне крещается Христос и восходит от воды, совозводит бо с Собою мир весь (6 янв. стихира на литии). Днесь тварь просвещается; днесь всяческая веселятся, Небесная вкупе и земная (там же и ныне). Адамово естество обновил еси (6 янв. седален по 2-й кафизме). В частности, Христос грядет ко крещению, безсмертие Божественною банею (то есть через наше крещение, см.: Тит. 3:5) всем подая (1-й тропарь 3-й песни канона предпразднства 5 янв.). Какое непостижимое «державное дело»! И действительно, можно и должно сказать, что происходит новое творение, ибо теперь все существующее умирает.

Новотвориши земнородныя, нов Адам был Содетель, огнем, и Духом, и водою странное совершая возрождение и обновление чудное... крещением богодетельным (боготворческим) новотворя (5 янв. 5-я песнь канона утрени). Духом души новотвориши; водою же освящаеши тело (там же).

Следовательно, и человечество, и весь мир обновляются крещением Христовым.

Как же это происходит? – Двояким путем. Прежде всего, тем, что Сам Бог, воплотившись, причастился твари Своей, или миру, – и тем освятил его, обновил, очистил.

Истинный Свет явился и всем просвещение дарует, крещается Христос с нами... влагает священие воде (6 янв. стихира на хвалитех). Струи освятил еси Иорданския (6 янв. седален по 1-й кафизме). Земля освятится Рождеством Твоим святым, Слове... ныне же водное естество благословися, Тебе плотию крещшуся (5 янв. 9-я песнь канона повечерия).

Но этих мыслей очень мало. Несравненно больше, вообще больше всего прочего, говорится о другом пути обновления: о благодати Божией.

И прежде всего вспомним причастен в самый праздник Крещения (но не накануне в сочельник): Явися благодать Божия, спасительная всем человеком. Эти слова взяты из литургийного Апостола (Тит. 2:11). Но мысль о благодати постоянно звучит на богослужении как основной мотив. Нет возможности, да и необходимости, переписать все выдержки об этом; укажем хоть на некоторые.

Воплотившийся Создатель ко Иорданским ныне струям грядет, обогащая Божеством земных на обновление (4 янв. 1-я песнь канона повечерия). Христос приходит ко Иоанну источити крещение спасения огнем Духа, во Иорданских струях, яко Бог, роду человеческому (4 янв. седален по 2-й кафизме). Решительную (освобождающую, разрешающую) душ и телес купно крещения благодать, Спасе, грядеши даровати: сего ради подававши ныне нам и благодать вместо (на) благодати (4 янв. 3-я песнь канона повечерия). Эти слова взяты из Пасхального Евангелия (Ин. 1:16), где говорится о явлении Господа миру и подаянии «благодати на благодать».

В чем же заключается эта благодать? Первое, на что мы уже указывали, это очищение от грехов. О втором мы тоже говорили: освобождение от власти диавола.

На третий дар обратим особенное внимание теперь: это – «сыноположение» Богу. Благодатию сыны (сынами) Божия сотвориши ны (4 янв. 1-я песнь канона утрени). Едина благодать Отца, Сына же и Духа совершающая, делающая

совершенными, даром желаящих верно Божественного крещения сыноположения... власть получают (5 янв. 7-я песнь канона повечерия). Крещение нас вместо рабов (врагу) сыны (сынами) Божия соделовае (царские часы, час 9-й, тропарь); Ты, Слово, приходишь сыны привлеци Твоим крещением... светлы от струй Иорданских (6 янв. 4-я песнь канона утрени). Свободна (от врага) убо тварь познавается и сынове Света, прежде омраченнии (6 янв. ирмос 8-й песни канона утрени).

Этот дар «сыноположения», или усыновления Богу, особенно важен нам. Чтобы немного понять его, возьмем такое сравнение: какая была бы милость или радость, если бы кто из обыкновенных людей был усыновлен царю? А еще больше, если он до этого был рабом злого захватчика? Теперь же не только освобожден, но еще и усыновлен самому освободителю-царю? Здесь же – усыновление Богу! Таким даром наделяет нас благодать крещения! Человечество возвращается в прежнее славное состояние: Род земнородных к первому взыде паки благородию (5 янв. 9-я песнь канона повечерия). А как сыны Самого Царя – Бога, мы удостаиваемся Царства Божия, Царства Небесного.

Да убелится всякое земное естество, от падения ныне на небо возводимо... текущими струями омывашеся, прегрешений прежних убеже, пресветло измовено (6 янв. 8-я песнь канона утрени). И это все совершается Божию благодатию, потому это Царство и может быть названо Благодатным Царством. И начаток спасения на Иордан совершити... прииде Христос (3 янв. стихира на хвалитех утрени). Свет озаряти уже начинает! (3 янв. стихира на стиховне утрени). В этом открытии Благодатного Царства и заключается главный смысл праздника.

Праздник Богоявления и Крещения еще называется «Просвещением»; так он называется в Евангельских и Апостольских чтениях: суббота пред Просвещением, неделя пред Просвещением, Просвещение (вместо Крещения), суббота по Просвещении, неделя по Просвещении. Так же точно, – и тоже очень часто, – это слово употребляется и в богослужении.

Сам Христос называется Просвещением (5 янв. 8-я песнь канона утрени), Просветителем нашим, просвещающим всякаго

человека (6 янв. на Господи, воззвах 1-я стихира). Людие, во тме скорбей древле седящи, Свет явися вам незаходящий, видите и Божественными зарями просветитесь и Явльшагося благодать воспойте (4 янв. 5-я песнь канона утрени). Душ очищение готовится, просвещение, решение (освобождение) лютых прииде, возликуй вся тварь! (там же 9-я песнь)... Прииде Просвещение, Избавление явися (там же стиховна утрени) просветити сущия во тме (5 янв. стиховна вечерни). Поем Господу, к светлости Божественней возводящему нас (5 янв. 1-я песнь канона повечерия). Подает Христос чувствующим Его Божественное осияние (там же 3-я песнь). Христос Иисус предгрядет водами Иорданскими потоки греховныя потопити, просвещение всем даруя (5 янв. 1-я песнь канона утрени). Вместо тьмы Христос просвещает человечество водою Божественнаго крещения Его (царские часы, тропарь 9-го часа). Прииде Просвещение; Благодать явися, Избавление (от врага) наста; мир просветится: людие, радости исполнитесь (10 янв. стиховна утрени).

Почему именно называется так крещение? Конечно, не потому, что люди стали более учеными и знающими, что думают так называемые «просвещенные» люди. И напрасно «простые», но верующие и крещеные православные люди называют иногда себя «темными». Это совершенно неверно! Наоборот, так называемые «просвещенные» люди, но неверующие, являются «темными» в истинах спасения. И даже – нередко!

Просвещение же, как мы видели из приведенных выдержек, противопоставляется иной тьме: тьме греховной и тьме диавольской, которая так и называется «темной силой». А в противоположность ей Церковь учит о свете благодати, о свете Христовом. Так она и читает каждый день в конце первого часа: Христе, Свете истинный, просвещай и освещай всякаго человека, грядущаго в мир: да знаменается на нас Свет Лица Твоего, да в Нем узрим Свет неприступный.

В слове Божиим Светом называется Бог и все Божественное. *Бог есть свет* (1Ин.1:5). Он *обитает в неприступном свете* (1Тим.6:16). Господь Иисус Христос о Себе сказал: *Я – свет миру* (Ин.8:12,9:5). Он *был Свет*

истинный (Ин. 1:9). Вот где истинное просвещение! Поэтому и Крещение Его называется Просвещением, как начало откровения Его миру и избавления от тьмы вражией.

А можно думать, что в Небесном Царстве есть особая светлость, непостижимая, неприступная для нас. Господь преобразился во свете. Праведников ожидает светлый мир, они будут, как солнце. Святые и теперь, на земле еще, осияваются благодатным светом сильнее солнца, как преподобный Серафим Саровский. Над святыми людьми рисуются круги света (нимбы). На крещаемых надеваются белые одежды, – не только в знак их чистоты, но и в знамение Небесного Христова света: *елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь*. Над святыми старцами люди своими глазами видели огненный, но не опаляющий их свет.

В заключение богослужебных мыслей Церкви мы должны и на эту особенность обратить свое внимание, хотя бы потому, что и в богослужении на нее не раз указывается. Например, при крещении боголепно бо предста, обнажився, Христос мой, одевая мя во одежду Небеснаго Царствия (3 янв. светилен). Господь грядет на Иордане обнажитися яве (явно)... обнажением одевая всех, обнажихся змия советом сопротивным (4 янв. стиховна вечерни). Господь, одеваяйся светом, наг зрится во Иорданских струях (4 янв. 5-я песнь канона повечерия). Ныне, Господи, и к речным течением наг приходиши, мою одевая наготу (4 янв. 1-я песнь канона утрени). Адамову наготу одевая, Благоутробне, во одежду славы, хочещи обнажитися плотию во Иордане реце (5 янв. седален по 2-й кафизме). Обнажение студное покрывая Адама праотца, обнажаешися вольно и струями Иорданскими Тебе Самого покрываеши (5 янв. 3-я песнь канона утрени). Креститесь грядеши, яко человек, одеждою мя одевая, славы древняя обнаженно люте (5 янв. кондак). Како обнажение Твое, небесные видят Ангелы, привыкшие видеть людей в одежде? (5 янв. 6-я песнь канона утрени). Иже от Адама нази, приидите вси, облечемся в Него, да согреемся: покрывает бо нагия и просвещает темныя (6 янв. икос). Этим вопросом о Христе Церковь занимается преимущественно до праздника, а в самый

праздник совсем забывает о наготы Его, говоря больше о благодати Божией.

Из вышеприведенных выписок мы видим, что нагота Господа связана с обнажением падшего Адама. Прежде греха прародители не замечали, что они – наги. И только после этого у них обоих «открылись глаза», и они вдруг заметили, что они наги. Следовательно, в невинном состоянии люди не замечали бы своей наготы, как малые дети и доселе не стыдятся этого. Одежда же – «опоясание» из смоковых листьев (см.: Быт. 3:7), а потом и Сам Господь Бог сделал Адаму и жене его одежды кожаные и одел их (ст. 21). Значит, одежды суть знак нашей греховности.

Господь же пришел для того, чтобы возвратить людей «в первое благородие». Поэтому, как безгрешный и греха отнюд не ведый (2 янв. хвалитна утрени), и Сам входит [в воду] телесно нагим, и хочет облечь людей в благодатную одежду нетления.

Какая же это одежда? Нам, неопытным, это невозможно и представить себе. Но вот что говорит нам Церковь в богослужении: нетления одежда самотворится для достойных (5 янв. 7-я песнь канона повечерия).

Можно бы сказать еще, что святой Симеон Новый Богослов беседовал с ангелом, купаясь в воде, и не стыдился. Некий святой ходил в женскую половину бани, не стыдясь. Нам известен случай, когда некий угодник Божий вышел к посетителям нагим... Конечно, это – не нашей меры!

Вот что могли мы сказать о наготы Господа при крещении Его. Апостол Павел говорит, что у верующих во Христа *нет мужеского пола, ни женского* (Гал. 3:28). Сам Господь сказал саддукеям: *заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией; ибо в воскресении не женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как ангелы Божии на небесах* (Мф. 22:29–30). И нужно нам помнить слова апостола Павла: *есть тело душевное, есть тело и духовное... и как мы носили образ перстного Адама, будем носить и образ Небесного, то есть Христа* (1Кор. 15:44, 49). А Христос по воскресении Своим имел тело особое, а не каково теперь наше: он входил через затворенные двери; являлся Клеопе и Луке в одежде, а потом

за вечерей мгновенно исчез; одежды его прежние остались во гробе, отдельно от головного платя; наконец, Он вознесся.

А как? где Он сейчас? – не спрашивай, говорит преподобный Иоанн Лествичник, ибо все это – выше нашего ума, ибо относится к иному миру, к иным условиям бытия.

VII. Освящение воды

Как известно, вода на Крещение освящается два раза: в навечерие праздника и в самый праздник.

Конечно, это делается в воспоминание Господня крещения. Но только ли? И почему же два раза? Наши мысли по обоим этим вопросам такие.

Неверно думают, что празднуемые события являются только простым воспоминанием их. Совсем не так! Это уже видно из того, что молящиеся смотрят на них реальнее, действеннее. И Церковь, насколько я знаю, при воспоминании их переживает самую суть их – благодать праздника.

И святой Иоанн Лествичник говорит, что в двенадесятые праздники Господь дарует молящимся особую благодать, в соответствии с празднуемым событием.

Особенно ясно это бывает в Крещение, когда действительно освящается вода и люди берут ее и употребляют как подлинную святость, а не только как простое воспоминание о крещении Господнем. Даже больше скажу: едва ли кто в эти моменты освящения вспоминает о нем. Наоборот, ждут самого освящения воды и потом с похвальным усердием спешат, можно сказать рвутся, чтобы взять ее в какой-либо сосуд. И ждут именно того самого момента, когда вода в кадке ли или на реке освятится погружением в нее Креста Господня. И в молитвах на освящение воды так и говорится, как увидим, о даровании ей «благодати». Разве это лишь воспоминание? – Никак нет!

Что касается двукратного освящения воды, то исторически это объясняется различно. Богослужение под Крещение, как и под Пасху, совершалось к вечеру дня, так что «разговлялись» уже к ночи. И Златоуст говорит, что в его время в полночь верующие брали освященную (или, как правильно они говорят, святую) воду. А на Пасху и мы служим в полночь, рано утром, ибо и Господь воскрес рано. И доныне в некоторых странах (например, в Чехии) уже вечером вкушают скоромное, в честь славного праздника.

Другое же истолкование объясняет это тем, что накануне Крещения (и вообще «больших» праздников) совершалось крещение оглашенных и для них освящалась вода; на самый праздник крещенные могли уже с верными присутствовать на литургии и причащаться Святых Тайн.

Третье объяснение таково: прежде водосвятие совершалось лишь в Иерусалимской Церкви. Духовенство и народ выходили из храмов и шли на Иордан. Но потом этот обычай распространился на весь христианский мир. Говорят, что так было еще в IV и даже отчасти в V веке; так что было одно или два (накануне – для оглашенных) освящения.

Но у меня есть и четвертое объяснение. Как мы видим из богослужения, Крещение Господне имело целью двоякое освящение: человека и твари. Накануне, когда и стихиры уже пропели о крещении, и прочитали Евангелие о нем, и проч.; когда, следовательно, праздник церковно уже был совершен, совершалось освящение воды для людей, для нас. А на второй день, в самый праздник, совершалось уже освящение твари, потому и шли на реку, или колодезь, или даже на море, как у греков за границей.

К воде шел торжественный крестный ход... Это знаменовало открытие служения, или явление миру, Господа Иисуса Христа. Крестный ход выходит, когда еще не кончится литургия, а пред «Буди имя Господне»; это же поется по возвращении крестного хода в храм. Таким образом, освящение воды вводится в самую литургию, как часть ее. И на пути окропляется природа. Потом ею освящается и дом, и служебные постройки, и дворовая скотина, и даже все «скарედные» (нечистые) места: все благословляется благодатью Святого Духа и изгоняется враг.

Про самый порядок освящения воды писать здесь нет нужды. Обратим внимание на слова молитв: о чем мы молимся.

При самом начале крестного хода поем: Глас Господень, то есть Предтеча Иоанн, вопиет глаголя: приидите, примите вси Духа – являшагося Христа... Следовательно, это не одно простое воспоминание, а призыв к нам Церкви в получении благодати Божией, как главной цели пришествия Христа.

А во втором тропаре прямо говорится об освящении твари: Днесь вод освящается естество. В третьей поем о грехах наших, которые явились причиною расстройства и в человеке, и в природе. И в четвертом говорится о страхе самого Иоанна и твари, что Бог пришел креститься, зрак рабий приим; потому что Ему Самому, как безгрешному, не от чего было очищаться, не в чем каяться; но Он взял на Себя мира грех, потому Иоанн просит Его: освяти мене и воды, Спасе, то есть человека и тварь – очищающей благодатию Святого Духа. Поют громко: образуя голос Предтечи Проповедника.

Перейдем к великой ектении, в которой мы просим о благодатных действиях освященной воды... Они поразительны! И даже неожиданны. После обычных прошений диакон читает:

– О еже освятитесь водам сим силою и действием, и наитием Святого Духа;

– О еже снисходити на воды сия очистительному Пресущныя Троицы действу, – как было и при крещении Христа;

– О еже дароватися им благодати избавления... наитием Святого Духа, то есть «благодати Спасения»; так учит и святитель Димитрий Ростовский о действии сей воды;

– О еже сокрушится сатане под ногами нашими вскоре, и разорится всякому совету лукавому, движимому на ны;

– Яко да Господь Бог измет нас от всякого навета и искушения сопротивника, будущего;

– О еже просветится нам просвещением разума и благочестия наитием Святого Духа;

– О еже низпослати Господу Богу благословение Иорданово, где крестился Сам Христос;

– О еже быти воде сей, освящения дару, грехов избавлению, во исцеление души и тела и на всякую пользу изрядную;

– О еже быти воде сей приводящей в жизнь вечную, согласно обещанию Самого Господа Самарянке (Ин. 4:14), (дивное прошение! Освященная вода будет вести нас к вечной жизни!);

– О еже явится сей отгнанию всякого навета видимых и невидимых враг;

– О черплющих и емлющих (берущих) во освящение домов;
– О еже быти сей во очищение душ и телес всем, верую черплющим же и причащающимся от нея (то есть вкушающих, а нельзя думать, что освященная вода заменяет Святое Причастие);

– О еже сподобитися нам исполнитися (всякого) освящения вод сих причащением (вкушением).

Какие великие прошения! Они так ясны, что иных пояснений и не требуют.

Дальше священнослужитель читает долгую молитву; часть ее он произносит про себя, «тайно», еще во время ектении. В ней он опять молится: да, водное естество освятив, Безгрешне, путесотвориши нам, еже водою и Духом паки рождение (возрождение) и к первому нас устроиши свобождению от врага... Это все уже известно нам по богослужению на Крещение.

Центром молитвы является прошение с троекратным благословением воды рукою: Ты убо, Человеколюбче Царю, прииди и ныне наитием Святаго Твоего Духа и освяти воду сию (трижды).

А далее перечисляются дары благодати воды: грехов разрешение, недугов исцеление, демонов всегубительство... ангельская крепости исполненную, что уже нам известно по ектении.

Потом опускается крест в воду, и совершается им в ней крестное знамение, при пении «Во Иордане». Потом предстоятель кропит присутствующих на четыре стороны, духовенство целует крест; предстоятель «знаменует их василком^{****} по лицу со священною водою крестообразно». Потом должна бы так же подходить «и вся братия». А поющие беспрестанно повторяют «Во Иордане». Но «братия» уже не подходит ко кресту: не до этого! Все бросаются к святой воде...

Мы, духовенство, едва-едва протискиваемся чрез неимоверную толпу, идем кончать литургию: Буди имя Господне благословенно отныне и до века и проч. Да и как не благословлять имя Господне после такого великого действия Его благодати!..

Когда я иду между тесными рядами богомольцев и вижу их с чайниками, бутылочками и другими сосудами для святой воды и кроплю в них воду, с какою радостью, восторгом, верою бросаются они ко мне! Боже! Какая вера! Как отраднo! Как радостно, до слез радостно, от этого! Кажется, что ангелы окружают тебя толпой! Рай на земле! Вот оно – «Благодатное Царство Божие» еще здесь, на земле! Для него и приходил креститься от Иоанна Господь Иисус Христос! И плоды Его смирения, проповедей, чудес, страданий, креста, а потом воскресения и вознесения – вот они! А в будущем веке – жизнь вечная в Царстве Пресвятой Троицы, с Божией Матерью, ангелами и всеми святыми.

И всей душою соглашаешься со стихирю, которую поют по возвращении в храм: Почерпем убо воду с веселием, братие: благодать бо Духа верно (с верою) почерпающая невидимо подавается от Христа Бога и Спаса душ наших (стихира по освящении воды).

Небольшое примечание. В наставлении, после освящения, говорится: «Нецыи суть отлучающе себе от святых воды вкушения ради». Это относится собственно к навечерию, когда служба кончается к вечеру, и потому иные люди что-либо вкушают «до» святой воды. Они «не добре творят, ибо благодати ради Божия (вода) дана бысть на освящение миру и всей твари. Тем же во всяких местах, и скарედных, и всюду кропится, яже и под ногами нашими суть... Не вкушения ради ястия нечистота в нас есть, но от скверных дел наших: очищени же от сих (последних), прием без сомнения сию святую воду».

А потом в Минее делается ссылка на святого Иоанна Златоуста, что еще при нем эта вода хранилась и два, и три года «не растлевающейся, целой и новой», как будто она только «ныне от источников почерпана».

Купанье – в крещенской речной воде. Вместо своих рассуждений выпишу часть письма ко мне.

«Когда-то делали проруби на реках; и бывало немало людей, которые, после освящения воды, окунались в них. Я девочкой еще была, лет 15–16, когда впервые это увидела; и меня поразило: бросился окунуться один большой кутила, он

вел нехорошую жизнь. Все кругом заговорили: «и этот полез загрязнить собою воду». А я подумала: нет, он не загрязнил ее, святое нельзя загрязнить; но он, окунувшись, вновь крестился и смыл с себя все! И я с уважением посмотрела на него. Но только боялась, чтобы он вновь не стал грязниться».

VIII. Разное

Как видим мы теперь, в богослужении содержится такое обилие мыслей, что все их крайне трудно не только изложить, но иногда даже и подметить. В заключение, однако, нам хотелось бы хоть кратко указать на них.

1. Некоторые думают, что крещением Господним установлено и наше крещение. Это верно. Но в богослужении очень мало указаний на это; однако есть.

2. Христос явился именно для спасения грешников: «грешником и мытарем за множество милости Твоея явился еси, Спасе наш» (тропарь вечерни Крещенского сочельника). Это известно и сказано. Но вот далее стих, повторяющийся как припев: «да и где бо имел бы свет Твой воссияти, токмо на сидящие во тьме? Слава Тебе!» Как это умирительно!

3. Что разумеется под «огнем» (Мф. 3:11), которым имеет крестить Господь? Причем сказано: «и огнем», после слова «Духом». По Евангелию от Матфея (Мф. 3:12), согласно пониманию самого Крестителя, нужно разуместь огонь наказания, мучение во аде: *и соберет (Господь) пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым*. Но в богослужении под «огнем» понимается благодать Духа: «остави, о Иоанне, креститися Господа, огнем и Духом очищающего всю тварь, на сие бо прииде – освятити земныя» (то есть людей) «и водное естество» (5 янв. светилен).

Христос приходит крещенные источити спасенныя огнем Духа (4 янв. седален по 2-й кафизме). Огнем Божества невещественныя... Иорданскою облагается водою (6 янв. 1-я песнь канона утрени). Но в другом месте поется: Огнем крестит конечныя Христос противныя, а не Бога мудрствующих Его. Духом же обновляет водою благодати разумливыя (разумевающих, познавших) Божества Его (там же песнь 6-я). Значит, понимание в богослужении – двоякое; но мысли их не противоречат.

4. Как обычно, на другой день праздника, совершается «собор» того, кто служил событию: после Рождества – собор

Божией Матери, ибо Она послужила Рождению Сына; после Благовещения – архангелу Гавриилу, благовестившему Ей; ныне – Предтече, который крестил Господа. «Собор», то есть собрание священников или из одного храма («соборне»), или они сходятся из других храмов города, а в монастырях – несколько иеромонахов, вместо одного служащего. Потому и главный храм города лишь один называется «собор»: в нем несколько служащих.

Но мне хочется отметить сейчас слово Господа, повторяемое и в богослужении, что он – больший всех пророков (Мф. 11:11). И это понятно: он крестил Господа; он видел сошедшего Святого Духа; слышал глас Отца. Больший «из рожденных женами». Но как с этим примирить дальнейшие слова Господа: *но меньший в Царстве Небесном больше его*. Святой Иоанн Златоуст толкует эти слова в том смысле, что под «меньшим» здесь разумеется Сам Христос, больший «в Царстве Небесном». Такое толкование можно принять по существу. Да и ученики Крестителя, по привязанности своей к нему, считали, что он «больше» всех.

Но у святого Исидора Пелусиота¹⁸ дается иное толкование (а он был чителем и последователем Златоуста): да, ученики – правы; Иоанн среди рожденных плотски, по естеству (женами), – больше всех. Но всякий рожденный по благодати (Ин. 3:3–6), самый меньший, последний, – «больше его». Этим Господь указывает на ту истину, что благодатное рождение, для чего и пришел на землю Господь, выше всякого естественного, как и Иоанн ниже не только Христа, но и всякого благодатно удостоившегося Царства Небесного, Царства Божия. А это и нужно было доказать сомневающимся ученикам Иоанновым: Христос тем паче выше Иоанна!

Хотя трудно доказать историческими справками, но нужно думать, что празднование главных событий из Христовой жизни – рождения, крещения, воскресения и вознесения и проч. – современно самому христианству. Конечно, и крещение людей началось, по заповеди Христовой, с момента Пятидесятницы. Апостол Петр в своей речи к народу, – на вопрос слушателей:

что же нам делать? – отвечал: *покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа* (Деян. 2:37–38).

И совершенно невероятно, чтобы христиане не чтили крещение Самого Господа.

В Постановлениях апостольских¹⁹ (около начала христианства) сказано: «Да будет у вас (христиан) в великом уважении день Явления, в который Господь явил нам Божество Свое; да будет он в шестой день десятого месяца» (Кн. V, гл. 13). «Богоявления праздник да празднуют, понеже в той день бысть явление Христова Божества, свидетельствовавшу Ему Отцу в крещении, и Утешителю Святому Духу в виде голубине, показавшу предстоящим Свидетельствованного» (Кн. VIII, гл. 33). Во II веке, на празднование Крещения Господня и на то, что пред этим совершалось ночное бдение, указывает ученый святой Климент Александрийский²⁰ († 217), бывший прежде язычником, а потом принявший христианство («Строматы». Кн. I, XXI, с. 407). От III века остались «Слова» ученого папы Римского Ипполита († 235) и святителя Григория Неокесарийского, Чудотворца²¹ († 270).

В IV веке говорили проповеди святые отцы Григорий Богослов²², Василий Великий, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский²³, Августин²⁴ и т.д. – Вот краткие исторические данные о праздновании Крещения Господня.

Хоть кратко, но проведу здесь параллель между этими двумя крещениями.

а) Пред крещением Господь услышал пугливое возражение Иоанна Предтечи: я требую от Тебя, как высшего, крещения; и Ты ли грядеши ко мне? А Господь ответил ему прикровенно: Оставь, то есть не возражай, так надлежит нам исполнить всякую правду, то есть то, что должно. И Иоанн, не смея более возражать, тотчас приступил к крещению (Мф. 3:14, 16).

В самом деле, если бы простой смертный мирянин осмелился благословить священника или архиерея, хотя бы ему и предложено было это, – не стал ли бы он возражать с испугом?! – Вероятно. А ведь Иоанн доселе крестил, как больший. Но теперь пред ним стоит Сам Господь Бог!

б) Но почему же Христос не сказал ему ясно, в чем же причина такого необычного поручения?

Господь эту тайну оставляет без объяснения. И так должно! Все Божественные тайны необъяснимы.

Они потом могут быть открываемы лишь Духом Святым. А до тех пор нужно иметь послушание и верить. Так и поступил смиренный Предтеча.

И нам, священнослужителям, приступая к крещению кого-либо, нужно тоже просто верить. Господь так сказал Иоанну. Так повелел, без объяснения, и апостолам пред вознесением: *Шедше, научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына, и Святаго Духа* (Мф. 28:19). Так заповедует нам две тысячи лет Церковь. Да и как объяснить – непостижимое уму?!

Но пред крещением совершается еще отречение от диавола. Господь, входя в воду, со властью сокрушил его. Так и мы отрекаемся от державы, от власти его. И священник читает молитвы отречения. Слушая их, я не раз думал: нам, священнослужителям, эти молитвы нужно читать просто с верою; ведь не в нас сила, а в Боге: на Него и должны уповать. Потому нужно молитвы читать со спокойствием и твердою верою, но в душе – смиренно! Действует само призываемое имя Божие! Это нам нужно хорошо усвоить! Когда же крещающий говорит крестному: «Дунь и плюнь на него», то есть на диавола, то мы не должны стыдиться этого, а смиренно, но и дерзновенно сделать это; иначе не мы попираем его, а он – нас, через ложный стыд.

в) После этого «разверзлись небеса»; так и теперь для нас открывается вход из державы диавольской в Царство Божие.

г) Но для этого входа необходим Дух Божий: на место подданства диаволу – Божий Дух, Божие настроение. Христос получил Святого Духа как знамение иного духа. Так и человек непременно должен креститься.

д) После этого над Христом раздался глас Отца, что Он есть Сын Его возлюбленный. Так и мы, крестившись во имя Святой Троицы, делаемся теперь «сынами» Божиими по благодати.

е) Христос, вышедши из воды, пошел в мир и встретился с держателем его, дьяволом, но с помощью Духа Святого победил его. Так и нам, после крещения, чрез миропомазание сообщаются благодатные силы для благочестивой жизни и для борьбы со злом – во всю нашу жизнь.

Обычно под Рождество, под Крещение, под Пасху я служу в домово́й архиерейской церкви... Только здесь я могу читать полностью всё: стихиры, и каноны, и все паримии. В соборе все это пропадает и сокращается...

И плачется сладко... И о творении мира... И о дивных чудесах Божиих... Даже одно имя «Бог» настолько трогает, что с большим трудом сдерживаешься от рыданий...

Непостижимость – скажут иные... Но меня эта непостижимость и влечет... Ее хочется... И ум ничего не может возразить: это воистину все было! Как радостно! И слезы радости и восторга текут сладко...

А ведь я – недостойный... Что же у святых? А что в Царстве Божием?

Прошел светлый праздник Рождества Христова; наступил другой светлый праздник: Просвещение – Крещение Христово, бывшее 30 лет спустя по Рождестве Христовом. С этого времени надлежало Иисусу Христу вступить в открытое, славное Свое служение спасению человеческого рода.

Для чего, спросите вы, крестился от Иоанна безгрешный, святейший Господь? – Для того, братия мои, чтобы освятить для нас воды крещением Своим и чтобы установить и узаконить для нас таинство святого крещения, чрез которое все мы очищаемся от скверны греха и возрождаемся в новую, духовную, благодатную жизнь, освящаемся и делаемся чадами Божиими (Ин. 1:12), народом святым, царственным священством (1Пет. 2:9), наследниками Божиими и сонаследниками Христовыми (Рим. 8:17). Видите, сколько и каких великих даров делаемся мы участниками чрез крещение! Помните это и дорожите, крепко дорожите тем, что вы – народ крещеный, народ Божий и Христов, и ведите себя достойно высокого звания христианского, живя в добродетели и удаляясь всякого греха.

Пробегая мыслию время до рождества Спасителя, мы встречаем здесь людей, водящихся в жизни и вере собственным омраченным умом и растленным сердцем, своими страстями, погруженных в нечестие и разврат. Они в то время, по слову пророка, приложились скотам несмысленным и уподобились им, между ними не было творящего благодатью, не было даже ни одного. Вера в единого истинного Бога – Существо всесвятее – не имела места в людях этих времен. *Слава нетленного Бога изменена была в подобие образа тленна человека и птиц и четвероног и гад* (Рим. 1:23). Люди не знали своего Творца и подобающую Ему честь воздавали различным тварям, которые сами должны служить своему Создателю. Вместо того чтоб поклоняться и служить со страхом и трепетом Владыке и Судии мира, человек поклонился твари.

Диавол, этот исконный враг человеческого спасения, истощил всю свою хитрость адскую, все злобные усилия для того, чтобы из темной области своей проложить путь всем порокам в бедный род человеческий, возлюбивший *паче тму, неже свет* (Ин. 3:19). И это нечестие, этот разврат делали их сынами погибели, добычею ада. Избавителя не было; он еще не явился. Но вот настает predetermined конец времен. Растление людей дошло до последней крайности. Сам человек чувствует совершенное бессилие и изнеможение в борьбе со страхом и сильно желает и ожидает вышней помощи, – и милосердный Бог посылает едиnorodного Сына Своего на землю подать всеильную помощь совершенно изнемогшему и нуждающемуся человечеству, разогнать густой мрак, покрывавший человечество, и осветить сидящих во тме и сени смертной светом Своего богоразумия. Вот Он разрешити осуждение грядет Адама первозданного (ирмос 5-й песни 1-го канона праздника), коего преступление низвергло в эту тьму всех его потомков, и Сам, как Бог, не нуждаясь в очищении, падшего человека очищает в Иордане, в котором, убив вражду, разделявшую человека с Богом бездною непроходимую, дарует людям мир... *превосходяй всяк ум* (Флп. 4:7). Они просвещаются святым крещением и начинают уже вкушать тот

духовный райский покой, который Спаситель обещает всем трудящимся и обремененным в этом мире. Люди перестают водиться собственными страстями в своей жизни и, как заблудшие овцы, получившие опять доброго Пастыря, следуют Его гласу и по Нем идут. Вместо прежнего подобия скотам несмысленным является в них теперь во всей чистоте и силе утраченное подобие Божие; вместо искаженного образа Божия является образ, восстановленный во всем величии, так что люди соделываются народом избранным, царским священством, языком святым, людьми обновленья (1Пет. 2:9). Мир, лежащий во зле, с пришествием на землю Источника всякого добра начинает постепенно выходить из глубины зла. Тма проходит и свет истинный уже светит (1Ин. 2:8); люди в радости спешат просветиться Им и ищут насладиться Его спасительными плодами. Дела диавола разрушены; времена его темного владычества над миром миновали; небо примирилось с землею; для людей приблизилось Царствие Божие; вместо чад гнева они наречены сынами Божиими.

Истинное покаяние прогоняет греховную тьму, грех и виновника греха диавола, живущего и царствующего в сердцах грешников, и водворяет в сердце верующего и покаявшегося Царство Небесное, Царство правды, мира и радости в Духе Святом, Царство Христово – Царство Небесное, Царство благодати, которое есть Церковь Его, это благодатное на земле Царство, в котором подаются нам все Божественные силы к животу и благочестию.

Что такое Царствие Божие? – Это то же, что Царство Христово, или Сам Христос, пришедший во плоти; Царство правды и святости, мира и радости в Духе Святом, прощение грехов, сыноположение, или усыновление, нас, грешных, – чрез веру и крещение и прочие таинства – Богу; дерзновение пред Богом; удаление от всех земных пристрастий и взирание горе, к Богу; горячая любовь к Богу и ближним; сила и власть над страстями и над демонами, строящими непрестанно козни над людьми и ищущими ввергнуть во всякие грехи и погубить их; Царство Божие есть непрестанное восхождение от добродетели, от земли на небо, от тления к нетлению, от смерти к

бессмертию, от временной и исчезающей жизни к жизни, конца не имеющей. Так как мы и в начале были созданы бессмертными по душе, со способностью к бессмертию и по телу, и уклонились в смерть, пагубу, в тление по своей вине.

Царство Небесное, или благодать Христа Спасителя, во время земной жизни нашей повсюду тайно и явно следует за нами и готово вселиться в нас, в наше сердце, если найдет в нас самих расположением готовность к нему.

Благодать везде, во всякое время ищет спасения грешника, ибо дорогою ценою куплено спасение наше (ср.: 1Кор. 6:20). Она с тобою и дома, в уединении тайно озаряет твой ум, твое сердце, по временам располагая его к покаянию или к благодарности за бесчисленные благодеяния Божии, она беседует с тобою и в пути; стучится к тебе и в общественных собраниях; и при твоих трудах умственных и физических, и везде готова открыть тебе свои святыя матерние объятия, только бы ты опомнился, очувствовался, уверовал, смягчился, просветился. И многих, многих спасает тайно и явно благодать Божия, извлекая из бездны грехов различными, одному Богу известными способами. Так близко к нам всегда Царствие Божие, и так удобно нам везде спасение, если только мы желаем жить по вере и дорожить своим спасением. Господь наш Иисус Христос чрез Свое воплощение, чрез Свое житие на земле, чрез Свое учение, чудеса, страдания, смерть, воскресение и вознесение на небо, изливал на землю, или, лучше, на ЦЕРКОВЬ, всю бездну Своей благодати, изливал целое море благодати: приходи всякий и черпай воду спасения, сколько хочешь. *Почерпите воду с веселием от источник спасения*, вопиет пророк (Ис. 12:3). *У верующего в Меня, говорит Господь, потекут из чрева реки воды живой* (Ин. 7:38).

Пользуйся благодатию покаяния, приступай с умилением и с дерзновением к Тайнам Христовым, поучайся в храме и дома догматам и таинствам веры; слушай и читай Писания; пой, славословь, благодари Господа, *глаголюще себе во псалмах и пениих и песнях духовных* (Еф. 5:19), – и вот ты в Царствии Божием, и в тебе Царствие Божие.

Так близко Царствие Божие, Царствие Небесное на земле: оно с нами живет, в двери наши стучится, к желающим и кающимся входит и приносит свои чистые, нетленные, животворные блага правды, мира и блаженства духовного.

Но если к нам так близко Царство Небесное и так готово всегда нас объять, в нас вселиться, – то мы безответны^{*****} будем пред Богом, если удалимся сами от Царствия Божия.

Братия! *покайтесь: приближи бо ся Царствие Небесное.*
АМИНЬ.

Преображение Господне – Праздник Царства Славы

I. Мои мысли

Так озаглавить праздник Преображения Господня представляется и правильный, и наиболее существенно характерным: это праздник ЦАРСТВИЯ БОЖИЯ.

Еще и далее придется писать об этом главном предмете праздника, но и сейчас скажу кое-что по поводу его.

а) Прежде всего – Царствие Божие никак нельзя отождествлять с царствием земным, не только в его плохом, греховном состоянии, но даже и в так называемом нравственно-совершенном виде его.

В нашей литературе, даже и в богословии, и в частных воззрениях существует такое мнение – будто Царствие Божие и есть царство на этой земле, только улучшенное, а по существу остается ВСЕ ТО ЖЕ: и города, и занятия, и многообразные удовольствия (только «чистые»), и наука, и даже автомобили... Это говорил в Санкт-Петербурге на собрании протоиерей профессор Духовной академии о. С-ий. А другой профессор той же академии, У-ий, на другом собрании светских людей и писателей заявил, что он не понимает идеала преподобного Серафима Саровского; что в царствии созерцательного характера преподобного Серафима ему было бы СКУЧНО.

Все это я слышал лично.

Такого же воззрения держался и бывший священник Г. П. Подобное проповедовал профессор Киевского университета протоиерей С. Так сначала учил философ Владимир Сергеевич Соловьев²⁵ и другие.

В известном смысле здесь есть доля правды, ибо Царство Божие, открываясь в людях, живущих на земле, конечно, тем самым Царство Божие есть и на земле.

Да, НА ЗЕМЛЕ, но не земное. Да, Царство Мое в мире, но не от мира, говорил Господь (Ин. 18:36).

По месту оно пока на этой земле, но по СОДЕРЖАНИЮ своему оно совсем отлично от этого Царства. Царство Божие, конечно, не в постройке городов и не в автомобилях, даже не в науке (без чего профессора не могут представить себе жизни),

даже не в нравственном поведении или добродетелях; нет, Царство Божие – не есть земное Царство.

Это нужно сразу усвоить!

б) Почему же? – Да просто потому, что это не Божие царство, а земное, человеческое, иногда склонное к царству животных (так все и говорят: «царство животных»), а иногда переходящее и в царство дьявола, державу «князя века сего» (Ин. 12:31). БОГА, БОЖЬЕГО В ЭТОМ ЦАРСТВЕ ИЛИ ОЧЕНЬ МАЛО, ИЛИ СОВСЕМ НЕТ.

В самом деле, если с Богом скучно, то уж какое тут царствование Бога?! Его просто изгоняют из души и жизни и хотят наслаждаться миром без Владыки, царством – без Царя; хотят кощунственно, святотатственно «похитить» у Бога Его творение, Его владение, Его область и – господствовать самим...

Древний соблазн Адама: не слушайся Бога, отделись – и сам будешь богом!.. Увы! Получилось тогда жалкое изгнание из рая.

в) И по существу, наоборот, такое земное понимание Царства воистину скучно верующему и по-настоящему любящему Бога и ищущему еще здесь воцарения Его в душе своей.

Можно ли представить преподобного Серафима царственно торжествующим оттого, если бы он знал науки о земле, звездах, теле человека, государстве и т.п.?! Можно ли насытить душу его удовольствиями тела, когда он бежал от мира?!

Впрочем, не только преподобный Серафим, – этот великий гигант духа, – но и всякий верующий и мало-мальски опытный в духовной жизни человек, хотя бы и грешный, знает, что ничто в этом мире не может насытить душу нашу... Это и поэты знали: «По небу полуночи Ангел летел», – все мы знали это стихотворение Лермонтова²⁶, – и нес душу в долину смерти и слез... Это и нам совсем ясно: мир сей влечет нас обманчиво к себе («прелестно»), а после – скучен; и даже может быть мучительный.

Нет, это не «Царство»; это – нищета. Это – место изгнания, ссылка, удаление от Царства Божия.

Мученики, пренебрегавшие этим миром до отдания самой жизни своей (чего же более?!), есть лучшее доказательство, что им мир сей был чужд... А мученики – венец христианской Церкви!

г) Что же такое Царство Божие?

Вслушаемся даже в слова: «Царство» – «царит».

Кто? – Бог!

«БОГ ЦАРИТ».

Вот если у кого «Бог царит» в душе (в мыслях, желаниях, слове, делах), – тут ЦАРСТВО БОЖИЕ. Следовательно, нужна полнейшая отдаанность Богу, дабы Он Сам царил тогда в наших душах.

А если душа отдается Богу ВСЕЦЕЛО, то до этого ли мира ей?!

д) Но Бог царит в людях (пока до Царства Славы), – ЧЕРЕЗ ДУХА СВЯТОГО, или – Его Благодать.

Посему Царство Божие на земле есть ЦАРСТВО ДУХА СВЯТОГО, или Царство Благодати.

Так и говорят святые отцы.

Так именно видел я в Твери в церкви святых жен-мироносиц в иконном изображении «Молитвы Господней»: на местах прошения «Да приидет Царствие Твое» изображено небо, откуда сходил Дух Святой (в виде голубя) и лучами светил на землю.

И преподобный Серафим в своей чудесной беседе с Н.А. Мотовиловым совершенно ясно говорил, что сущность христианства заключается в ЦАРСТВИИ БОЖИЕМ; а Царство Божие ЕСТЬ СТЯЖАНИЕ БЛАГОДАТИ СВЯТОГО ДУХА.

е) А сие стяжание благодати не только отлично от мира сего (с «автомобилями»; а преподобный Серафим по воздуху ходил, являлся в отдельных местах и т.п.); оно даже отлично от самых «добродетелей», коими будто бы можно превратить землю в Царство Божие. Преподобный Серафим говорил, что не только посты, поклоны, но даже добрые дела, даже сама молитва не составляют сущности христианства; это лишь средство, пути, а суть – В СТЯЖАНИИ БЛАГОДАТИ.

ж) И если, далее, человек хочет (как и Мотовилов) ощутить это Царство Божие, то ему нужно опытно удостоиться воспринять его, что и сделал преподобный Серафим для Н.А. Мотовилова, – преобразившись, по благодати Божией, сам; и Мотовилов в это время был в некоей степени введен в подобное же состояние: «иначе вам, ваше боголюбие, невозможно было бы и созерцать все сие», – припоминаю слова преподобного Серафима ему.

Без опыта же это непостижимо. И, конечно, будет «скучно». А ощутившему – «неизреченно» блаженно.

з) Но сие Царство имеет СТЕПЕНИ: от преобразившегося святого Серафима, или от святого архидиакона Стефана, исполненного Духом Святым и увидевшего *Славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога* (Деян. 7:55), *лице Его было как лице Ангела* (Деян. 6:15); увидевши сию Славу, Стефан воскликнул: *я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога* (Деян. 7:56).

Иудеи этого не вынесли и в злобе побили его камнями, но от этой высоты – бесконечный ряд ступеней до покаянной печали включительно, «печали по Бозе» (2Кор. 7:10).

Такое «рыдание», такая «скорбь» – лишь радость доставляют, ибо они свидетельствуют о благодати Божией, действующей в сердце грешника.

и) А из всего этого видно, что Царствие Божие – НЕ ВНЕШНЕГО характера, а внутреннего.

Царство Божие внутри вас есть, сказал Господь (Лк. 17:21).

По происхождению же оно – «с неба», от Бога, поэтому часто называется ЦАРСТВОМ НЕБЕСНЫМ.

По содержанию же, как причастие к жизни Бога, – есть Царствие Божие.

И можно сказать, что Царство Божие есть ЖИЗНЬ БОГА, проявляющаяся или же изливающаяся через Духа Святого в людей.

к) И, конечно, такое Царство не есть дело рук человеческих; оно не «тварное», не «сотворенное», не «рабское», не «служебное», оно – «НЕ СОЗДАННОЕ», а от Бога приходящее.

Можно даже так сказать: Царство Божие ЕСТЬ САМ БОГ, в Себе Самом, а потом – воцаряющийся уже и в людях.

л) В нас, христианах, это воцарение начинается с таинства крещения, а конца ему – нет, ибо уподобление Богу бесконечно.

м) Поскольку же это Царствие Божие выполняется через (или в) Церковь, то можно говорить, что Церковь на земле есть Царство Божие; но оно – В ПРОЦЕССЕ постепенного преображения человека, а не в завершении. И только святые, – да и то не обычные, – сподобились высочайших степеней его.

Однако апостол Павел даже про себя говорит, что пока он видит это «сквозь тусклое стекло», а что будет «тогда» и «там», *око не виде, ухо не слыша (1Кор. 2:9)*. То же говорит и святой Иоанн Богослов: *пока еще не открылось, что будет с нами; знаем лишь, что... подобными Ему (Сыну Божию) будем (1Ин. 3:2)*.

н) Поскольку мир воспринимает в себя благодать Церкви, постольку и он находится в процессе «оцарствования» Богом.

Когда же наступит время полного неверия, тогда необходимо должен наступить конец мира, ибо дальнейшее существование его не только религиозно бессмысленно, но – прямо губительно!

о) Тогда эта земля и все, «что на ней, СГОРИТ». (Слышат ли это защитники Царства Божия «на земле»?) *Небеса с шумом мимо идут. И будет НОВОЕ НЕБО И НОВАЯ ЗЕМЛЯ (2Пет. 3:10, 13)*.

Об этом «новом мире» – совершенно новом качественно, – говорит Откровение святого Иоанна Богослова в гл. 21 и 22.

«Тот мир» так необычен, так не похож на сей мир, что святой Иоанн Богослов, несмотря на всю высоту свою, мог говорить в Апокалипсисе о нем лишь описательно, посредством сравнений или же чрез отрицание признаков этого мира.

– *Прежнее небо и прежняя земля прошли. И моря уже нет больше (Откр. 21:1)*.

– *Я увидел град святой Иерусалим новый, сходящий от Бога с неба (ст. 2)*.

– *Это – скиния Божия с человеки, и вселится с ними (ст. 3)*.

– *Се творю все новое (ст. 5)*.

Иерусалим весь – из драгоценных камней. Храма же не видел в нем. Да и зачем он? Ибо *Господь Бог Вседержитель – храм ему есть и Агнец* (ст. 22), то есть Иисус Христос.

И не требуется также «ни солнца, ни луны», ибо *Слава Божия просвещает его, и светильник его – Агнец* (ст. 23).

Ясно, что *ночи не будет там* (ст. 25).

От престола Божия и Агнчего протекает «река воды живой» (Откр. 22:1), то есть благодать Божия. *Узрят лице Его, и имя Его на челах их* (ст. 4).

И святые воцарятся во веки веков (ст. 5), ибо ничему нечистому места там нет:

– Боязливым (то есть не проявившим мужества веры, исповедничества, подвига), неверным, и скверным, и убийцам, и блуд творящим, и чародеям, идолопоклонникам, лжецам – им место в огненном озере (ст. 15) вне Бога: *это есть смерть вторая* (Откр. 20:14), то есть окончательная.

Царство Божие и Царство Христово – одно и то же. Преобразившийся Господь Иисус Христос и есть Царство Божие, или – в славе Царства, или Царство Божие, проявившееся во Христе.

Это, по существу, очевидно; и текст Слова Божия устанавливает с точностью. У евангелиста Матфея написано: *Истинно говорю вам, что некоторые из здесь стоящих не увидят смерти* (то есть еще прежде смерти), *как увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем*. (И тотчас идет речь о преображении; Мф. 16:28.)

А святой евангелист Марк, писавший со слов самого апостола Петра, говорит: *как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе* (Мк. 9:1).

Святой евангелист Лука просто говорит: *как уже увидят Царство Божие* (Лк. 9:27).

Итак, очевидно, что ЦАРСТВО БОЖИЕ, проявившееся «в силе», – и есть слава, блаженство, прославление, преображение, Царство в Преобразившемся Христе.

Подобно Ему *просветятся яко солнце и все праведные*, хотя и в разной степени (Мф. 13:43).

Это царственное преобразование распространится после Страшного суда не только на человека, но и на тварь, на всю природу.

Из приведенных слов апостолов Петра и Иоанна это устанавливается несомненно. То же говорит и апостол Павел:

– И сама тварь совоздыхает и соболезнует даже доныне, ибо она *покорилась суете* (тлению, распаду, испорченности) *не по своей воле*, а за человека, падением своим подчинившего ее этому бедствию. И она ожидает себе царственной «свободы», когда люди войдут в состояние «славы», как уже дети, «(сыны) Божии» (Рим. 8:19–22).

Преобразование же Господне ПОКАЗАЛО это делом, а именно: не только *просветилось лице Его, как солнце* (Мф. 17:2), а и тело земное; изменились даже и одежды, сделавшись такими блестяще-светлыми, *как снег, как не может убелить никакой белильщик на земле*, – говорит с обычной ему яркостью апостол Петр (Мк. 9:3).

Очевидно, это будет преобразование всей твари. Эта земля уже не будет соответствовать прославленному духовному состоянию человека – сына Царства славы.

Невольно хочется вспомнить о них, когда видишь на Преображение яблоки, груши, виноград, – внесенными в святилище Божие для освящения.

Это делается не только потому, что к этому времени созревают фрукты, но и потому, что тут есть СВЯЗЬ С ОБНОВЛЕНИЕМ твари. Они напоминают погубленное райское блаженство, а с другой стороны – утешают нас обещанием, что в будущей мире будут и некие обновленные, прекрасные наслаждения.

В житиях святых о сем говорится нередко. Таким образом, этот благочестивый обычай весьма приличествует именно преобразению твари. Сама сладость вкусных плодов говорит о той радости, о том блаженстве, которое ожидает праведных в Царстве славы; напоминает о той духовной сладости, которую пережил апостол Петр с другими учениками на Фаворе: *Господи! как нам хорошо!* (Мк. 9:5). То же пережил Н.А. Мотовилов в беседе с преподобный Серафимом во время его преобразования.

Конечно, *Царство Божие не пища и питие*, говорит апостол Павел, *а правда и мир и радость в Духе Святом* (Рим. 14:17); но человек, по своему стремлению к образному, видимому пониманию невидимых вещей, да и по неизбежности, ибо для «новых» вещей нужны и новые слова (ср.: 2Кор. 12:4), – хочет выразить духовные истины внешними, понятными обрядами.

Так и здесь: будущее блаженство славы Царства Божия верующий христианин изображает под образом сладких плодов.

И вообще, очень часто в Святом Писании будущие духовные блага переводятся на язык вкуса; например, еще в древнем Завете царь Давид говорит: *Вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33:9). Поэтому этот псалом читается теперь после освящения пяти хлебов, пшеницы, вина и елея, и после причащения, в конце литургии. И Господь говорит, что Он будет вкушать – *«пить новое вино в Царстве Отца»* (Мф. 26:29) с учениками *в Царствии Божием* (Мк. 14:25; Лк. 13:29), в Царстве Христовом (Еф. 5:5; Лк. 22:30).

И самое духовнейшее, высочайшее, непостижимейшее таинство Тела и Крови Он дал нам под видом хлеба и вина, сказав: «идите» и «пейте».

И у святых отцов постоянно встречаются подобные образы. Святой Макарий Египетский²⁷ говорил, что иногда человек, сподобившийся причастия Святого Духа, чувствует себя как бы «пьяный» и т.п. Но, конечно, все это нужно понимать в особом, духовном, смысле.

Ведь и Мотовилов говорил о сладости, теплоте, благоухании, конечно – не телесных, а подобных этим ощущениях. Какая уж теплота, когда на него и преподобного Серафима снег на вершок нападал, пока продолжалось все это состояние и пока святой Серафим объяснил ему все переживаемое?! Поэтому у святых отцов очень часто такие сравнения предваряются словами: «как бы». Да и о Христе, во время преображения Его, говорится: «как бы солнце»; об одеждах: «как бы снег».

С 1 августа началась уже катавасия Креста – Воздвиженская (на каноне): «Крест начертал Моисей» и так далее, и сразу подумалось: уже пред Преображением началось

это напоминание Церкви о кресте. Чего бы, казалось, уж не подождать хотя бы недельки две?! Пусть бы прошел праздник славы Царства торжественно, не опечаливаемый!

Однако тотчас же вспоминается, что и самое преображение Господь показал именно в связи со Своими страданиями – с грядущим крестом, дабы успокоить хотя бы избранных, когда они увидят Его на кресте и во гробе.

Господь в начале Своего благовестия очень мало говорил открыто о Кресте Своем Его последователям.

Но вот наступило это время, и Господь, после исповедания Его Сыном Божиим (Мф. 16:16), прямо сказал: *Ему должно пострадать и быть убиту, а после воскреснуть*. Петр, не понимая ни слов страданий, ни воскресения, остановился лишь на кресте и стал (по-человечески) упрашивать Его: *да не будет сего с Тобою, Господи!* Но услышал (а точнее: не к нему относилось это, а к сатане, стоявшему за ним): *отойди от Меня, сатана! ты... мыслишь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16:21–23).

И затем Господь даже усиливает свою мысль о страданиях тем, что указывает на подобную же необходимость креста и для последователей Его: кто хочет за Мной идти, пусть отречется от себя, и возьмет крест свой и идет за Мной... Душу свою нужно «погубить» ради Христа (Мф. 16:24–26). Нужно и жизнь отдать, умереть!

Больные слова! Неприемлемы нашему сердцу! И сейчас. И Господь хочет облегчить принятие Его учением о необходимости креста. Как? – Ничтожностью всего мира пред одною душою (ст. 26)! И обещанием награды во славе Царства Отца и ангелов, во второе пришествие (ст. 27). Но все это, хотя и верно, но еще было не всецело убедительно, ибо первое для слабой души – неощутительно, а второе – отдаленно. А человеку, желающему взять крест на себя, так хочется убедиться: стоило ли? из-за чего?

И тогда Господь приводит третье опытное доказательство: «некоторые из вас УВИДЯТ» это обещаемое Царство, эту награду, по сравнению с ней весь мир – ничто; на днях увидят

Царство Божие во всей силе, Сына Человеческого во всей славе...

И «по шести днях» Господь преобразился.

И тот же апостол Петр в восторге от этого, не зная, что бы и сказать, начал, как простое дитя, говорить о постройке трех шалашей – Господу, Моисею, Илии: *добро есть нам zde быть... не ведый, еже глаголаше* (Лк. 9:33). О себе и других двух товарищах совсем забыл!

А Христос после преображения снова заговорил о кресте.

Это нужно было не только апостолам, но и всему миру явить через них: что же ожидает последователей Христа? Что им дано будет за крест?

– СЛАВА ЦАРСТВИЯ!

Ее они видели теперь своими очами. Есть из-за чего и жизнью жертвовать!

Такова связь Преображения и Креста. Поэтому очень разумно Церковь пред Преображением начинает крестную катавасию. И на самый праздник не оставляет ее.

И Моисей и Илия беседовали с Господом об «исходе Его», то есть о страданиях, а не о чем другом (Лк. 9:31).

Но сердце наше, услышав ныне о кресте, немного загрустило (человек ведь!). Однако не мучительно, а сладостно-печально, умирительно. Духовною «свежестью» среди знойного августовского дня повеяло от этой мысли о кресте.

И слава Царствия тотчас же окрасилась в тон подвига, борьбы, креста; светлое переплелось с цветом мученической крови!

Поэтому на Преображение я бы надел облачение золотое – символ царства, а «набор» (омофор, епитрахиль и так далее, и митру) красный – символ креста, крови, страданий.

Преображение празднуется после уборки хлебов (на севере, а на юге – ранее) и после созревания плодов, то есть в конце трудов. И притом когда все достигает совершенства, зрелости. Особенно на юге. Это – символ совершенства, полноты будущего Царства славы, но после трудов крестной нашей жизни.

И, конечно, это – летний праздник... Царство Божие немыслимо представить в виде зимы, холода... Царство Божие празднуется под образом теплоты: и в Святое Причастие вливается теплая вода со словами: благословенна теплота Святого Духа, ибо Дух Святой животворит, как бы согревает теплотою; причащающимся дается «теплота», соединение теплой воды с вином.

Рождество же празднуется, – ибо человечество духовно тогда умерло, как деревья, – зимою. И в Вифлееме засияло «Солнце Правды»; это время – перелом зимы.

Пасха – весной: начало пробуждения, восстания, оживления, воскресения и природы. И вся Пятидесятница – по Духов день – в теплое время празднуется.

Воздвижение – осенью: тьма, грязь непролазная; борьба, аскетизм, крест, очищение от страстей. Но что посеешь осенью, то пожнешь!

Богоявление – тоже зимою: чистота воды, белый снег, омовение от страстей, обновление – покаяние, исповедь, бесстрастие, крещение.

Хотя апостол Петр и «не знал», что бы сказать, но все же захотел задержать блаженство: «вот бы так все время мы все и жили!» О себе и товарищах позабыл, смиренный...

Хотел внешним путем удержать внутреннее. Так и люди теперь: все «строят» счастье. А оно «не создано», а дар Божий... Внутри нас (Лк. 17:21)...

Два раза говорил Отец Небесный: на Крещение и теперь. И два раза одно и то же.

Иисус Христос *есть Сын Мой Единородный (возлюбленный)*. Через Него – Мое благоволение или даже: к Нему, в Нем, а уже через Него – и всему миру. Здесь лишь добавление: *Сего послушайте* (Мф. 17:5; Мк. 9:7; Лк. 9:35)... Это последнее – в ответ на сомнение апостола Петра (и всякого): да стоит ли? да зачем? – Ответ: *Сего послушайте*.

Почему? – Ибо только через Крест совершится наше искупление, – вернется к нам в Нем и через Него Отчее благоволение.

В третий раз голос будет говорить уже перед самыми страданиями:

И прославил и еще прослаблю! (Ин. 12:28). Как видим, все – в связи с Крестом.

Искупление совершается Сыном пред Отцом, пред Богом, пред Святой Троицей. А слава, осиявшая Господа, – есть благодать Святого Духа, – «не созданная».

В Париже мне пришлось служить на Преображение литургию, и темою проповеди я избрал известную картину – икону Рафаэля: «Преображение».

...Наверху: светлое, голубое, ясное, прозрачное, тонкое, эфирное небо. Светлые золотистые облачка славы. На воздухе, а не на земле, торжествующий Спаситель, Моисей и Илия... Слава, радость, легкость. «Хочется летать», – так и рвется на язык.

Немного ниже, но в той же области, на горе Фавор, – созерцающие апостолы. «Лучшие» притом. А внизу – темные, тяжелые краски: красное, багряное, темное, чувственное тело, земля. А главное – корчи бесноватого юноши. Мучающийся отец. Беспомощные ученики, не могшие исцелить больного. Таков несчастный, больной мир, находящийся во власти дьявола!

Такова беспомощность «спасителей» без Христа. Как ни бьются люди, но исцелить (спасти) мир не могут... Два противоположных мира. И только от того, светлого, мира может прийти спасение к сему несчастному миру людей.

Когда сошел Господь к ним, то легко изгнали беса...

Книжники же спорили и упрекали учеников Христовых за то, что те не могли изгнать беса. А сами? Сами-то еще более были бессильны. Ибо не к ним, а к ученикам Христовым все же обратился несчастный отец. Он привел сына ко Христу; Христос же в то время преобразался... Тогда отец обратился к ученикам... А к книжникам и не думал обращаться: бессильные начетчики!

Этот случай здесь ПРОМЫСЛИТЕЛЬНО был допущен.

Люди прежде, до падения, были в Царстве Отца и блаженствовали. Отпали – и впали в жестокие муки к дьяволу.

Теперь они снова возвращаются Искупителем в Царство славы. Но путь к этому противоположен падению: там – диавол, здесь – понадобился Сам Сын Божий; там – услаждение, здесь – страдания ждут; там – внешнее (вкуси), здесь – внутренний подвиг; там – невоздержание, здесь – постом враг изгоняется; там – самоутверждение («яко бози»), здесь – молитвою к Богу; там – древо познания добра и зла, здесь – блаженство по воскресении; там – Адам скрывается от Бога, здесь – Отец Сам ищет спасения людей чрез Христа, Сына Своего; там – диавол насильствует, здесь – он изгоняется; там – изгнание из рая, здесь – возвращение в Царство славы; там – карающее решение Отца, здесь Его благоволение – через Сына.

II. Богослужения праздника

Опишу общее впечатление от службы.

Много раз останавливалась моя душа на этом слове: «страшное». И мало-помалу вошло в нее ощущение страха пред величием совершившегося на Фаворе. И это было совершенно новое для меня ощущение... Может быть, и для других.

Между тем такое восприятие Преображения часто отмечается в богослужебных песнопениях. Впрочем, что же говорить, если и сами апостолы от страха пали ниц?! И потребовалось им успокаивающее слово Господа:

– Не бойтесь.

Если уж лучшие из апостолов так встретили преобразование, то что же нам?!

Отчего же это?

Мы, теперешние люди, очень часто забываем все величие Божие! Нам (какая это односторонность!) всё прививали понятие о Господе, как о Любви; и притом самую эту любовь мы, по необходимости, представляем себе человекообразно, в виде чувствительной мягкости, снисходительности.

Но припомним, что говорил Господь пред Своим явлением Моисею:

– *Не может человек видеть лице Мое и жив быти* (Исх. 33:20).

И когда Он явился ему, то (очень образно сказано) изрек:

– *Покрыю рукою Моею над тобою, дóндеже мимоиду... и тогда узриши задняя Моя* (то есть отблеск Славы, «тень»); *лице же Мое не явится тебе* (Исх. 33:22–23).

Об этом намеренно читаются паримии на Преображение.

Также, когда и величайший из пророков, Илия, удостоился «видеть» Господа в «гласе хлада тонка» (в веянии тихого ветерка), то Илия тоже:

– *Покры лице милотию и стоя близ пещеры* (3Цар. 19:13).

Но ныне слава Божия открылась в Господе Иисусе Христе гораздо явнее, чем Моисею и Илию в Ветхом Завете, посему и

действие ее должно было быть страшнее!

И когда преподобный Серафим преобразился, то Мотовилов от страха сначала не мог смотреть на него.

И нам, грешникам, нужно воспринимать преображение прежде всего именно с этой стороны:

ОНО ЧРЕЗМЕРНО ДЛЯ НАС!

Не вынесли бы мы! А из апостолов взяты были лишь лучшие трое! Бог – премивно славен, и неизмеримо величественна слава Его!

Это мы должны усвоить на Преображение. Из этого потом и другие последуют настроения в богослужении.

А теперь подтвердим сказанное – из служб:

– Превечное бо сокровенное таинство напоследок явлено сотвори (то есть воплощением Себя); страшное Твое преображение Петру, и Иоанну и Иакову, иже (которые) такова сияния лица Твоего не терпяще и светлости риз Твоих, ниц на лице земли покрывахуся, иже и ужасом одержими дивляхуся. Еще и оттого, что увидели Моисея и Илию с Господом говорящими (3-я стихира на «Господи, воззвах» на великой вечерне).

Даже, поется далее:

– Ангели служаху страхом и трепетом. Небеса убояшася. Земля вострепета.

Отчего же это все? – спрашивает Церковь.

Ответ ее: видяще на земли славы Господа (там же стихира на «Слава и ныне»).

Мало того... Господь еще «щадил» учеников, зная их немощность, и потому не всю славу открыл, а лишь показал им славу Свою, якоже (сколько) можаху они (тропарь праздника).

Больше они не выдержали бы: умерли бы! Об этом так поется в стихире на литии (она – очень большая, и потому ее почти всегда пропускают для сокращения [службы]):

– Мало скрыв плоти восприятие (то есть немного скрыв, как бы если мы, сняв одежду с тела нашего, так Он, немного лишь устранив воспринятую им человеческую плоть) преобразился... являя началообразная доброты (красоты) благолепие, и то не совершенно (не в полноте). Почему?

– Ово (с одной стороны) лишь для того, чтобы уверить учеников, извествуя тыя вкупе (вместе с тем) и щадя их, да не (дабы не) како со зраком (с органами зрения) жизнь погубят (и еже жити погубят, по-славянски). И потому лишь поскольку, яко можаху вмещати, телесными очима стерпяще, постольку и показал им Он Свою славу (стихира на литии).

Но и тогда ученики не терпяще зрети нестерпимое (проявление) Твоего сияния, на землю низпадаху, никакоже зрети могуще (стихира на стиховне «и ныне»).

В других местах говорится: не терпяще зрети светлости неприступныя славы лица Твоего (седален по 2-й кафизме). Как видим, очень сильно оттеняется эта мысль о страхе, о неприступности.

Еще более останавливаемся на ней потому, что преображение связывается с другими славными и страшными моментами: ВОСКРЕСЕНИЕМ, ВОЗНЕСЕНИЕМ И ВТОРЫМ ПРИШЕСТВИЕМ.

С другой стороны, Господь преображением хотел показать славу воскресения, последующего за Его страданиями. Поэтому поет Церковь:

– Прежде Креста Твоего, Господи, Ты преобразился пред учениками, да видевше чудеса Твоя, не устрашатся страданий Твоих; посему и обнаружил последующую славу, показати хотя (желая) Воскресения светлость (стихира на «Господи, воззвах»).

Предуказывается и на вознесение: да увериши славное строение Твое, Христе Боже, яко Сый прежде век, и Тойже на облаце восхождение (вознесение) положивый, на Фаворе неизреченно просиял еси (тропарь 4-й песни 1-го канона).

Чтобы немного приблизить к пониманию это ощущение «страха неприступности» приблизившегося Бога, дерзну припомнить одно переживание из моей такой маленькой, такой новоначальной жизни.

...Это было в первые месяцы пламенного юного монашества... (Увы, где оно?!) Тогда еще горячо молилось... И вот однажды на вечерней молитве душа так раскрылась навстречу Богу, что, казалось, и небо готово раскрыться. И близость Бога была так ярко ощутительна, что от напряжения

сердце начало уже болезненно сжиматься. И я должен был прекратить молитву и сказал внутри себя Богу: «Довольно, Господи! Останови! Помилуй, пощади! Иначе не выдержу!»

Я чувствовал, что сердце может не выдержать и жизнь прервется. *«Не может человек видеть лице Мое и жив быти».*

Думается: не переживал ли нечто подобное, но лишь в высочайшей степени, святой Ефрем Сирин, который просил Господа: «Ослаби ми волны благодати Твоя!»

Теперь уже не переживаю я того... И знаю почему: ленюсь молиться... Ведь и преображение Господне совершилось во время молитвы.

– *И когда молился, вид лица Его изменился*, – говорится о преображении (Лк. 9:29). Поэтому удостаивались видения света небесного молитвенники.

Поэтому и на Афоне были святые исихасты (созерцатели), сподоблявшиеся Фаворского света.

Но вместе с этим страхом Церковь внушает и другое восприятие славы. Слава обычно радует, веселит, дает торжественное настроение... И об этом не менее, и даже более, говорится в церковных песнопениях. И дается объяснение сему.

Очень часто употребляется это самое слово – «слава».

В тропаре поется: Преобразился еси... показавый учеником Твоим славу Твою, то же и в кондаке; и в других местах постоянно говорится о «пресветлой славе» (стихира на малой вечерне и ныне).

– Приидите, взыдем на гору Господню и в дом Бога нашего и узрим славу преображения Его, славу яко Единородного от Отца (Слава на литии).

Преобразившись, Господь и Моисея и Илию и трех учеников общники творяше веселия (стихира на стиховне).

И к этому «веселию» еще издалеча «созывает тварь» Давид и пророчески взывает:

– *Фавор и Ермон о имени Твоем возрадуются* (Пс. 88:13)^{*****}.

Эти стихи на стиховных стихирах все время праздника повторяются.

Потому и святой Петр в восторге взывает: *Добро есть нам zde быти!* (Мф. 17:4).

Правда, о веселии говорится сравнительно немного^{*****}, но о величии, о славе – больше. Тот же Петр.

После слов: «да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный» в тропаре неожиданно это:

– Молитвами Богородицы.

Странно мне это показалось! Даже на Рождество Христово не упомянуто в тропаре о Богородице (не говорю уже о Пасхе, Вознесении и др.). А здесь отмечено Ее заступничество.

Вот опять впервые задумался я на праздник: почему?

И пока единственное объяснение нахожу именно в указанном сознании греховности своей.

«Да воссияет»... Страшно... Мы – «грешные» недостойные. А славы хотим... И вот обращаемся к сильному посредничеству: «Молитвами Богородицы»... За Ее заступничество пощади и нас, Господи славы, и «воссияй свет» Свой...

Таким образом, эта добавка есть лишь дальнейший исход из тех же чувств:

- а) страшной славы Преображения и
- б) нашей греховности.

За покаянием нашим еще больше значит ходатайство Матери Преобразившегося. Иного объяснения не вижу. Может быть, другим что-либо открывалось еще кроме сего.

Теперь хочется спросить и несколько подробнее узнать, что же, собственно, страшного? Почему? Приведу выдержки из песнопений.

Что, собственно, произошло на горе Фавор?

Я уже (в «Своих мыслях») писал о «Царствии Божиим» в связи с речами Господа о Кресте, страданиях и воскресении. И это так, то есть о Кресте.

Но есть и другая связь событий.

Припомним, что речи Господа о Кресте последовали после другого замечательного события: исповедания апостола Петра на прямо поставленный Господом вопрос ученикам:

– *А вы за кого почитаете Меня?* (Мф. 16:15; Лк. 9:20).

В ответ на это ревностный Петр, конечно от лица всех, ответил:

– *Ты – Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16:16). И на этом исповедании, или на основе («скале» Петра – греч. «камень») этой веры – в Божество Сына Единородного – создается Церковь, которую и ад не преодолееет.

Вот зерно, суть, сущность христианства: Божество Господа Иисуса Христа. И эту истину открыл Петру Сам Отец Небесный (Мф. 16:17). Но открыл сокровенно, в сердце его. Нужно было сему ПОДТВЕРДИТЬСЯ: вера сердца должна была найти опору и в ясном откровении.

Обычно Господь открывает Себя тогда и тем, когда кто УЖЕ ГОТОВ к принятию сего откровения. Своим исповеданием апостолы (особенно трое из них, троица лучших) готовы были и к Божественному явному откровению. И вот Господь ведет их на гору Фавор, и там Божество Его проявляется «в силе». Сам Он преображается, то есть проявляет Божество Свое. Отец свидетельствует о Его Сыновстве.

Итак, Иисус Христос не «Учитель», не «Мессия» – израильский земной Царь, не Чудотворец лишь, а САМ БОГ ВОПЛОТИВШИЙСЯ.

...Мы не дерзнем вскрывать: что чувствовал апостол Петр, когда он говорил Христу: *Ты – Христос, Сын Бога Живаго*. Но смею предположить, что все же такое исповедание и понятие было еще несовершенно... Вообще, и ученики до Пятидесятницы были немощны... Они, например, не понимали, что значит «воскреснуть» (Мк. 9:10). Ведь и у веры есть свои ступени... И у откровения Божия есть постепенность и мера.

И вот лишь в преображение Господне (да и то еще «несовершенно») полнее раскрылось исповедание о Божестве Иисуса Христа: открылась в Нем Самом слава Божия! И открылась так, что и апостолы пришли в ужас и пали на землю... Открылось, или подтвердилось, исповедание, или истина, о Божестве Христа.

Доселе все было хотя и дивно, но сокровенно и смиренно. При крещении лишь Иоанн Предтеча видел и слышал

свидетельство Пресвятой Троицы. А для других крещение казалось униженно-смирненным шагом, как бы покаяние.

И вдруг точно молния рассекла ночь:

– *Сей есть Сын Мой возлюбленный.*

И просияло неприступное доселе и скрытое Его Божество... Бог открылся уже ученикам. Прежде открылся одному Иоанну Предтече. А теперь – трем лучшим. После, по воскресении, «многим». При вознесении – и земным, и ангелам.

Приближалось время страданий... Учеников нужно было подготовить. Нужно было открыть им Себя до возможной глубины.

...Подумаем и о себе. Ведь и наша вся вера стоит только на этом камне веры:

– Иисус Христос – Бог!

Отнимите это – и ничего не останется. Хуже: один обман наивеличайший был бы! А теперь – спасительнейшая истина! И сия-то истина подтверждается чрезвычайными, явными доказательствами: и гласом, и самым фактом проявления Божьей славы, и даже подробностями (о чем – ниже) события.

Человечество, даже и апостолы доселе не только не видели такой славы, но и представить ее не могли себе. Моисею явился Бог в виде отблеска славы... Пророку Илии, покрытому милотью, – прикровенно, «в веянии тихого ветерка». А здесь – в страшном сиянии света, сильнее солнца, в блистающей одежде!

Не вынесла человеческая душа! Пали на землю! Евреи даже боялись произносить слово «Иегова» (или «Ягве») – Сущий. А здесь Он явился во славе, неприкровенно. И тварь, человек сотворенный, не вынесла своего Творца... Без благодати сие невыносимо!

И нам (до днесь) это чрезмерно важно: это укрепляет и проясняет нашу веру! А в ней – всё. И мы должны не только исполняться ныне трепетом, но и радоваться, причащаться веселию апостольскому, ибо слава Божия открылась не им лишь одним, а через них и всему миру. Крещение, преображение, воскресение и вознесение – это четыре свидетельства Божества Господа Иисуса Христа.

Слава Ему за сие откровение! Подтвердим это словами церковных песней. «На горе висоце преобразился еси, Блаже, показав учеником Твоим Силу Твою» (1-я стихира на литии), «славу Твоего Божества» (2-я стихира там же).

«И глас свыше Отець из облака шумно предсвидетельствующ и глаголющ: Сей есть, егоже нетленно из чрева прежде денницы родих, Сын возлюбленный Мой, егоже послах спасти во (имя) Отца и Сына и Духа Святаго крещаемыя и исповедающия (Троицу) верно, яко нераздельна есть едина держава Божества: Того послушайте!» (3-я стихира там же).

Неодержимое, то есть невыдержимое, непереносимое, нестерпимое, Твоего светолития и неприступное Божества зряще, апостолов лучшии... Божественныя изменишася изменением (стихира на стиховне).

«Днесь показал еси на горе Фаворстей славу Божественнаго Твоего зрака» (стихира на стиховне). «Сокровенную молнию под плотию существа Твоего, Христе, и Божественнаго благолепия, на святей показал еси горе, Благодетелю, просияв сущим с Тобою учеником. И разумевше нестерпиму сущу славу Твою, Свят еси, возопиша: яко неприступен Сый, виден был еси плотию миру» (седален по полиелее).

– Божества Твоего Спасе, малу зарю обнажив... премирныя Твоя славы сотворил еси (учеников) рачители (желатели, искатели) (стихира по Евангелии).

Как видим, множество песнопений отведено сему откровению Божества, и то еще не в полноте Его, а в виде «зари». Но и сие было выше сил человеческих!

«Кто Я?» – спрашивает Господь человечество через учеников.

"Ты – Христос, Сын Бога Живаго!" – отвечают ему, через апостола Петра, апостолы.

– *«Кто Ты?»* – спрашивает ничему не веровавший, но терявшийся перед Иисусом Пилат (Ин. 19:9).

– *Кто сей,* – спрашивают и сами ученики, – *что и ветер, и море послушают Его* (Мк. 5:41). То же спрашивают и люди. То

же спрашивают и теперь многие... И вот ответ на это – слава преображения о Божестве Его. А глас Отчий подтверждает:

– *Сей есть Сын Мой возлюбленный.*

Посему и мы Тебе, преобразившегося Спаса Христа, поем во веки, – поется в стихире по Евангелии.

Неоднократно моя мысль останавливалась на незначительных подробностях, которые, однако же, особенно ярко подчеркивают подлинность и несомненность Евангельских повествований.

Так и на сей раз.

Восхищенный апостол Петр заговорил о постройке трех шалашей. Какая скромная просьба и предложение своих услуг! И это не только не имело никакой связи с преображением, но даже было просто неразумным порывом восторга. И однако же, евангелисты не опасаются занести в историю и эту неразумную подробность, лишь поясняя ее:

– *Не ведяху бо, что рещи; бяху бо пристрашни (Мк. 9:6).*

Такие подробности – фотографии действительности, непосредственность достоверных очевидцев! Потому-то и сам апостол Петр в своем послании опирается на несомненность события преображения.

– *Не ухищренным (вымышленным) бо баснем последовавшие сказахом вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, но самовидцы бывшие величества онаго. Прием бо от Бога Отца честь и славу, гласу пришедшу к Нему такову от велелепных славы: Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже Аз благоволих! И сей глас мы слышахом с небесе сшедшь, с Ним суще (бывши) на горе святей (2Пет. 1:16–18).*

Объясняя глубже, что же именно произошло в преображении, Церковь воспевает, что от Божества прославилась ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА во Христе. Божество пронизало ее Своим светом, как огонь проникает раскаленное железо, претворяя его в огненное естество. Так и ныне: Божество сделало человечество божественным, претворило его в божественное существо, не уничтожая, однако, самой природы человечества; она обожилась, но не преложилась в

Божество: «Ты, Господи, Адамово естество преобразься, облистати сотворил еси, претворив в Твоего Божества славу же и светлость» (стихира на стиховне на великой вечерне).

Сие действие объясняется тем, что во Христе оба естества – и Божеское, и человеческое – соединились нераздельно, но и неслиянно, в едином Лице и существе: «Бог Слово сый, весь землей бысть, всему Божеству смесив человечество во Ипостаси Своей» (тропарь 3-й песни 2-го канона).

«Срастворився неслиянно, однако уголь горящ показал еси нам Божества» – такое же сравнение, как и выше, – с железом. И это показал «не яко во образе, но яко Сам Сый по существу Бог бысть и человек» (там же тропари 5-й песни).

И ныне Он человеческую природу богосоделал (тропарь 3-й песни 1-го канона), то есть сделал божественно-подобной.

Но к сей славе человечество было призвано с самого начала творения: Адам имел бы дойти до нее, если бы не был обольщен. К этому его теперь паки возводит Христос:

– Днесь на горе Фаворстей преобразься... показа началообразную (первообразную) доброту (красоту) зрака (вида, бытия), в Себе восприим человеческое существо (стихира на стиховне на великой вечерне).

Преобразился еси... являя началообразныя доброты благолепие, и то не всесовершенно (3-я стихира на литии).

Адам грехопадением погубил эту красоту. И светлое естество наше потемнело, обезобразилось. Ныне поет Церковь:

– Очерневшее Адамово естество... паки (снова) заблистало (стихира на стиховне на великой вечерне).

Во всего Адама облекся (облекшись) Христе, очерневшее изменив, просветил еси древле естество и изменением зрака Твоего богосоделал еси (тропарь 3-й песни 1-го канона).

И весь мир избави(-л) от преступления (стихира на литии). А теперь подобного же преобразования могут удостоиться и все.

– На горе висоце преобразься Спас, верховныя имея ученики, преславно облистал есть, показуя, яко высотой добродетелей облиставше, и Божественней славе сподобятся (стихира на «Господи, воззвах» на великой вечерне).

Итак, Господь показал и нам, какими мы могли бы быть, если бы не пали, и какими мы можем быть, если добродетельно и в благодати проживем. Посему праздник Преображения есть праздник преображенного человечества и наш праздник. Посему Церковь приглашает нас не только дивиться и трепетать, но и радоваться:

– Всяческая днесь радости исполнишася, Христос преобразися пред ученики (стихира по Евангелии).

Потому и связывается опять преображение со вторым пришествием, что Он Сам не только придет в страшном сиянии славы, но тогда Он обоготворит и людей:

– Да Твое покажеша яве неизреченное второе снитие, яко да вышний Бог явишися, стоя посреди богов, апостол на Фаворе, Моисеа же и Илию неизреченно осиял (тропарь 9-й песни 2-го канона).

А святые, как преподобный Серафим, еще и на земле удостаиваются славы, преображаясь боголепно.

Вот каким должен быть и может быть ЧЕЛОВЕК! И всякий человек призван к сему.

Но для сего нужно жить достойно, «по-Божьи», как говорит и пословица. И на Преображенской службе мы часто видим этот призыв к светлой жизни, к добродетелям. Это и понятно: если слава Божия так величественна и даже страшна, то какими же нам должно быть, если мы желаем удостоиться ее?! Конечно, хорошо покаяние («и нам, грешным»), велико заступление Богородицы, но и мы сами должны к сему готовиться. Апостол Петр заповедует, «какими должно быть в святой жизни» нам:

– *Итак, возлюбленные, ожидая то (суда), потщитесь явиться пред Ним (Господом) неоскверненными и непорочными в мире (2Пет. 3:14).*

И таких призывов к добродетелям Церковью много рассеяно по службе.

– Встаните, ленивии, иже всегда в землю поникшии, души моя помыслы! Возмיתесь и возвыситесь на высоту Божественного восхождения! Притецем к Петру и Зеведеевым, и вкупе со оными Фаворскую гору достигнем, да видим с ними славу Бога нашего (икос).

Здесь вспоминаются трое учеников, видевших преображение Господне. Поэтому же мы и к Богородице обращаемся с просьбою:

– Владычице Чистая! Богородице Пресвятая! Избави на Тя надеющиеся от бед и спаси от всякого вреда... и будущего Суда избавити (просящих) молящи Твоего Сына, на Фаворе неизреченно облиставшаго (стихира на стиховне и ныне на утрени 10 авг.).

А особенно много о сем говорится в подготовительный момент к празднику, то есть в предпразднство.

Однако добродетели – лишь путь к главному условию причастия к славе Божией. Как бы человек ни был добродетелен, без благодати Божией он не сможет не только принять участия в славе, но и – вынести ее.

Ведь апостолы были уже лучшие, «верх» апостолов. И однако, они сначала не вынесли. А если что и вынесли, то лишь благодаря тому, что их самих просияла благодать Божия; ОНИ И САМИ были в некоторой степени преображены тогда богоподобно тем же благодатным светом. Эту мысль выражает святой Григорий Палама²⁸. И это – одна из основных истин созерцания и богословия. И в богослужении о сем говорится ясно:

– Ужасни новоя светолитием внезапу ученицы освещшеся, друг друга зряху (тропарь 9-й песни 1-го канона). Ум (дух) просвещше, ученицы со Отцем Сего пояху и Духом (тропарь 8-й песни 1-го канона).

– Облиставшеся светом неприступная славы, на Фаворстей горе апостолы Христу вопияху (тропарь 7-й песни 1-го канона).

Это осияние изшло из облака, которое было не естественным, а БЛАГОДАТНЫМ.

– Столп огненный при Моисее преобразовал Христа преобразующася, облак же яве Благодать Духа, осенившую, предсказаша явленнейше (тропарь 6-й песни 2-го канона), то есть очевиднейше, действительно.

– Светоносная наполнившаяся Божественная зари, ученики в радости пояху (тропарь 1-й песни 1-го канона).

Вот главное условие для причастия к славе: благодатствование человека.

Припомним, что призванные на вечерю все получили одежду от самого Царя, то есть благодать. А когда один из гостей хотел без этого обойтись и остался в своей одежде, то Господь сказал ему: *«Друже! Как ты вошел сюда без брачной одежды?»* – И повелел выбросить его вон! (см.: Мф. 22:1–13).

Нет уж, на «свои» добродетели нельзя полагаться! Помилуй, Господи! Даруй Свою благодать!

В этом пункте и был узел борьбы между паламитами и варлаамитами: последние все хотели объяснить и достигать естественно, рационально, а православные учили, что все Божие даруется через благодать.

Но кто нас теперь поражает – это святой Серафим Саровский: ведь он не был ученым богословом. Следовательно, если он что-либо и знал, то из опыта. Значит, ему были открыты факты благодатного опыта. Значит, так это есть на самом деле!

Именно. В своей беседе с Мотовиловым, при преображении своем, он не только заговорил о преображении Господа, но и Мотовилову объяснил, что если он и видит теперь его, преподобного Серафима, в прославленном, благодатной состоянии, то лишь потому, что и сам он в это время облагодатствован! Это преподобный Серафим видел. А кто видит, тому все ясно!

Вообще, эта беседа и все событие с преподобным Серафимом поразительны и поучительны! Это – обновление христианства. Это – Евангелие в жизни. Это – свет с неба на забывшую все землю.

Так мы снова возвращаемся к предмету, с которого начали: Царству Божию.

Как и должно ждать, в песнопениях много говорится о Царствии Божиим... Не может не говориться, ибо все это одно и то же: и слава, и сила, и радость, и свет, и Царствие Божие, и Церковь – все едино!

Но есть и прямые речи о Царстве. С этого начинается канон святого Космы:

– Глаголы животные (жизненные) и о Божественном наказуя (наставляя) Царствии, другом Христос рече: во Мне Отца познайте, светом яко облистая неприступный (1-й тропарь 1-й песни 1-го канона).

Здесь разумеется ответ Господа на вопрос Филиппа: *Господи, покажи нам Отца* (Ин. 14:8).

И Христос тогда ответил, что уже больше показать, как Он показал, невозможно:

– *Видевший Меня, видит Отца* (Ин. 14:9).

Но особенно это проявилось в сиянии на Фаворе. Далее:

– Днесь Христос на горе Фаворстей, просияв ясно Божественною зарею, якоже обещася, учеником обнажи зрак (3-й тропарь 1-й песни 1-го канона).

Здесь разумеется обещание Господа, что некоторые не увидят смерти, прежде чем узрят Царство Божие, пришедшее в силе, или Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем (Мф. 16:27–28; Мк. 9:1; Лк. 9:27).

И удивльшися благолепию Божественнаго Царства, открывшегося в преобразившемся Христе, ужасошася страхом... на горе Фаворстей апостоли (2-й тропарь 7-й песни 2-го канона).

Как видим, совершенно ясно, слава Божия и есть слава открывающегося Божия Царства. Да и то лишь в «малой заре» пока. А во всей силе обнаружится после Страшного суда.

Итак, ЦАРСТВО БОЖИЕ ЕСТЬ СЛАВА БОЖИЯ. Или БЛАГОДАТЬ БОЖИЯ. Сию получили апостолы в день Пятидесятницы:

– Силою язык облечетесь, друзи ученицы, чудни же будете в богатстве их (народов), яко славы наполнитесь, яко явлюся светлее Солнца, облистая в радости поющих: поим Богу нашему, яко прославися (2-й тропарь 1-й песни 1-го канона).

Таким образом, вся первая песнь первого канона говорит о Царствии Божиим. Потому и говорится о «радости».

Так Преображение сливается уже с четвертым праздником – Троицею, – открытием Царства славы на земле, в людях. Ныне же оно пока показалось в Начальнике Царства сего, Иисусе Христе!

Когда читаешь молитвы ко причащению и по причащении, то становится несомненным и ясным, что святое причащение есть причастие к славе Царства Божия.

Например: Сподоби мя неосужденно причаститься... во обручение (пока в залоге) будущего живота и Царствия (молитва святого Иоанна Дамаскина).

– Да будет ми угль Пресвятаго Твоего Тела и честныя Твоея Крове... (в) Твоего Царствия присвоение (молитва святого Иоанна Златоуста).

То же читается и на литургии священником, в тайной молитве пред «Отче наш».

И по причащении опять молимся: да будет мне оно в приложение Божественныя благодати и Царствия присвоение... И тако сего жития исшед о надежда живота вечнаго, в присносуущный достигну покой, идеже празднующих глас непрестанный и бесконечная сладость (1-я молитва по причащении).

О сем же нашел я и в службе Преображения:

– Привлекл еси любовью мя, Спасе, и пременил (изменил) еси Божественным Твоим желанием (Тебя), но попали огнем невестественным (то есть причащением) грехи моя и насытитися Твоя пищи сподоби, да обое (и прощение, и причащение), играя, величаю, Блаже, величая Твоя (заключительный тропарь всего канона). Этот же именно тропарь, с небольшими изменениями в переводе, взят и в молитвы по причащении:

– Усладил мя еси любовью, Христе, и изменил мя еси Божественным Твоим рачением; но попали огнем невестественным грехи моя, и насытитися, еже в Тебе наслаждения сподоби: да ликуя возвеличаю, Блаже, два пришествия Твоя (первое и второе).

Посему в сей праздник особенно должно стараться причаститься, – неосужденно!

Как связаны эти два предмета? – Многообразно.

Спасти нас мог только Бог. О Божестве Его и открывается днесь. Самое же преобразование имело ближайшею целью ПОДГОТОВИТЬ апостолов к принятию искупительных СТРАДАНИЙ Его.

И до, и после Господь говорит о КРЕСТЕ; и Царствие Божие ставит в необходимую связь с Ним: «подобает» сначала пострадать, а потом «войти в славу Свою», славу Царствия Божия. Господь преображением показал, чего лишились люди чрез падение и что Он возвратит им чрез искупление.

Связь очевидная!

И потому праздник сей имеет как бы две стороны: на одной – слава Царствия, на другой виднеется вдали Голгофский Крест, поэтому тон праздника – серьезный.

На Вознесение уже совсем иное: там Крест пройден, все разрешено, осталась лишь слава и спасение верующих, потому праздник Вознесения светлый, белый. А здесь наполовину – белый, а наполовину – красный: слава и Крест.

Поэтому и песнопения начинаются со слов о Кресте:

– Прежде Креста Твоего, Господи, гора небеси подобящися (1-я стихира на Господи, воззвах) стала местом прославления.

– Прежде Креста Твоего, Господи, поим (взял) ученики (там же 2-я стихира). То же опять и в заключение службы наминается:

– Прежде Честнаго Креста Твоего и страдания и так далее (1-я стихира на хвалитех). Здесь не только указывается на время, но, конечно, более – на связь сих событий.

Лично мне вот что еще переживалось по сему вопросу.

...Подумать лишь: Бог! Бесстрастный, Премирный, Неприступный. Страшный в славе. Всеблаженный.

И Он приходит ЗА МЕНЯ СТРАДАТЬ!

Какое умаление ради меня, грешного! Но и какое милосердие!.. А сверх всего этого: значит, уже не было и нет иного пути спасти человека, как пострадать за нас Самому Богу. И больше удивляет страдание, чем слава преображения. В умалении – величие Его!

И в песнопениях потом встречаем это же:

– Сей есть... Его же послах спасти мир (3-я стихира на литии).

– Законом и пророки глаголавый есть Бог, Ему же и глас Отець из облака светла послушествоваше (подтверждал, свидетельствовал) глаголющий: Того послушайте, Иже Крестом

ада пленивша и мертвыя дарующа живот вечный (4-я стихира на «Господи, воззвах»).

Посему им (то есть страданиям) поклонится нам в мире сподоби великия ради Твоя милости (1-я стихира на «Господи, воззвах»). И опять приходится остановиться на словах: «о Нем же».

– *Сей есть Сын Мой возлюбленный* – это сказано об отношении Отца и Сына по Божеству. *О Немже благоизволих* – это об отношении Бога к человечеству (ради) по домостроительству спасения. В Нем, во Христе, ради Христа совершилось благоволение Божие к человечеству. Того послушайте, Иже (Он, Христос) и дарует миру велию милость (3-я стихира там же).

Спасаемся Христом Господом; только – через Него!

Хотя из предшествовавшего совершенно ясно, что Царство Божие есть не земное устройство, создаваемое людьми; но есть и прямые указания о том, что «слава Божия», или, что то же, «Царство Божие», – «премирны», надмирны. А благолепие Преобразившегося Христа «присносущное», то есть вечное, а вечное – следовательно Божие, не тварное.

И в самом тропаре ясно поется о сем же:

– «Да возсияет и нам, грешным, свет Твой присносущный». А если он присносущный, то несозданный, Божественный.

Слово «несозданное» особенно вошло в церковное употребление после святого Григория Паламы. Но оно употреблялось и ранее его.

В противоположность сему блаженному Царству, земная жизнь представляется в песнопениях полною суеты, неудовлетворенности, что прежде названо было «скучным», а по-славянски это называется «унылым»: одно и то же по существу. Расположу слова тропаря канона по-русски:

– Избрании апостолов... оставиша на земли печали (заботы), раждающие уныния (множественное число), Тебе (за Тобою) последоваша, Человеколюбче, от земли к перемене (ее, земной жизни) на Божественное житие. Темже (потому) и по достоянию (достойно) Твоего Богоявления улучивше, пояху:

людие, превозносите Его во веки! (тропарь 8-й песни 2-го канона).

...И эта мысль о блаженстве в будущей жизни, как она утешает еще в этой страждущих!

И вообще, как скучно все земное: и богатство, и земли, и все прочее...

Еще до праздника я задумался: будет ли указание на Пресвятую Троицу? И как проявились три Лица на преображение? Я тогда сделал такое объяснение: Христос преображался; Отец говорил; облако – Дух Святой – осенил.

Так и должно быть: если ныне – праздник ЦАРСТВА БОЖИЯ, а Царство Бога – Царство Троицы, то Она должна проявиться.

И проявилась, повторяю об этом снова:

- Сын преобразился;
- Отец свидетельствовал;
- Дух осиял.

Свет и облако есть проявление Святого Духа. Облако (бывшее у евреев) – прообраз Святого Духа:

– Яве благодать Духа, осенившую на Фаворе (там же тропарь 6-й песни). Посему и говорится в другом месте:

– Свет, Христос... днесь на Фаворстей горе тайно ТРОИЦЫ образ показуя... преобразился (3-я стихира на литии).

Посему святой Иоанн Дамаскин приглашает:

– Приидите... невещественно станем во граде (Царстве) Живаго Бога и узрим мысленно Божество Невещественное Отца и Духа, в Сыне Единородном облистующее (тропарь 9-й песни 2-го канона).

И Церковь в заключительном к канону светильне восклицает:

– Свете неизменный Слове, Света Отца нерожденна, в явленнем свете Твоем днесь на Фаворе Свет видехом Отца, Свет и Духа, светом наставляющаго всю тварь (светилен).

– Видехом Свет истинный, прияхом Духа Небеснаго (чинопоследование литургии). – То, что ныне в Преображении было показано как в задаче, в цели, на Троицу начало осуществляться на самом деле.

Это слово мы слышали в связи с Богоявлением. Первое «Богоявление» было в начале служения Господа, второе связывается уже с концом его. А сущность служения – едина: Крест. Участвует же в спасении вся Троица. И еще – в начале Господь смирился до креста: унизился, указывая этим путь спасения (крещение), а теперь он говорит о результате будущего искупления: Царство ждет!..

Так связываются два «Богоявления»!

О сем остается сказать немного. Богослужение этим занимается мало. Это – не нашей силы, и нечего мудрствовать много, потому и Церковь не мудрствует.

И только в двух-трех местах встретилось указание на это. Одно я привел только что в заключении в светильне – «всю тварь». Другое приведу сейчас:

– Неодержимый и незаходимый свет, Отчее Сияние, тварь уяснив, (просветив), человеки обожи (тропарь 8-й песни 1-го канона).

И даже освящение плодов, хотя и незначительно, связано с преображением Господа:

– Боже, Спасителю наш, благоволивый виноград(-ом) нареци Единородного Твоего Сына, Господа, Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и Тем плод бессмертия нам даровав, Сам и ныне плодный сей виноград благослови, и нас, рабы Твоя, вкушающих от Него, истинного винограда, причастники (-ами) сотвори... Вечными неотъемлемыми дарованиями (-ями) жизнь нашу украси (молитва на освящение плодов).

Как видно, здесь говорится о причастии к бессмертной жизни, а она и есть Царство Божие...

Теперь, прежде чем подвести итог, я остановлюсь еще кратко на предпразднстве и упомяну о Моисее и Илии: зачем они были вызваны на Фавор.

Мы так привыкли к событиям Священной истории, что повторяем известные нам подробности, не задумываясь над ними. А Церковь объясняет и это.

Почему при праздниках Царства оказались сии два величайших пророка?

Песнопения Церкви на это отвечают разными основаниями.

Первое. Таким образом нужно было доказать Божество Иисуса Христа; засвидетельствовать сие явились два величайших представителя, каких только знал Ветхий Завет: Моисей, который для еврейского народа был высшим авторитетом, вместо Бога (Исх. 4:16), и Илия – этот не только огненный «небошественник» и повелитель над небесными облаками, но и величайший ревнитель по Боге. И эти великие «Божии» явились свидетельствовать о Божестве.

Второе. Моисей был начальником «закона», а Илия представителем от «пророков». Закон же, как «пестун»^{*****}, имел привести людей ко Христу, подобно как воспитателю дети вручаются временно, дабы он в свое время, когда они вырастут, привел их к родителям. И тогда дети уже выходят из повиновения «пестуну», «дядьке». Закон и был «пестуном» евреев «ко Христу» (Гал. 3:24).

Пророки же потому и пророки, что они пророчествовали о Христе; Он Сам чрез Духа говорил в них (2Пет. 1:21).

И слова «закон и пророки», не только в устах народа, но и у Самого Господа Иисуса Христа обнимали понятие всего Ветхого Завета, в частности – избранного народа, коему вверено было обетование о Мессии (см.: Мф. 22:40). И теперь представители «закона и пророков» предстали свидетельствовать о Том, Кому они служили, к Кому они вели народ; они и заявили о сем «лучшим» ученикам.

Третье. Моисей был среди мертвых, лишь Енох и Илия были на небе, а апостолы – от земли. Таким образом, от всех трех областей (неба, земли и преисподней) были свидетели славы Божества Господа. И притом – лучшие.

Четвертое. Явились из Ветхого Завета, коим уже прежде были даны откровения славы Божией, о чем писалось выше; но только тогда это явление было примрачно, а ныне – в откровенной славе.

Пятое. Отошедшие, – особенно Моисей, – и живые апостолы должны были проповедать о пришедшем ИЗБАВИТЕЛЕ мертвым и живым.

Шестое. И еще есть одно соображение: самый вызов умершего Моисея и небожителя Илии свидетельствовал о

власти Господа над живыми и мертвыми, над жизнью и смертью; еще раньше Своего воскресения Христос показал, что Он силен и с неба вызвать кого хочет. А после смерти Он и Сам воскреснет!

Если теперь все это соединить в общий вывод, тогда явление Моисея и Илии нетрудно связать с основной мыслью праздника – Царством Божиим. А именно: Христу, Господу господствующих, Царю царей, Царю всего мира, пришедшему во славе, явились люди всех трех царств: небесного, земного и преисподнего.

Зачем? – Дабы заявить о своем поклонении Христу, или, возьмем земное сравнение, о подданстве своем.

И самим Отцом было засвидетельствовано, что Преобразившийся есть Сын Его, Превышнего Бога. Если же теперь Он и посылается на землю в униженной виде, сокрыв славу Божества, даже до Креста, то на это воля Отца и милосердие Сына. И притом сие временно и опять-таки необходимо для распространения Царства Божия, для возвращения в него заблудших сынов его.

Итак, представители царств мира поклонились ЦАРЮ ВСЕЛЕННОЙ. Вот сущность явления Моисея и Илии, встречи их с лучшими учениками на Фаворе. Да будет едино Царство Божие!

Теперь нужно привести лишь потребные песнопения.

– Моисей и Илиа показоваху, яко живыми и мертвыми обладает и (еще то, что) Иже древле законом и пророки глаголавый (4-я стихира на Господи, воззвах), то есть Слово, Сын Божий есть Бог.

– И пророков верховных, Моисея и Илию привел еси, непрекословне (без колебаний, покорно) свидетельствующия Его Божество (3-я стихира на литии).

– С Моисеом Илиа Тебе предстоят, закон и пророцы бо яко Богу служат. Ему же и сыновство естественное Родитель исповеда (открывая), нарицаше Сына (седален по полиелее).

– Ты на горе Фаворсте виден был еси Моисеем во мраце древле, во свете же ныне неприступнем Божества (тропарь 1-й песни 2-го канона).

– Совзыдоша Ты (с Тобою), Слове Единородный, вышнии (высшие) апостольстии верей (верхи, старите)... и сопредсташа Ты Моисей же и Илиа, яко Божии слуги (там же тропарь 3-й песни).

И притом: они соглаголюще (беседуя) предстояху раболепно Тебе, Владыце Христу (как подданные Царю), к нимже (прежде) парою (паром, мглою) огня и мрака Моисею и тонким хладом Илии – беседовал еси (тропарь 4-й песни 1-го канона).

Или: Священнолепно, то есть с священным благоговением (как предстоят уже они Богу Небесному) стояще, Моисей же и Илиа на горе Фаворе... воспеваху (тропарь 8-й песни 1-го канона).

– Се – Спас, вопияху Моисей и Илиа учеником, Христос, егоже древле провозвестихом Сущаго Бога (тропарь 5-й песни 1-го канона).

– Держай живот (жизнь) и смерть влады, представил еси на Фаворстей горе Моисеа и Илию, свидетельствующия Твое Божество (тропарь 5-й песни 2-го канона).

– Яко небом владущему и землею господствующему, и преисподними область имущему, Христе, предсташа Ты: от земли убо апостоли, с небес же Фесвитянин Илиа, Моисей же – от мертвых, поюще согласно (тропарь 8-й песни 2-го канона).

– Моисей ж и Илиа Тебе предсташа, мертвым (отшедшим) и живым (апостолам, а они – миру) Тя, Господа, поведаяще и Твое славяще неизреченное смотрение и милость, и многое милосердие, имже спаси еси мир, грехом погибающий (стихира на хвалитех).

Наконец: Царствующим еси Царь прекрасен... и иже всюду владычим Господь блажен и во свете живой неприступен. Емуже ученицы удивльшеся, Моисей же и Илиа вопияху славу (тропарь 8-й песни 2-го канона).

Как видим, все изложенные выше мысли заимствованы из песнопений Церкви. Сколько богатства здесь!

Рабы – с Владыкой. Пророки – с Предсказанным. Тень – с Истиной. Хотелось бы испытать это, хоть краем уха!

Сие – тайна. Но часть некая открыта и в Евангелии, и в богослужении:

– Глаголаста же исход Его (о кончине), егоже хотяше скончати во Иерусалиме (Лк. 9:31).

Говорили о страданиях, Кресте, то есть об Искупительной жертве. Что именно говорили, сие остается тайной. Но несомненно одно, что они не говорили Господу подобно Петру: *Будь милостив к Себе, Господи! да не будет сего с Тобою* (Мф. 16:22).

Наоборот, следовательно, они говорили не против, а за Искупление. Оба были ревнители «Божьего», а не человеческого (ст. 23). И из них один (Илия) – строгий каратель, представитель правды Божией; а другой – *кротчайший между людьми на земле* (Чис. 12:3) и уже сам совершивший дело, подобное Искуплению Господа:

– *Прости, Господи, народу (вылившему идола) грех, а если нет, то и меня извергни из книги, в которую Ты вписал меня* (Исх. 32:32).

И Господь постепенно склонился на молитву Моисея. А когда проходил мимо него, изрек:

– *Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, хранящий правду и творящий милость в тысячи родов, отнимающий беззакония и неправды, и грехи; но виновного (не раскаявшегося) не очистит* (Исх. 34:6–7).

Это уже – Евангельские слова, а не ветхого духа!

Говорили они не только о Кресте, но и о том, что будет после и вследствие Креста; о славе, хотя «через страдания», и о распространении Царства Божия, Царства Христова, о спасении мира.

Так и говорится в песнопении Церкви:

– Возвещаху славное Креста ради Твоего, на Фавор пришедше... Моисей и взятый на колеснице огненной Илиа, Христе (тропарь 4-й песни 1-го канона).

Итак, говорили с своим Царем и всего мира Господом о Царстве Его, а для сего потребен был искупительный Крест.

Значит, говорили о самом главном: о Царстве Божием и о пути к нему; сие и есть главная мысль праздника Преображения.

Еще пришла и следующая мысль: уж как ни велики были, – по силе любви к Богу, чудотворению, по власти над стихиями, – Моисей и Илия, но они как бы так говорили:

– Мы не могли спасти даже своего израильского народа. Могли лишь разве казнить его. Увы! человек не может спасти мир, грехом погибающий. Следовательно, нужда – прийти Тебе Самому, Господи. А ни наказания, ни благодетельные чудеса наши не в состоянии были искоренить зло: на время оно утихало, а потом еще более росло. Значит, нужны какие-то иные пути: не человеческие, а Божии (см.: Мф. 16:23). Нужна сверхчеловеческая сила – благодать! А ее-то и лишен падший род наш. Мы не могли возвратить ее людям, ибо Она не подчинена нам. Да и грешный род недостойн ее: не выдержит, не сохранит ее, опять предаст ее, как Адам в раю, или как евреи, слившие тельца по выходе из Египта. Нужно нечто чрезвычайное. Только Бог может возвратить единому Ему принадлежащее, то есть благодать... Но нужно снять вину. На сие и нужен сначала Крест, Твой Крест, Господи!

Так могли говорить Моисей и Илия, вопреки недавней просьбе Петра: не допускать Себя Христу до Креста!

Наконец, из Ветхого Завета были взяты такие два мужа, которые сами сподобились некоего преобразования, подобного Христову, а именно (перевожу по-русски):

– Ради Божественного явления в прикровенном виде (во зраке, как в зеркале) лице Моисеево иногда прославилось (4-й тропарь 8-й песни 1-го канона); а Илия был взят на огненной колеснице и в огне, и несомненно, сам был неким образом огнепросветленным.

Следовательно, они оба были уже подготовлены к преобразению, ибо опытно по себе знали славу Божию. По сему-то легко узнали сию же «славу Отчую» и на Иисусе Христе, но в безмерно большей силе. И, узнавши, поклонились:

– Моисей же и Илия, на горе Фаворе ясно видевши начертание Божественных Ипостаси Христа, во Отечествей

облиставим славе, воспеваху: благословите вся дела Господня Господа (там же 3-й тропарь).

Есть еще один вопрос: почему узнали Моисея и Илию апостолы? На это нужно сказать так: больший, высший мир вообще не может измеряться мерою низшего, меньшего; там законы свои и свои способы познания. И это пока остается тайной.

Если же понять человеческой меркой, то, может быть, Господь Иисус Христос, беседуя с Моисеем и Илией, называл их по именам. Но, думаю, проще: сие узнали апостолы по Божьему откровению, действующему в том мире; там «язык» иной – без слов.

И после всеобщего воскресения люди будут узнавать друг друга как-то особенно. Ведь и лики большинства святых нам неизвестны, а там узнаются они через благодать Святого Духа.

Нужно заранее предположить, что предпразднственные чувства должны иметь некий особый тон, чем праздник, подобно тому, как передняя входная комната еще не есть зал. А доселе я не разделял этих песнопений от праздника; но ныне хочу особо написать, – испытать, как можно подойти к предпразднству особо.

И вот то небольшое, что вошло в мою душу.

...Предстоит что-то величественное. Невольно настраиваешься серьезно, в «трезвение»ходишь... Настораживаешься... Сосредотачиваешься... Нужно очищаться... Пересматривать все внутри себя: ведь Царь Небесный смотрит внутрь: там Царство Божие (Лк. 17:21).

И это настроение точно поставляет нас на подошву горы. Мы начинаем восходить, подниматься... Но мало сил... Переживаем ожидание торжественного, но совсем не Пасхальной радости: там – веселие, а здесь – чувство величественного. Это ближе к Вознесению.

Посмотрим теперь песнопения. Изложу их кратко по порядку службы...

– Приидите, – троекратно зовет Церковь на праздник.

Начнем еще накануне торжествовать: Предликуем! Но вместе с тем и себя очистим, чтобы явиться «самовидцами»

предвышняго Божия жительства (Царства), и сами славу получим, Троичныя озаряемы светом (стихиры на «Господи, воззвах» предпразднства 5 авг.). Значит, на Преображение и люди сопричащаются, получают (участвуют) Славу Царства. Но для этого мы должны «лучшим измениться изменением», светом приимем свет, преложении (измененные) ныне Духом.

Так духовно Господь Сам приготовляет достойных гостей на праздник, облакая их в брачную одежду «благодати», чтобы «Троицу Единосущную славить».

Очистились... Сиянием добродетелей просветились... Что же видим вдали? Чудо боголепное: обнаружение Божества. Кому оно показывается? Только Креста таинникам, то есть верующим в силу Креста и приемлющим Его. Крестоборцы же и люди, *имже бог – чрево* (Флп. 3:19), не могут веровать и зреть Божество!

Но Господь Сам идет просветить нас, темных детей Адама:

– Озари ж и нас светом Твоего познания и настави на стезю заповедей Твоих (стихиры на стиховне предпразднства), – молимся мы Ему.

– Праздник пресветел Владычень прииде (седален по 1-й кафизме)... день... славного страшного Преображения Христова, «наше естество», смешение (сочетание) преобрази (молимся), Божественною Твоею плотию сооблистав... и отдаждь (возврати) первейшее достояние нетления, яко Милосерд, да Тя вси славословим, единого Бога нашего (седален по 2-й кафизме). Это все взято из стихир и седальнов предпразднства.

А далее – канон. Каноны вообще – торжественны. Начинаются ирмосы: Отверзу уста моя. Эти Богородичны ирмосы почитаются одними из самых радостных: явлюся, светло торжествуя, и воспою радуясь.

Но почему опять канон Богородице? Припоминаю такое сравнение: к царю идут иногда через мать-царицу, посредницу. И мы в молитвах (в отпустах особенно) сначала к Ней обращаемся.

Священник: Пресвятая Богородице, спаси нас!

Лик: Честнейшую... величаем...

А уж после: Слава Тебе, Христе... Слава Богу!
Лик, взяв себе таковых ходатаев, славит уже Троицу:
– Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

И только тогда священник делает отпуст.

Так и здесь: завтра будет созерцание славы; ныне же просим ходатайства у Матери. Далее излагаются мысли уже общепреображенные, но только в них говорится, что это «грядет», то есть приближается, вот-вот уже начнется: ныне уже предпразднство. И душа мало-помалу входит в чувство праздника. Ждет Царя Небесного.

Восплещим песнями... И мы облистамся... Христа узрим, странно преобразующаяся; гору превысокую, то есть сердце очищено от страстей имущи, Троицу прославим православно (тропари 1-й песни трипеснца предпразднства). Грядет Христос, Божества зарю паче ума показати славным учеником, якоже можаху. Илия и Моисей со страхом предстояста... Облак Света... Глас Отца... (седален предпразднства). Небесный лик с земными радуется... (тропарь 4-й песни канона). Таинство показа Христос... просияв паче зари лицом, одеждою ж риз Своих убелився светло, яко снег (тропарь 5-й песни канона). Чертог славы будущия радости другом готовя, восходит Христос, к житию Небесному от жизни, долу влекущий, возведя мир (землю). Раболепно представил «начальников закона и пророков, а через них живым и мертвым свидетельствуется Бог... Идем же к сиянию Его, прямо (против) лицу Его радующеся (лицом к лицу) (тропари 6-й песни канона).

Божественным днесь преобразованием человеческое все естество просиявает божественно, в веселии зовущее: преобразуется Христос, спасаяй вся (кондак). Осквернившееся очистил еси естество человеческое водою же (в крещении) и огнем (в преображении) (тропарь 7-й песни канона) – вот новая связь двух «Богоявлений», двух величайших событий, между рождеством и смертью.

Апостолы – этому верные свидетели: Кто не удивится, Всецарю славы, великолепию славы Твоя?.. Даруй нам высоту небеснаго жития и славы присносущныя сияние. Ты для этого свет в мире просиял еси, с плотию пришед (тропари 8-й песни

канона). Страшен явился еси в славе Божественного зрака (тропарь 9-й песни канона).

Во свете добрых дел сияя, озарим духовно помышления наша: Христа славословим, наше огнем Божества Преобразившаго естество, и якоже (оно было) прежде (до падения) нетлением облиставша и обожившаго человечество. – И нас преобразования Твоего сподоби (там же).

Какой же можно сделать теперь вывод?

Общий характер предпразднства – уже ликующий или «предликующий»... Радостный... О грехах не говорится даже. А только повелевается быть чистыми... О добродетелях много говорится, больше чем на самый праздник, а уж в день славы нужно всецело отдаться Создателю торжества. Этим довольно явно отличается предпразднство от праздника.

А все прочее – по существу уже праздничное. Исключением являются Богородичны ирмосы канона. Это весьма примечательно! И я, грешный, сам не догадался бы так составить службу... Есть и некоторые особенные подробности: например, о сближении Преображения с Крещением. Но не все написано в службах о празднике, не все вмещается там. Многие события из Евангелия оставлены даже не упомянутыми. Много в проповедях святых отцов можно найти нового. Да и нам, верующим православно, позволительно дополнять, в согласии с церковным учением, новые мысли о празднике.

Службы попразднства идут с 7 по 13 августа; ибо 14 августа – уже предпразднство Успения.

Но существенно нового я не нашел. Зато увидел в предпразднстве подтверждение ранее высказанного. А именно: говорится, – и не раз, – о преображении ТВАРИ: просвещается тварь ясно Твоим преобразованием, Христе (стихира на стиховне 7 авг.). Светлое преобразование Христово очищает «безобразие человека» падшего. Значит: все грешники – «безобразны»...

Да ведь это и правда: святые, – и ликами даже, – привлекательны, а грешники отталкивают.

Снова говорится, что Моисей и Илия беседовали с Господом о «славных» последствиях «креста ради», но добавляется: и о «спасительном воскресении».

Ученики ужаснулись от «Божественной благодати»; а как я выше писал, это то же, что и «слава», или «Царство Божие». Теперь мы видим подтверждение этому. Ныне праздник Царства, поэтому поется: Слава, Христе, Царствию Твоему (седален по 3-й песни канона 8 авг.). Это же повторяется и в других местах.

Ныне на горе Фаворстей Троицы слава яве позная (хвалитна 9 авг.).

Ныне – Свет трисиянный облистав неизреченно Божественная Твоя славы (стиховна вечерни 11 авг.). И уже прямо просим Богородицу «избавить от бед», «спасти от всякого вреда, в ночи и во дни», «ныне и присно молящаяся, и будущего суда избавити». Часто говорится об очищении духа. Вот, собственно, и все, что я снова узрел в поспразднстве.

Следовательно, поспразднство в общем не отличается от праздника почти ничем. Разве отчасти можно указать, что богослужение взяло на предпразднство мысли о необходимости очищения больше, чем на праздник. А во всем прочем Церковь переживает праздничные чувства и мысли.

Поэтому ежедневно повторяются одни и те же тропари, один и тот же кондак с икосом, каноны (вперемешку оба), прокимен, причастен... Так и всегда на поспразднствах.

Наконец, обратила мое внимание еще одна особенность: вечером в самый праздник, на торжественной вечерне, со входом и великим (в четыре с половиной раза) прокименом, положен прокимен и стихи те же самые, что и на Крещение:

– Бог наш на небеси и на земли, вся елика восхоте сотвори.

Стихи: Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять.

– Что ти есть море, яко побегло еси? И так далее.

Значит, там – море, Иордан; ныне – гора Фавор.

Ясно, что творцы службы, помимо величия Спасителя, хотели сблизить Богоявление Преображения с Богоявлением при Крещении... Тогда оно было тайно, а здесь явно; там одному Крестителю, а здесь свидетелям – небесным, земным и преисподним. По существу же тогда и теперь – откровение Бога, или Богоявление, явление Троицы. Посему сближаются все три сии Богоявления:

- Крещение,
- Преображение,
- Троицын день.

Это нам будет важно для окончательного итога, для последней главы.

Как всегда, подходя к этому вопросу более жизненно, лично ищешь особой благодати праздника.

Что же даровано было в сей день?

Ныне – праздник Царства Божия... А Царство Божие есть ощущение славы Божией. А слава Божия есть благодать Духа. Таким образом, теоретически можно сказать: ныне дается «благодать благодати», или – БЛАГОДАТЬ СЛАВЫ. То есть должно бы ощущаться настроение торжества, величия, соединенного, конечно, с радостью...

И Церковь в своих песнопениях, начиная с предпразднства, много торжествует и радуется. И нас приглашает ощущать сию славу Христа, нашу славу:

– Приидите... и славу получим. И думаю, что святые, достойные люди больше всего ощущали бы в сей день именно торжество, славу. Преподобный Серафим и зимою преобразился. А что же он ощущал на Преображение!

Мы же, грешные, лишь немного, сокровенно торжествуем. И за то благодарим Господа! Но зато мне, недостойному, открывается другая сторона «благодати славы»: ощущение на богослужении, главным образом, страшного величия славы Божией...

Правда, это, то есть страх, может быть, еще ветхозаветное настроение, ветхозаветный подход к славе Бога. В любви уже нет страха... *совершенная любовь вон изгоняет страх*, говорит апостол любви Иоанн (1Ин. 4:18).

Так и должно быть: человек из ветхозаветности (греховности) лишь постепенно возрождается в новозаветное состояние, в благодатное.

Поэтому все святые отцы дают совет сначала воспитывать в себе страх Божий, сие начало премудрости и благочестия (Пс. 110:10). О! если бы Господь, благодатию Своею, «всадил» бы и

в нас «страх» Свой в сердце наше, как говорится в Златоустовских вечерних молитвах.

Но увы! – и сего у нас мало! Лишь умом иногда сознаем это, а не чувством – сердцем. И об этом зрим мы больше из песнопений Церкви, а не от опыта.

Но зато гораздо яснее, – и все дни Преображения, – переживаем мы иное ощущение, и еще более начальное, чем даже «страх Божий», но нам весьма драгоценное: это – зрение БОЖЕСТВА Христова!..

Мы всегда веруем в это, но в некие моменты сие ощущается и зрится более ясно, осязательно, осязательно.

...И это уже – слава Богу! Зрелось это и мною с самого начала праздника.

А так как цель Преображения была и та, чтобы Спасителю показать СВОЕ БОЖЕСТВО, то подобает считать особой милостью Божией и эту благодать – веры в Божество Господа Иисуса Христа. К ней же и призывает часто Церковь в своих песнопениях, начиная с предпразднства; повторяет очень краткий, но приличествующий празднику седален по кафизмах:

– Праздник пресветел Владычень прииде, приидите вси на гору, умно предочистившеся, въздем Фаворскую – Христа видети.

Именно – Его Божество! И сие зрится «яве», то есть очевидно.

Слава Преображению Твоему, Христе!

А видя Христа Бога, видим в Нем и через Него – и всю Троицу Преславную. Посему, можно сказать, и нас коснулась «слава» праздника сего, слава Троицы, и мы «сподобились» с учениками «благодати» (стиховна вечерни 10 авг.).

А если бы было у нас чистое сердце, как у святых, тогда оно торжествовало бы больше «славою Троичною»:

– Вси земнородные, очистим сердца, яко да абие (тотчас же) приидет и к нам Слава Трисолнечная Благодати (там же).

Но благодать имеет множество ступеней. И дается всякому по мере восприятия каждого. «Свет присносущный» слишком богат и разнообразен!

Слава Господу, если и нам уделена крупица от стола Божественного!

И приходит мне такое сравнение из жизни.

В богатом доме – брачный пир. Званные услаждаются и веселятся. А в окна смотрят любопытные.

Они и не дерзают думать, чтобы их пригласили внутрь: слишком низки и убоги для этого они (чертог Твой вижду... и одежды не имам). Но нимало мы не завидуем другим, достойным. Ничего не просим и даже не ждем. А только смотрим через окно – на веселье других. И этим немного услаждаемся сами. Иначе ведь не смотрели бы: от скучного уходят.

И особенно любовно смотрели на виновников торжества: жениха и невесту.

...И они – будто бы обычные люди, да, но не таковы ныне. Ныне они – особенно хороши. «Молодые» всегда хороши. И делятся зрителями своими впечатлениями о молодых, а отчасти и о гостях, и о торжестве.

...Но вдруг неожиданно окно растворилось. В страхе зрители разбегаются, скрываются... Но добрые и торжествующие гости, по почину «молодых» (они ныне особенно добры!), бросают в толпу зрителей сладости и угощают от своей трапезы, хоть и понемногу.

Смысл сравнения понятен. Мы ныне – в среде зрителей! И кое-что рассказываем другим о том, что видели «сквозь тусклое стекло» души нашей (см.: 1Кор. 13:12).

Закончим же молитвою:

– Сам убо, Человеколюбче Христе Боже, и нас озари светом неприступная Твоя славы, и достойны покажи наследники безконечного Царствия Твоего, яко Преблаг (стихира на литии).

Пришла еще одна мысль. Господь с самого первого момента Своего явления миру (по крещении) учил о ЦАРСТВИИ БОЖИЕМ (или Небесном). Но это учение так противоречило всему материалистическому мировоззрению еврейского народа, что тогда почти никто из евреев конкретно, ясно, жизненно, опытно не жил этим идеалом, не ощущал его как факт. Или, просто сказать, не понимали, не знали еще, что такое Царство

Божие! И сейчас этого опытно многие не знают. А потому и мешают его с царством «на земле»... Так и должно быть у неопытных! Даже апостолы после Преображения все мечтали еще о земном царстве. Саломия, мать Иакова и Иоанна, вместе с ними просила первых мест возле Спасителя – Царя... Но услышала от Христа: *не знаете, чего вы просите* (Мф. 20:21–22). И Иуда не Искаротский, на слова Господа: *явлюсь ему* (любящему Меня) *Сам*, – спрашивает недоуменно:

– *Почему хочешь явиться нам, а не миру?* (Ин. 14:21–22). И нужно было апостолам, – хотя бы и лучшим, – делом, фактом показать то, чему учил их Он словами.

И вот Господь показал Царство Божие на Фаворе. И показал – в промежутке между учением и грядущими страданиями. За сие учение, а также за жизнь в Царстве Божиим Он и пострадал...

Но зато мы веруем! Аминь.

III. Приложение

Все праздники Господни приводят нас на память тайны пришествия во плоти и явление Спасителя нашего Иисуса Христа; именно, как Он родился и крестился, был распят и погребен, воскрес в третий день и вознесся во славе. Но праздник славного Его Преображения открывает и преобразует состояние будущего века. Ибо как во время преобразования лице Господа просияло, подобно солнцу, и одеяние Его стало белым, как свет дня, так и опять Он приидет с небес, как молния, с силою многою и славою страшною судить всех. И как во время преобразования были с Ним на святой горе Фаворской Петр, Иаков и Иоанн, так избранные будут наслаждаться с Ним во Царствии Небесном неизреченным Богоявлением и неизъяснимым радованием...

Поелику признано, что мы имеем такую душу, благообразную и прекрасную, и такую, как залог и вверенное достояние, должны будем представить ее Богу в последний день Воскресения, то, прошу и молю, возлюбим сию красоту девства ее и такую доброту ее сохраним, не обращая внимания и сердца на красоты века сего и на доброты плоти и крови, поскольку это – не красота, а истуканы красоты, вернее же – тление и прах...

И никто не говори: «не могу очиститься, будучи обременен многими грехами». Послушай, что говорит Господь: *еще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю; еще же будут яко червленое, яко волну убелю (Ис. 1:18)*. Видите, братие, неизреченное человеколюбие Божие, по которому Он обещается не только очистить кающегося, но и возвесть на верх благообразной красоты? И примеры этому – пред очами. Давид был пророк, но впал в грех прелюбодеяния и убийства, однако же он не пришел в отчаяние, но скоро прибег к покаянию, а потому и опять получил пророческий дар. Манассия-царь сделал много зла, ибо пятьдесят пять лет отклонял Израиля от истинного Бога, но покался – и улучил спасение. Верховный из апостолов, Петр, по троекратном отречении от Господа,

употребил врачевство слез и опять восприял первенство апостольской благодати. Мария Египетская, – прохожу молчанием многие другие бесчисленные примеры, – не превзошла ли в блуде всех женщин? Но поскольку принесла чудное и достославное покаяние и взошла потом на самый верх добродетели, то сподобилась от Бога такой благодати, что по водам ходила, как по земле.

Благий Владыка наш каждодневно вопиет: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы* (Мф. 11:28); мы же не хотим сбросить с себя бремя грехов своих. Он взывает: *Аз есмь свет миру: ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать свет животный* (Ин. 8:12); а мы обращаемся в противоположную сторону, самыми делами изрыгая хульную речь: *отступи от нас, путей Твоих видети не хотим* (Иов. 21:14)...

Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам, говорит Господь (Ин. 15:14). Будем же творить все заповеданное нам со всем благим усердием, да сподобимся быть друзьями Господу и наследовать Царствие Небесное о Самом Христе Господе нашем, Которому подобает слава и держава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Богоносные отцы наши своими устами соделывают самое слово Евангелия удобовразумительным для нас, несовершенных... Будем избегать тех, которые не приемлют отеческих толкований и показывают вид, что уважают изречения Писания, а между тем отвергают благочестивый смысл их... Будем избегать таковых и прибегнем к тем, кто предлагает благочестивое, спасительное и согласное с отеческими преданиями...

Для изъяснения таинства настоящего празднества и уразумения истины необходимо нам обратиться к самому началу ныне чтенного Евангелия: *и по днех шестих поят Иисус Петра, и Иакова и Иоанна, брата его, и возведе их на гору високу едины* (Мф. 17:1). Спрашиваем прежде всего, откуда евангелист Матфей начинает счет шести дней, после которых наступил день преображения Господня, с какого то есть дня? –

Как показывает ход речи, с того, в который Спаситель, наставляя учеников Своих, сказал им: *приити имать Сын Человеческий во славе Отца Своего...* и прибавил: *аминь глаголю вам, суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дбндеже видят Сына Человеческого грядуща во царствии Своем* (Мф. 16:27–28), то есть свет предстоявшего преображения Он назвал славою Отчею и Своим Царством. Это показывает и яснее раскрывает евангелист Лука, говоря: *бысть же по словесех сих яко дний осмь, и поем Петра и Иоанна и Иакова, взыде на гору помолитися. И бысть егда моляшеся, видение лица Его ино, и одеяние Его бело блистаяся* (Лк. 9:28–29). Но как согласить их между собою, когда один определенно говорит о промежутке восьми дней между беседой и явлением, а другой (говорит): *по днех шестих?*.. Лука сказал о восьми днях, не противореча Матфею, изрекшему: *по днех шестих*, – не присоединяя день, в который были произнесены те слова, а также дня, в который Господь преобразился...

О силе Божественного Духа, через которую достойным открывается Царствие Божие, Господь предрек: *суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дбндеже видят царствие Божие, пришедшее в силе* (Мк. 9:1). Везде присутствует Царь всяческих и везде Царствие Его, так что пришествие Царства Его не обозначает перехода его с одного места на другое, но откровение его силою Божественного Духа, потому и сказано: *пришедшее в силе*; и эта сила явится не просто обыкновенным людям, но стоящим с Господом, то есть утвержденным в вере в Него и подобным Петру, Иакову и Иоанну и прежде всего им самим, как свободным от нашего природного унижения. Поэтому, и ради этого именно, Бог являет Себя на горе, с одной стороны, нисходя с Своей высоты, а с другой – возводя нас из глубины унижения, так что Невместимый действительно вмещается смертной природой; и такое явление, конечно, гораздо превосходнее и выше ума, как произведенное силою Божественного Духа. Итак, свет преображения Господня не рождается и не исчезает, и не подлежит чувствительной способности, и хотя он был созерцаем телесными очами в течение короткого времени и на

незначительном верху горы, но и таинники (ученики) Господа в то время перешли от плоти к духу посредством изменения чувств, произведенного в них Духом, и, таким образом, увидели, чем и насколько благодетельствовала их сила Божественного Духа – сей неизреченный свет. Не постигающие же сего измыслили, что избранные из апостолов видели свет преображения Господня чувствительною и сотворенною силою (способностью), – и через это покушаются низвести в тварь не только тот свет, славу Божию и Царство, но и силу Божественного Духа, через которую достойным открываются Божественные тайны. Вероятно, таковые не слышали слов апостола Павла: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его. Нам же Бог открыл есть Духом Своим: Дух бо вся испытует и глубины Божия* (1Кор. 2:9–10).

Итак, по наступлении восьмого дня, Господь, взявши Петра, Иакова и Иоанна, взшел на гору помолиться, ибо Он всегда или один молился, удаляясь от всех, даже от самих апостолов, так, например, в то время, когда насытил пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч женщин и детей (Мф. 14:19–21), или, взявши с Собою немногих, которые превосходили прочих, как было при приближении спасительной страсти, когда, сказав прочим ученикам: *сидите ту, дбндеже шед помолюся тамо* (Мф. 26:36), – взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна. Вот и теперь, взявши только этих же, Господь возвел их на высокую гору одних и преобразился пред ними, то есть в глазах их. «Что значит – преобразился? – вопрошает златословесный Богослов (Златоуст) и отвечает: – Открыл то есть им нечто из Своего Божества – столько, сколько они могли вместить, и показал в Себе обитающего Бога». Евангелист Лука говорит: *бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино* (Лк. 9:29); у евангелиста же Матфея читаем: *и просветися лице Его яко солнце* (Мф. 17:2). Но евангелист сказал это не в том смысле, чтобы тот свет почитать за подлежащий чувствам (да удалится от нас ослепление ума тех, которые не могут представить себе ничего выше подлежащего чувствам!), а желая показать, что Христос Бог – для живущих и созерцающих духом есть то же, что солнце

для живущих во плоти и созерцающих чувством, ибо другого света для ведения Божества и не нужно тем, которые обогащены Божественными дарованиями. Воссиял же оный неисповедимый свет и таинственно явлен апостолам и начальнейшим из пророков в то время, когда (Господь) молился; этим показано, что родительницею сего блаженного видения была молитва, что блистание происходило и являлось от соединения ума с Богом и что оно подается всем тем, которые, при постоянном упражнении в подвигах добродетели и молитвы, устремляют ум свой к Богу. Истинную красоту свойственно созерцать только очищенному уму; пристально же вззирающий на сияние ее принимает как бы некое участие в ней, как бы начертывает некоторый яркий луч на своем лице; потому-то и лицо Моисеево просветилось от собеседования с Богом. Знаете ли, что Моисей преобразился, взойдя на гору, и там увидел славу Божию? Но он (Моисей) не сам произвел, а только потерпел преображение; Господь же наш Иисус Христос Сам от Себя имел оный свет. По сей причине, собственно, Он и не имел нужды в молитве для того, чтобы осиять Божественным светом плоть Свою, но только показал, откуда оный свет нисходит на святых Божиих и каким образом можно созерцать его, ибо написано, что и *святые просветятся яко солнце* (Мф. 13:43), то есть, всецело проникнутые Божественным светом, узрят Христа, Божественно и неизреченно провозсиявшего, у Которого блистание, исходя от Божественного естества, явилось на Фаворе общим и плоти Его, по причине Ипостасного единения.

Но напыщенные мирскою и тщетною мудростию и не внимающие мужам опытным в духовном учении, слыша о свете, осиявшем Господа на горе Преображения и виденном апостолами, думают видеть в нем нечто чувственное и сотворенное, почему и тот невещественный, незаходимый и вечный свет, превышающий не только чувства, но и всякий ум, низводят до чувственного и сотворенного света, хотя и Сам просиявший оным на Фаворе ясно показал, что СВЕТА СЕЙ НЕ СОТВОРЕН, НАЗВАВШИ ЕГО ЦАРСТВОМ БОЖИИМ. ЦАРСТВО ЖЕ БОЖИЕ УЖЕЛИ ЕСТЬ ЧТО-ЛИБО СОТВОРЕННОЕ И

СЛУЖЕБНОЕ? Ведь оно одно только выше всякого времени и века; и несправедливо было бы, чтобы Царствие Божие было заключено или ограничено веками или временами. Мы веруем, что оно есть наследие спасаемых. Если же преобразившийся Господь воссиял и показал славу, блистание и свет сей, и снова придет, каким был видим учениками на горе, то неужели Господь восприял и вовеки удержал на горе какой-то иной свет, которого дотоле не имел? Да удалится от нас сие хуление, потому что, кто думает так, тот должен признать во Христе ТРИ ЕСТЕСТВА, то есть Божественное, человеческое и оного света! Итак, мы веруем, что Он явил в преображении не другой какой-либо свет, но только тот, который сокрыт был у Него под завесою плоти; сей же свет был светом БОЖЕСКОГО естества, поэтому и несотворенный, Божественный. Так, и по учению богословствующих отцов, Иисус Христос преобразился на горе, не восприявши что-либо и не изменившись во что-либо новое, чего дотоле не имел, но показавши ученикам Своим только то, ЧТО У НЕГО УЖЕ БЫЛО, отверзши очи их и сделавши их из слепцов зрячими. Видишь ли, что очи, видящие по природе, слепы по отношению к тому свету? Итак, свет сей не есть свет чувственный, и созерцавшие его не просто видели его чувственными очами, **НО ИЗМЕНЕННЫМИ** силою Божественного Духа: они изменились и только таким образом увидели перемену, происшедшую при самом принятии нашей брэнности, обоженной соединением с Словом Божиим. Отсюда и Зачавшая и Родившая чудесно узнала, что Рожденный от Нее есть воплотившийся Бог, и Симеон, лишь только принял сего Младенца на руки, и старица Анна, вышедшая к сретению, ибо Божественная сила просвечивалась как бы сквозь стеклянную оболочку, сияя для имеющих чистые очи сердца.

Да и для чего Господь пред началом преображения избирает главнейших из лика апостольского и возводит их с Собою на гору? – Конечно для того, чтобы показать им нечто великое и таинственное. Что же особенно великого и таинственного – в показании чувственного света, который обильно дотоле имели уже не только избранные, но и остальные апостолы? Какая была нужда для них в изменении,

силою Духа, очей их для созерцания того света, если он – чувственный и сотворенный? Как можно славу и Царство Отца и Духа Святого представлять в каком-то чувственном свете? Ужели в подобной славе и царстве приидет Христос Господь и в скончание века, когда не будет нужды ни в воздухе, ни в пространстве, ни в чем-либо подобном, но когда, по свидетельству апостола, *Бог будет всяческая во всех* (1Кор. 15:28), то есть будет заменять всё для всех? Если же – всё, то, следовательно, и свет. Отсюда явно, что свет Фаворский был светом Божественным! И евангелист Иоанн, наученный Божественным откровением, ясно говорит, что будущий вечный и пребывающий *град будет не требуя солнца и луны, да светят в нем: слава бо Божия просвети его, и светилник его, Агнец* (Апок. 21:23).

Не ясно ли, что он показывает здесь того же Иисуса, Который ныне на Фаворе Божественно преобразился и плоть Которого сияла как светильник, являющий славу Божества восшедшим вместе с Ним на гору? Равным образом и об обитателях оного града тот же Богослов говорит: *не потребуют света от светилника, ни света солнечнаго, яко Господь Бог просвещает я... и нощи не будет тамо* (Апок. 22:5). Но какой же, спрашиваем, есть другой свет, у которого *нестъ пременение, или преложения стень* ^{*****} (Иак. 1:17)? Какой есть свет непреложный и незаходимый, если не свет Божества? Притом Моисей и Илия (и особенно первый, который явно присутствовал духом, а не плотию) посредством какого чувственного света могли быть осияны, видимы и познаны? Ибо и о них написано: *явльшася во славе, глаголаста же исход Его, егоже хотяше скончати во Иерусалиме* (Лк. 9:31). И как иначе апостолы могли узнать тех, кого никогда дотоле не видели, если не при таинственной силе Божественного света, открывшего мысленные очи их?

Будем веровать так, как научили нас те самые, которые просвещены от Самого Христа, поскольку только они одни знают это хорошо, ибо тайны Божии ведомы, по словам пророка, одному Богу и Его присным. Мы же, разумея тайну преображения Господня по их наставлению, будем и сами

стремиться к озарению оным светом и возгревать в себе любовь и стремление к неувядаемой славе и красоте, очищая духовные очи от земных помыслов и отгребаясь от тленных и скоропреходящих сладостей и красот, помрачающих одежду души и ввергающих в огонь гееннский и тьму кромешную, от которых да освободимся озарением и познанием неведущего и присносущного света преобразившегося на Фаворе Спаса нашего, во славу Его и Превечного Отца Его и Животворящего Духа, Коих едино сияние, едино Божество, и слава, и царство, и сила ныне и присно и во веки веков. Аминь.

*Во время оно поят Иисус Петра, и Иакова, и Иоанна, и возведе их на гору высоку едины. И преобразися пред ними, и просветися лице Его яко солнце (Мф. 17:1–2). Се, братие, время благоприятно, се ныне – день спасения, день святой, не измеряемый часами, не увеличивающийся и не уменьшающийся, не разделяемый ночью; это – день Солнца правды, у Которого нет изменения и ни тени перемены (Иак. 1:17), Которое с того дня, как извело нас из тьмы в чудный Свой свет, вечно простирает сияние Свое над главою (нашею), как Солнце незаходимое... Приидите, взыдем на гору, где воссиял Христос, дабы узреть совершившееся там и дабы нас, достойных столь великого дня, Само Слово Божие вознесло во время благоприятное... Свет Божественный существовал прежде, чем явиться как бы в сосуде – теле Христовом, ибо ОН ПРЕБЕЗНАЧАЛЕН; облечение же плотию, которую Сын Божий принял от нас, совершилось во времени, ради нас, и, таким образом, воссияло, совмещая в себе полноту Божества, боготворимое и боголепное светило. Итак, лице Христово просияло, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет, или, как Марк говорит: *блещася, белы зело яко снег, яцехже не может белильник убелити на земли (Мк. 9:3)*. Стало быть, сим светом возблистало и само достопоклоняемое тело Христово, и одежды, но не одинаково: ибо лице Его воссияло, как солнце, а одежды Его, как ближайшие к телу Его, соделались светлыми; и через то было показано, каковы ризы славы, в кои облекутся в будущей жизни близкие к Богу, и каковы одеяния невинности, совлеченный с коих Адам видит*

себя нагим и стыдится. Евангелист Лука говорит: *бысть видение лица Его ино, и одеяние Его бело блистая* (Лк. 9:29), не находя, очевидно, никакого образа всему происходившему там, а евангелист Марк изображает одежды в словах: *блещася белы зело паче снега*. Так как белизны снега было недостаточно для изображения красоты одного видения, то евангелист Марк присоединил и блистание. Помимо того, этим евангелист показывает, что свет сей, через который одежды сделались белы и блестящи, есть свет сверхъестественный, ибо свету не свойственно делать освещаемое белым и блестящим... Но воплотившееся ради нас превечное Слово, без сомнения, в Себе Самом носит слово Евангельской проповеди, имеющее как бы одеянием Писание, светлое и ясное, а вместе блистающее и сияющее, богодухновенное и богоприличное для созерцающих духом то, что – от Духа, и богоприлично объясняющих выражения в Писании и истолковывающих слова Евангельской проповеди так, как не мог бы объяснить никакой белильщик на земле, то есть мудрец века сего. И что я говорю: объяснить? Не мог бы даже понять при объяснении другого: *ибо душевен человек*, как говорит святой апостол Павел, *и не приемлет, яже Духа (Божия)...* *и не может разумети* (1Кор. 2:14), а потому превратно считает Божественное и духовное сияние чувственным, тщетно надмеваясь от ума плоти своей...

Се облак светел осени их (Мф. 17:5). Каково же – это облако, и как оно, будучи светлым, осенило их? Не есть ли это тот неприступный свет, в коем обитает Бог и каковым светом Он одевается яко ризою?

О существовании неприступного света, виденного тогда апостольскими очами, свидетельствуют и святые богословы, ибо сказано: Днесь света неприступнаго бездна, днесь сияние (света) Божественнаго и излияние беспредельнаго на горе Фаворе апостолами зрится. И великий Дионисий, говоря о том, что неприступный свет, в котором обитает Бог, есть тьма, сказал, что в ней пребывает всякий сподобляющийся уразуметь и познать Бога...

И глас был из облака: Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих; Того послушайте (Мф. 17:5). Когда Господь

крестился во Иордане, отверзлись небеса и был тот же самый глас от той славы, которую позднее видел Стефан, исполненный Духа Святого, когда разверзлись над ним небеса (Деян. 7:55–56), а ныне – из облака, осенившего Иисуса...

Когда явилось светлое облако и из облака прозвучал Отчий глас, ученики, как сказано, пали на лица, однако же не по причине гласа... На Фаворе не глас только был, но вместе с ним воссиял и невместимый свет. Поэтому богопросвещенные мужи правильно объяснили, что ученики пали на лица свои не по причине гласа, но по причине страшного и сверхъестественного света: поскольку, прежде чем был произнесен глас, они уже *бяху пристрашни*, подразумевается от сего Боявления, как говорит евангелист Марк (Мк. 9:6). Если же Божественный, сверхъестественный и несотворенный свет воссиял при всех таких обстоятельствах, то что еще мудрствуют те, которые, придерживаясь душевной науки, не могут разуместь того, что от Духа (1Кор. 2:14), которые считают его не славой Божественной, не Царством Божиим, не благодатию, не сиянием, – как мы научены от Бога и богословов, – но признают его чувственным и сотворенным. Господь говорит в Евангелии, что слава сия – общая не только у Него с Отцом, но и у святых ангелов, как пишет святой Лука: *уже бо аже постыдится Мене и Моих словес, сего и Сын Человеческий постыдится, егда приидет во славе Своей и Отчей, и святых ангел* (Лк. 9:26). Не одни лишь ангелы, но и святые из людей приобщаются к сей славе и царству; только Отец и Сын со Святым Духом имеют оную славу и царство по природе, а святые ангелы и человеки сподобляются ее ПО БЛАГОДАТИ, получая просвещение свыше: виденные с Ним во славе сей Моисей и Илия доказывают нам это... Общи слава и царство и величие у Бога и святых Его, почему псалмопевец-пророк взывает: *буди светлость Господа Бога нашего на нас* (Пс. 89:17); но чтобы была обща и едина сущность Божия и святых – этого доселе еще никто не дерзал утверждать...

Божественный свет сей приемлется в большей или меньшей степени по достоинству принимающих; искать доказательств сего не далеко: лице Господа просияло, как

солнце, а одежды Его только стали светлы и белы, как снег; и Моисей и Илия были созерцаемы в сей самой славе, но ни один из них не заблистал, как солнце, а самые ученики, хотя и видели сияние того света, взирать на него, однако, были не в состоянии. Таким образом, свет тот дается в меру и приемлется в большей или меньшей степени: часть его ныне, а остальное откроется впоследствии, почему блаженный Павел и говорит: *ныне отчасти понимаем, и отчасти пророчествуем* (1Кор. 13:9). А сущность Божия совершенно неделима и непостижима, и отнюдь не воспримется в большей или меньшей степени; думать иначе, приписывая сущность Божию подобным себе, свойственно только нечестивцам.

Мы же, удаляясь древних и нынешних еретиков и веруя, что святые приобщаются не существу Божию, а ЦАРСТВУ, СЛАВЕ, ВЕЛЕЛЕПИЮ, НЕИЗРЕЧЕННОМУ СВЕТУ И БОЖЕСТВЕННОЙ БЛАГОДАТИ, как научены, – будем стремиться к сиянию света благодатного, да познаем и поклонимся Трисиятельному Божеству, сияющему во единстве.

Спаситель наш, сказав апостолам, что Ему подобает во Иерусалиме пострадать и умереть за спасение наше, за несколько времени прежде страдания взял с Собою трех апостолов, Петра, Иакова и Иоанна, и возвел их на гору высокую, где преобразился пред ними: *и просветися лице Его яко солнце; ризы же Его быша белы яко свет*; тут явились им во славе два пророка, Моисей и Илия, с Господом беседующие. Потом услышался глас из облака светлого, которое осенило их: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте* (Мф. 17:2, 5). Апостолы, услышавши глас сей, пали ниц и убоялись зело.

Сим спасительным действием Господь показал апостолам, что Он есть Отчее сияние, Бог и Господь, и Царь славы, хотя и покрылся смиренным образом человечества; что хотя видимым образом Он является как человек, подобный прочим, но внутри – есть Бог. Апостолы прежде видели славу Его от дел чудесных, но здесь увидели славу Его уже очами своими, когда показалось им *лице Его, яко солнце, и ризы, яко свет*, как свидетельствуют: *и видехом славу Его, славу яко единороднаго*

от Отца (Ин. 1:14). Прежде показывалась слава Христова от дел Его, которых никто, кроме Бога, не может творить. Но здесь Божественная слава Его явилась образом видимым, когда просветилось лице Его Божественное, как солнце, и ризы блистали, как свет, о чем и свидетельствовал глас Отчий.

Сим действием (преображением) Господь показал, что ОН ВОЛЕЮ ИДЕТ НА СТРАДАНИЕ, о котором предсказывал. Познавшему, что Он есть Бог, Которому все возможно, удобно можно познать, что и страдание Его есть вольное. Ибо кто может убедить Бога ко страданию, Бога, Который есть над всеми и мановению Которого все повинуетя? Едина любовь и милосердие Его к нам, бедным, подвигло Его к тому. А тем самым увещевал апостолов, чтобы они, видевши Господа и Учителя своего страждущим, не соблазнились, не убоялись и не отстали от Него, ведая, что Он волею будет страдать, что ни будет страдать. Он мог бы остановить все злобное действие врагов Своих, но не хочет; а все хочет страдать и терпеть, чтобы от сего человек погибший спасение получил.

Апостолы увидели во славе как Спасителя, так и явившихся пророков, причастников той славы. Отсюда мы видим, что в вечной жизни слава святых будет подобна славе Христовой: они будут подобны Ему, и узрят Его, *якоже есть* (см.: 1Ин. 3:2). Здесь просветилось лице Христово, *яко солнце: тогда праведницы просветятся яко солнце, в царствии Отца их* (Мф. 13:43), *Иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его* (Флп. 3:21). Видим еще, какая радость и сладость будет там. Петр, видев славу Божию, почувствовал в себе такую радость и сладость, что не хотел и сходить с горы, но хотел там и пребывать: *отвещав же Петр, рече ко Иисусови: Господи, добро есть нам zde быти* (Мф. 17:4). Только некую часть славы Божией, и сколько могли видети, видели, но пришли в такую радость и сладость; какая же радость и веселие будет там, где явится вся слава Божия, где узрят Бога *лицем к лицу!* (1Кор. 13:12). Но, кто хочет быть участником и оной славы, тому надобно здесь сообщаться скорби и поношению Христову. *С Ним (Христом) страждем, да и с Ним прославимся* (Рим. 8:17). Многими скорбями подобает

нам внити в царствие Божие (Деян. 14:22). Видишь, что не только скорбями, но и многими скорбями подобает внити туда.

Глас оный Отчий: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих; Того послушайте,* – касается не только апостолов, но и всех. Тогда возглашал Бог из облака апостолам, но через них сей глас дошел и к нам; и к нам глаголет Бог: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих; Того послушайте!* Сколько раз читаем или слышим Евангелие Его святое, столько раз слышим глас Сына Божия, глаголющий к нам, Который не чему иному поучает нас, как спасительному пути, которым до славы оной Божией, на горе святой, отчасти показанной, должно всякому идти, кто хочет получить оную. И кто слову Божию не внимает, тот не человеку не внимает, но Самому Богу; и кто слово Божие не слушает и по слову Божию не живет, тот Бога не слушает, Который через слово Свое глаголет. Напротив, верное сердце как Бога исповедует своим Богом, так и внимает всему тому, что в Святом Писании открыто, запрещено и повелено, и таким образом Святое Писание имеет себе за правило и по оному тщится исправлять свое житие.

Послушаем же Сына Божия, как увещевает нас Небесный Отец, и, оставивши мирские прихоти, возьмем всякий крест свой, какой от Него будет наложен, и пойдем за Ним, да приведет Он нас к Небесному Своему Отцу. Так потечем, да достигнем; постраждем с Ним, да и с Ним прославимся; не постыдимся поношение Его носить, да и Он не постыдится нас, когда приидет во славе Своей. Да помянет нас Господь во Царствии Своем. Аминь.

На второй неделе Великого поста совершается память святого Григория, архиепископа Фессалонитского. Он жил уже в XIV веке, и служба ему составлена поздно, по сравнению с прочим богослужением.

Но почему же она ему составлена и почему память его творится именно во вторую неделю Великого поста, после недели Православия, – этого почти никто теперь не знает. Между тем с его именем связан чрезвычайно важный вопрос веры нашей: о свете Божиим и о пути (или способе) познания

сверхъестественного мира^{*****}, а это весьма важно для всех нас, верующих людей. Не напрасно же по этому вопросу собиралось в XIV веке несколько Поместных соборов – в 1341 (два), 1347, 1351, 1352 годах.

Предварительно же скажем несколько слов о его жизнеописании.

Палама, – такова была фамилия его рода, – происходил из знатной придворной семьи. Отец его рано помер. Будучи еще юношей, он уговорил свою мать и сестер пойти в монашество; это было исключительным явлением во всей истории Церкви и свидетельствовало о высоко-религиозном состоянии их семьи.

Когда же ему самому было 20 лет, он оставил мир и ушел на Афонскую гору. Там поступил он в послушание к некоему пустыннику Никодиму и под его руководством предался иноческим подвигам и молитве.

После смерти его Григорий поселился в Великой Лавре святого Афанасия. Но потом ушел оттуда в пустыню, где проводил суровое житие в одиночестве: в посте, молитве, борьбе с демонскими искушениями и проч. Ему являлась Сама Пресвятая Богородица и укрепляла его в подвигах и молитве. И в эти годы святой Григорий преуспел настолько, что выступил в защиту такого глубокого вопроса, как о «несозданном» свете; для этого нужно было не только быть опытным в самом зрении этого света, но при этом – и богословски образованным, сведущим в святоотеческом учении.

В то время на Афоне среди монахов распространилось особое мистическое направление под названием «исихазм», что с греческого означает – состояние «покоя». Монахи стояли на коленях, или даже садились, и устремляли свое внимание на внутреннее свое состояние, а очи – на место сердца или живота; и таким образом старались достигнуть созерцания света.

Григорий Палама, сам опытный созерцатель, знал свет; но он считал, что достигнуть этого одними телесными приемами и чувственным образом – невозможно и не должно: «духовное духовным» путем познается и приобретается (1Кор. 2:13). И он

на таких ложных мистиков даже написал жалобу патриарху Иоанну XIV Калеке.

Но в это время из Италии, из провинции Калабрии^{*****}, прибыл ученый грек, монах Варлаам. Воспитанный на Западе в мирской мудрости, он стал хулить афонских мистиков всех вообще. Возникло большое движение среди греков. На сторону Варлаама стали Никифор Григора, потом – Акиндин, сам патриарх Иоанн Калека и другие. А против варлаамитского лжеучения и выступили со всей решительностью святой Григорий Палама, святой Григорий Синаит²⁹, Феофан Никейский, патриархи Калмит и Филофей, монах Давид и прочие.

Нужно знать, что среди греков богословские споры нередко возникали – издавна, и в сущности все ереси зарождались и преодолевались в Греции. Запад в этом отношении стоял на более практической линии, как в мысли, так и в жизни.

И движение это кончилось, – уже по смерти святого Григория Паламы, – в 1368 году, когда учение его окончательно было признано православным и сам он был причислен к лику святых. А канонизация во святые совершается в исключительных случаях, по чрезвычайным причинам, не только по особой святости жизни, но и по каким-либо чудесам, откровениям, исцелениям, каковые были и у святого Григория. Еще более принимается при этом во внимание какое-либо общецерковное значение святого: здесь были решаемы вопросы не только православного богословия, но и правильной православной жизни нашей. И хотя эти вопросы сначала могут показаться отвлеченно-богословскими, но, как увидим, они весьма важны и для жизни нашей.

За такую борьбу за Православие он поставлен был архиепископом в г. Солунь (древнее имя его было Фессалоники; теперь Салоники). Мне Господь привел в 1921 году там быть, и я поклонялся мощам святого, лежащим в раке собора. Священство он принял, еще будучи на Афоне.

Прожил он всего 63 года; родился в начале XIV столетия.

Один год он был в плену у мусульман, когда, по вызову греческого царя, направлялся в Константинополь. Много

пострадал он; хотели его и убить. Но, выкупленный за деньги, он вернулся в Солунь.

После такой краткой биографии обратимся к предмету споров.

Они называются спорами о «Фаворском свете». И это потому, что защитники света с самого начала стали ссылаться на факт явления света во время преображения Господня на горе Фавор. И они утверждали – как это и есть, – что этот свет был не естественный, сотворенный, созданный Богом, а сверхъестественный, несотворенный, «несозданный» (по-гречески *ἀκτίωτος*), Божественный, присносущный. И если этот свет возможен был тогда, то следует, что он может быть всегда и, значит, защитники света – правы.

Противники же, наоборот, говорили, что и вокруг Господа, во время преображения Его, свет был обыкновенный, естественный. Причем, он был сотворен собственно для учеников, на этот раз.

Следовательно, Фаворский свет для обеих сторон был предметом ссылки на него. Но скоро этот вопрос стал самым существенным в споре.

Защитники Божественного происхождения его этим отстаивали Божественную, или «несозданную», природу Царствия Божия, будущего блаженства христиан, цель нашей жизни. А противники (исходя из своего опыта) не хотели допустить, что есть какой-то иной мир, который могут наблюдать люди, еще живя здесь, на земле. Они считали, что этот земной мир, только нравственно обновленный, и будет целью их жизни^{*****}; то есть, в сущности, христианство не обещает Небесного Царства, а улучшит лишь это земное царство! Защитники же Фаворского света утверждали, и мы утверждаем, что Божественный мир, Царство Небесное, есть качественно иной мир, Благодатный мир. И спор в конце концов сходил к одному слову: созданный ли этот мир или несозданный?

Православие, конечно, стояло на последнем понимании. И святой Григорий Палама говорил: «Царство Божие – не создано» (*ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ ἀκτίωτος ἐστίν*), как не созданным был и Фаворский свет на преображении Господа.

Таким образом, вопрос касался уже не только афонских исихастов, а сущности самого христианства, то есть – всех нас.

Святой Григорий Палама, вызванный в Константинополь, на Собор в храме «Агия София» (Святая София^{*****}), в споре против Варлаама^{*****}, настолько разбил его доводы, что он должен был бежать в Италию. И там он в 1342 году перешел в католицизм. Папа Климент VI поставил его епископом в Неаполитанском королевстве^{*****}.

Но споры и Соборы, – как мы видели, – продолжались еще долго (до 1368 г.); пока окончательно, после почти 30-летней борьбы, Церковь установилась на православном учении святого Григория Паламы.

Чтобы закончить этот отдел, мы должны еще остановиться на вопросе о Боге: в Писании сказано, что Бог – невидим (Ин. 6:46; 1Ин. 4:12); между тем апостолы на горе Фавор видели необыкновенный свет^{*****}. Но, с другой стороны, Самим Господом сказано: *Видевший Меня видел Отца* (Ин. 14:9). Конечно, апостолы видели Господа по человечеству. Но после воскресения Он то являлся им, то исчезал. В объяснение этого святой Григорий Палама, – очевидно, на основании опыта своего, – учил о различии сущности (греч. *усия*, οὐσία) Божией и о действии Ее (греч. *энергия*, ἐνέργεια). Первая не познаваема, а вторая может являться людям. Но мы на этом не будем останавливаться: нет нужды нам.

Однако и самый свет может быть видим и познаваем, если человек будет подготовлен к этому тою же Божественною благодатию, иначе одному будет он виден, а другому нет. Эта же благодать есть Божий дар – достойный его; или – по особому Божию благоволению. Следовательно, это явление может быть дано по нравственно-достойному состоянию подвижника.

На этом мы и остановимся в речи о Фаворском свете.

Какое же отношение может иметь это учение о свете Божьем к нам, простым христианам? Мы не дерзаем и думать о такой высоте созерцания, какая достигается лишь немногими праведниками. Воистину так!

Но Божественный свет есть только вершина христианского совершенства. А все оно есть дело Божией благодати. И святой

Григорий именуется в богослужении «проповедником благодати». И действительно, Христос Спаситель последнею целью Своей имел ниспослание благодати Святого Духа, что и совершилось в день Пятидесятницы, когда на апостолов сошел Дух Святой, в виде огненных языков. А потом через них – на нас, за веру в Господа Иисуса Христа и во святом крещении.

И действительно, нужно быть твердо уверенным, что ничто в нашей духовной жизни не совершается без помощи благодати Божией, – от самого малого до великого.

Вера – дело благодати Божией. *Благодатью спасены вы чрез веру; и сие – не от вас, Божий дар; не от дел, чтобы никто не хвалился* (Еф. 2:8–9), – говорит апостол Павел.

В частности, вера во Христа – действие Божией благодати. *Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1Кор. 12:3), – говорит он же.

Крестился евнух царицы Кандакийской – и Дух Святой сошел на евнуха... *и он продолжал путь, радуясь* (Деян. 8:39).

И над нами крещение совершается для прощения грехов и даруется дар Святого Духа (Деян. 2:38).

Исповедуемся ли мы, нам оставляются наши прегрешения благодатию Святого Духа, во имя Господа Иисуса Христа, – как и говорит духовник, крестообразно знаменуя нас.

Даже самое видение грехов может быть только по дару благодати Божией, – как мы и молимся в Великом посту словами святого Ефрема Сирина: «Ей, Господи! даруй ми зрети моя прегрешения...» И все прочее в христианстве – дело Святого Духа. Это мы знаем – по учению Святой Церкви (и по нашему опыту).

И будущее блаженное Царство Божие – есть действие благодати Божией: *отныне, – говорил Господь Своим ученикам на Тайной вечере, – не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего* (Мф. 26:29). И сей Небесный Иерусалим не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец Христос (Апок. 21:23). Сам Господь сказал: *в доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14:2). И их видел своими духовными очами апостол

Павел, восхищенный «до третьего неба», «в рай», о чем он даже не мог «пересказать», ибо у человека нет для этого и слов (2Кор. 12:1–4).

Их видел и преподобный Серафим Саровский. Он был и во свете Божиим во время беседы с Н.А. Мотовиловым. И он именно сказал ему: цель христианства – стяжание благодати Святого Духа.

Поэтому и мы, хотя и не достигаем вершин христианской жизни, но Церковь с нами только и жива благодатию Божией, которая пребывает с нами всегда и пребудет до конца мира, до Страшного суда. Лишь на суде Божиим от осужденных отнята будет совсем; так толкует святой Василий Великий в объяснение слов Господа: «растешет полма», рассечет пополам, то есть отделит в человеке Божественное начало от естественного, благодать от плоти (Мф. 24:51; Лк. 12:46).

В Церкви все – благодатно. И сама Церковь есть благодатное общество. И значит, мы, пребывающие в Церкви, находимся в благодати. Правда, *и звезда от звезды разнится в славе*, говорит апостол Павел: *так будет и в воскресении мертвых* (1Кор. 15:41–42), но все члены Церкви живут во благодати.

И чем ярче сияет в нем благодать, тем сильнее видит он свои грехи; так бывает и при солнце: ночью мы ничего не видим, но стоит солнцу засветить, как в его лучах мы замечаем миллионы пылинок. Потому да знаем: кто видит в себе грехи, в том сияет свет благодати. Теперь мы не можем сказать, что это учение о Фаворском свете не касается нас, верующих.

Остается еще один вопрос: почему Церковь поместила память святого Григория Паламы именно во второе воскресенье Великого поста?

Конечно, отчасти потому, что остальные воскресенья заняты другими событиями: третье – выносом креста, четвертое – памятью славной Марии Египетской, пятое – прославлением святого Иоанна Лествичника; оставалось свободным лишь второе воскресенье поста: оно и было посвящено памяти святого Григория Паламы.

Но нет ли здесь иного какого-либо умысла у Церкви?

Не зная истории установления этого празднования в свое время, мы можем лишь высказать свое предположение.

Как мы видели, вопрос поднимался в XIV веке – и о сущности христианства, и о действительности сверхъестественного мира, с одной стороны; и с другой – о способе познания его, или, говоря иными словами, о качестве и реальности этого мира, и о гносеологии, о методе познания его.

Сущность его, познаваемая еще в этом мире, есть благодать, и способ познания его – тоже благодать. О первом мы уже довольно говорили. А о втором немного сказано было раньше, теперь же скажем несколько подробнее.

Люди думают, что познание есть дело ума нашего; это, – хотя и оно не верно (ибо и в мире естественном познается все «откровением» предметов восприятию, объекта субъекту, бытия знанию), – еще приложимо несколько к земному миру, но уже к сверхъестественному бытию никак не приложимо. Ни ум, ни ученость, ни само богословие не имеют здесь никакого значения, буквально ни малейшего! Здесь все «открывается» благодатью, Богом.

Вот иногда читаем мы молитвы механически, холодно (что опытные молитвенники не считают даже и молитвой, а называют лишь молитвословием, а иногда – «кошунством»), а другой раз благодать чудесно осветит какое-нибудь одно слово, и сердце «возрадуется с трепетом» (Пс. 2:11). И тогда все станет ясным, очевидным, несомненным, как всякий факт. Иногда сердцу невмочь произнести слова: Отец, Сын и Святой Дух! Невозможно без рыданий или слез сказать обычное слово – Бог! Христос – не в силах повторить... молчишь!.. Богородица, – столь привычное нам слово, – можешь с великим напряжением произнести... Так и все прочее...

Вот тогда «открывается» истинное познание... И то лишь – «отчасти» (1Кор. 13:9, 12)... И притом редко: в иное время бываешь будто мертв! Но хорошо, что хоть после долго воспоминаешь о пережитом откровении. А у святых подвижников такие состояния бывают постоянным явлением.

Потому и апостол Павел говорит: *Мы не знаем, о чем молиться как должно; но сам Дух ходатайствует за нас*

воздыханьями неизреченными (Рим. 8:26). О том же мы читаем и в 7-й тайной молитве, во время шестопсалмия.

Следовательно, благодать есть основной закон и познания, – точнее: откровения, – вещей Божественных. Это – несомненно.

Реализм же заключается в том, что вещи мира сверхъестественного открываются нам еще в этом мире, совершенно очевидно. И это зависит не от большого ума, не от исторических фактов, хотя и они даются нам на пользу Духом Святым, а от Божьей силы... И тут иногда самый простой человек узнает больше, чем ученый богослов... Примеров таких множество: апостолы набраны Господом из рыбаков, ученые посрамлены (1Кор. 1:27); богословы становились еретиками, простецы имели на главе своей благодатный свет, и так далее. И эти немудрые мудрецы становились потом светом для миллионов потомков. Так держалось и защищалось святыми Православие! И святыми будет держаться до конца мира.

Теперь мы обратимся к прошлому, к неделе Православия... Собственно, в это первое воскресенье празднуется восстановление иконопочитания, борьба против которого велась около 120 лет: цари, патриархи, епископы, Соборы, гонения, ссылки, мучения, убиения – все было против икон... И, наконец, истина восторжествовала!

И это празднование наименовано «торжеством Православия», – как в этом случае, так и во всех победах над ересями, ибо корень всего христианства – в воплощении Сына Божия; отсюда – и иконопочитание.

Но почему же истина Православия восторжествовала? И при каких условиях она может торжествовать и впредь?

Ответ один: БЛАГОДАТЬЮ!

Заблуждения еретиков происходили от умственных и безблагодатных учителей. Теперь Церковь, на следующей после Православия неделе, и отвечает на вопрос: как же познается истина?

– Благодатью Божией!

Вот, – как думается нам, – можно установить связь между сими двумя воскресеньями Великого поста.

А заключение я сделаю то же, что в предыдущее воскресенье. К святому Антонию Великому собрались святые старцы. Он спрашивает их: чего же они достигли в своем подвижничестве за многие годы?

Один сказал: «Я молюсь усердно».

Другой ответил: «Я творю чудеса».

Третий: «Я вижу ангелов».

И так далее.

Потом старцы спросили самого святого Антония, а что ж он им скажет?

На это Великий Антоний ответил:

– Братия мои! Истинно говорю вам: не великое дело творить чудеса, не великое дело и видеть ангелов; великое дело видеть свои грехи!

Это, – добавим, – и есть наличие в нас Божьего света! Это и есть – присутствие благодати.

Помолимся, братия, святому Божию угоднику (в этом – самое важное значение святых), чтобы он умолил Бога даровать нам благодать зрения грехов наших.

После того как я кончил писать это слово, у меня явилась мысль: как же достигнуть этого дара зрения своих грехов? Ждать действия благодати на нашу душу? Но ведь и мы должны же что-либо делать! Молиться Богу? – Несомненно! Просить святых угодников помощи: проповедника покаяния святого Иоанна Крестителя, преподобного Ефрема Сирина, преподобную Марию Египетскую, святого Григория Паламу. Вероятно, эти молитвы помогут нам в этом зрении более, чем всякие наши усилия.

Может быть, следует творить молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного?

Недаром же ею постоянно молятся подвижники. А есть и миряне, которые трудятся над нею.

Может быть, чаще нужно исповедоваться? Или, по крайней мере, открывать свои помыслы духовникам, старцам, как это практиковалось в добрых монастырях?

И вдруг мне вспомнилось, что в известной молитве преподобного Ефрема Сирина, после слов: «даруй ми зрети моя

прегрешения», почему-то поставлено: «и не осуждати брата моего». Не может быть, – подумал я, – чтобы последние слова были приставлены к предыдущим без всякой связи с ними?!

И пришел мне в душу ответ: есть тут связи! Последние слова – о неосуждении – не есть ли путь к предыдущим? И мне припомнилось: как я других учу «зрети моя прегрешения», а сам почти всегда осуждаю других – в словах или в помыслах... Как же это может мириться со зрением своих грехов? Не может! Что-либо одно!

А что если начать с такого простого способа, как стараться переставать осуждать других? Пусть хранить хоть свой язык от слов этих! Пусть даже в душе осуждаешь брата... Не поможет ли это зрению своих грехов?

И еще подумалось: «брата»... Если бы я понимал как следует это слово, то я бы пожалел его... Он же мне – брат! А я холодно, – даже, в сущности, злобно, – отношусь к нему... Правда? – Верно это...

Да и что мне с того, что он совершил какой-либо грех? Что он, не видит, не чувствует своих грехов? А я? Не то же ли?

И зачем я, осуждая его, прилагаю этим грехи ко грехам своим? И даже не жалею его, бедного... Нет, не жалею... Ну помолился бы о нем, хотя бы словесно... А Господь, видя такое доброе мое отношение к брату, и надо мною смилуется... Ведь молитва Господня учит нас: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим».

Мы же, будучи такими же подсудимыми должниками, вместо прощения – становимся судьями? И вспоминается фарисей: *я – не таков, как другие или как этот мытарь!*

Да, неосуждение других поможет нам думать о своих грехах... Даже можем мы приучить себя к этому: как только осудим кого-либо – сейчас же вспомним о себе, о своих грехах! Пусть это будет нам поводом к зрению их... А ведь мы постоянно осуждаем других... В наших разговорах мы очень часто «перемываем косточки» другим, как говорит наблюдательная пословица.

И сколько поводов будет у нас к зрению самих себя! Почти непрестанно... А тут мы присоединяем еще и молитву к

Господу: «не осуждать братьев»... Не поможет ли это все «благодати зрения» своих грехов? – Ей! поможет! – Недаром же преподобный Ефрем поставил рядом эти пункты духовные...

Вот какие мысли пришли мне...

Господи, помоги нам! Начнем хоть с удержания нашего языка от осуждения... А потом Бог поможет нам, как мытарю, думать лишь о себе и говорить (о, хотя бы в сердце, а не на языке): «Боже! милостив буди мне, грешнику!»

Торжественный вход Господа в Иерусалим

I. Мои мысли

Приступая к описанию и этого праздника, я опять должен смиренно сознаться, что до исследования богослужения и это церковное торжество мне было далеко не ясно; и именно не ясно с самых существенных сторон (как потом вскрылось мне) смысла события.

Вот зададимся сами вопросами: понимали мы доселе сущность этого праздника? как понимали? что, собственно, праздновали? чему радовались в этот праздник? Какие особенные, специальные, исключительно связанные с праздником чувства переживали? Или же не отдавали себе отчета? Задумаемся...

А ведь праздник двенадесятый – великий по церковному сознанию. Да и самое слово – «торжественный» вход говорит об особой торжественности, «праздничности» этого дня. Конечно, всякий христианин в этот день торжествует. Но вопрос: чему? Да и нужно ли радоваться? Ведь Сам Виновник торжества Господь Спаситель, когда приближался к Иерусалиму, не только по-видимому не торжествовал, но даже скорбел.

И скорбел так сильно, как это бывало с Ним исключительно редко: всего лишь три случая отмечает Евангелие. Иисус прослезился над гробом друга Лазаря, при виде плачущей Марии и пришедших с нею иудеев плачущих (Ин. 11:33–35). Капли кровавого пота падали на землю в саду Гефсиманском (Лк. 22:44) пред страданиями. И вот теперь рассказывается о слезах и плаче: *И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем. Следовательно, событие было связано с скорбью. И сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих: ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отвсюду. И разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне, за то, что ты не узнал времени посещения твоего (Лк. 19:41–44).*

А в то же время вокруг было общее ликование. Тысячи народа шли возбужденно за Ним, крича «осанна!». И дети, – всегда они первые в таких случаях, – выделялись из толпы своими звонкими голосами, бежа впереди процессии, бросая ветки пальмовые и крича то же радостное: «осанна!», «благословен!» Даже «фарисеи из среды народа» (значит и они шли, только не кричали) с негодованием стали просить «Учителя» «запретить» это торжество «ученикам», а после и детям, продолжавшим кричать уже в храме (Мф. 21:15; Лк. 19:39). Но Господь отклонил это, сказав: *если они умолкнут, то камни возопиют* (Лк. 19:40), – это об учениках. А про детей в Церкви даже сослался на пророчество об этом торжестве: *Да разве вы никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу* (Пс. 8:3; Мф. 21:16).

Значит, Сам Господь принимал это торжество, благословляя его. Следовательно, оно в полном смысле торжеством было. И таковым, значит, должно быть и для нас.

Плач же был не по поводу торжества, а, наоборот, от того, что Иерусалим, руководимый вот этими «негодующими» фарисеями, не принимает участия в торжестве, как бы подобало это. И об этом, – и о последствиях этого уклонения от торжества, – плачет Господь, жалея народ. Следовательно, слезы Входящего только еще полнее подтверждают торжество, его уместность, его смысл.

В чем же оно?

Вот этого прежде я и не уразумевал ясно. Даже думал, что не было никакого торжества, то есть для Церкви и для христианства; что торжествовали иудеи, и притом ложно, а Сам Господь будто бы лишь плакал. Значит, думалось, нужно и нам плакать.

Но тут вставало общеустановившееся во всей Церкви, что это – праздник, да еще и двенадесятый; следовательно, какое-то великое торжество в Церкви, когда люди празднуют и радуются.

Чему же, однако?

И радуются не обычно даже и для двенадесятых праздников: приходят с «вербами», то есть начинающими

распускаться (на севере) ветками, а на юге – с пальмами или даже цветами, почему и самый день этот называется «неделю Цветоносною», или неделю Ваий (пальмовых ветвей), или по-сербски кратко: «Цвети» (цветы). Так люди торжествуют в особых случаях, исключительных торжествах, при встрече высоких посетителей. И доселе остался у людей обычай подносить цветы им.

В чем же смысл торжества?

А еще казалось мне, что этот праздник является совсем не связанным с надвигающимися страшными днями страданий Господа, коими завтра (в понедельник) душа будет захвачена всецело. Какое уж тут место торжеству! И зачем вход устроен был Господом как раз накануне седмицы Своих страданий? Раз он не связан с ними существенно, можно было бы отнести его на другое время, когда тоже много бывает в Иерусалиме народу, если уж и это нужно было. Но зачем народ, что хотел этим показать ему Господь?

Вот сколько вопросов было у меня, когда я приступал к рассмотрению этого праздника и открывал богослужебные книги... Были лишь одни почти вопросы и никаких глубоких ответов о самом главном – смысле события в деле домостроительства спасения.

Стал читать богослужение; и вдруг, точно лепесток за лепестком, снимались покровы праздника; стал разворачиваться смысл... И очень скоро я понял все... Открылась и глубина события, и теснейшая связь его с непосредственно следующими днями страданий Икупителя, Спасителя мира, Который действительно вступал в этот день в торжественнейшее свое дело... Я уловил смысл торжественного рода. Обрадовался, как всегда, этому («нашел»). И после только удивлялся: да как же это все так просто! Почему же я не понимал этого ранее? А может быть, вот другие понимали и понимают? Если да, то они счастливы и разумны.

А мне открылось все только из богослужения. Да я еще не читал поучений на этот праздник святых отцов. Может быть, там еще много откроется. Впрочем, большею частью богослужение

дает исчерпывающий материал, хотя и в кратких, сжатых формулах, без объяснения их.

Но уже довольно предисловия... Впрочем, и самые вопросы – не бесполезны; они помогают больше заинтересоваться событием; подготовили немного душу к восприятию смысла его; устранили уже отчасти неправильные представления о некоторых сторонах события (о слезах, например); и несомненно уже утвердили нас в убеждении, что некий торжественный смысл в «торжественном входе» есть, должен быть: Сам Господь такое значение ему придавал, следовательно, что же сомневаться?

Нужно только понять его, уяснить себе.

Но прежде чем вскрыть истинный смысл праздника, по богослужению, я расскажу сначала о том, что я лично думал до углубления в службу.

Не понимая глубокой сущности праздника, я, однако, старался хотя что-либо понять... И вот какие мысли приходили мне (отчасти они после нашли подтверждение и в службах). Сейчас я только подробнее разовью те мысли...

1. В течение трех с половиной лет служения Господа избранный народ еврейский до такой степени был возбужден и напряжен, что уже было не под силу и терпеть дальше.

Что вы думаете о Христе? (Мф. 22:42). Этот вопрос, поставленный Самим Христом пред сознанием фарисеев, был, собственно, их вопросом: они в душах своих ставили его, но не смели спросить прямо, не желая показать себя даже сомневающимися.

Еще более боялись они признаться в том, что Он есть истинный Мессия: это означало бы перейти в Его ученики. Но вопрос стоял неотвязно: «Кто Он?» И совсем незадолго до входа в Иерусалим однажды иудеи обступили Его в храме, в притворе Соломоновом... *и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении? Если Ты – Христос, скажи нам прямо! (Ин. 10:23–24).* Спаситель сказал им прямо, что Он Сын Отца Небесного, и больше того: сказал «прямо», что Они одно: *Аз и Отец едино есма (Ин. 10:30).* Иудеи хотели убить Его за это, по их мнению, «богохульство», и уже схватили камни... А

Он после кратких слов о выражении царя Давида: *вы – боги* (Пс. 81:6), приведших их в недоумение, и повторив, и утвердив совершенно ясно, что *Я – Сын Божий* (Ин. 10:36), уклонился из толпы, ибо иудеи опять раздражились и хотели схватить Его (Ин. 10:39).

Еще более раздражены были «начальники» народа: они давно уже поняли, что Он – не то, чего они ищут в Нем. Он не вождь восстания против римлян за свободу Израиля... Он о Небесном Царстве учит.

Это расслабляет руки национальных борцов за еврейское царство, которому Сам Бог через настоящих, истинных пророков обещал всемирное господство. Это совершенно противоречит делу их, фарисеев: или – мы, или – Он! Среднего быть не можно...

А если – Он, то... конец всем мечтам о «славе Израиля». Он учит смирению, какому-то «непротивленчеству» (говоря современным языком)... Что нам делать?

Этот вопрос давно стоял у них в душе. И Господь уже знал, что назрел почти и ответ на него, ответ страшный: *вы ищете убить Меня* (Ин. 8:37). И это повторил дважды (ст. 40); а их назвал детьми диавола – человекоубийцы (ст. 44)...

Но вот совершилось последнее громовое чудо: смердевший Лазарь на глазах людей вышел из гроба... Множество людей уверовали... Первосвященники и фарисеи немедленно созывают экстренный чрезвычайный совет и задают себе последний вопрос:

– Итак, что нам делать?

– *Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него.*

Ну и что же худого в том?

– *Придут римляне и овладеют местом нашим и народом* (Ин. 11:47–48).

О, лукавство! Да римляне уже давно овладели вашим и царством, и городом, и народом. Ведь лишь один призрак власти оставался у вас в «царях» Иродах, ставленниках Рима. Всем правил высший чиновник римский – Пилат. О какой же самостоятельности говорите или мечтаете?

Душа человеческая – очень лукавое создание (после падения)... Лжет... А себя убеждает в правде... Других обманывает... Прикрывает истинные побуждения пышными фразами... А иногда прорывается и говорит правду, хотя и не совсем прямо...

И нет ни желания, ни особой важности долго останавливаться на подлинных замыслах и чувствах «старейшин» народа, ибо нам сейчас важно знать лишь о их крайней напряженности. Но, чтобы понять ход событий, кратко остановимся на причинах такого страшного беспокойства и экстренного совета. Может быть, и в самом деле – боялись римлян? Да, по-видимому, и это: все-таки у них оставалась тень самостоятельности; все-таки они в тайниках души мечтали о свержении иноземной власти, были революционерами в сердце; и придет время, они не удержатся, поднимут восстание, но будут окончательно раздавлены при Тите и Веспасиане. А этим мечтам препятствует Спаситель, ибо Он равнодушно относится к римскому господству, учит о свободе, но иной, свободе от грехов, свободе познания истины, а не о политической свободе. И беда в том, что народ начинает уже идти за Ним, а не за ними (фарисеями). Скоро *«все уверуют в Него»*. А тогда кто же может восстать против римлян, кто пойдет за ними? Тогда «наше» дело кончено... Придут римляне, отнимут последние остатки тени свободы; а они... они будут устранены как лишние, ненужные люди... А с ними погибнут все чаяния Израиля!

Да, могли и так размышлять вожди. А народ все более отходил от них к Нему... И они чувствовали это... Видели... Посылают своих слуг, ближайших исполнителей своих планов, схватить и привести Его к себе, а те возвращаются умиленные: *никогда не говорил человек так, как этот Человек* (Ин. 7:31–32, 45–46).

Так выявлялась и другая причина, уже не национально-политическая, а лично-эгоистическая: «или – Он, или – мы; народ или к нему уйдет, или же мы должны оставить Его при себе во что бы то ни стало»... А народ «всегда темный (Ин. 7:49), мы его поведем куда захотим, куда нужно: не будет же нас, и народ погибнет как нация».

Что же делать?

Ответ навязывался единственный: необходимо устранить Его! Это подсказывают (казалось им) не только национальные, но и личные соображения... И Каиафа, исполнявший обязанности первосвященника в тот год (их часто меняли), встает и торжественно заявляет то, что, в сущности, назрело у всех в душах, хотя он говорит, будто они «ничего не понимают»: **ЛУЧШЕ ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ УМЕРЕТЬ ЗА ЛЮДЕЙ!**

Он понимал это в своем националистическом и личном смысле; а Воля Небесная устроит так, что эти слова окажутся в пророческой смысле спасительными для всего мира: Он Своею смертью искупит весь мир.

Так разрешилось давно назревавшее напряжение. Начальники больше не выдержали и решили: убить!

А народ? Народ, действительно, часто идет как темный, как слепец за вождями, хотя сам склонен бы думать и иначе. Народ тоже был в возбуждении. Уже и раньше спрашивали: «скажи нам прямо: кто Ты?»

А теперь, после воскрешения Лазаря, все были приподняты до крайности. И потому, сошедшись отовсюду на праздник Пасхи в Иерусалим, возбужденно спрашивали друг друга все о Нем же. *Тогда искали Иисуса и, стоя в храме, говорили друг другу: как вы думаете? не придет ли Он на праздник?* (Ин. 11:47–57).

Многие... уверовали в Него (ст. 45). Еще больше готовы были веровать, если бы пошли сначала вожди за Ним... Но именно они-то и положили убить Его (ст. 53). Снисдеся иудеев от Иерусалима в Вифанию множество и с сродницами Лазаревыми днесь страждут. Наутрие же разумеvше сего из гроба скачуvща, движутся на убиение Христово (2-й тропарь 5-й песни 2-го канона на утрени в пяти.). Послезавтра будут кричать: «осанна!» А через семь дней ровно: «распни Его». Но и народ был нетверд. Вот какое напряжение было около имени Его! Если уж решили убить, то дальше идти некуда... Время пришло. Жатва созрела... Нужно было ожидать серпа смерти.

И Господь явно шел на это. Когда Он решил идти в Иудею воскресить друга Лазаря, ученики сказали Ему: *Равви! давно ли*

иудеи искали побить Тебя камнями; и Ты опять идешь туда?.. Но Господь сказал: «пойдем». Тогда Фома Близнец сказал ученикам: пойдем и мы, умрем с Ним (Ин. 11:7–16).

Вот какова была сгущенная атмосфера: уже не только Он, но ученики готовились на смерть... Но и они считали Его лишь «Равви», Учителем, Мессией земным. В такой обстановке приближается день «торжественного входа».

Как видите: торжество «Грядущего» совсем не мирится с злобой вождей... Народ был много больше предрасположен к этому, но и для него все это было весьма неожиданно, равно как и для учеников. Вместо смерти – ликование входа и «осанна!».

И, однако же, несмотря на неожиданность такого именно исхода из накопившегося напряжения, Господь Сам устрояет все: повелевает заранее найти осленка и ослицу... и шествует. Ясно, что Господь находил это по Своим планам нужным. Почему же? – Увидим дальше.

Уже из сказанного мы видим, как разошлись пути Господа и вождей Израиля. Но это еще более станет ясным, если мы присмотримся к духовным мировоззрениям сторон. Здесь – полная непримиримость.

Фарисеи и первосвященники были люди земного склада души: корысть, плотоугодие, гордыня, вообще земные идеалы, – вот была их жизнь.

Господь же учит отречению от земли и – любви к Небесному.

Иудеи зло видят в политической несвободе. Господь же – во грехе и отце греха – диаволе.

Иудеи духовно окаменелый народ, ожесточившийся, нелюбовный, эгоистичный. Господь же хочет человека сделать богоподобным по любви, милосердию, состраданию.

Иудеи, особенно же фарисеи, будучи внутри закоренелыми грешниками, нередко лицемерами, хранят, однако, строго обряды, законы, успокаивая себя сознанием «избранного народа», любимцев Божиих, «семени Авраама». А Господь хочет переменить сердца их, переродить вновь (беседа с Никодимом; Ин. 3 гл.). Это требовало чрезвычайной ломки

души: *второй раз войти в утробу матери?* – спрашивает «учитель израильский» (Ин. 3:4).

Иудеи – буква. Христос – дух.

Не говорю уже о том, что все воззрение иудейское на Бога решительно шло вразрез со Спасителем. По их воззрению, Бог – «далекий», Бог – Судья, Бог – грозный: Его имя даже нельзя произносить... А не только видеть во плоти.

А здесь? – Сама любовь... И притом воплощенная... Как, Бог – видимо? На земле? Как и мы? Нет, это невозможно! Это «богохульство» (Ин. 10:33): будучи человеком, «Он делал Себя Богом». Камнями побить! Сейчас же! Тут же.

Это всего невыносимей было Израилю: «Бог во плоти»... «Соблазн» (σκάνδαλον – скандал) (1Кор. 1:23)... Да еще учит о Своем распятии! Но и без этого – решительно неприемлемо Его Божество...

И если мы посмотрим на суд над Господом, то увидим, что, собственно, этот факт решил Его смерть. Когда выдуманные показания лжесвидетелей оказались совершенно недостаточными для осуждения Господа, то Каиафа поставил главный вопрос, заклиная Его Богом Живым: *Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал, то есть: да! Даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы, то есть БОГА, и грядущего на облаках небесных* (Мф. 26:63–64).

«Человек», «Сын Человеческий» – рядом с Богом... Для иудеев неуместимо... «Богохульство!» И не выдержал Каиафа: *разодрал одежды свои...* Какой гнев! Возмущение! (Сердце не выдерживает.) *И сказал: Он богохульствует! На что нам еще свидетелей? Вот теперь вы слышали богохульство Его! Как вам кажется?*

– *Повинен смерти!* – конечно, был ответ (ст. 65–66).

И архидиакон Стефан был побит после подобного же исповедания: *воззрев на небо, увидел Славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога* (ср. выше: «одесную Силы»), *и сказал: вот я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога.*

Евреи не могли этого вынести: закричав громким голосам, они затыкали уши свои и единодушно устремились на Него; и, выведши за город, стали побивать его камнями (Деян. 7:55–58).

Так столкнулись два царства.

Языческий мир будто бы стоял еще в стороне и не показывал такой вражды к Господу Спасителю. Но это пока – скрытый враг. Как бы сонный еще. Он религиозными вопросами интересуется очень мало, следя лишь за политикой и за миром внешним. Потому он, как видно из Евангелия, равнодушно относился к религиозной манифестации «торжественного входа», не видя в ней ничего политически опасного: иначе Пилат не преминул бы принять меры ареста. Между тем римская власть остается в стороне. И крики «осанна» не пугают ее, так как Тот, Кому кричат, едет на осле мирно, кротко и спокойно, не думая ни о какой революции.

Но наступит время – и языческий мир восстанет на «Грядущего». И причины будут, в сущности, те же: земные идеалы, жизнь в страстях, гордыне, сребролюбию, неверие при лицемерном почитании «богов»; все это столкнется с христианством – и вступит в борьбу.

Но главный враг Христа Господа – не иудеи и не язычники, а тот, кто владел всем миром до Него, «миродержец» (Еф. 6:12), «князь мира» – по определению Самого же Господа (Ин. 12:31, 14:30, 16:11): тот, кто сам себя считает «владыкою мира»; он показывает Господу, еще в пустыне искушения, *все царства мира и славу их; и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне (Мф. 4:8–9)*. «Дать» имеет право лишь держащий власть.

И иудеи, и язычники, – подданные его царства, – будут им подняты на войну со Христом Спасителем, прикрываясь всякими другими мотивами. Но этого никто еще не создает. Даже ученики, коим Господь много раз говорил об этом «князе мира», не могут еще понять, что борьба будет вестись не внешняя, а внутренняя, *не к плоти и крови, но... к духовом злобы поднебесным (Еф. 6:12)*. Но – здесь главное...

Потому и мы пока опустим еще завесу над этим тайным миром «князя века» и воротимся к так называемым «естественным» условиям...

Итак, мы увидели, что столкнулись два мировоззрения, два мира, два царства: царство мира и «Царство не от мира сего» (Ин. 18:36). Борьба между ними была неизбежна. И момент этот пришел.

Зачем же Спаситель устраивает такой необычайный вход в такое торжественное, предпасхальное время, но для Него опасное смертельно? Он же все знал. И шел...

Пока скажу о мыслях «своих», которые были еще до чтения богослужения... После увидим – они не исчерпывали самого существенного смысла события... А все же напишу и о них, хотя они и не столь важны.

а) Господь все делал согласно ПРОРОЧЕСТВАМ. А о Мессии предсказано было, что Он придет в Иерусалим торжественно, но на осленке...

Пророчество это подбало исполнить; чтобы и таким путем показать евреям, что Он есть истинный Мессия, Спаситель мира, и Слава Израиля. И это было показано.

б) Спаситель, однако, хотел тогда же показать, что представления их о Мессии как земном царе ложны; что Он – Царь духовный.

Это достигалось самым образом входа: «Пророк» мирно едет на осленке... Без воинов, без орудий... Так завоеватели и вожди восстаний не едут добывать царства. И этим Господь как бы говорил: «Царство Мое не отсюда» (Ин. 19:36).

Поняли ли это иудеи? Народ, полутемный, не понял, хотя искренно кричал «осанна». Но фарисеи «негодовали» и молчали злобно: они видели, что Господь таким «торжественным входом» окончательно разбивает все надежды на Него как вождя, земного, как на Мессию иудейского. Хуже того: им казалось это полным издевательством над националистическими затаенными революционными чаяниями и мечтами их. Это подрывало серьезность их восстанческих планов: «царь» евреев – «на осле»... Что может быть смешнее? Что может больше унижить идею «вождя народа»?

И Пилат без труда усчитал это антиполитическое значение «входа» в пользу римской власти, а не бунтовщических планов националистов. Потому и не препятствовал.

в) Последующие события всех убедили в религиозном, а не политическом характере манифестации. А именно:

Революционеры обычно бросаются к дворцам земных владык и казначействам; выгоняют прежних правителей и первым делом захватывают сокровища... Власть и деньги... А Господь прежде всего направляется к храму и его очищает от торжников (Лк. 19:45–46), от торговли... Совсем противоположное.

Далее, революционеры тотчас начинают устраивать новые порядки политические. А Господь *учил каждый день в храме* (Лк. 19:47). *И весь народ неотступно слушал Его* (ст. 48).

Революционеры стараются укреплять свои позиции и углубить новые идеи различными манифестами, газетами и объявлениями. Господь говорит последние дни. Говорит много. А о чем?

Я никогда прежде не задумывался над сим. А это очень замечательно (и важно для выяснения смысла праздника входа, с коим связаны последующие события и дни теснейшим образом). Откройте Евангелие и бегло, хоть по заголовкам зачал, просмотрите: о чем Он говорит?

Не может быть, чтобы беседы в такие важнейшие дни, после такого торжественного входа, когда все возбуждены и этим самым событием, с коим они связывали мессианские земные чаяния, – не может быть, чтобы беседы Спасителя были «случайны» по темам... Ясно.

О чем же беседует «Царь кроткий»?

Проклятие бесплодной смоковницы... Отнятие виноградника от арендаторов... Какою властью это все (особенно изгнание торгующих из храма) делаешь, то есть Кто Ты? О Царстве Небесном как брачном пире, на который отказываются [прийти] званые... О подати римской власти... Чьей женою будет по воскресении бывшая за семью мужами? Какая большая заповедь? – Любовь... Что вы думаете о Христе? Обличение Им вождей народа, фарисеев и книжников:

горе вам! – Пророчество о Своей смерти. – О разрушении Иерусалима и конце мира. – О Царстве Небесном в притчах: о десяти девах, о талантах. Наконец, о Страшном суде (Мф. 21–26).

Связь теперь становится очевидной. Мы уже видим, что все возбуждены вопросом: кто Он? – и Господь Сам ставит этот вопрос, чтобы углубить его и еще сильнее привести вождей народа к безвыходности, если они не хотят признать Его своим Спасителем.

– *И сказали в ответ: не знаем (Мф. 21:27). Никто не мог отвечать Ему ни слова (Мф. 22:46).* Итак, кто же Он?

Господь открывал и углублял истину о Себе как о Господе (Мф. 22:43–44), чтобы исправить ложный взгляд на Него как на Царя земного.

Далее ряд притчей – о Царстве, и именно ЦАРСТВЕ НЕБЕСНОМ. Следовательно, опять-таки не земном: связь со входом тесная. Обличение фарисеев, как повинных в искажении истинного образа Мессии в народе: сами не входите и других не впускаете (Мф. 23:13).

Царство же земное и все царства рушатся, ибо будет конец мира. Неужели следует думать об устройении их прежде всего? И именно – Ему, Сыну Божию? Нужно готовиться к Царству Божию, к вечной жизни: вот где цель стремлений. Нужно духовно себя подготовить, и особенно в любви. Будет страшный последний суд на вечность.

Кратко говоря, все сводится к одному вопросу: КТО ОН? ЧТО ОН НЕСЕТ? Ответ: Он Царь духовный, Он – Бог; и ведет мир к Царству Небесному. И в заключение этого у Его ног сталкиваются два воззрения, две души: грешница в рыданиях льет миро на Его голову и получает прощение грехов; а ученики «негодуют» (Мф. 26:7–8) на трату денег... грехи и... деньги.

Два мировоззрения... Опять два царства. Господь стал, конечно, на сторону «целомудренной блудницы», ублажил ее навеки, а негодовавших обличил. И предсказывает о Своей смерти.

Иуда не выдерживает: все его надежды на «земного Мессию» рухнули. «Ему, – думает он, – кающаяся блудница

дороже, чем мы, ближайшие ученики! Любовь и прощение грехов дороже денег? Нет, довольно!» – и в злобе, желая хоть тридцать сребреников взять, он идет на предательство: мечта о земном царстве рухнула... Еврейство, в лице Иуды, умерло: на его смену придет «Царство не от мира сего».

И все это ранее бесед показано было образно – входом на осле. Беседы лишь разъясняли словесно то, что показано было делом.

г) Далее. Господу нужно было сделать все как можно более ЯВНЫМ. Зачем? – Он пришел огонь возжечь в сердцах (Лк. 12:49). И все уже было подготовлено ранее более чем трехлетним служением Его... Сердца напряглись... Нужно было «запалить» их, вывести из того тупого равнодушия, которое более негодно Господу (Апок. 3:15–16). Нужно было обострить сознание людей, особенно перед концом Своего дела.

Одни – уверуют; другие – распнут!

А это обострение достигается разными путями, больше всего распятием: *когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе (Ин. 12:32)*. Но началом такого обострения был торжественный вход, как бы ВЫЗЫВАЮЩИЙ людей на окончательное решение их о Нем: итак, за кого же вы? За Меня? или против Меня? За какое вы царство? от мира или не от мира?

А когда придут дни распятия, то этот вопрос обострится неимоверно у всех: только что недавно мы встречали Его, кричали «осанна!». И тоже искренно. А теперь мы же распяли Того же... Мы теми же устами кричали «распни!». Так когда же мы были правы? Доброе ли дело сделали мы теперь?

И кто же Он? И многие пойдут от креста, «бия себя в грудь»... Иуда же удавится... Ученики в разочаровании спрячутся, готовые разойтись. И тоже, вместе с Лукою и Клеопою, будут и думать, и разговаривать о всех сих событиях «печально»: *а мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля (Лк. 24:14–23)*.

Контраст, противоположность двух входов, в Иерусалим и на Голгофу, – двух настроений, двух кликов, любви и злобы,

торжества и кровавой смерти, – должны были глубоко врезаться в души участников.

Вот какие были мои мысли... Но самого главного-то я не усмотрел. И только богослужение открыло мне все. Тогда озарились более глубоко мои мысли и вошли в связь с основным смыслом...

Но не вполне ясно: зачем же нужно было устраивать столь торжественный вход? Или лучше: КАКОЕ ТОРЖЕСТВО здесь было?

II. Богослужбное раскрытие

Предпразднство Входа в Иерусалим, или праздника Ваий, или, кратко, «Ваий» (веток) начинается за неделю, с понедельника шестой недели, или даже с воскресения вечера пятой недели (Марии Египетской). Это необычно, так как большей частью предпразднство начинается за день, и в самых великих праздниках – ранее. Значит, Церковь придает великое значение Входу в Иерусалим.

Есть и другая причина: нет времени для попразднства, так как с понедельника Страстной седмицы начинается воспоминание и «празднование» спасительных страданий и потому невозможно уже «торжествовать». Оттого праздник Входа обрывается сразу же в самый день торжества. А в возмещение этого Церковь отводит ему целую неделю предпразднства.

Но можно сказать и то, что последующие дни страстей являются по существу попразднством Входа, так как они (как увидим) представляют прямое продолжение и раскрытие смысла Входа. Но уже о самом событии совсем не говорится. Появилось торжественное знамение на короткое время... И скрылось... Занавес точно опустился...

Потому подобает обратиться и к дням предпразднства, ибо в одну службу самого праздника не всегда удастся вместить в песнопения многообразный смысл события или приходится лишь отрывочно кратко намечать его. А в попразднства или предпразднства – больше времени.

Начиная канон предпразднству, Церковь в первых же словах определяет светло торжественный характер его:

– Цветоносный праздник срящим, вернии, предпразднующе его днесь светло (1-й тропарь 1-й песни 2-го канона утрени в понед. Ваий).

– Блистай, Сионе новый, и ваиами воспевай со отроки: се Царь твой спасаяй ко страсти грядет (1-я стиховна на мал. вечерне праздника). Веселитесь, Адаме и Ево, со пророки, се воззвати вас страстию Господь приходит (2-я стиховна там же).

– Веселится дщи Сионова, радуются языцы земнии, ветви держат дети, ризы же ученицы, и вся вселенная научися, Спасе, пети Тебе: благословен еси Спасе, помилуй нас (5-я стихира на литии).

– Радуйся и веселися, граде Сионе, красуйся и радуйся, Церкви Божия: се бо Царь Твой прииде (1-я стиховна на великой вечерне праздника). Бог Господь и явися нам. Составите праздник и, веселящися, приидите, возвеличим Христа, с ваиами и ветвями, песнями зовуще: благословен грядый во имя Господа, Спаса нашего (ирмос 9-й песни канона). Один из самых торжественных по напеву задостойников – соответственно и тексту... Широкий размах напева, неторопливый, радостный. Совершенно очевидно, что ныне не день скорби, а праздник радостный, светлый. И притом по самой обстановке внешней – торжественный.

Представим себе эту картину, которая краткими штрихами обрисована в стихире. Множество народа, Господи, постилаху по пути ризы своя; друзии же резаху ветви от деревьев и ношаху; предидущии же и последующии зовяху, глаголюще: осанна Сыну Давидову, благословен еси, пришедый (первая хвалитна).

Великое множество народа... И в необычайном подъеме ликующего духа. Всё кричит: осанна... Бросают ризы...

Мне один монах рассказывал, что при проводах на войну монахов из монастыря даже и богомольцы бросали платки, шапки с себя на проход, выражая этим сочувствие и единодушие и как бы отдавая частицу себя самих. И невозможно было удержаться от рыданий...

А здесь не только платки, а целые одежды снимали и бросали под ноги осленку, на коем восседал «Грядущий». На востоке верхние одежды легко надеваются и сбрасываются, вроде наших плащей или больших полотнищ. Но достойно удивления, что бросавшие не жалели целой верхней одежды (хоть бы нашей рясы). Ведь несомненно, что при таком «множестве» людей, брошенное заранее обрекалось на гибель: затопчут, изорвут... И все же бросали: значит, велик был подъем духа! Бросить целую одежду – это знак не только дара, жертвы «от» своего, но и знамение отдачи самого себя: риза как бы

заменяла самого носившего; как эта риза ложится под ноги, так и я, – говорит бросающий, – готов бы пасть сам туда же. А это говорит уже о крайней восторженности!

Далее, крики: «осанна!» «Благословен» (или сербо-славянское «Слава!»)... Они идут от возбужденного сердца, от торжествующей души и, в свою очередь, еще более поднимают дух.

Но даже самое шествие, самый «Вход» уже есть знамение торжества.

Цари или победители, когда хотят устроить торжество, то не идут, а «шествуют», медленно, величаво, и непременно на коне, а не пешком.

И здесь Спаситель воссел, – правда, на осленка, но все же едет. Он едет один, – все прочие бегут, идут пешком. Следовательно, самое наименование праздника «Вход» уже говорит о торжестве события.

Но не менее придавало торжества и ношение в руках вайй. Об этом я выделяю в особую главу.

Множество народа, желая выразить радость и торжество, устремляются к растущим вблизи деревьям и кустам, режут и ломают ветки и несут их торжественно...

То же делаем и мы доселе в этот праздник. Что за смысл этого? Почему это так мы делаем? Какая связь торжества с веткой в руках? А ведь «обряды» всегда имеют глубокий смысл и связь с событием. Какой же смысл здесь? Почему это при торжестве хочется взять что-то в руки и нести? И взять живую зелень или цветы. Какая психология?

Обычно говорят: это еще древний обычай, дохристианский и повсюдный. Несомненно. Но это не объяснение. Почему же так было всегда и везде? Было это и у евреев издавна. В книге Левит описывается праздник Кущей (после уборки хлеба, в конце сентября), приблизительно как праздновали в России Покров.

В первый день возьмите себе ветви красивых деревьев, ветви пальмовые, и ветви деревьев широколиственных и верб речных и веселитесь пред Господом Богом вашим семь дней (Лев. 23:40).

У языческих народов был обычай украшать венками из зелени победителей на играх (венками из лавра, дуба или цветами) или состязаниях (1Кор. 9:24–27; 2Тим. 2:5).

Какая же радость здесь? И в чем символ торжества?

Зелень есть знак жизни, победы жизни над смертью. Зимой все точно умерло. Голо, закостенело, уныло... Вдруг пробиваются почки...

Появляется душистая шишечка... Вербы... И мы уже рады: оживает, оживает... А когда появляются первые клейкие листочки, мы радуемся так, точно и сами оживаем с ними... А некоторые даже целуют эти «клейкие» первые листочки... Душа радуется. Вот первый смысл ветвей: радость.

А второй смысл: слава.

Победителям подносились венки из лавра или дуба. Почему? – Дуб – могучее дерево: долго носит листья – знак силы, лавр же и зимой не сбрасывает их: неувядаемое дерево. Знак вечности... Так же и пальма на юге всегда зелена. Сочетание этих деревьев означает образно – «вечная слава!». И люди свое сочувствие победителю выражают в кликах, а видимо – в венках или ношении в руках ветвей зеленых, неувядающих листьев: «НАМ РАДОСТЬ, А ТЕБЕ – ВЕЧНАЯ СЛАВА». Вот – краткий смысл.

Почему же именно так торжествовали при входе в Иерусалим Господа? Я уже писал, что евреи хотели видеть в Спасителе политического вождя; этим заражены были даже и ученики: *А мы, было, надеялись что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля (Лк. 24:21)*. И, выражая радость идеям на грядущего Избавителя, воздавали Ему честь и славу, как будущему Освободителю и Победителю.

Но хотя это было ложное представление о деле Мессии, находившееся в противоречии не только со всем учением Его, но и с самой обстановкой шествия Освободителя – без оружия, без войска, на осленке; однако Спаситель все же не только допустил, но и Сам устроил это торжество, придавая, однако, ему совсем иной смысл.

Это тоже было шествие освободительное и повелительное, но от других врагов и другими путями, и с иными целями.

Однако самая встреча торжественная весьма отвечала цели Господних планов (о коих будет речь далее), сущность которых сводится к одному слову: ПОБЕДА. Шел Победитель. И подобало встречать Его с «вайями и ветвями и песнями» (ирмос 9-й песни канона).

Так именно и понимаются Церковью вайя и ветви: они называются «победными образами». И в тропаре праздника поется: победы знамения носяще, Тебе Победителю смерти вопием: осанна!

Итак, вайя были наглядным знамением победоносного торжества, которое было и в душах, и в устах участников его. И доселе мы переживаем в некоторой степени это чувство торжества, когда получаем вербу: вместе с нею точно входит в душу чувство славы, поднимающее дух наш и радующее нас!

Но особенно ярко врезалась мне картина необычайного способа раздач верб в Симферополе (1912). Когда их после Евангелия освятили, то не стали раздавать каждому по одной при прикладывании к иконе, а отец ключарь стал бросать большими пачками в народ через головы в разные стороны.

Нужно было видеть, как ринулись люди делить освященные вербы!

Точно жаждущие чрезмерно – к еде; или сребролюбцы – к золоту, брошенному в толпу... Шум, крики, давка. И на несколько моментов невозможно было слышать службу.

С точки зрения «приличий» и «чинности», – конечно, получился невероятный беспорядок. Но душа моя возрадовалась: такая горячность христианских сердец, устремившихся за почти голой веточкой, говорила о высокой религиозной их ревности и радостном торжестве. И это было дороже всякой чинности! Даже шум и теснота больше отвечают празднику, согласно третьей паримии (пророчество Захарии; см. след. главу).

Нигде я больше не видел ни такой раздачи, ни такого восторга в этот праздник. В Севастополе, в соборном храме Покрова, вывели это и ввели иной порядок: еще пред всенощной устраивался медленный крестный ход вокруг церкви и не спеша раздавались вербы всем. Да, уже больше не было

ни шума, ни давки в храме. Но – увы! – не было и торжества: холодная чинность заморозила восторг. А ныне день именно торжества, восторга пред грядущим Победителем, а не чинный «парад» по заранее расписанному плану...

Такое торжество Господь принимал потому, что Он был истинный Царь и шел устроить Свое Царство. С самого начала предпразднства говорится о «Грядущем, как о «Царе»: грядет и идет Христос ко Иерусалиму, яко Царь (1-й тропарь 1-й песни 2-го канона утрени в понед.). Дети еврейския, ветви руками держаще, хваляху гласом: осанна в вышних, благословен грядый Царь Израилев (2-я стихира на «Господи, воззвах» на великой вечерне).

Они считали его своим, израилевым «Царем. А мы, христиане, весь новый Израиль, яже от язык (из язычников) Церковь, тоже почитаем Его Царем, но уже не израилевым, а всемирным, и потому со пророком Захариєю вопием: радуйся зело, дщи Сионова... яко се Царь твой грядет тебе кроток и спасаяй (3-я стихира там же).

Об этом говорят все три паримии на праздник. Первая говорит о пророчестве Иакова сыну своему Иуде, что из его колена будут князи до пришествия Избавителя (по-славянски «отложенная» – непонятно, по-русски переведено: «Примиритель»), «и чаяние языков»: Не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его (Быт. 49:10).

Во второй паримии говорится о Самом Господе, как Победителе врагов: *Радуйся, дщи Сионова зело... веселися и преукрашайся от всего сердца твоего, дщи Иерусалимля! Отъят Господь неправды твоя и избавил тя есть из руки враг твоих* (по-русски: отменил Господь приговор над тобой. Вот уже видим указание на отмену клятвы над «всеродным Адамом»; то же самое указывается и словом «Примиритель»; но будет и прямо говориться о сем), *воцарится Господь посреде тебе, и не узриши зла ктому (больше)... Господь Бог твой в тебе, Сильный спасет тя, наведет на тя веселие и обновит тя в любви Своей* (Соф. 3:14–17).

Третья паримия из пророчества Захариина прямо называет Его Царем, шествующим на осленке: *Радуйся зело, дщи*

Сионя... Се Царь Твой грядет тебе праведен и спасаяй; Той кроток и всед на подъяремника и жребца юна (жеребенка осленка). И Ты... испустил еси узники... от рова (то есть темницы – духовных пленников)... И Господь Бог Вседержитель в трубу вострубит и пойдет в шуме прещения Своего (Зах. 9:9–15).

И далее не раз говорится о «Грядущем», как Царе: Радуйся... и красуйся, Церкви Божия: се бо Царь твой прииде в правде (1-я стихира на стиховне).

– Восхвалите согласно людие и языцы. Царь бо ангельский взыде ныне на жребя и грядет, хотяй поразити на кресте враги яко силен (седален по 1-й кафизме).

Говорится и об учреждении Им Своего Царства: *Благословенно грядущее во имя Господа Царство отца нашего Давида. Осанна в вышних*, – восклицали все (Мк. 11:10).

– Пядию измеривый небо, дланию же землю, Господь прииде; Сион бо избра, в немже жити царствовать изволи и возлюбил люди (3-й тропарь 4-й песни канона).

– Приими, Израилю, Божие Царство и пребываяй во тме свет да узрит великий (1-й тропарь 6-й песни канона).

Вообще, если прислушаться к службе праздника, то мы очень часто будем слышать это слово: «Царь, Царь, Царь». Как на Крещение слышим всё – «свет», на Пасху – «воскрес», на Вознесение – «слава» и так далее; так на Вход в Иерусалим чаще всего слышим это слово: «Царь».

Уже отсюда должно заключить, что в нем – центр события, сущность праздника. И только нужно понять – «Одолетель и Победитель, Царь же всея земли наречется». Равным образом и другие, часто повторяющиеся слова: «осанна» (ура) или «благословен», «благословенный» (слава – в сущности то же самое) – придают службе тот же характер славной встречи. А когда мы всмотримся в цель этого входа, то еще более убедимся, что ныне действительно торжество царственного входа; а следовательно, ныне «славный и пресветлый праздник» (из Синаксария по 6-й песни канона).

Царь вступает в Свою столицу. И даже самое сидение говорит о царственном характере. Ведь нужно принять во

внимание, что Господь доселе никогда не ездил, а всегда ходил пешком. Этим необычайным для Него образом Он показывает власть: Сам грядет во славе со властью (2-й тропарь 3-й песни канона).

А Церковь видит в этом еще и другой смысл: Господь, «смирясь», всядет, дабы «в вышних» «седалище всем любящим» Его уготовить, то есть не только воцариться Самому, но и воцарить с Собою любящих Его (1-я стихира на «Господи, воззвах» в четв. Ваий).

Из всего ясно, что ныне совершается не рядовой праздник, а особое Царственное торжество, Царский Вход, победоносное шествие.

Для чего же? Какая разумеется победа? И кто враги, Победителем коих идет быть «Благословенный»? И какое Царство хочет устроить «Грядущий»?

Вот мы уже подошли к самому центральному смыслу праздника... Но теперь – довольно уже подготовленные всем вышесказанным.

Для большего уяснения еще раз кратко обратимся к чаяниям евреев и их вождей, чтобы потом сравнить их вождедения с делом Грядущего Царя – Христа.

Национальная мечта о политической свободе – вот их всегдашняя затаенная цель. На этом пункте они хотели искушать и Самого Христа, ставя Его лукавым вопросом о подати кесарю под один из двух опасных ответов: если сказать – платить, значит, Он не желает свободы родному народу; если ответить, угождая им, – не платить, то Его сразу можно завинить в революционности против Рима. Господь ответил: *«воздайте кесарево кесарю, а Божие Богу»*. То есть признал существующий политический порядок, если только он не расходится с Божиими требованиями. Так спокойно-ровно отнесся к вопросу, который фарисеям казался коренным. Но допустим, что и сбылось бы их вождеделение: они освободились бы и стали самостоятельным «царством Израильским», в каких угодно пределах... Ну, что ж из того? – Для них – удовлетворение национального самолюбия. И только! Даже

политическо-экономических преимуществ не было бы. Веровать же по-своему им никто не запрещал.

А что же было бы для других? для мира? Прибавилось бы одно маленькое государство, и только! И притом-то государство вечно беспокойное. Опять началась бы борьба, вражда...

Но даже если допустить, чтобы ее и не было, – что ж из того? – одной маленькой державой больше? Только всего? Неужели в этом заключалась великая миссия Мессии – «славы Израиля и чаяние языков»?

Какая жалость! Какое ничтожество! Какие мелкие мечты! Едва ли больше этого дерзали думать самые горячие националисты... Не о мировом же господстве можно было думать народу, потерявшему свою самостоятельность уж несколько сот лет назад, а теперь находившемуся под железной рукой железного Рима – господина вселенной!

...Но пророки предсказывали о вселенском господстве Израиля...

Верно... Но о каком? Допустим, что евреи воцарились бы и над всем миром... Что ж из этого? Что они принесли бы миру нового, светлого, блаженного?

Благочестие? – но они сами сделались «вертепом разбойников», и их потребовалось изгонять из храма с волами, голубями, деньгами.

Любовь к людям? – но они не могли даже в своем маленьком царстве ужиться и поделились на «Израиля» и на «Иуду», почти всегда враждовавших.

Мудрость? – даже человеческую? – но греки и римляне были в этом отношении более высокими. Оставалось единственное преимущество: единобожие... Казалось, ради одного этого хорошо бы дать власть им. Но и оно воспрепятствовало им самим принять Христа как Сына Божия. А многобожники – язычники – легче приняли Спасителя.

А если не все это, то что же? – переменялась бы лишь власть Рима, на власть Иерусалима? А внутри остались люди все такими же? – то есть грешными, страстными, злобными, корыстными, гордыми, вообще – «падшими»... Конечно! Люди остались бы теми же... И мир тоже... В таком случае, неужели

Мессии, Спасителю мира, стоило появляться ради этого? Ничтожные цели! Ничтожные люди!

И совершенно очевидно, что не ради такого «царства» приходит «Грядущий»... Его цель безмерно более высокая, безмерно более глубокая. Несравнимая! Основная, коренная победа над злом в самой его основе. Других врагов, неизмеримо более страшных, идет «Победитель» одолевать... Другое, действительно страшное, царство идет Он поражать.

Какое же именно? Какое основное зло в мире? – ГРЕХ.

Это верно. Но нужно глядеть еще дальше: а откуда он? – От отца греха и исконного «человекоубийцы» – дьявола (Ин. 8:44). По слову Самого Господа, враг, сеющий плевелы, то есть грехи, страсти, зло, – есть дьявол (Мф. 13:39). Он не только нас, но и Самого Спасителя пытался искушать в пустыне в течение сорока дней (Лк. 4:2). Он вложил и Иуде мысль о предательстве (Ин. 13:2). Он обладал бесноватыми (Деян. 10, 38). Всякий грешник есть сын дьявола (Деян. 13:10). *Кто делает грех, тот от дьявола, ибо сначала дьявол согрешил (Ин. 3:8), а потом соблазняет и других.*

Не будем вдаваться в рассуждение о том, как сам дьявол согрешил. Епископ Феофан Затворник говорит, что это чрезвычайно трудно постигнуть! Первый ангел, наслаждавшийся блаженством богообщения, восстал. Это тайна, – говорит он. Но что в мире этом идет именно борьба дьявола против Бога, и именно – в людях, как Божиим творении, – это вне всякого сомнения.

И наоборот, наша ответная борьба в конце концов есть борьба против дьявола. Это особенно сильно и определенно высказал святой апостол Павел: *Укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских: потому что наша брань – не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый, и, все преодолев, устоять (Еф. 6:10–13).*

Мы уже не раз писали об этом. Но нужно, необходимо, важно повторить это, где уместно. А в нынешний праздник это положительно необходимо, по смыслу его, так как самая суть праздника связана с этой «бранью», войной.

Вот мы все это «знаем» памятью, а не всегда ощущаем опытно. Даже отец Иоанн Кронштадтский в своем дневнике писал, что сначала он не понимал ясно такой силы и злой энергии бесов. А после – опытно увидел. И святые подвижники зрели это воочию: их вся жизнь полна явной борьбы с бесами. Этим полны жития святых.

Но если мы обратимся и к молитвам, то увидим, как часто Церковь внушает нам просить помощи в борьбе против «невидимых врагов».

В самой основной молитве, молитве, которой научил Сам Бог, заповедано нам молиться: *не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго*. В вечерних молитвах мы просим: да... поперу борюция мя враги плотския и бесплотныя (молитва 1-я святого Макария Великого); не предаждь мене крамоле змиине и желанию сатанину не остави мене (святого Антиоха); благоволи, Господи, избавити мя от сети лукаваго (молитва 4-я святого Макария). Господи, покрый мя... от бесов (молитва 7-я святого Иоанна Златоуста); изми мя от уст пагубнаго змия, зияющаго пожрети мя и свести во ад жива (молитва 8-я); Ангеле Христов, хранителю мой... от всякаго лукавствия противнаго ми врага избавь мя (молитва 11-я); просвети очи мои, Христе Боже, да не когда усну в смерть, да не когда речет враг мой: укрепился на него (пред одром). И наконец последняя молитва – Да воскреснет Бог – вся направлена против бесов.

Также и утренние молитвы: избави мя от... диавольскаго поспешения (молитва 3-я святого Макария); избави мя, Владычице, тартара, да мя не явиши бесом радование (молитва 7-я) и так далее, и так далее.

А если что-либо Церковь ввела в молитвы, то это она считает не только важным по существу, но и ПОСТОЯННО нужным.

И, думая о подобных предметах, мы глубже узрим основную трагедию мира. Она – совсем не в политике, не в экономике,

даже не в людях, а дальше и глубже. Идет страшная борьба дьявола против Бога. Дьявол хочет, в злобе своей, губить чад Божиих, мня тем нанести скорбь Богу. Господь же борется за людей. И сердце человеческое есть арена этой трагической борьбы. Или вообще – весь мир есть эта арена.

Вот такая основная трагедия мира. Умом это мы всегда знали, а вот «увидел» я это ярче недавно. Это признавали даже светские писатели, особенно Достоевский, Гоголь («Бесы», «Братья Карамазовы» и так далее, а у Гоголя в маленьких рассказах: «Вий» и др.). Из иностранных писателей – Карлейль³⁰ (бывший ректор Английского университета) в заключении своей книги о Французской революции пишет, что ее нельзя понять, если не признать, что за кулисами истории и видимых деятелей были злые, темные, бесовские силы.

Но для нас сильнее всех книг в мире – Евангелие. А там мы постоянно видим страшную силу бесовскую. Иных даже удивляет: какую силу имели бесы прежде! И не только Сам Господь постоянно исцелял бесноватых (Мф. 9:33 и далее); но в этом заключалась одна из сил, полученных апостолами при посольстве их на проповедь: возвратившись, они с удивлением говорили Господу: *и бесы повинуются нам* (Лк. 10:17).

До Христа они имели великую и неодолимую власть над поработщенными ими людьми. Потому при пришествии Господа они и развили чрезмерную силу и злобу, – почувствовали опасность. И начали борьбу против Изгонявшего их, вооружив против Него и Ирода, и фарисеев, и священников, и народ, и даже ученика-предателя. Вот какое страшное царство было до Христа... Что по сравнению с ним Римская империя с «всесильным» будто бы императором?! – Ничто... Лишь орудие бесовское...

Вот кто – главнейшие враги человечества «искони»... И что по сравнению с ними все войска Рима? Это – враг злой, лютый, тайный, сильный, хитрый, лукавый! Он господствует и над природою: поднимает Господа по воздуху на кровлю храма; показывает ему – как-то необычно – «все царства мира» своего и так далее. Вот против какого царства, страшного, и против каких сильных врагов ныне выходит на борьбу «Грядущий»

Победитель! Как ничтожны перед этой задачей мелкие бунтовщические планы иудеев – политиканов! Победить не Рим, а князя мира «всего»; уничтожить силу не войск империи, а силу бесов, господствующих над людьми и творящих мировую трагедию, выходит ныне Царь.

Вот это мы и узрели из песнопений Церкви. Приими, Сионе, Царя: се Тебе Кротчайший волею предстанет, воскресивый Лазаря и разрушивый смерти горькое царство (стихира на «Господи, воззвах», четв. Ваий).

– Се Царь твой, Сионе, кроток и спасаяй грядет на жребяти, враги взыскуяй поразити в крепости (силою) (стихира на мал. вечерне в суб. Ваий).

– Идет разрушити супостата и отмстити страстью креста падение древняго Адама (тропарь 1-й песни канона).

– Понеже ада связал еси (хотя еще не связал, но несомненно свяжет, для сего и идет) и смерть умертвил еси, и мир воскресил еси, то с ваиами младенцы восхваляху Тя, Христе, яко Победителя, зовуще Ти днесь: осанна (икос).

Об этом же пророчествуется и в паримиях: Иудой Тебе (то есть Христа, потомка его) восхвалят братья твои (это мы христиане, Христовы братья и сестры; Мф. 12:50; Евр. 2:11–17); рука твоя на хребте врагов твоих (Быт. 49:8).

Избавил Господь тебя, Сион, от руки врагов твоих (Соф. 3:15; ср.: Зах. 9:10).

Вот каких врагов выступает побеждать ныне Грядущий Царь. Вот какое воистину «горькое царство» разрушить идет Господь.

Но несравненно чаще мы слышим другое имя, другого врага, хотя он не другой, а лишь рассматривается с иной точки зрения.

С самого начала предпразднства мы слышим слово «смерть».

Самая первая стихира ваий говорит именно об уничтожении ее: очевидно, и в этом Церковь видит нечто самое существенное для праздника: шестую от честных постов седмицу усердно начинающе, Господеви предпразднственное пение ваий принесем вернии; Грядущему во славе, силою

Божества, во Иерусалим умертвити смерть (3-я стихира на «Господи, воззвах» на вечерне в воскр. 5-й недели Великого поста).

И эта мысль многократно повторяется в службах, почти так же часто, как и слово «Царь», если слушать и о «воскресении».

– Господь грядет вести... на жребя: людие готовитесь со страхом прияти Царя всех с ваием, яко Победителя смерти (5-й тропарь 9-й песни 2-го трипеснца в четв. Ваий).

Особенно часто об этом говорится в предпразднство по поводу приближающегося воскресения Лазаря. Но и в праздник слышим о том же: смерть умертвил еси (икос). Почему об этом говорится так усиленно? Какую связь имеет царство диавола с смертью?

Несомненно – тесную, потому что, как мы видели в предшествующей главе, его царство так и называется «смертным горьким царством». А апостол Павел диавола называет *«имеющим державу смерти»* (Евр. 2:14). Значит, его царство есть царство смерти. Смерть есть самый существенный признак, – как бы печать, – его державы. И уничтожить смерть означает уничтожить самую державу его. Почему это? – По многим причинам.

Смерть есть результат греха. По образному выражению святого пророка Осии и апостола Павла, – как яд вытекает из жала и умерщвляет, так и грех убивает человека и вводит смерть: *жало же смерти – грех* (1Кор. 15:56). Согрешили первые люди, и из бессмертных сделались смертными, стали подвержены тлению, разрушению: отделению души от тела, и гниению, разложению тела, то есть смерти. А так как грех – от диавола, следовательно, и смерть от него же вошла.

Смерть есть врата, но не в блаженную жизнь, а в ад, куда сходили все до Христа, – то есть в державу диавола. Значит, путь в его царство – через смерть; или смерть есть сеть диавола, коею он уловляет свои жертвы. Наконец, посмертное состояние есть состояние муки, то есть духовной смерти; в противоположность «жизни», как блаженному состоянию. Ибо жизнь лишь в Боге, а удаление от Него – смерть. По этим причинам царство диавола называется «смертной державой».

Смерть – это как бы самый яркий показатель гибели человека, его падения: грех – видим, диавол – невидим; но вот между ними, на середине, всем очевидное зло: смерть, как последствие первого и путь в область второго. Этого уже никто не отрицает и избежать не может.

И всякий считает смерть злом: всегда человечество скорбело об умирающих и считало смерть величайшим несчастьем. Смерть была – «печатью проклятия», «ядом из жала» (1Кор. 15:55) «древнего змия» (Апок. 9:19). Смерть была как бы видимым фокусом, сосредоточением зла мира. Смертью людей мучили. И, конечно, уж никто с ней справиться не мог, и не думал даже... Несмотря на всю гордыню людей, никто и не дерзает с ней бороться; разве лишь стараются отдалить ее... И только...

Но вот «Грядущий» имеет целью уничтожить даже смерть... Невероятно!.. Непостижимо!.. Но так! И какими жалкими, по сравнению с этим, оказываются националистические мечты – восстановить какую-то маленькую иудейскую провинцию... И то для будущих лишь поколений... Между тем грядет «Победитель смерти», чтобы весь мир – и отошедший, и настоящий, и будущий – восставить, воскресить, обновить, оживить, привести в нетленное состояние. И это уже навеки! Какое могущество! Какая слава!

И все это сделается «Грядущим». Придет время, когда сбудется слово написанное: *поглочена смерть победою* (Ис. 25:8). *Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?* (Ос. 13:14; 1Кор. 15:55). Христос идет уничтожить и то, и другое. *Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом* (ст. 57).

И для сей победы идет ныне Спаситель в Иерусалим. Поэтому и в тропаре на праздник поется: и мы... победы знамение носяще, Тебе, Победителю смерти, вопием: осанна в вышних!

Каким же образом Он победит ее? – Своим собственным ВОСКРЕСЕНИЕМ. Грядущий идет умереть, но лишь временно, чтобы потом воскреснуть, сначала Самому, а после устроить и общее воскресение.

И в богослужениях на неделю Ваий много говорится о воскресении. Прежде всего – в главном песнопении, – в тропаре: общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря Христе Боже.

И в другом тропаре на тот же день поется: спогребшеся Тебе крещением, Христе Боже наш, бессмертная жизни сподобихомся воскресением Твоим.

И во многих местах говорится о воскресении:

– Дети еврейския воскресения победу предвозвещающе, среташу Тя с ветвymi и ваием (4-я стихира на литии).

Отсюда видим мы, что ношение ваий (а у нас верб) имеет более частный вид смысла «победы», именно – победы над смертью, оживления из мертвых, сначала Его Самого, а потом и всех нас. И следовательно, шествие Господа приобретает действительно «всеславный» смысл – торжественного пути к всеславному празднику праздников, Светлому воскресению.

– Воскреснет всяко (несомненно, непременно) спасти зовущия: благословен грядый (3-й тропарь 9-й песни канона).

Потому и в молитве при освящении ваий читается о воскресении: Господи Боже наш... воставивый... Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, да спасет мир крестом, и погребением, и воскресением Своим; Его же и ныне... приемше воскресения знамения, ветви деревьев, и ваиа финик, воскресение знаменующе, сretoша.

Поэтому вход Господа является «предпразднством» к Пасхе, к воскресению Христову, как и говорится в молитве далее:

– Сам, Владыко, и нас, по подражанию оных, в предпразднственный (ясно – к Пасхе) сей день, ваиа и ветви деревьев в руках носящих соблюди и сохрани. Да... животворящего и тридневнаго воскресения достигнем в Томже Христе Иисусе, Господе нашем.

Так, следовательно, вход в Иерусалим приобретает, как видим, совсем светлый и торжественный смысл предпасхальный. И всего этого – лично я и не видел прежде богослужения. Поразительная слепота!.. А так все просто и очевидно!

А вместе с этим открылась мне связь и с предыдущими событиями, в особенности с воскрешением Лазаря. Вне всякого сомнения, Господь все творил по плану Божественного домостроительства, а никак не случайно. И если Он благоволил допустить смерть Своего друга, а потом воскресить его накануне входа, то, очевидно, это имело тесную связь с событием праздника. Воскрешением Лазаря достигалось несколько целей, и достигалось опытно, убедительно, несомненно.

Первая – показать и «другу Своему» (даже другу!), что никто не может избежать ада без Спасителя, без Искупителя.

Лазарь был во аде. Об этом поется во многих песнопениях. Но особенно сильно поется на второй день его смерти (в среду Ваий):

– Двоеденствует Лазарь во гробе; сущия от века видит умершия; тамо зрит страхи странные (то есть превосходящие все земное), множество неисчетное адовыми держимое узами (стихира на «Господи, воззвах» в среду Ваий).

А предание говорит, что по воскресении своем Лазарь во всю уже жизнь никогда не улыбался, вспоминая страшные муки ада.

А если уж «друг» не избежал, то как мог избежать бы их кто-либо иной? Как бы дерзали думать об избавлении их мы, недостойные и грешные? Если бы не Праведный Избавитель наш (2-й тропарь 8-й песни канона), избавил нас. Кто мог спастись от адовой державы? – Воистину, никто.

А тогда что значит перед этой вечной адской мукою вся наша кратковременная жизнь, – будет ли это сам римский самодержец или простой гражданин маленького села Вифании?! Увы! как ничтожны цели фарисеев! И как безмерно важны дела спасения людей Господом.

И всем бы быть там... Но пришел «Спасаяй». Христос идет «оживити» «друга» Своего.

И этим Он предначинает и Свое воскресение, и общее воскресение: если Он силен воскресить Своею силою одного мертвеца, то силен и Сам воскреснуть, а после и всех воскресить. Показать это – вторая цель.

«Лазарево восстание – Христово начинание» (4-й тропарь 8-й песни канона на повечерии в пятн. Вайй).

– Предуперяя славное востание Твое, о Спасе мой, мертва четверодневна, из ада свободяеши Лазаря (2-й тропарь 9-й песни 1-го канона суб.).

– Днесь Вифания предвозвещает воскресение Христа Жизнодавца, востанием Лазаревым ликовствующи (там же 4-й тропарь 1-й песни). Из гроба четверодневнаго Лазаря воздвизаеши, тридневнаго Христе Твоего востания (самовластного) всеистиннаго всем показуя свидетеля (2-й тропарь 9-й песни 2-го канона суб.).

– Честное воскресение Твое преобразуя нам, воздвигл еси умершаго (4-я стихира на «Господи, воззвах» на великой вечерне). А об общем воскресении уже говорилось. Но и еще приведем места, – ибо, слыша их, как отдаленную музыку Христова воскресения, начинаешь все более предвкушать Пасху и «чувствовать» сердцем предвоскресенскую радость:

– Воскресил еси, возгласив мертваго, мира Жизнодавче, Собою уверяя воскресение: слава силе Твоей, Спасе! Слава власти Твоей! Слава словом вся составившему (седален по 1-й кафизме в суб.).

– Общее воскресение прежде вольныя страсти Твоея, во уверение всех предпоказавый Христе Боже, Лазаря... державною силою Твоею четверодневна мертва воскресил еси... во святыи град со ученики Твоими вшел еси (4-я стихира на хвалитех праздника).

И прежде всех Господу нужно было уверить Своих учеников и ближайших друзей... Если Фома уже изрек: *пойдем, умрем с Ним*, – то этим Он ясно показал свое мнение: со смертью «Учителя» («Равви») кончается все... И кончается крахом. Самое большее, что могут сделать любящие сердца, это умереть вместе с Ним под развалинами неудавшегося дела – восстановления Израильской самостоятельности.

Тогда Господь показывает им великую силу Свою: уверяет их в воскресении Своем чрез воскрешение друга: Господи, уверити хотя учеником Твоим из мертвых Твое воскресение, на гроб Лазарев пришел еси (6-я стихира на «Господи, воззвах» на

вечерне в пятн. Ваий). И больше того: открывает им и прочим друзьям Свое Божество, Свою Божественную силу. Это третья цель. О ней все время говорится в субботу: и прямо, и через силу Воскресившего. Послушаем.

– Четверодневна воздвигл еси друга Твоего, Христе... показуя всем, яко Ты еси вся совершай Божественною силою, самовластныя хотением (5-я стихира на хвалитех в суб.).

– Всем пребожественнаго познание Божества показал еси, из мертвых восставив четверодневнаго Лазаря, Владыко (3-й тропарь 1-й песни 1-го канона в суб.).

– Яко человек, слезиши над Лазарем, яко Бог же, хотя (Своею волею) воскрешаеши четверодневнаго (2-й тропарь 6-й песни 2-го канона).

Эта мысль часто повторяется, чтобы показать во Христе «два... действия», две воли в одном Лице: показал еси существ (то есть народов, но существенно отменных; обычно большею частью говорится: «естества»), Спасе, сугубство («двойное»): Бог бо еси и человек (1-й тропарь 3-й песни 1-го канона суб.).

Итак, самое чудо воскрешения Лазаря говорит о Божестве Христа.

Но, скажут, воскрешали и другие?

– Но кто виде, кто слыша, яко воста человек мертвый смердящий? Илия убо воздвиге и Елисей; но – не от гроба, но ниже (и не) четверодневна (6-й тропарь 4-й песни канона на повечерии в пятн. Ваий).

Но самое главное даже не в воскрешении, а в способе его, в сознании Воскрешавшего. Илия и Елисей действовали силою Бога, а Господь Иисус Христос действует СВОЕЮ силою, будучи Сам Богом. Это проявляется и в той власти, с какою вызывает мертвеца к жизни. А всего более в том самознании, что Он, Христос, САМ ЕСТЬ ИСТОЧНИК ЖИЗНИ, САМ ЕСТЬ ВОСКРЕСЕНИЕ. Эти слова были сказаны в утешение Марфе и Марии, горевавшим, что не было Христа при болезни брата: тогда бы Он не допустил ему умереть!

– Но Мариин плач Ты абие утолил еси, Спасе, и Марфе показуя самовластное (то есть собственную власть – воскрешать), Ты бо воскресение, Ты и живот, якоже рекл еси:

истина бо еси и всех Господь (2-й тропарь 3-й песни канона в суб. Ваий).

Об этом торжественно воспевают одно из главных песнопений – субботний кондак: Всех радость, Христос, истина, свет, живот, и мира воскресение, сущим на земли явися Своею благостию, и бысть образ воскресения, всем подая Божественное оставление.

– Якоже рекл еси Марфе: Аз есмь Воскресение, делом слово исполнил еси, из ада воззвав Лазаря (8-я стихира на хвалитех в суб. Ваий).

И на самый праздник вспоминается еще это событие в стихире на литии, заканчивающейся столь торжественно, словами Самого Господа: *Лазаре, гряди вон!*

А перед этим Он «глагола» к сестрам: Не предрекох ли вам: веруяй в Мя, аще и умрет, жив будет! Покажите Ми, где положисте его. И вопияше к нему (Лазарю) Зиждитель (Творец) всех: Лазаре, гряди вон! (стихира на литии Слава, и ныне).

На 3-й глас, радостный, бойкий глас, поется эта стихира: Ла-а-за-ре! гря-ди-и-и-и вон!

Всегда это бывает торжественно! Победоносно! Творчески могущественно! Это последняя литийная стихира. И затем пение обрывается. Люди остаются под впечатлением повеления и ждут: вот сейчас появится обвязанный движущийся мертвец. А диакон читком в это время произносит первую ектению литии.

Вот это «самовластное» сознание всего больше утверждает в данном случае истину Божества Господа Иисуса Христа: никакой человек в здравом уме не может о себе сказать, что он есть сама жизнь, источник жизни, источник воскресения – не себя лишь, но и всех верующих в него. Это мог сказать и сказал лишь БОГ (Ин. 11:25–27).

Между прочим эти и затем подобные же слова (Ин. 14:6) окончательно обратили к вере во Христа как Сына Божия одного безбожника (Лашнюкова), посаженного в киевскую тюрьму в девятисотых годах прошлого столетия. Ему оставили для чтения лишь Священное Писание. И вот, читая Евангелие о Христе, он сделал «открытие» (для себя), что Христос совершенно необычный человек... Затем почему-то начало

радоваться сердце его (гореть, как у Луки и Клеопы; Лк. 24:32)... Наконец дошел до этих слов – «Я – *путь, истина, и жизнь!*» и прозрел: Он был Бог! – И уверовал. Об этом он сам написал исповедь в киевском журнале («Христианин») после освобождения.

И действительно, поразительна эта власть Христа Спасителя над жизнью и смертью... Власть, в Нем Самом заключающаяся, или, как по-славянски говорится, «самовластное» (прилагательное вместо существительного «самовластность»),

Далее, четвертое значение воскрешения Лазаря очень образно изображается в песнопениях, где ад представляется убеждающим мертвеца своего. Когда голос Творца достиг до адовых темниц, то затрепетал он от предошущения своей гибели:

– Увы мне, воистинну! ныне погибох! – вопияше ад. И еще сице возглашаше смерти (как бы олицетворенной), глаголя: се Назорянин (то есть Христос) дольняя подвижа (преисподнюю сдвинул – тронул, расшатывает уже); и утробу мою посекая (рассекая адовы хранилища, в кои, как бы во утробу, сатана поглотил людей), бездыханна мертва, возгласив, воздвиже (5-й тропарь 3-й песни канона на великом повечерии в пятн. Ваий).

И, боясь за всю державу свою, ад спрашивает Лазаря скорее уйти, – хотя бы уж одного: да не все уйдут: Молю тя, Лазаре, ад рече, востани, изыди от заклепов моих скоро (скорее!) отыди убо (же!) Добро бо мне единого рыдати горце (видя) отъемлема, нежели всех, ихже прежде алчя поглотих (там же 4-й тропарь 7-й песни).

– О что косниши, Лазаре, глаголет, гряди вон, зовет стоя (ожидая) друг твой (Христос). Изыди убо, да и аз ослабу прииму: отнележе бо ты снедох, на блевание пища устройся ми (оказалась... Ироническое сравнение: ад на блевание тянет через Лазаря) (там же 5-й тропарь).

– Что не востанеши, Лазаре, скоро? – воззва из долу ад, рыдая. Что не абие (не сразу) воскрес **течении** отсюда? Да не (как бы не) и других ми (у меня) пленит Христос, воскресив ты (там же 6-й тропарь).

Всем этим так картинно изображается начало разрушения адской державы, для чего и идет «Благословенный Царь».

– Господи, глас Твой разруши адово царствие, и слово власти Твоея возстави из гроба четверодневного. И бысть Лазарь пакибытия (будущей жизни новой, по общем воскресении) преобразование спасительное. Вся возможна Тебе, Владыко, всех Царю! (5-я стихира на Господи, воззвах на вечерне в пятн. Ваий). Всеснедное растерзав чрево адово, исторгнул мя еси, Спасе, Твоею властью (5-й тропарь 6-й песни канона на повечерии в пятн. Ваий), и темнообразное адово разрушив крепостию (силою Своею) царство (2-й тропарь 1-й песни канона в суб. Ваий). Прежде Твоея смерти потряс смертную державу, и едином любимым (Лазарем, другом) всех человек провозвещаая из тли освобождение. Темже покланяющеся Твоей всесильней власти, вопием: благословен еси, Спасе, помилуй нас (2-я стихира на хвалитех в суб. Ваий).

Затем есть и пятое значение этого чудесного события. Когда Лазарь умер, Господь сказал сначала Своим ученикам: «*Лазарь усле*», уснул... Этим означается, что отныне смерть – лишь временное прекращение жизни, как сон есть видимое лишь изменение человеческой обычной жизни. И с той поры смерти уже не должно бояться, ибо она лишь краткое «успление». Посему и про воскресение Лазаря часто говорится, что Господь воздвигнул его, как пробуждают людей от сна, чем указывается и на легкость пробуждения, а еще более – на небытие смерти...

Смерти уже нет, хотя сей спящий уже смердел. Все возможно Творцу!

– Представ гробу Лазареву, Спасе наш, и возгласив мертвого, яко от сна воскресни еси: оттрясе тление нетления (как пыль отрясают легко), манием (мгновенно), и изыде словом (через слово) связанный укройми. Вся можеш! Вся Тебе работают, Человеколюбче! Вся повинуются Ти, Спасе наш, слава Тебе (стихира на Господи, воззвах на вечерне в пятн. слава).

– Уверяя, Слове, Твое воскресение... яко от сна любимого (любимца) воскресил еси уже смердяща (3-й тропарь 1-й песни 2-го канона суб. Ваий).

И Сам на кресте, Господи, Твоем уснув, преложил еси на сон, Владыко, смерть (1-й тропарь 5-й песни канона утрени в пятн. Ваий).

Победитель смерти уже показал делом, что Он легко может показать над нею власть Свою: дело сильнее всяких слов!

Наконец, есть и шестая цель воскрешения Лазаря. Это необычайнейшее, поразительнейшее событие быстро подвинет все к предназначенному концу. Мы уже видели, как все было напряженно еще раньше... Пожар готов уже запылать... Нужно лишь малый огонь подложить... И развязка быстро кончится...

Но здесь, воскрешением Лазаря, подложен был целый костер пламени.

И Воскресителя хотят убить! В Нем сомневаются: кто – Он? О Нем идет распря... Не Мессия ли?! – Нет! Субботу не хранит: не от Бога Он... Схватить Его!.. И вдруг... Смердящего воскресил!..

Подумаем: какой переворот должно было это произвести! Какое потрясение!.. И одни веруют. Одни еще сильнее загораются надеждою на «Царя Израилева». И завтра пойдут Его встречать с ваиями и криками «осанна». Но умные фарисеи давно уже поняли, что Он не «от них», не «наш»; а крест для них: или Он, или мы... По-видимому, люди теперь «за Ним» пойдут... А мы?..

И потому потрясающее событие воскрешения Лазаря подвело итог решению. Зависть их к Спасителю подвинула к последнему решению: именно – с этого дня, восстания Лазаря, постановлено было на совете старейшин и фарисеев убить Его (Ин. 11:53), положили убить и Лазаря (Ин. 12:10); потому что ради его многие из иудеев приходили и веровали в Иисуса (ст. 11).

А на другой день совершенно было торжественное шествие. Это уже окончательно вывело из себя убийц: они на деле увидели, что народ уже идет за Ним, а они – брошены... Нужно скорее кончить решение... Пусть и Пасха! Все равно: медлить более нельзя, – И Господь это знал. И САМ пошел навстречу.

Так воскрешение Лазаря было последней точкой. Жизнь Господа завершена была... Нужно идти на смерть. И Господь

пошел добровольно. Наступал конец Его делу.

В заключение же всего Он, однако, восстанет, как восставил Лазаря; и как смерть друга преобразилась в жизнь, так будет и с Ним... Хотя бы это поняли фарисеи! Но они не желают видеть; ослепли или, лучше, ослепили глаза свои (Ис. 6:9–10, Ин. 12:39–40).

Об этом так поет Церковь:

– Ад, страхом вострепетав, отпустил Лазаря. Этому чудеси собор (толпа, народ) еврейский удивився, с ваием и ветвьми Христа срящут завтра; и явятся похваляющие дети. Но Ему завидят отцы... И убьют Его (стихира и ныне на «Господи, воззвах»).

– Где еврейское безумие? Где неверие? Доколе чуждии (чужие «Своему»), доколе лестцы (обманщики, притворщики) зрите умершаго, гласом исходяща, и не веруете Христу? воистинну сынове тмы еси вы (6-й тропарь 3-й песни канона на повечерии в пятн. Ваий).

Поэтому после входа Господь и говорит о Себе, как о Свете, и об их нежелании видеть сей Свет (Ин. 2-я половина 12-й гл.)... Даже уже язычники стали приходить к Нему («Елины»; Ин. 12:20); а «свои» постановили убить и говорили между собою: *видите ли, что не успеваете ничего!* (Ин. 12:19).

Потому Господь на пути в Вифанию, выходя из Иерихона, исцелил слепца Вартимея, просившего при дороге милостыни... Но он просил, кричал об исцелении... И прозрел... *И пошел за Иисусом по дороге, счастливый* (Мк. 10:46–52). А фарисеи не желают прозреть... И оставалось одно: плакать об ожесточении сердец их... Это и сделал Господь милосердный, еще ранее креста жалея Своих врагов и убийц... А после то же чувство любви, когда сказал: *Отче! прости им: не знают, что творят!* (Лк. 23:34).

Так многообразно значение восстания Лазаря. Так все тесно связано.

Но ко всему этому Церковь присоединяет еще один смысл: в смердящем Лазаре она видит нашу смердящую душу, нуждающуюся в воскресении. – И мене, Человеколюбче, мертва страстьми, яко сострадателен воскреси, молюся (8-я стихира на

хвалитех в суб. Ваий); ибо, смердя гнойми злобы, во гробе живу лености, Христе. Темже вопию Ти: воздвигни, спаси мя (3-й тропарь 9-й песни 1-го трипеснца в четв. Ваий).

Но и все человечество до Христа Спасителя было смердящим трупом. И никто не мог его обновить, кроме Единого создавшего. Нужно было новое творение, или «воссоздание». Все были бессловесны, безумны, страстны, растленны, животноподобны.

И только один Господь мог всесть на этого «осла», коего никто из людей исправить и направить не мог: кроме бо Тебе, Спасе, никтоже бессловесныя языки повину (не укротил, не подчинил Богу) (1-й тропарь 5-й песни 2-го канона утрени в пятн. Ваий). Никто не мог обновить тление, уничтожить смерть.

В заключение припомним, что на 6-й неделе Церковь одновременно вспоминает воскрешение Лазаря и Лазаря приточного («о богаче и Лазаре»), дабы показать, что Он прав, предсказывая о фарисеях: *Если Моисея и пророков не слушают; то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16:31).

Сие сбылось ныне воочию... Лазарь воскрес... А фарисеи решили убить Воскресившего...

Вот чему был Лазарь «свидетель всеистинный».

Но если собрать все это воедино, то кратко можно сказать, что его восстание было «свидетелем» ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ. И потому мы уже в субботу Лазареву чувствуем тихое веяние пасхальной радости... Народу бывает немного... День рабочий... А Церковь, точно как «в уголку», вдруг запевае воскресные тропари: «Ангельский собор удивися» и прочее о воскресении... А затем и «Воскресение Христово видевше».

...Но, показав это на короткий срок, спешно скрывается... И больше уже мы не слышим песней о воскресении Христа до Пасхи. Но дальний звон о нем уже слышали и обрадовались... Знаете, как бывает в селах «малая вечерня». В малый колокол позвонит сторож не долго... В храме батюшка, дьячок, сторож да разве две-три старушки из близкой богадельни... Скоро пропели вечерню, «малую», и разошлись тоже тихо...

Вот так и Лазарево воскресение...

А завтра, на «Вход» зазвонят долго и торжественно... И тоже будет сначала вечерня, но уже великая... Это закат «Человека Христа». К нему Он идет. К сему и мы перейдем сейчас...

Но в заключение этой главы у меня ставится вопрос.

Ад и смерть будут уничтожены Крестом Христовым. Как же ад раньше этого выпустил Лазаря? Пусть хоть и одного, но, значит, «ранее» Искупления? «Без» Искупления еще? Как же это примирить?

В ответ на это я встретил в песнопениях следующие мысли:

– Страсти знамения и креста Твоего, уверяти хотя (желая), Блаже, адово несытное чрево растерзав, восставил еси яко Бог четверодневнаго (5-й тропарь 4-й песни канона повечерия в пятн. Ваий).

И в икосе на Лазарево восстание поется: идем... говорит Господь ученикам, – и Лазарев гроб узрим; тамо бо хошу чудодействовати, совершая креста предначинание и всем подаю Божественное оставление...

Итак, Господь это сделал в виде чрезвычайного исключения, дабы показать «знамение» (явление) силы грядущего Креста Своего; это есть «предназначена» действия Его смерти... Как бы «предпразднство» Великой субботы, когда Он поразит ад... И здесь суббота...

Потом вход – Царское шествие – «воскресение».

И чрез неделю, в другое воскресение, – восстание...

Но и при всем том нужно принять во внимание, что Лазарь лишь временно избавлен от смерти, для чего и был вызван из ада, временно еще оставлен жить... И живет еще 30 лет, «умирает паки» «и погребается» на Кипре. И следовательно, и он подвергся закону смерти. И он воспользуется Искупительною жертвою Спасителя в свое время, вместе со всеми.

...Однако время приступить уже и к сей Всеспасительной жертве.

Итак, мы теперь знаем, что нынешнее шествие есть **ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПОБЕДОНОСНУЮ ВОЙНУ** с «горьким

царством смерти». И эта война окончится победоносно – преславным низвержением ада и всеобщим воскресением.

И в жизни мы знаем, что народ устраивает торжественные манифестации не только тогда, когда празднует достигнутую победу, но уже и при самом вступлении в войну, при выступлении войск, а особенно при виде вождя выступающего воинства приходит в приподнятое настроение и провожает «грядущих» на войну торжественными кликами. А когда война кончится победоносно, то народ обычно празднует не только день окончательной победы и разгрома врагов, но и начало, день объявления войны.

Вход Господа – это выступление. Пасха – победа.

Но между этими крайними точками бывает страшное... Кровавая борьба... Смерть... Муки... Раны... Так и теперь после выхода на борьбу для Господа начинается седмица страданий, завершающаяся для Него Голгофским Крестом.

Однако всякий, – и воин, и вождь, выступающий на брань, – заранее готов на все это. И Господь идет спокойно, торжественно. Его останавливают ученики... Препятствуют фарисеи. А Он идет Своим путем на вольную страсть. Зачем же?

Здесь мы подходим к искупительному пункту праздника. Победа над князем мира и воскресение будут добыты только через смерть и Крест Господа. Здесь – верх, земной, средоточие всего Его дела.

А почему же нужна смерть? Нельзя ли иначе?

Церковь на все эти вопросы в данный праздник говорит мало. Она лишь отмечает чрезвычайную, необходимую важность смерти Избавителя. Только Его смертью разорится смерть. И лишь немного упоминает о клятве... Когда человек выступил уже на борьбу, то до рассуждений ли ему? У него лишь одно в уме: пожертвовать жизнью для победы... Лишь бы только победить... Смерть и победа – вот два средоточных момента.

И Церковь много говорит о страданиях и смерти Господа на праздник Входа, так что иногда читающему песнопения кажется, будто цель Вождя – лишь умереть, пожертвовать Собою, а

последующая победа скрывается еще в тени. Но это только для ближайшего зрения. А дальше усматривается торжество победы.

Впрочем, если усвоить ту точку зрения, что главное в этой борьбе – смерть Грядущего на войну, а все прочее является лишь необходимым последствием ее, тогда вполне будет естественно, если целью входа в Иерусалим ставится страдание и смерть Искупителя. Главное – в Искупительной жертве.

Церковь именно так и смотрит:

– Предпразднующе... цветоносный праздник, да живоносную сподобимся страсть видети (1-й тропарь 1-й песни 2-го канона в понед. Ваий).

– Се, предвозгласил еси Иисусе, взыдем ко граду Святому, и рукама убийц воистинну предамся кресту, убитися плотию (1-й тропарь 9-й песни канона в пятн. Ваий).

Посему рцем Ему: на страсть пришедый, благословен еси, Спасе (там же 3-й тропарь 9-й песни).

В первой же стихире на малой вечерне праздника указывается на эту прямую и ближайшую цель:

– Приял еси победную песнь... грядый ко страсти, Трисвятым пением от ангел воспеваемый.

– Ваиа добродетелей принесем Христу Богу, грядущему нас ради человечески пострадати волею, Божества (же) крепостию всем бесстрастие даровати (4-я стихира на «Господи, воззвах» на малой вечерне праздника).

– Нас ради на закланье грядый... восседает на жребя (стихира и ныне на «Господи, воззвах» на малой вечерне праздника).

– Паки грядет к тебе, убийце Иудее, Христос, спасительную страсть желая исполнити яко Бог; егоже искала еси камением убити, се к Тебе самозван хотя приходит ко убийству твоему, во еже спасти нас (2-й тропарь 9-й песни канона в среду Ваий).

Поэтому и в паримиях говорится о кровавом пути к победе над врагами.

– Исперет^{*****} (Иуда, сын Иакова – Христос), то есть моет, вином одежду свою, и кровию гроздя одеяние свое (Быт.

49:11), – прообразовательно этим указывается на кровь Искупителя.

– И в крови завета Твоего испустил еси узники Твоя (по-русски: «ради крови завета») (Зах. 9:11).

– Входя, Господи, во святой град... потщался еси приити на страсть (стихира на литии).

– Слава Тебе, Христе, в вышних сидящему на престоле и ныне чаемому с честныя Твоим Крестом (5-я стихира на литии).

– Восхвалите согласно, людие и языцы (народы): Царь бо ангельский взыде ныне на жребя и грядет, хотяй на кресте поразити враги, яко Силен. Сего ради и дети с ваием взывают песнь: слава Тебе, пришедшему Победителю! Слава Тебе, Спасу Христу (седален по 2-й кафизме и ныне).

В молитве при освящении верб читаем: да спасет мир Крестом, и погребением, и воскресением Своим. Господь ныне пришел в Иерусалим на вольную страсть.

Шестая песнь канона вся посвящена мысли, что слава Нового завета, основание Божьего Царства, освобождение пленников – все это плод «Крове». Возопиша с веселием праведных дуси: ныне миру Завет Новый завещается, и да обновятся людие кроплением Божия Крове (ирмос 6-й песни канона).

Приими, Израилью, Божие Царство и узри свет, – и опять тот же конец: кроплением... крове (тропарь 6-й песни канона). То же и в другом тропаре.

– За вся (всех) младенцы и старцы Един распинаешися (икос праздника).

Все это образно выражается в желании Христа «сотворити Пасху со ученики» Своими. Ибо Пасхальный жертвенный агнец прообразовал собою жертвенного Агнца, Сына Божия, поэтому самое событие входа начинается с вопроса учеников: *где, Господи, повелишь приготовить пасху?* (Мф. 26:17).

Он указал им место и пошел с ними, чтобы Самому быть «Пасхой», жертвой за грехи. Об этом поется и на «Господи, воззвах», и в последней стихире на хвалитех.

В антифонах на литургии, где обычно избираются торжественные стихи из псалмов (иногда из пророков), на этот

раз взяты скорбные выдержки, говорящие о надвинувшихся страданиях: *одержаша мя болезни смертныя... болезни адовы обыдоша мя* (Пс. 17:5–6); говорится об истощании Господа: *аз же смирихся зело* (Пс. 115:1) ...*Чашу спасения прииму* (ст. 4) ... Чаша уже надвинулась... Для Него – Крест!

А вместе с тем для нас это – милость Божия, помилование. Потому поются стихи из 117-го псалма: *исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его* (ст. 1). И отсюда именно взяты слова восклицаний при входе Его: *благословен грядущий во имя Господне! Благословляем вас из дома Господня* (ст. 26). Отсюда и задостойник: *Бог Господь и явился нам* (ст. 27).

Из всего этого совершенно очевидными становятся два положения:

1) ближайшая цель входа в Иерусалим – шествие на страдания, и

2) что еще важнее – все благо достигается именно через них, через Крест. Потому, если прежде говорилось о цели входа, как победе над вражьем царством смерти, то теперь можно сказать, что эта цель – последующая и производная, а БЛИЖАЙШАЯ и действующая есть страдания за мир Искупителя.

Почему нужно было страдать, об этом я встретил лишь в одном месте: Благословен еси, Спасе, в мир пришедый спасти Адама от древняя клятвы (седален по 1-й кафизме праздника). А эту клятву Он принял на Себя, «духовно быв», по человеколюбию, «новый Адам», то есть и «ради» – вследствие – воплощения, и «ради» – для того, чтобы начать новое человечество.

Еще есть мысли о том, что ныне Господь хочет возвратить мир к Родителю, следовательно, он был удален. Но об этом выделю особую главу. А сейчас скажу лишь: связь со Страстной седмицей стала очевидна.

Последняя же и общая цель входа, как и всегда, сосредоточивается в одном слове – СПАСЕНИЕ мира. За этим идет «Грядущий». Для этого страдает. Для этого воскреснет. Это – само собою понятно. Приведу лишь выдержки:

– Приидите, вси вернии, Сему поклонимся Грядущему во славе спасти души наша (3-я стихира на хвалитех праздника).

– Пою Твое страшное смотрение (способ спасения), страхом, осанна взываю Тебе: мене бо грядеши спасти, благословенный Господи (стихира на стиховне малой вечерни и ныне).

– Днесь Грядущий «слышит»... народов, вопиющих: Сыне Давидов ускори спасти, ихже создал еси, Благословенне Иисусе: на сие бо пришел еси, да разумеем славу Твою (седален на полиелее).

– Благословен еси, во еже мир спасти пришедый (седален по 2-й кафизме).

Спаси – от власти диавола; но это лишь половина спасения. Что же дальше?

Впрочем, немного еще разъяснит нам Церковь и первую ступень спасения. Человечество, оказавшись в рабстве у диавола, дошло до глубокого растрепания и упадка. Язычники впали в грубое безумное идолопоклонство и неудержимые животные страсти. То и другое пришел устранить Грядущий Спаситель: на жребя младо всед Царь... предста Христос: бессловесную бо идольскую прелесть разрушити и неудержанное стремление всех язык (народов) уставити прииде (1-й тропарь 8-й песни канона).

Но может быть, лишь язычники были такими. А Израиль? – Следующий тропарь отвечает на это:

– Лишается Божественного ограждения законопреступное сонмище непокоривых, – то есть и иудеи ослабели, ослабевают в исполнении закона (ограда); ибо уже дом молитвы Божия сотвориша вертеп разбойнический, от сердца Избавителя (Спасителя) отринувше (3-й тропарь 8-й песни канона).

И евреи поэтому оказались даже хуже язычников: те скорее примут Мессию, потому Господь садится на необъезженного осленка; этим Он уневещает^{*****} Себе новый Сион – языческую Церковь, яко целомудренный; и отлагает, отвергает, осужденное сонмище, старую ослицу, народ иудейский и прелюбодейный (3-я стихира на хвалитех праздника).

Что же далее?

А далее – освободив от тиранической державы, Спаситель возвращает спасенных в Царство Свое. Какое же?

Есть только одно Царство истинное – это Царство Божие, Царство Отца Небесного, Царство Пресвятой Троицы. Сюда возвратит Христос «языки» бессловесные, а потому это Царство можно назвать и Его, Христовым, Царством, или державою. Мир нужно возвратить в общение и славу Пресвятой Троицы. Об этом мы и находим песнопения. Еще за неделю Церковь поет:

– Предпразднственное пение... принесем Христу, Грядущему нас ради всести на жребяти осли, чтобы языческое подклонити... бессловесие Родителю (седален по 3-й кафизме в понед. Ваий). Богу Отцу – Троице.

По единству же Божественного Существа, а также ради того, что Христос совершает сие домостроительство спасения, это подчинение людей относится и к Нему. На жребяти носишися... да всех повинеши, Христе, державе Твоей (3-й тропарь 8-й песни 2-го канона в понед. Ваий). Но держава Божия есть держава Троическая. Об этом прямо не говорится; но это и есть «Царство Божие», это то же, что возвратить во власть «Родителя».

Однако я намеренно заговорил о сей Троической державе: я это узрел сердцем и умом, и помимо таких рассуждений. И именно. Если мы припомним самую первую стихирю, какую поют на клиросе (на «Господи, воззвах»), то, вероятно, тоже задумаемся над этим:

– Днесь благодать Святаго Духа нас собра, – так начинает Церковь... Где же здесь о Святом Духе говорится? Какое отношение имеет это ко входу? А главное, мы сразу вспоминаем о Пятидесятнице, о празднике Святой Троицы. Какая связь? – Богослужение все это и открывает нам.

Господь посылает Духа Святого апостолам – воинам, «ловцам» – «уловить» вселенную. Это – конец, довершение войны... А начало этой брани, – и притом с самым центром врагов, с адовым царством, – берет на Себя Сам Царь... Ныне началось «наступление». Ныне «выходит», – отсюда и самое слово «вход», или «вступление», в войну за Царство Троицы, – Сам Спаситель. И потому даже слово «Грядый», «Грядущий» –

весьма характерно для праздника этого. «Началось» – хочется сказать это простое слово. А закончится оно Пятидесятницею.

Потому «пост» собственно заканчивается в пятницу на 6-й неделе. А с субботы Лазаревой, – которая, как мы видели, теснейшим образом связана с входом и страстями, – начинается уже самое «дело», или «праздники», торжества побед.

Поэтому-то и в книгах прежних (церк.-слав.) Триодь Постная заканчивалась пятницею, а с Лазаревой субботы начиналась Триодь Цветная. И самое даже заглавие это – «цветная» – заимствовано от недели «цветоносия», от «цветов», вайи, то есть от Входа, и от Пятидесятницы, когда мы держим цветы и убираем храм живой зеленью. Потому-то на Вход уже ощущается Пятидесятница: начало говорит о конце. И Дух Святой, Который сделает «премудрими ловцами» апостолов, уже ныне умудряет «неискушенных еще злобою» детей призывать Спасителя, Победителя Царю: «осанна».

– Всесвятой Дух, апостолы научивый глаголати иными странными языки, Той детям еврейским неискусозлобным повелевает звати: осанна в вышних, благословен грядый Царь Израилев (1-я стихира на литии). Опять – связь с Пятидесятницею.

Но Дух Святой придет лишь после и вследствие страданий и крестной смерти «Грядущего» Победителя. Не иначе как на кресте поразит Он враги (седален по 1-й кафизме); «спасет мир Крестом» (молитва на освящение верб). Посему в той же первой стихире, где говорилось о «благодати Святаго Духа», тотчас же далее поется: и вси, взявше крест Твой, глаголем: благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних (1-я стихира на «Господи, возвах» великой вечерни праздника). Крест – это наше знамя, с которым и которым добыто Царство Благодати. Итак: вход – Крест – Пятидесятница, – все это одно, непрерывное.

И в конец запишу еще одну мысль об этом: ныне Он ВЫСТУПАЕТ, грядет НА ДЕЛО СМОТРЕНИЯ... Ныне началось главное...

Доселе Он учил, исцелял, ПОДГОТОВЛЯЯ все – к этому последнему и решительному делу; как готовятся к войне заранее. А теперь уже начинается и самая брань. Я этим хочу сказать, что теперь, с входа, или со «страстей», с Лазаревым восстанием, начинается главный момент спасения, именуемого Искуплением. «Доселе все» было сделано именно «для» этого главного момента.

Значит, в христианстве ни учение, ни чудеса, ни даже пример жизни Господа не имеют существенного значения для спасения, а делает это Искупительная жертва, Крест Христов, смерть за людей, для снятия клятвы, для победы над царством диавола. Именно ныне «к страсти вольней достиг» Он. Именно «на сие бо пришел» «Грядущий». Ныне начались ряды побед, «праздников», как и поет Церковь вечером в неделю Ваий:

– От ветвий и ваий, яко от Божественна праздника в Божественный праздник прешедше, к честному Христовых страстей, вернии, стецемся таинству спасительному, и Сего видим за нас страсть терпяща вольную (1-я стихира на стиховне праздника).

Теперь уже связь входа со Страстной – очевидна. Но Церковь глядит в самое отдаленное будущее, в конец всех концов... Ныне одно вшествие... Ныне «Грядущий» грядет отвоевывать Свое Царство. После пошлет воинов – апостолов продолжать и заканчивать Его дело...

Но в конце концов Он опять Сам придет во второй раз, уже не на жребяти бессловеснем смираясь, а во славе с ангелами и с тем же Крестом, коим Он добыл Царство... Придет произвести последний суд. Церковь об этом «конце» воспоминает в конце утреннего богослужения, на «хвалитех», ибо восхваляется слава и величие Его, воспевая так в заключительных словах двух стихир:

– Благословен еси пришедый и паки грядый (еще, опять) во имя Господне (1-я и 2-я стихиры на хвалитех праздника). Потому и завтра запоеся: «Се Жених грядет в полунощи». Потому и притчи о суде Царя... Потому и речи о конце мира (Мф. 22–25). «Се Жених грядет» с страданиями – страстными днями; прежде думалось лишь о притче о десяти девах...

Царство завоевываться начало ныне, а закончится сия война – только концом мира. А все это промежуточное время – есть время борьбы, брани со злом, «с делами злобы». Посему и Церковь называется «воинствующей». Посему и весь Апокалипсис, приоткрывающий завесу над мировой историей, полон непрерывной БОРЬБЫ. Тогда закончится вполне дело Спасителя. *Тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем (1Кор. 15:28).*

Ныне же Спаситель есть лишь «Грядущий». Потому этим характерным словом я и озаглавил эту главу: в нем собрались все мысли – от вступления в «таинство страстей» до «страшного чуда». Все это – единое дело. Потому-то и теперь Он идет на заклание как Агнец; и в Апокалипсисе Спаситель очень часто, даже большею частью, именуется тем же именем: *Агнец, как бы закланный (Откр. 5:6), омыли одежды кровью Агнца (Откр. 7:14); святые победили кровью Агнца (Откр. 12:11), наступит брак Агнца (Откр. 19:7),* и так далее.

Сим разительно указывается, что Царство Божие добыто людям именно Сыном Божиим, и только через Его кровь, через Искупительную жертву, на каковую Он ныне «грядет».

Вот и все я сказал о празднике по существу.

Запишу еще две-три кратких и не связанных одна с другой заметки.

1. В песнопениях отмечается, что нынешнее событие совершается во исполнение «Писания» (2-я стихира на стиховне): да совершиши закон и пророки (4-я стихира на литии), привести к концу пророческие проповедания (4-я стихира на хвалитех)...

2. В службе пятницы 6-й недели много говорится о монахах, чтобы они собирались с гор и из пустынь в монастыри, ибо теперь начинаются праздники и самое главное дело Христа Спасителя. Известно, что монахи уходили после причащения на 1-й неделе – на весь пост в уединенные места:

– В пустынях и горах и в вертепах сущии, приидите соберитесь с нами (оставшимися) ваиеносцы, срести Царя и Владыку: грядет бо спасти души наша (тропарь 9-й песни 2-го канона пятн. Ваий).

– Се уготовася Христос предстати Иерусалиму, иже в горах еси и пустынях, соберитесь, монаси, Того радостию усрести со всею поднебесною (тропарь 7-й песни там же). Идет Царь спасающий: как же не встретить Его спасаемым?! И подобает встретить с радостью!

3. Во втором тропаре, который поется вместо «Богородичного» после «Общее воскресение», говорится о «крещении» нашем:

– Спобребшеся Тебе крещением, Христе Боже наш, бессмертная жизни сподобихомся воскресением Твоим. Это значит, что в крещении, благодатию Духа, умерщвляется ветхий человек, соумирая Христу, идущему на Крест, и совоскресает новый – бессмертный. Так воскресение Христа передается именно через таинство крещения и людям, Им искупленным.

4. Так как с субботы уже начались «праздники», то устав разрешает улучшение пищи: в субботу – икру; а на Вход – уже и рыбу и вино, «благодаряще Бога».

5. После Евангелия не полагается петь «Воскресение Христово», потому что ныне выступление собственно на борьбу, на страсти, на Крест, на смерть. А воскресение придет уже после. Между тем в субботу Лазареву это пелось, ибо его восстание было предначинанием Христова воскресения, этой светоносицы дней и царицы его (тропарь 5-й песни канона суб. Ваий, слава).

6. Наконец, мне почувствовалась связь этого праздника со Сретением... И вот почему.

Много раз мы слышали слова: «Благословенный Царь Израилев», или: «Слава Израиля». Разве не слышно здесь другой встречи? Когда Он был младенцем впервые посвящен Богу, как Первенец, «теперь приносится на кресте». Разве не припоминаются слова святого Симеона Богоприимца, увидевшего «славу людей... Израиля?» Несомненно!

Разница лишь в том, что святой Симеон встретил Его РЕЛИГИОЗНО, а здесь евреи встречают политически. Там он увидел в Младенце «Бога», «Владыку», а здесь видят земного вождя; там Симеон зрит общее спасение всех людей... *свет во*

откровение языком и славу... Израиля (Лк. 2:29–32), а здесь люди думают только об иудейских национальных чаяниях.

Но Симеон прозрел уже тогда, что посвящаемый в сороковой день Первенец будет принесен в жертву за мир еще однажды и на все времена. И тогда «оружие» пройдет душу Матери. Ныне началось сбываться и сие... Скоро Сына Ее распнут!

Сбывается уже и другое: Он стал «знаменем пререкаемым»: одни веруют в Него, другие распинают. Эта связь отмечается и в церковном песнопении: в 5-й песни канона и ирмос и тропарь заканчиваются словами: мир на Израиля и спасение языков (трижды)... Невольно это напоминает слова Симеона (хотя первая половина взята из 124-го псалма, 5-й стих).

Теперь мне осталось говорить – О БЛАГОДАТИ ПРАЗДНИКА. Но уже не раз я отмечал, как трудно «представлять», то есть воображать или заранее переживать, благодать праздника не в праздник! Это можно лишь ощущать в самый день торжества, когда действительно подается сия благодать. А теперь она видится как бы через мглу. Может быть, увидим ее яснее при чтении святых отцов? Тогда добавлю и их.

Когда я стал собирать воедино все мысли об этом празднике, – то как-то сердце не вмещало радости... Никак нельзя было ликовать не только как на Пасху или Троицу, но даже как на Рождество Богородицы и Рождество Христово... Веселье не шло на душу, хотя я и знал, что «Грядущий» грядет на победу, для воскресения, для возвращения Духа Святого... Знал, что и ветви, и зелень – знаменья воскресения и победы. Но на радость сердце не отворялось вполне. Наоборот, сжималось... Да и Сам Грядущий представлялся мне едущим молчаливо, собранно, напряженно, хотя и «решительно»... Не говорю о плаче: он относился не к существу «дела», а к слепоте и глухоте Израиля...

И когда я стал разбираться в этом чувстве, – откуда оно? – то все мысли о значении сгруппировались, или сосредоточились, в кратком образе: ИДЕТ НА КРОВАВУЮ ВОЙНУ ПОБЕДУ, но эта победа будет еще после... А сейчас

предстоит война... Сейчас кровь, уничтожение, страдание, крест, распятие...

Пусть и Спасительная... Пусть и бесценно драгая... Искупительная... ПримириТЕЛЬная... Славная! Но все же «ЖЕРТВА», «АГНЕЦ»... Закланый Агнец «на жребяти осли». Радость будущих побед пока подавляется видом Грядущей жертвы... И мне вспомнился случай из последней войны.

Через Москву проходил на войну с германцами полк казаков... Народ смотрел. Лихие воины стали на ходу показывать разные примеры ловкости своей... Но удивительно: народ, особенно старушки, писалось в газетах, – плакали... Почему? – Они видели, что эти молодцы обречены на смерть... Война дело кровавое... Плакали...

Вот так и мне – за торжеством криков «осанна» и зелеными ветками зрится Голгофский Крест... И невольно губы сжимаются. И как раз мне пришлось слышать, как обставляется обряд с вербами на Валааме: в середине ставится нечто вроде дерева, в которое вставляются маленькие пучочки верб для каждого из братьев (а их несколько сот). Получается точно оживающее дерево. Но в глубине и середине его стоит крест, пред коим горит одиноко свеча...

Так, следовательно, чрез «победные ваии» видно орудие победы – Крест Христов...

Это подтверждает высказанную мною мысль, но с тою разницею, что у них главное впечатление – все же торжества, а крест как бы укрывается в нем... Мое же впечатление было иное. И это образно можно бы устроить так: из одних верб сделать форму креста... Тогда преимуществовал бы крест, жертва.

А если таково основное впечатление, то и благодать должна быть соответственная: СОБРАННОСТЬ души, – как у воинов, готовящихся к сражению (припомните из Бородина: «ликовал француз»; а в русском лагере – было сдержанное молчание... надевали чистые рубахи, готовились как к причащению и... к последнему часу): благоговейная напряженность... Вообще, чувства, более близкие к страху Божию.

Другое чувство исходит из представления о настроении Самого Грядущего: Он идет «КРОТКИЙ», как не раз повторяется в богослужении... «Кроткая жертва»... Нет лучшего подобия, как кроткий Агнец... Это не пылающий гневом, не мстительный вождь раздраженного воинства, – а Кроткий Агнец, закланный еще прежде сложения мира.

«Обреченная жертва» за спасение мира грядет на заклание... Смирился Господь... И еще более смирится, когда благоволит вознести Себя на крест... Это будет самое последнее, крайнее уничтожение: Бог на кресте! Бог, умирающий плотию!.. И теперь зрится уже это смирение и в том осленке, на коего воссел «Царь ангелов». И это наполняет душу умилением, укрощает ее (укрощать – делать «кротким»)...

И собранность духа – делается не жесткою, а растворенною с кротостью – кроткая собранность. Это то чувство, которое заставляет людей молчать при проходе войск на сражение, а чувствительные сердца располагает и к слезам... И во всяком случае это чувство сокрушает гордыню человеческую: вид кроткой жертвы даже и закоренелых людей смягчает и приводит к укрощению и сокрушению. И только ожесточенные люди раздражаются от вида таких жертв еще более... И уже «отстаивают» до конца, что и было с фарисеями. Озлобляются бесовскою злобою и мстят с злорадством.

Но живая душа укрощается, призывается к кротости. К этому зовет и Апостольское чтение, которое избрала на нынешний день Церковь, из послания к Филиппийцам: *Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем... Бог мира да будет с вами* (Флп. 4:5–6, 9).

Эту благодать можно назвать одним именем: «Жертвенная благодать». И она представляется мне основною...

Но с этим не вполне мирится то торжество, которое несомненно приличествует нынешнему празднику. И полагаю, что при правильном настроении души должно быть и это чувство радости или, лучше – торжества от грядущей, прозреваемой победы... И за зеленым крестом из вай я бы поставил Крест Спасителя, но тою стороною, на коей Он

пишется воскресающим, и свечи горящие пред ним «просвечивали» бы сквозь мученические вербы.

Однако это чувство «прозреваемого» за Крестом торжества все же (так мне кажется) не может победить в душе моей чувства основного – КРОТКОЙ ЖЕРТВЫ.

...И тогда слезы, которые Грядущий проливает при гробе Лазаря, а затем при входе в Иерусалим, не оказываются уже случайными, а связаны с кротким, сострадающим сердцем жертвы – Агнца.

– Над другом Твоим, Христе, слезы точиши тайно... сострадание показываешь этим человеколюбно (седален по 2-й кафизме праздника). Но это сострадание есть общее, основное «настроение» Кроткой жертвы, Агнца Божия, подвигнувшее Его на истощание за человека *до смерти же крестныя* (Флп. 2:8). И потому торжество (у меня по крайней мере) тонет в восприятии Грядущего, как жертвы.

Есть ли основания к этому в службах? – Да, есть. Вот послушаем:

– Кротцы душою и смиренны нравом **бывше** (ставши, сделались), благодатию приимем Кроткаго, всех Грядущаго Владыку, гордыню сокрушити лукаваго (3-й тропарь 8-й песни канона в четв. Ваий).

Еще: Души моя страсти... исцели... в тишине помышления молитвы приносить чистыя Царю всех сподоби, Богородице (седален по 2-й кафизме в четв. Ваий).

Но в богослужении несомненно больше ПОБЕДНЫХ тонов, радостно торжествующих... И кто знает: может быть, в самый праздник Сама благодать дала бы сие восчувствовать сильнее, чем «жертвенныя» чувства, то есть над душою возобладала бы «победная благодать»... «Осанна» чаще, много чаще слышится.

Лучше будет, если я сейчас соединю ту и другую воедино и наименую благодать сего праздника, – сочетав оба понятия, – как ЖЕРТВЕННО-ПОБЕДНУЮ. Ибо все же нужно помнить, что шествует ЦАРЬ... «Царь веков»... «Царь ангелов», «на Престоле на небеси сидящий» и от «ангелов хваление» принимающий!

Если мы углубимся теперь в эту сторону праздника, в познание Царя – Господа, Всесильного Победителя, как это делает Церковь, тогда нам более понятны будут торжественные чувства ее, к коим она зовет и нас.

Когда я спросил братию, как они переживали Вход? – то один ответил сразу, что это определяется тропарем:

– И мы, яко отроцы, победы знамения носяще, Тебе, Победителю смерти, вопием: осанна в вышних! Значит, у них преобладала «победная» благодать...

Другой сказал о чувстве БЛАГОДАРЕНИЯ к Господу, идущему спасти мир... И на это есть в песнопениях указания: И мы, ветви масличные носяще и ваиа, благодарственно Тебе вопием: осанна в вышних! (4-я стихира на хвалитех праздника). Значит, опять – близко к славословию Победителя...

Третий рассказал следующее: «Это зависит от подготовленности души. Несколько раз я переживал в этот день такое чувство, – хоть скажи! А в другие разы просто ощущался праздник, но без подъема». Следовательно, и у него чувство было ближе к «победной» благодати... Да и у меня во время писания бывали такие моменты.

На сем и кончаю.

Я называю его чудесным потому, что и доселе никак не могу объяснить это естественно. И затем: испытанное мною – совершенно непереводаемо на человеческий язык.

Это было в Париже, вероятно, в 1926 году. Я был инспектором Богословского института³¹. Под Вход во Иерусалим, я поехал к своим друзьям за город в Сен-Жермен (святой Герман – просветитель Франции), верстах в тридцати от Парижа... И несколько там задержался...

Нужно было крайне поспешно возвратиться в город к службе в институтской церкви. Взявши мальчика, сына друзей, с собою, я всячески торопился. И все же мы опоздали ко всенощной. Подбежали к нашему храму, когда там уже начали читать, после шестопсалмия, кафизму... Народу было много.

Не трудно представить мое настроение. Всю дорогу я мучился лишь об одном: «Опоздал! опоздал!» – никаких богословских мыслей у меня не было и быть при таком

настроении не могло... И едва я вошел в храм и спешно направился к алтарю, как мгновенно я «услышал», – если только можно так выразиться, – какое-то чрезвычайное торжество... Какое именно, я и сейчас не могу передать на человеческий язык. Могу разве пояснить сравнением. Представим, что идет парад: гремит музыка, марш войск, клики народа, общее веселье...

Или ближе к пережитому: звенит воздух! все звенит! И в душе моей, – это самое главное! – вспыхнула необычайная, победная, торжественная, сладостная радость! Все это было во мгновение!

Через полминуты я был уже в алтаре... Звенит торжество... Быстро приложился к престолу... И студенты начинают спешно облачать меня...

Стою, – а кругом меня – торжество... Звенит... Выходим на «Хвалите»... Величание... Все – торжество...

Евангелие... Освящение верб... То же, как и прежде...

Теперь уже точно не могу утверждать, когда и как все прекратилось, но, кажется, около 3-й песни все незаметно кончилось... Только все пережитое, как бы «виденное», запечатлено в памяти на всю жизнь...

Я много раз говорил об этом друзьям... И всегда одно и то же. И сейчас отлично помню... Но вообразить это «звнящее торжество» никак не могу... И просто не пытаюсь даже. Но это было.

Так открылось мне торжество праздника... И я считаю это необъяснимым чудом.

Теперь с глубоким интересом обращаюсь к чтению и выписке из святых отцов: когда сам углубишься в какой-либо предмет, тогда всякая мелочь захватывает, не говоря уже о более существенных идеях.

Слава Богу, что закончил и этот праздник (см. далее мысли святых отцов).

III. Мысли святых отцов на праздник Ваий

«Благословен Бог!

Ныне вещания пророков, подобно трубным звукам, привели в движение вселенную, преисполнили РАДОСТЬЮ И ВОСТОРГОМ все Церкви Божии и, отвлекши верных с поприща святого поста, от подвигов борьбы со страстями, возбудили их петь ГИМН ПОБЕДЫ и новую песнь мира в честь ПОБЕДИТЕЛЯ ХРИСТА... Никто не оставайся непричастным БЛАГОДАТИ; никто не уклоняйся от призывания... Никто не пренебрегай СРЕТЕНИЕМ ЦАРЯ, чтобы не остаться вне брачного чертога. Никто не будь между нами с мрачным лицом, когда нужно принять Его... Все стечемся с радостью; все примем Его с усердием и будем торжествовать с благолепием. Вместо распростертая одежд излием пред Ним сердца наши (Пс. 61:9), воздадим благодарение с псалмами и песнопениями и непрестанно будем взывать: *благословен грядущий во имя Господне!* (Мф. 21:9). Ибо *благословляющие Его благословленны* (Быт. 27:29). И снова скажу, не преставайте побуждать к святому делу: приидите, возлюбленные, благословить Благословенного, дабы и Он благословил нас!..

Возьмем ветви вместе с отроками и воспещем масличными отраслями^{*****}, чтобы и нас ОСЕНИЛ ДУХ СВЯТОЙ...

Ныне, согласно с пророчеством, ЦАРЬ СЛАВЫ прославляется на земле и земнородных делает участниками торжества небесного, дабы показать, что Он есть Господь тех и других, как там, и здесь согласно воспеваемый... Горние славословили: *благословенна слава Господня от места Его* (Иез. 3:12); а дольные восклицали: *благословен Грядущий во имя Господне!*

...Город пришел в движение и говорил: КТО ЭТО? (Мф. 21:10).

...Неблагодарные спрашивают: КТО ЭТО? – как будто они еще не видели в Нем Благодетеля, славного Божественными чудесами... Видели... и остались в неверии... Улицы их

проповедовали о чудесах, пути их возвещали ходящим о Его исцелениях... А они, услышав хвалебную песнь Богу, спрашивают: кто это? О безумные, лжеименные учителя! о неверующие отцы! о бессмысленные старцы... Грудные младенцы богословствуют, а старцы богохульствуют. Дети благоговейно возносят хвалебную песнь, а неосвященные священники бесчинно «негодуют» (см.: Мф. 21:15)...

Обратите сердца ваши на детей ваших! Познайте тайны Божии! Настоящее событие свидетельствует, что так воспеваемый ненаученными устами ЕСТЬ БОГ...

Некогда старец Симеон сретил Спасителя, принял в объятия Творца веков в виде Младенца и исповедал Его Господом и Богом. А ныне, вместо нечестивых (теперь) старцев, дети сретили Спасителя, подобно Симеону; вместо объятий распростерли ветви...

Благословен пришедший во смирении и опять имеющий прийти во славе; являющийся теперь кротким на осленке и прославляемый восклицаниями младенцев... а в другой раз имеющий прийти на облаках грозным, окруженным ангелами и силами.

Будем (и мы), не умолкая, восклицать: благословен Грядущий во имя Господне! – Бог Истинный во имя Бога Истинного, Вседержавный от Вседержавного, Сын во имя Отца, Царь истинный от Царя Истинного, имеющий ЦАРСТВО совечное и предвечное, как и Родивший Его! Ибо действительно Царство у Них – общее... Одно ЦАРСТВО ОТЦА И СЫНА И ДУХА СВЯТОГО.

Это добрый и благий Пастырь грядет положить добровольно душу Свою за овец Своих...

...Бог, (грядущий) против диавола, не с открытым могуществом, которого и зрение снести не может, но в немощной плоти, дабы связать сильного, восстающего на нас...

...Царь, (грядущий) против мучителя, не с вседержительной силою и премудростию, но с мнимым безумием Креста, дабы исторгнуть добычу у змия, мудрого на зло.

...Это (грядет) Истинный против лжеца, Спаситель против губителя, Князь мира (Ис. 9:6) против виновника браней,

Человеколюбец – против человеконенавистника.

...Это (грядет) Господь помиловать Свое творение... СПАСТИ заблудшего человека, рассеять обольщение... уничтожить заблуждение идолопоклонства, ввести спасительное богопознание, освятить мир, прекратить нечестие и горе от служения мнимым богам... Един... за многих...

(Грядет) СПАСТИ НАС САМИМ СОБОЮ, как говорит пророк: не ходатай, и не ангел, но Сам Господь спас нас (Ис. 63:9).

Посему мы и благословляем Тебя, Господи!..

...А фарисеи составили против Него заговор.

Все это совершилось для того, чтобы АГНЕЦ и Сын Божий, Который взял на Себя грехи мира (Ин. 1:29), добровольно пострадал для нашего спасения; чтобы Он обращен был как бы в предмет купли; и покупатели положили тридцать сребреников за Того, Кто Животворящею Своею КРОВИЮ ИСКУПИЛ МИР, и чтобы *Пасха наша, Христос, был заклан за нас* (1Кор. 5:7); дабы те, которые окропляются драгоценною Его кровию и которых уста, как верхи дверей, запечатлеваются ею (в причащении), могли избегать стрел губителя; и дабы пострадавший плотию Христос, по тридневном ВОСКРЕСЕНИИ принял от всех тварей, вместе с Отцом и Святым Духом, равночестное и равномерное поклонение».

»...Многие... встретили Его с финиковыми ветвями в руках, в доказательство победы Его над народом израильским; потому что пальмовые ветви, обыкновенно преподносили победителям.

...Осанна в вышних! – пел встречавший Господа народ. Так как пришествие Господа и Его воплощение спасительно не только на земле для людей, но и на небе для ангелов, – потому что через спасение людей восполняется число ангелов, которое умалилось отпадением диавола, – то, произнося слова осанна в вышних, они говорили: «спаси и нас, о Ты, составляющий спасение на небесах!»

«Вы ныне с большим, против обыкновенного, усердием собрались в церковь и с РАДОСТЬЮ носите в руках древесные ветви...

Надобно заметить ДЕНЬ, в который вошел Иисус Христос во Иерусалим. Это был ДЕСЯТЫЙ день месяца, в который

ИЗБИРАЛСЯ АГНЕЦ ПАСХАЛЬНЫЙ, коего израильтяне (потом) закалали в четырнадцатый день месяца. Следовательно, Христос, истинный Агнец, Который должен был принять распятие в пяток, вошел в Иерусалим в тот день, в который избирался прообразовательный агнец...

Финик есть знамение победы... будем стараться победить диавола добродетельною жизнью... тот напрасно держит в руках финиковые ветви, кого лестию одолевает диавол...

Чем более приближается праздник Пасхи, тем более старайтесь уготовиться, очищая себя... чтобы вам достойно праздновать день Господень. Итак, простите согрешившим против вас, дабы и вам простил Господь ваши грехи. Тот осквернит Пасху, кто будет питать ненависть, хотя бы против одного человека, потому что таковой чрез причащение не оживет с Петром, но умрет с Иудою».

«Тот, Которого непрестанно воспевают и прославляют ангелы... ныне добровольно идет на смерть, чтобы смертью Своею *сокрушить имущаго державу смерти* (Евр. 2:14)... и умерщвленным даровать бессмертие. Посему, хотя Господь Христос – Бог (сущий) в Сионе, шествует не со скипетрами и трубами, но с совершенною нищетою с крайнею кротостию.

Однако же сказано: *и потрясется весь град, глаголя: кто есть Сей?* (Мф. 21:10)".

«Новый Иерусалим, Церковь Божия! приникни глубже в ТАИНСТВО ТВОЕГО ПРАЗДНЕСТВА... Для чего Иисус, Который всегда пешешествовал, ныне, – и только ныне, – воссел на животное, Сам восшедши на оное? – Для того, чтобы вразумить нас о Своем вознесении на крест».

(Далее он в таинственном смысле истолковывает все подробности события.)

«Радуйся зело, дщи Сионя! утешайся, красуйся и веселись, вся Церковь Божия! Вот Царь твой опять приходит к тебе! ЖЕНИХ твой ГРЯДЕТ к тебе, сидя на жребяти, как на престоле. Изыдем во сретение Ему, поспешим узреть славу Его, поспешим с радостию почтить вход Его».

«Опять» – (вероятно) после воплощения.

«Жених грядет» – связь тропаря «Се Жених».

«Бог грядет на Крест. Паки Царь Сиона, чаяние языков, идет в Сион. Паки даруется спасение миру... Ликует Церковь... Разрешается проклятие... Сокрушается дракон... Народы радуются... веселитесь небеса... Церкви, радуйтесь... Людие, исходите в сретение»... «Христос грядет, сидя на жребяти, как на престоле».

«Все встретим ЦАРЯ ЦАРЕЙ – достойно Царя... В веселии возжжем светильники...»

Кстати, в главе об обрядах («Победные образы») я позабыл упомянуть о зажигании свечей с вербами: это знак особенного торжества...

«О, новое неслыханное событие и чудо! Христос вчера воздвигл из мертвых Лазаря, а ныне Сам грядет на смерть...»

Но будет праздновать «вся Церковь... праздник праздников, имея среди себя Царя бесплотных духов как Своего Жениха и вместе Своего Царя».

Вот интересная мысль: Христос идет как Жених Церковный... Когда же будет брак? – На Голгофе...

Помните мою мысль на Обрезание? Тогда было обручение, а на Голгофе – венчание с Церковью.

Вот ныне и идет Господь как Жених...

Отрадно видеть подтверждение своих мыслей у святых отцов...

«Радуйся Церковь Христова! Возвеселись и возрадуйся, дочь Божия!.. Ты уже – не вдовица, но красующаяся Невеста Божия... Ты уже не рабской крови, но запечатлена кровию Божественною.

ЗРИТЕ БЛАГОДАТЬ дня! Зрите светлость празднества... Посмотри на согласное пение народа... все уста слились как бы в одни уста. Посмотри, как народы, некогда зверские, при твоём (Церковь) руководстве стали **КРОТКИМИ ОВЦАМИ**... Воскликни и ты светлым и торжественным гласом, возвещая сим и светлость празднества и свою **БЛАГОДАРНОСТЬ**».

...Да, очевидно, что благодать ныне – преимущественно «победная», торжественная... Да и тропарь (Общее воскресение) звучит победно, не только по смыслу, но и по напеву (1-й глас), как и «Спаси, Господи» – царский тропарь.

Замечательно, что встретилось вот и самое слово, которым озаглавливается всегда особая часть в объяснении праздников: «благодать дня» – Слава Богу!

«Часто и прежде Христос ходил в Иерусалим, но никогда не ходил с такою славой. Почему же так? – Потому, что тогда было еще начало строительства Его, и Сам Он не был столько известен; притом и время страданий еще не было близко. Поэтому Он и жил, не отличаясь ничем от прочих, и, по большей части, скрывал Себя...

...Когда же Он показал много опытов Своей силы и крест был уже при дверях, тогда прославляет Себя решительнее и с большею торжественностью делает все, что могло **ВОСПЛАМЕНИТЬ ИХ.**

И эту мысль я высказывал тоже («обострить» чувства).

(Отпустили осленка и ослицу.) Не считай этого события маловажным... «Если Христос и незнакомых Ему и не выдавших Его заставляет отдавать свою собственность без всякого противоречия, и притом... чрез учеников, то насколько же виноваты оказываются иудеи, которые, будучи свидетелями стольких чудес, Им совершенных, не верили Ему».

Восшествием на осленка «Он предвозвестил призвание нечистых язычников» и подал нам правило жизни... – удовлетворять только КРАЙНИМ НУЖДАМ. Такое исправление нашей жизни Он везде имел в виду. Так, когда Господь благоволил родиться на земле, то не искал богато убранного дома, ни матери богатой и знаменитой, но избрал бедную, Которая обручена была древоделателю; рождается в вертепе и полагается в яслях... учеников избрал... между бедными самых бедняков... Одевание носил бедное... Ходил пеший, и притом так, что иногда даже утомлялся... Когда надлежало плакать, плакал тихо. Повсюду ставил правила и границы».

«Осел (ослица) идет позади осленка... После того как Христос воссядет на язычников, тогда и ИУДЕИ, ПО ЧУВСТВУ СОРЕВНОВАНИЯ, ПРИДУТ К НЕМУ; что ясно предсказывает Павел, говоря: *яко ослепление от части Израилевы бысть... и тако весь Израиль спасется*» (Рим. 11:25–26). (Из 66-й беседы на Евангелие от Матфея.)

«Чудеса святых Евангелий переходят от одних к другим, будучи соединяемы Святым Духом, и питают Христову Церковь не тленною пищею, а пребывающею в жизнь вечную».

Это – о праздниках, – и связках и силе (питании).

...Истинно!

"Вниде Иисус в Церковь и изгна вся продающия и купующая в Церкви (Мф. 21:12). Вот, началом очищения всего мира было очищение Церкви».

«Как в нынешнее время, когда земной Царь ведет войну против врагов и возвращается с победою, все граждане выходят к нему навстречу за город, носят цветы, соплетают похвалы», имея «желание прославить победу; так и о Владыке Христе, как о ПОБЕДОНОСНОМ ЦАРЕ, весь народ словом и делом показал, что ГРЯДУЩИЙ ЕСТЬ ПОБЕДИТЕЛЬ или, лучше, что Он есть истинно Бог, ибо одному только Богу приличествуют эти произнесенные тогда и открывающие разумным Божественные тайны слова: осанна в вышних.

Что значит: осанна в вышних? – спаси (осанна по-еврейски и значит – «спаси»). Осанна в вышних, то есть как вверху спасение, так внизу человеколюбие... Народ, получив свыше откровение, восклицал ко **Господу** это.

«Мы знаем ИМЯ» (как бы так говорит народ фарисеям). «Это имя освободило нас от Египта, дало возможность перейти Чермное море и жить в пустыне и поселило нас на земле, текущей медом и млеком, и научило пророка взывать: *да познают, яко имя Тебе Господь*" (Пс. 82:19).

«Празднуя ныне пришествие Царево, верные, боголепно встретим Царя. Время уже перестать спать...

...Вот пришел, вот явился, вот предстал Царь!..

Явился Тот, Кто хочет помиловать всех... С погибшими – Спаситель...

Приходит... в образе раба, тихий, как жених; кроткий, как агнец... как овца – на заклание и как агнец незлобивый, ведомый на жертву...»

Его «кровь искупила и осветила целый мир...»

«Можно было видеть в Сионе, как небесные и земные взаимно восклицают и приветствуют друг друга. Горние говорят:

– *Слава в вышних Богу, и на земли мир* (Лк. 2:14).

Дольные отвечают:

– *Мир на небесах и слава в вышних* (Лк. 19:38).

Ангелы сказали: на земли мир.

Человеки воскликнули: мир на небеси.

Почему? – Потому, что явился Тот, Кто всем вопиет: *мир вам* (Лк. 24:36); о Котором пророк молился так: *Господи Боже наш, мир даждь нам* (Ис. 26:12), то есть пошли Сына Твоего Единородного, чтобы Ты через Него примирился с нами, видя, что наша природа через Него соединилась с Тобою.

Сей-то мир видя, горние лики воззвали (при рождении Христа): *Слава в вышних Богу, и на земли мир*, то есть совершенное примирение Бога с врагами. Тот мир познавши, и отроки воскликнули: *осанна! мир на небесах, и слава в вышних!* Ибо некогда враждебное ныне соделалось братским; небесные и земные приносят Небесному и земному Христу единое исповедание Богом и поклонение».

Удивительно тонкое сближение... Рождество и шествие на страдание... Одни и те же слова... Поразительно... Связь рождества и Голгофы была выяснена на праздник Рождества (начало и конец искупления).

«Ныне, други, ближайшее нам спасение... Это изрек и Павел, благовествуя: *Господь близ: ни о чемже пецываете* (Флп. 4:5–6)...

Это из праздничного Апостола. Приблизилась Голгофа – спасительная, которая сделает Бога и людей близкими; а особенно – Господа, примирив Его.

«Все, совершаемое в нынешний день, служит... возвещением ЦАРСКОГО ШЕСТВИЯ... КРОТКИЙ И ТИХИЙ Царь стоит при дверях...»

«Архиереи и фарисеи вознегодовали, слыша от народа: «Царь Израилев». Ибо слышали именно то, чего не хотели никогда слышать. Они называли Иисуса имущим беса (Ин. 10:20), а народ возглашает Его Царем: «Благословен грядый»... Кто внушил разуму простых человеков такую песнь... Благодать свыше, откровение Духа Святаго...»

"Прииде час, да прославится Сын Человеческий (Ин. 12:23)... СЛАВОЮ НАИМЕНОВАЛ КРЕСТ, поскольку мы познаем могущество Господа из того, что Он пременил поношение в славу, бесчестие – в честь, клятву – в благословение... смерть – в жизнь. И вот от начала до ныне Крест прославляется».

«Смотри, как Он (Христос)... восседает на презренное и неукрашенное осли... Смотри на это полное УНИЧИЖЕНИЕ ЦАРЯ ЦАРСТВУЮЩИХ... Он унижил Себя для твоего спасения, ибо ты сильно хотел высоко поднять себя, – почему и упал. Если же ты, долг которого Он пришел выплачивать, не будешь чувствовать РАСКАЯНИЯ, то какую пользу принесет тебе Тот, Кто принял на Себя весь твой долг и желает научить тебя раскаянию?.. СМИРИМ ЖЕ СЕБЯ С ПОКАЯНИЕМ, и мы прославим Его смирение...»

Вот другое, «жертвенное», а не «победное» восприятие праздника (о чем я писал).

«В сем случае величие соединилось со смирением нашего Господа, и из Его унижения воздвигнулось Его высокое достоинство, из Его как бы ничтожества открылась сила Его...»

Вот глубокая и поучительная, новая (мне) мысль. «Кроткий» идет, чтобы научить нас, что люди пали гордынею; спастись же возможно – обратным. «Когда человек обратится в ничто, Бог из него творит великое» (о Нектарии). Такой основной закон спасения, славы.

В миру обратное: царей встречают с повинностью, а они сами величаются. В христианстве наоборот... Уничтожение – путь к возвышению... Таков закон. Таково все искупление, до смерти поносной, до «смерти Бога» воплотившегося (Флп. 2:6–11). «Истощание» – вот путь. И осел, презираемое животное, СИМВОЛ СЕГО ИСТОЩАНИЯ.

И очевидно открывается (мне, а вам?), что на Искупление, на Голгофу никак не уместно было бы ехать на коне или на колеснице. Или пешком уже, или на осле.

Но едет Победитель, Царь, – следовательно, Ему подобает все же ехать... А едет на жертвенное уничтожение, посему невозможна пышность, нужна приниженность... И что лучше было избрать, как именно не осленка?! Прекрасно!

...Кстати: ослики очень скромны, терпеливы до поразительности, до умиленности... И умны.

А на спине у них крестообразная полоса: от передних ног тянется по хребту. Вы знаете это, конечно.

«При входе Господа нашего в Иерусалим весь город поднялся навстречу Ему... Прелюбодейца (евреи)... увидела, что уже приходит святой Жених... и потому она начинала готовиться к настоящему дню венчания...»

То есть – к Голгофе... Хотя еще лучше венчанием считать Пятидесятницу, когда Дух Святой соединит «в един дух» человека со Христом... Тогда Голгофа есть выкуп невесты, – присвоение Ее, то есть Церкви... Суть одна и та же...

«Жених вошел; но нашел Свою невесту преобразовавшуюся в меняльщицу денег... И изгнал Он всех...»

"Камни возопиют (Лк. 19:40)... Я понимаю слова Господа нашего так, как Он сказал их, и верую, что если бы дети замолчали, то, естественно, камни воспели бы. Если же ты желаешь искать другого смысла, то отсылаю тебя ко кресту.

Здесь, при кресте, молчали те, которые пели песнь Ему; ученики разбежались... Но что? – Мы видим, как бездыханная природа произносила хвалебные слова: слышались голоса скал и гробов, распадавшихся и разверзавшихся». А у солнца «были отрезаны солнечные лучи» (затмение)...

А я еще припомню про камень надгробный, сохранивший печати и после воскресения хранимого Первенца из мертвых. О нем часто поется в Церкви (особенно в стихирах хвалитных).

«Коснемся ТАИНСТВА настоящего ПРАЗДНИКА, откроем таинственное богатство настоящего дня: может быть, краткое изъяснение сокровенного в нем сокровища доставит нам великую пользу».

Вот как смотрят святые отцы: всякий праздник есть «таинство», то есть не только нечто сокровенное, но и «сокровище», благодатное действие.

«Приидите же, сретим Христа, Который днесь... добровольно грядет на честную и блаженную СТРАСТЬ нашего ради спасения...»

«Прииди и научись ИСТОЛКОВАНИЮ» события (в частности, восседания на осленка), «и веруй домостроительству, дабы познать тебе силу таинства и поклониться предведению Господа.

Итак, приидите... сами распростираясь смиренным духом и правым сердцем и приемля в себя грядущее Слово, вмеща в себе нигде невместимого Бога, ибо это приятно Тому, Кто нисшел ради нас, дабы тесным соединением с нами совозвести нас с Собою... Поставим самих себя у ног Христа облеченными, вместо одежд, в БЛАГОДАТЬ ЕГО, или в самого Его, ибо (сказано) *елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3:27).

Благословен грядый... Куда и откуда грядый? – К нам от Отца, ко кресту – от чуда над Лазарем. Когда грядый и ради кого? – по исполнении времен, ради нашего спасения: *поелику единою* (однажды) *в кончину веков* (Евр. 6:26).

Он добровольно избрал смерть за людей, – по избытку человеколюбия. Он стал человеком, дабы спасти человека...

Приходит Тот, Кто пришел призвать не праведных, но грешных на покаяние, дабы воззвать заблудших грехом».

«Итак, не бойся: (Сион)», – есть Господь посреде тебя ... Приими Того, Кто принял все наше, кроме греха, дабы наше потребить Своим...»

«Хочешь ли, возлюбленный, светло праздновать торжественный день и сретить Христа, грядущего на страдания, и прилепиться к Нему? – начертай образ бывшего тогда. Вообрази умом, что ты СОПРИСУТСТВУЕШЬ ХРИСТУ, грядущему в Вифанию. Присоединись к сообществу учеников... Будь спутником Победителю... Вместо вайй принеси добродетельную жизнь; ветвями масличными соделай свои руки, простертые к милостыне... Соделайся жребятем по простоте мысли... Ради Него охотно переноси все, что Он добровольно претерпел ради людей; ибо Он страдал не за Себя Самого, но ОБРАЗ давая нам и показывая предел мужества и смирения, дабы мы не падали духом, когда приключится с нами что-либо прискорбное...»

«Конечно, ничто прискорбное, что когда-либо случилось с нами, НЕ МОЖЕТ СРАВНИТЬСЯ СО СТРАДАНИЯМИ ХРИСТА: наши страдания должны считаться весьма легкими и ничтожными, как страдания людей ГРЕШНЫХ и смертных, которые подвержены изменению, рождаются и умирают. А насколько страдания Христовы превосходнее наших, сего не может выразить никакое слово: поскольку они суть страдания ГОСПОДА, Всесвободного Бога, Который не подвержен греху, Бога неизменяемого, Бессмертного...

Помысли: какая разница – видеть простого человека повешенным на дереве или же зреть Бога посреди разбойников?.. И когда же? – После Божественных знаний (учения), после исцелений», «одним законополагая отпущение, других изымая от осуждения...»

«А как не привести на память тех бедствий, которые Господь испытал в конце, именно: искушений, которые Он перенес прежде Креста? – предания... допроса... вопля... «распни, распни Его!»... бичеваний, насмешек... отведения на Голгофу? Что еще было на Кресте? – Гвозди, пропятие, оцет, желчь поругания».

И при этом «Христос молчал, претерпевая все». «Умолчали бы ты», если бы пришлось перенести хотя бы нечто одно «из таких страданий»?

«Помысли, человек, сколь же велики страдания Христа моего и Бога, которыми Он потребил мои страсти!»

Вот, значит, для святого Андрея нынешний праздник представляется преимущественно с «жертвенной» стороны (грядет на страдания).

"Господь близ (Флп. 4:5)... то есть Господь близок к вам... чтобы освободить от всякой нужды и искушения; а посему не бойтесь, во всем молитвою и молением, со благодарением прошения Ваши да сказуются к Богу (ст. 6); ибо Он готов помогать молящимся Ему.

Итак, не будем нерадивы в Божественных подвигах... Не будем пленниками страстей плотских...»

«Если кто бывает рабом человека, это еще не велико зло; поскольку апостол говорит: *раб ли был еси?* – не думай, что

рабство служит тебе препятствием к благочестию и ко спасению души. *Но еще и можешь свободен быть, ЛУЧШЕ ТЕРПИ* в повиновении, дабы через тебя прославилось имя Божие. Ибо кто – раб человека, и вместе с тем верен, благоговен пред Богом, тот – свободен. И опять: кто свободен (духовно), тот – раб Христов. Тем более мы, которых освободил Христос от греха и рабства диавольского (см.: 1Кор. 7:21–22)...»

«Не от греха ли произошло и происходит всякое зло? Будем же избегать его, как истого (в совершенном смысле) зла; и, как подобает, возненавидим его, а возлюбим, напротив, добродетель»... которая... состоит «в удалении от мира и прилеплении к Богу.

...К тому же заповеди Христа – легки и облегчающи, а грехи – тяжелы иотяжеляющи».

Праздник вызвал у святого Феодора Студита аскетические мысли: это больше связано с «жертвенной» благодатью.

(Это был – ученейший муж.)

«Когда Церковь возвещает восклицание детей: осанна в вышних (Мф. 21:9) и до моего слуха достигает звук этого громкого и боголепного приветствия, Я ВСЕЦЕЛО ПРОНИКАЮСЬ РАДОСТНЫМ расположением духа... и С БЛАГОЧЕСТИВЫМ ТРЕПЕТОМ приближаюсь своими богоугодными помыслами к Вифании (Мк. 11:1), радостно рукоплещу и веселюсь вместе с младенцами, восклицая согласно с ними Господу: *благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних!*»

С другой стороны, «когда созерцаю взявших ветви и вышедших на встречу Христа (Ин. 12:13), во множестве стоящих и постилающих свои одежды (Мф. 21:8), и радуюсь, видя, как дети свободно, сознательно и с успехом устраивают торжественную встречу Царю» (Мф. 21:15); и в то же время «начинаю больше негодовать на иудеев и ненавидеть их злобу; потому что дети являются справедливыми, а отцы замышляют гибель Христу (Лк. 19:47), младенцы богословствуют, а старцы враждуют против Бога... Тогда я оплакиваю ожесточение сердца их учителей (Ин. 12:40)... Призванные врачевать душевные недуги других, они сами страдали совершенным невежеством,

до крайности взволновали свою душу страстью самомнения», но «перенося (эту) крайне опасную болезнь, они не признавали, что больны»; «и не пожелали познать Своего Отца и Творца»: «где противодействует воля, там и мысль становится добычей господствующей страсти; и свобода ума, подвергшись порабощению, уже не ведет к правильному усвоению истины...»

«Ты (иудей) долго и упорно сидел возле брачного чертога, но не принял Жениха, когда Он явился, а предался любви блудной».

Опять видим сравнение с «Женихом», идущим на венчание (крестное). Поэтому и поется: «Се Жених»... (помните: обручение обрезания)...

Кстати (не забыть бы): отпусты в первые три дня Страстной седмицы, начиная с вечерни недели Ваий, ясно свидетельствуют о связи «Входа» и страстей: грядый Господь на вольную страсть и так далее.

«Христос есть мир наш, *средостение ограды разоривый* (Еф. 2:14); и через Него мы, некогда отступив вследствие греха, ПРИМИРИЛИСЬ С ОТЦОМ и Создателем (Рим. 5:10)»...

«Дети приносят в дар хвалу, дабы на деле научить всех, что благодать таинства сообщается не тем, кто имеет изобретательный ум и бесстыдно предается своим делам; но знание благочестия открывается тем, кто приступает с непритворною мыслию и незлобивым намерением; ибо, кто вынуждается исследовать то, что выше испытания, и не следует Божественным постановлениям, тот резко нарушит и причины (законы) естества, на которые он с гордостью указывает, (и) всецело уклонится от законов богословия, против коих высокомерно борется, и не достигнет цели предпринятого исследования...» «Ибо то, что побеждает ум (то есть превосходит его) и не может быть постигнуто суждением рассудка, – нуждается в Божественном вдохновении; которое, привитое в сердцах чистых и простых, через них открывает познание истины и другим»...

«Такова болезненная сила самомнения... Таково жало зависти... Зависть ослабляет силу помышления о добре, до

крайности извращает чувства, пользование коими есть средство к познанию».

(Объяснение поведения врагов Христовых.)

«Будем и мы, как дети; ибо Господь говорит: *еще не обратится и будете яко дети, не внидете в царство небесное* (Мф. 18:3). Будем детьми по незлобию».

Пришла мысль: потому и читается ныне Апостол о радости, и кротости, и беспечалии, и чистоте, что все это – свойства «детские». И такие сердца принимают «Грядущаго» радостно. А фарисеи и книжники были полны злобы, зависти, нечистоты, сребролюбия; потому «негодовали»... Это – верно...

(Здесь у патриарха Фотия сочетание «Жертвеннопобедной благодати».)

«Благословен грядый простереть на кресте руки Свои и собрать к Себе все народы (Ин. 12:32; 1Тим. 3:16)...

Благословен грядый показать ад связанный и разрешить Адама от уз» (Евр. 2:15)...

Благословен грядый ПОГУБИТЬ ДЕРЖАВУ мучителя и даровать свободу переносившим величайшие (в аду) страдания...

Благословен грядый упразднить адовы жилища и наполнить небесные обители многочисленным сонмом спасаемых...

Благословен грядый ПРИНЕСТИ СЕБЯ В ЖЕРТВУ ЗА НАС (Еф. 5:2), очистить все грехи (Евр. 2:17) и примирить со Отцом (2Кор. 5:18)...

Благословен грядый разрушить смерть (2Тим. 1:10), возродить нам воскресение (1Пет. 1:3), избавить от рабства (Евр. 2:15) и даровать в наследие усыновление (Еф. 1:5)...

«Вчера смерть поистине получила залог разрешения ее и тварь приняла залог воскресения: и друг Христа Лазарь воскрешен, и мы вельми возрадовались с сестрами его Мариєю и Марфою; ад же начал уменьшаться и пить чашу свою, как об этом пророчествовал Исайя, говоря: пей, аде, сию первую чашу...»

«Днесь мы, верные, празднуем ПРАЗДНИК СРЕДИ ДВУХ ПРАЗДНИКОВ, то есть среди воскрешения Лазаря и воскресения Владыки Христа, Который умер за нас и принял

тридневное погребение для оживотворения нас. Посему приидите: узрим величие сего таинства и уразумеем хорошо, как Владыка Христос вчера устроил и показал нам святое воскресение...»

«Как зримое солнце на востоке своим сперва посылает лучи свои рассеять мрак ночи, и вся часть восточная краснеет, потом восходит солнце и освещает все концы земли, так умное Солнце, Господь наш Иисус Христос, прежде славного воскресения Своего воскресил Лазаря...»

Далее он перечисляет воскрешенных: ...дочь сотника, сына вдовицы, теперь праведного Лазаря. А при воскресении Его восстали многие.

«Почему воссел Христос на ося, тогда как не делал сего, идя в города и селения проповедовать Царствие Небесное, и в Иерусалим входил (пешком) многократно?..

Так как приближались спасительные страдания Его, то Он восхотел ИСПОЛНИТЬ ПРЕДСКАЗАНИЯ о Нем пророков, что Сам засвидетельствовал в священной Евангелии, говоря: *сие же все бысть, да сбудется реченное пророком, глаголющим: рцыте дочери Сионове: се, Царь Твой грядет тебе кроток, всед на ося и на жребя, сына подъяремника* (Мф. 21:4–5).

В учении же святых отцов (каких? я еще не видел у вышеупомянутых... но, очевидно, где-то есть) упомянуто, что Христос сначала сидел на ослице, а потом – на осленке, дабы показать этим, что Ему подчинятся сперва иудеи, а потом – язычники. Сие так и было.

Изыдем встречать Господа нашего. Но откуда «изыдем»? – от страстей и худых нравов наших...»

И «так да сподобит Он нас узреть преславное воскресение Его и причаститься Святого Тела и Честной Крови Его, и мы будем достойны услышать радостный глас, глаголющий: рабы верные, *внидите в радость Господа Своего, и наследуйте уготованное вам царство от сложения мира* (Мф. 25:21, 34)».

«...Приближается воспоминание спасительных Христовых страстей, и новая, великая духовная Пасха, начало будущего века, что предвозвещает Лазарь, исшедший из пропастей адских и четверодневно воскресший из мертвых одним гласом и

повелением Христа, имущего власть живота и смерти. И вот, вдохновением Духа Божия отроки и народ незлобивый предвоспевают Господа, освобождающего от смерти, изводящего души из ада и подающего душе и телу жизнь вечную...»

Далее он говорит о важности добродетелей для получения сей вечной жизни и рассуждает о трудности их, особенно богатым; но всем можно, однако же, все исполнить. После – о воскрешении Лазаря, где проявилось Божество Христово. А затем уже о входе.

«Почти все... вышли Ему навстречу, как ЖИВОТВОРЦУ И ПОБЕДИТЕЛЮ СМЕРТИ... взявши вайя».

«Осанна» – это песнь, воссылаемая к Богу, и значит; «спаси, Господи». А присовокупление: «в вышних» показывает, что Его воспевают не на земле только и не человеки только, но и в вышних ангелы небесные... Словами же: *благословен грядый во имя Господне* показали, что Он – ОТ БОГА, И ИДЕТ ВО ИМЯ ОТЦА (Ин. 16:28). А словами: *благословенно грядущее царство отца нашего Давида* показали, что Царство есть такое, в которое, по пророчеству, будут веровать и язычники, и римляне. Ибо Царь сей не только есть надежда Израиля, но и ожидание языков...»

«Дивно, что... отроки и неученые, воспевая ангельскую песнь, устами совершенно благословили Бога, нас ради воплотившегося; ибо как ангелы при рождении Христа воспели: *слава в вышних Богу и на земли* (Лк. 2:14); так и сии ныне при вшествии Его воссылают оную песнь: *осанна Сыну Давидову, осанна в вышних...*»

Начало и кончание дела Христова: РОДИЛСЯ, чтобы ПОСТРАДАТЬ за нас. А то и другое, что СПАСТИ людей, то есть возратить их «в вышнее» Царство, – даровав им еще на земле мир с Богом.

«Будем же младенчествовать злобою (быть кроткими) и мы... дабы укрепиться от Бога, воздвигнуть знамение победы не только над злыми страстями, но и над видимыми и невидимыми врагами и обрести благодать (от) Слова во благовременную помощь»...

По-видимому, у него было ощущение – аскетическое: необходимость ТВЕРДОСТИ в добродетели... Так воспринималась... благодать праздника.

«Осанна значит: «спаси» или, как думают некоторые, – хвала и слава...

Он предостойн всякой хвалы... ныне как Господь, грядущий разрушить державу смерти и опять имеющий прийти со славою судить все человеческое естество, Царь Израиля, не чувственного только, но и духовного Израиля, который ясно видит Бога».

(Иаков видел в видении Бога; Быт. 32)

И ученики еще не понимали смысла [происходящего]: *не разумеша ученицы Его прежде, что пророчество Захарии относится ко Христу. И уже после помянуша, яко сия быша о Нем писана»* (Ин. 12:16)...

Даже ученики не всё разумели.

«Причиною стечения народа был слух о том, что Иисус воскресил Лазаря от мертвых...»

Святитель духовно истолковывает все событие в применении к людям: Елеон – плоды духовные и т.п. А после обращается к Господу.

«Сначала Господь сел на ослицу, а потом вскоре пересел на осленка... чтобы показать этим, что скоро Он отвергнет иудеев, как неверных и ожесточенных против Него, и примет к Себе имеющую народиться из язычников новую Церковь и прославится в язычниках, – что мы и видим ныне ясно...»

«Иисус Христос как будто говорит всем: как трость, колеблемая ветром, так и вы, люди, колеблетесь в непостоянстве своем. Сейчас вот вы встречаете Меня с ветвями; а через несколько дней обесчестите Меня... Ныне восклицаете: осанна, Царь Израилев!, а через немного дней воззовете: распни, распни Его!

Воссесть на осла – значит покорить его Своей воле Господней, покорить грешников Богу.

...Когда же на грешнике Бог начинает почивать? – В то время, когда грешник начнет обращаться к Богу ИСТИННЫМ ПОКАЯНИЕМ, тогда мил и любезен Богу... Осел ли ты нравом,

грешный человек, подчинись Богу, приклони выю к ярму Его; и тотчас из осла будешь для Него престолом херувимским... И то есть действительное торжество – претворять ослов в херувимов, то есть грешников в херувимоподобных святых...»

«Люди, прославляя в Лазаре Христову победу над телесною смертью, составляют Ему торжество: яко слышаша Его (о Нем) сие сотворша. САМ ЖЕ ГОСПОДЬ НАИПАЧЕ НАЧИНАЕТ ТОРЖЕСТВОВАТЬ НАД ДУШЕВНОЮ СМЕРТИЮ людей, побеждая грех и диавола, поощряющего человека на грех... Несравненно же большее чудо Христово, когда великого грешника, душою умершего... Он воскрешает... и приводит его к вечной жизни на небесах...»

Для этого нужно не только все могущество, мудрость и милосердие Божие, но и желание самого грешника: иначе ничто не поможет, и Сам Бог не сможет спасти.

«Итак, если Господь, восседая на осле, идет и торжествует, то да будет ведомо нам, что Он не столько о воскрешении из мертвых Лазаря, сколько об имевших воскреснуть от смерти духовной грешников, в предведении спасения, радуется и торжествует...»

"Венча ^{*****} Соломона мати его в день обручении его (Песн. 3:11), то есть в день воплощения Его, в каковой день Христос, Сын Божий, воспринял на Себя плоть человеческую и соединился с нею».

Обручение – рождество. Это не противоречит обручению обрезания: люди, допустим, уже порешили обручить жениха и невесту (кончен сговор); но действительно и молитвенно это «завершается» в храме.

Так было и с Господом.

«Когда какой человек принимает Пресвятое Тело Христа Бога нашего и Его Пречистую Кровь в таинстве ЕВХАРИСТИИ под видом хлеба и вина: и в тот час говорится к душе его: не бойся, дщи Сионя; се, Царь твой грядет.

«Не бойся». Почему? »...Потому, что Владыка и Господь Бог, Царь всех, идет к нам» не для наказания, а для спасения; и не с угрозами, а «со слезами милосердыми», идет в кротости; идет «не для того, чтобы грешных людей ввергнуть в муки

вечные; но идет Сам подъять муку и принять на кресте смерть поносную за грехи наши».

«Потщимся же... принять к себе Христа, Царя и Бога нашего... Кто НЕ ИСПОВЕДУЕТ грехов своих, у того заперты двери сердца... Исповедаем же согрешения свои... и сотворим удовлетворение о них (епитимию)... Тогда Он войдет и к нам жить, как Царь в прекрасные палаты...»

«ИСТРЕБИТЕЛЬ АДА, победитель смерти, начальник жизни, Господь наш Иисус Христос» грядет ныне. А народ принимает Его, «как бы движимый Божественным мановением с великим торжеством, как Царя Израилева...»

«Существуют три необходимых условия, которые мы, христиане, должны выполнить, когда принимаем Господа нашего Иисуса Христа во святом причащении Пречистых Его Таин. Во-первых, с истинным раскаянием сбросив одежды (как ученики и народ делали при входе) греховные, которые мы носили столько времени... совлецись ветхого человека с деяниями его (Кол. 3:9). Во-вторых... поднять победные ветви, поправши трех наших великих врагов – плоть, мир и диавола... А затем (уже в-третьих) с духовной радостью и веселием сердца сокрушенного приблизиться к святой Трапезе Хлеба животного со словами: осанна! Благословен грядый во имя Господне!»

Вот новая мне мысль: сближение Входа с выходом ко причащению. Прежде все понималось лишь в смысле воскресения Христова, явления Его народу. А здесь – Входа. Как же так?

Противоречия нет: из прежних всех объяснений вы видели, что Вход ЕСТЬ ВЫСТУПЛЕНИЕ на победу. А самая главная победа и проявилась в воскресении Христовом. Вход – начало Пасхи. Потому слова Входа: благословен грядый во имя Господне; Бог Господь и явился нам поются при отвержении царских врат...

Здесь, следовательно, слились воедино два события или, лучше, единое – ПОБЕДА Воскресшего, – но лишь в двух моментах. Это мне многое объяснило здесь; а то все не понимал, почему поют эту песнь детей: осанна, благословен грядый во имя Господне!

Вся проповедь посвящена вопросу о причастии... Хорошее слово... Воистину главное. Много «необычайно» даже.

«Во Святой литургии (Христос) ежедневно тайнодействуется, каждый день приносится в ЖЕРТВУ. Более того, во святом хлебе Он переносит такие страдания, каких не испытывая на кресте, по замечанию Златоуста. На кресте не было преломления Его членов (Ин. 19:33; Исх. 12:46), а во святом хлебе Он присутствует во многих частицах, чтобы исполнить (Собою) многих. Что не претерпел на кресте, то теперь в приношении (просфорах) и выносит в преломлении, чтобы исполнить всех», – говорит Златоуст.

Он весь есть любовь, которую до конца возлюбил нас... Это такая любовь, которой мы не можем объяснить: она не понятна! – которой мы не можем измерить: она неизмерима... В этом Бог, как сильный, явил высшую державу всемогущества Своего; как премудрый, совершил таинство таинств; и как благий, (ниспослал) высший дар».

«Как же мы должны готовиться, если желаем причаститься этого страшного и великого таинства?!

...Это – Сам Бог во плоти... Здесь невидимо предстоят святые ангелы и от страха, трепета и благоговения закрывают свои лица. Здесь стояли Василий, Златоуст – люди, совершенно отрешившиеся от всяких уз, святые, иссушенные воздержанием, земные ангелы по чистоте души, и все-таки они исповедовали свое недостойнство».

Но ты, грешник, исповедавшись, говори: «Я, нечистый, прихожду к Тебе, как источнику освящения, чтобы очиститься; больной – к Врачу душ, чтобы исцелиться; мертвый – к Тебе, Хлебу Животному, чтобы воскреснуть; прихожду, чтобы не удалиться далеко от Тебя, дабы враг не мог овладеть душою моею. Паки исповедую, что я недостойн, ибо грешен. Но ты пришел грешников спасти. О, спаси же! Осанна (спаси), благословен грядый во имя Господне!»

...Божественный Златоуст уверяет, что демоны не могут видеть лица причастника, трепещут и убегают от него, ибо тогда из уст его исходит Божественный огонь, – зрелище, чудесное для ангелов и страшное для диавола.

«Отходя от трапезы, мы, как львы, дышим огнем и страшны для дьявола. Никакая звезда на небе так не светится, как сияет во время причащения душа причастника Божественною благодатью... Причащение, по словам Симеона Солунского, наше обожение и общение с Богом.

Через бескровную жертву мы причащаемся Христу и делаемся участниками Его страданий и Божества, – свидетельствует Григорий Богослов.

И с этой благодатью мы восходим на такую высоту святости, что, если бы мы в тот миг умерли, наша душа обрела бы себе место великих мучеников, девственников и подвижников... Пусть я умру, когда будет на то воля Твоя Святая, в пустынном месте, в лесу, на горе, – для меня безразлично, – лишь бы только перед смертью я удостоился причаститься Твоего Тела и Крови... Тогда я не боюсь погибнуть...

Итак, христианин, причастившись, берегись, как бы не потерять приобретенное... чтобы лукавый не похитил [дар] у души твоей. Ты освятился Святыми (Дарами) – живи как святой... Ты соединился со Христом – пребывай со Христом и говори: осанна! Благословен грядый во имя Господне!»

(Проповеди святителя Илии Минятия изданы были Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой в 1902 г. – это еще более укрепляет их истину и авторитет.)

«Когда я вижу, что Иисус с такою честью, славой и торжеством вступил в Иерусалим, я по всей справедливости могу думать, что Ему больше нечего бояться зависти и ненависти архиереев, священников и книжников...

...Но... О, суетные ожидания человеческие! О, минутная угодливость неблагодарного народа!.. Тот, кто принимает Его, как Царя Израильского, пригвоздит Его к дереву, как преступника... То же самое теперь Он испытывает от христиан, которые в эти святые дни на словах поклоняются Ему, а делами распинают...

Мне следовало бы понести такой крест... Перенести такую смерть. Но если уже я не могу ради Тебя умереть, то по крайней мере (хоть) покаяться бы мне!.. Если не могу дать своей жизни

за Твою, то хотя бы отплатить своей любовью за Твою... или, по крайней мере, не впадать снова в вину пред Тобой.

А мы? Носить (в Великую пятницу) крест от одного конца города до другого, носить образ Распятого по улицам... открыто проповедовать, что Он воспринял эту болезненную и позорную смерть ради нас, – и в то же время не проявлять никакого знака сердечного соболезнования, за исключением внешней торжественности, ни истинного благоговения, любви и благодарности?

(Евреи могут сказать): «Одно из двух: или нет в действительности того, во что веруют христиане; или же сами христиане в действительности не веруют в Него».

Но мы, слава Богу, веруем и вместе с детьми сердечно поем: «Слава! Осанна!»

Вознесение Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа

Часть I. Мои мысли

Лишь только мы отдали праздник Пасхи, как тотчас же, почти без подготовки, мгновенно явился другой светоносный праздник – Вознесения Господня...

Душа почти еще не успела остыть от радостного хваления Воскресения, как уже нужно прославлять Возносящегося...

Единственно, что о нем заранее напоминало, это Вознесенские ирмосы, которые стали петься вместо катавасии с 6-й недели до Пасхи и на отдание ее.

Но это давало слишком мало... А главное – душа еще все жила воскресением... И как пред солнцем бледнеет луна, так перед «Царем дней», Пасхою, все другие праздники смиряются... Благодать Пасхи сильнее всех других праздников... Поэтому Пасху довели до самого крайнего срока, вплоть до Вознесения, и оттого не оказалось ни чувств в душе, ни места в уставе и богослужении для Вознесения... Поэтому-то почти нет предпразднства. Только в среду на утрени началось оно. Промежуточное во времени – менее дня... Но вчера начали читать канон Вознесению... И вдруг мне послышалось некое «благоухание» чего-то нового... Точно где-то в стороне зазвонили...

Стал слушать чтение... Особенно живо воспринимается каждое слово... Но о богослужебных мыслях после напишу. Теперь же я остановился только на чувстве радости, которое тонкою струею откуда-то начало проникать... Маленький ручеек в широкую реку... Приблизившееся Вознесение в море радости Пасхи... И за то благодарю Господа... Но потом отдание Пасхи опять затопило все...

Служим всенощную... Вышел я на литию... Немного сосредоточился на зрении Господа Вознесшегося... И вдруг стало ясно: НАШ Господь там! И это слово «наш» и осталось в душе...

В самом деле: вознесся Господь ведь не Божеством, а человечеством... НАШЕ естество вознес Он. Или: В НАШЕМ естестве вознесся... Он – с воплощения еще НАШ, и там у Отца

ЗА НАС ХОДАТАЙСТВУЕТ... Не может не ходатайствовать... Мы Ему – свои... Он – наш...

Какая близость!.. И понятно: какие великие блага от этого должны проистекать для нас... Но об этом еще после... А сейчас – корень всего: НАШ Господь одесную Отца... Все прочее – следствия... Слава Тебе!

Не знаю, как вам и сказать о своем настроении сердечном... Вот написал два слова: «легкое – белое»... Будто ими я могу немного выразить те чувства, какие праздник Вознесения вызывает непосредственно, без мыслей... Припомните море радости на Пасху, Пасху «красную»... Огненную... Возбуждающую... Здесь иное... Какой-то прозрачный, безоблачный воздух... Будто и человек становится легче весом... И чистое, чистое... Белое... Как бы «плавно», мирно (а не с силою Пасхи) отделиться от земли и тихонько подниматься туда... выше... выше...

Потому и облачения хочется надеть белые, чистые...

И еще... Хожу в храме, заправляю лампадки... а точно неясно слышу себя... Будто, задумавшись, не замечаешь происходящего вокруг... Праздник влечет к небу... И не мысленно, а непосредственно... Я думаю, что такова «благодать» этого праздника: ВЛЕЧЕНИЕ К НАДЗЕМНОМУ. То, что совершилось в Господе нашем, это повторяется и в каждом из нас...

Давно мне прежде на этот праздник приходили мысли, что Вознесение требует от нас надземности, чистоты, святости... И эту мысль дал святой апостол в послании к Колоссянам, которые увлекались философствованиями (гностическими), а жили грешно (просто – блудно); иные же, наоборот, в самочинном аскетизме, с охуждением творения Божия, считая материю нечистой. И вот апостол говорит им, что Христос есть Истинный Совершенный Бог во плоти... Теперь Он вознесся к Отцу и «сидит одесную» Его... А если Он там, то и вы о горнем помышляйте, а не о земном. *Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокровенна со Христом в Боге... Итак, умертвите уды (члены) ваша: блуд, нечистоту, лихоимство, страсть, злую*

похоть и любостяжание, которое есть идолослужение (Кол. 3:1–5)... Иначе гнев Божий грядет (ст. 6)...

Так, отрывая от земли, праздник Вознесения требует духовного подвига, борьбы за святость души... Нужно вознесение духа...

Пасха дала необъятный простор... Неохватываемый подъем... Торжество будущего идеала блаженства... Но путь к этому не скор... Нужно не восторгаться, А ЕЩЕ ОЧИЩАТЬ СЕБЯ... И праздник Вознесения несет эту мысль и чувство.

Иные думают, что апостолы после вознесения Господа возвратились опечаленными, что они лишились Господа, и Учителя, и Утешителя... И отчасти это верно и понятно. В одной стихире (на Господи, воззвах) говорится об этом так: Господи, апостолы, яко видеша Тя на облацех возносима, рыданием слез, Жизнодавче Христе, скорби исполняемы, рыдающе, глаголаху: Владыко! не остави нас сирых, ихже за милосердые возлюбил еси рабы Твоя... Но посли, якоже обещал еси нам, Пресвятаго Твоего Духа.

Таково было первое естественное чувство. А потом Господь их Сам утешил... Как? Да разве Он, Всемогущий, не может утешить, когда захочет?! Что спрашиваем: «как?» – Всячески!.. Одним словом мир сотворил!.. Человека из глины создал... А человек спрашивает: «как?»

...Вот хотя бы обещанием послать Утешителя! А раз – «Утешителя», то, значит, они скорбели... А сверх всего – «благословением»... Мы и сами знаем, что от святых даже людей сладостно получить благословение. А здесь Сам Бог Воплотившийся благословил.

...И их сердца утешились до такой степени, что, как говорится в Евангелии, они все возвратились «С РАДОСТИЮ ВЕЛИКОЮ», «хваляще и благословяще Бога». Поэтому и в песнопениях праздника о скорби и говорилось лишь в одном месте, как бы мимоходом, как о вещи малозначительной, скоро промелькнувшей, а после о радости будет петься.

Да и как не радоваться?! Богочеловек отошел к Отцу Небесному!.. Выше этого ничего нет! И учеников обещал взять туда же: *идеже есмь Аз, ту и слуга мой будет (Ин. 12:26).*

Ушли с радостью... Значит, и нам нужно с радостью уходить с праздника... В ожидании большей милости: ниспослания Духа Утешителя.

Когда сравниваешь Пасху с Пятидесятницею, то оба эти праздника представляются как бы двумя значительными вершинами; а Вознесение – промежуточным, соединительным, посредствующим между ними звеном, имеющим не самодовлеющее значение, а только значение ПУТИ, чтобы послать последнюю радость; чтобы и с людьми сделать то же, что произошло в Самом Воскресшем Господе при воскресении.

Да и по существу религиозному это в известной степени так: Сын Божий во плоти вознесся для того, чтобы примиренное (Крестом) и обновленное, обоготворенное (воскресением) естество человеческое сделать «своим» Богу Отцу и исходатайствовать всем людям утерянную благодать Духа.

Напишу еще об основных «тонах» праздника.

Много раз я переживал, что праздник Вознесения вызывает в моей душе необычное чувство «серьезности»... Губы сжимаются; весь настораживаешься, «собирается» не только дух, но и тело... Почти всегда воспринимаешь так...

И это бывает «само собою», а не вследствие «мыслей»... Мысли уже после подыскиваешь. Точнее, стараешься разобраться в чувстве: откуда оно? что такое? Мысли – не ясны, вот чувство – совершенно определенное и ясное... И даже не хочется размышлять о мыслях: так ясно чувство. Думается, однако, так: куда восходит Сын Божий?

К БОГУ!... К БОГУ!...

Подумаем: если мы боимся предстать пред «важным» начальником, то каким чувством должно наполняться сердце, когда кто-либо восходит К САМОМУ БОГУ?! Всевысочайшему, Премирному, Всемогущему! *«Со страхом и трепетом»* живите, – говорит апостол Павел, – где и когда «Бог действует» (Флп. 2:12–13).

Еще прибавим, что восходим к Отцу, Который доселе «гневался» на «отлученное» человечество, бывшее «под клятвою»...

Но может быть, нужно быть спокойным, ибо восходит СЫН БОЖИЙ? Да, нужно бы быть спокойным и можно бы, если бы Он восходил ЗА ОДНОГО ЛИШЬ СЕБЯ. Но Он, – вникнем, с Божию помощью! – восходит собственно не как Единородный, всегда «сущий в лоне Отчем», а как Воплотившийся Богочеловек... Восходит – человечество. В Нем восходит НАШЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО... МЫ ВОСХОДИМ... В этом – сущность всякого праздника, что он есть не только событие в Господе, но и В НАС. Что в Нем творилось, то в некоторой степени совершается и в нас.

...А мы виноваты пред Богом. И ныне Ему представляемся... Пример: Моисей был посредником за еврейский народ при Синайском Законодательстве. Народ чувствовал себя недостойным. Да и Сам Господь сказал Моисею: *сойди и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть Его, и чтобы не пали многие из него. Даже священники, приближающиеся к Господу, должны освятить себя, чтобы не поразил их Господь...* И взошел лишь Моисей и с ним Аарон, но и он – не на вершину горы. А священники и народ да не порываются восходить ко Господу, чтобы [Господь] не поразил их (Исх. 19:21–25).

И когда народ увидел громы и пламя под горою, то отступил и стал вдали. И сказали Моисею: *говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть...* Не бойтесь! – сказал Моисей: *Бог пришел, чтобы испытать вас, и чтобы страх Его был пред лицом вашим.* Это и есть «собранность», или «страх Божий», дабы вы не грешили. И стоял народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог (Исх. 20:19–21).

Итак, страх Божий был у евреев... Но у нас, христиан, чувство несколько иное: мягче... Ибо ныне от нас восходит Ходатай больше, чем Моисей, – Сам Сын Божий!.. И притом искупивший уже нас... Уже гнев Божий разрешен Крестом. Поэтому у нас остается не ужас, а «собранность», как я написал... Спокойная, умиренная «серьезность»... Или, еще лучше: великое БЛАГОГОВЕНИЕ... в молчании духа и уст.

Еще возьмем житейский пример. От нас, допустим, некто пошел вести переговоры или просить о чем-либо начальника... А что же мы в это время? Тотчас стихаем... становимся серьезны. Будто бы и мы сами там с ходатаем, стоим пред начальником... И ждем: чем кончится?

Но как же «с радостью» «воротились»? Да Ходатай пошел все же К БОГУ!.. И мы знаем, что ходатайство Его сильно: Он – Сын Ему по Божеству, а по человечеству – НАМ. Но еще больше это относится к будущему... А именно: к тому, что И МЫ САМИ будем туда же допущены... Но для этого нужно еще получить Духа освящающего.

И хотя этого еще не было при вознесении, еще не ощущается на праздник сей; но чрезвычайно радостно самое уже ОБЕЩАНИЕ этого.

Господь обнадежил учеников, во-первых, тем, что СКАЗАЛ, ОБЕЩАЛ им послать Духа: *вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше... Я же пошлю обетование Отца Моего на вас (Лк. 24:49)*. Кстати: слово «обетование» понятнее было еврею, чем нам... «Обетованная» земля – Палестина... Идеал чаяний их – с Авраама до Моисея... Обетованный Мессия Спаситель... Обетованные блага земные: «да благо ти будет» и пр. Только ныне вместо земных благ обещаны небесные; посему в Евангелии Матфея говорится: *даст блага просящим у Него (Мф. 7:11)*. А у евангелиста Луки то же место читается: *даст Духа Святаго просящим у Него (Лк. 11:13)*... Поэтому у евангелиста Матфея: *да приидет Царствие Твое (Мф. 6:10)* как символ высших благ.

А святой Григорий Нисский приводит древнее разночтение: «да приидет Дух Святый». Поэтому и ученики еще путают: Спаситель говорит: *будете крещены Духом Святым...* А они тут же, еще не понимая сего на опыте, а представляя все в земных формах, спрашивают: *не восстановляешь ли Ты царство Израилево (а не Божие) (Деян. 1:5–6)*.

...И это обещание Господь подкрепил «БЛАГОСЛОВЕНИЕМ» (Лк. 24:50)... В чем сила этого подтверждения (или, по-славянски: радость сотворивый

учеником обетованием Святого Духа, ИЗВЕЩЕННЫМ, то есть удостоверенным, им бывшим благословением)? Духа еще не получили, но «ЗАЛОГ», но «ручательство» уже имеют: Сын уже «благословил» их... Если сын царя – наследник престола (беру примеры для ясности) прощенному преступнику подает руку свою царскую, то не ясно ли, что это знак несомненной надежды на получение полной милости и от самого царя? Но благословение Божие, Сына Божия, уже подавало и некую благодатную силу, – «зачаток» Духа... Как и на Пасху Христос явился ученикам и сказал им: мир вам... Дунул... и добавил: примите Дух Свят – отпущать грехи... Но это – зачаток лишь... А полнота – в Пятидесятницу!

Итак, соединим: а) белизну чистоты, б) серьезность благоговения, в) надежду на примирение, г) радость обетования, – вот у нас и будет ОБЩИЙ ТОН праздника Вознесения... Но преимуществовать будет БЕЛЫЙ ТОН ЧИСТОТЫ И ЯСНОСТЬ СОБРАННОСТИ, с прибавлением лишь радости.

Но еще нужно дополнить ощущением «славы»... Нужно сказать, что сердцем своим я мало ощущал это действие благодати праздника... И, думаю, это оттого, что выше сил моих... Не доросли мы до сопереживания славы... Но умом (и лишь чуточку опытом) можем понимать, что праздник Вознесения есть праздник «славы»...

Человечество во Христе было теперь прославлено так, как нельзя и представить выше: вознеслось к Отцу на Престол! Даже ВЫШЕ АНГЕЛОВ!

А особенно, – если представить, что до этого терпел Спаситель: умаление воплощением («преклонив небеса, снисде», смирился, истощился), гонениями, борьбою с диаволом за человека, и с самим же человеком! *О род неверный! Доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?* (Мф. 17:17). Это мог сказать лишь Бог, страждущий за рабов... Непонимание учеников... Оставленность... Суд... Поношения... Крест...

А теперь – к Отцу Небесному! Какая слава!

Недаром и апостол Павел сопоставляет эти два события – уничижение страдания и славу вознесения выше всякого имени

(Флп. 2:5–11).

Но эта слава нас, недостойных, лишь краешком затрагивает... И не должно нам брать меры выше себя: *«высших себя не ищи»*, – говорит Писание (Сир. 3:21)... Посему о большем умолчим... «Славу» праздника понимают святые люди!

Слышали мы много раз слова эти в конце тропаря Вознесению. Но останавливались сердцем? Иногда их несколько ощутили... На небо вознесся Сам Спаситель мира, или Избавитель... Что это за слово: «Избавитель»? Избавить от беды... Освободить, избавить от плена. Это, в сущности, то же, что и «Искупитель»... Только в последнем слове более указывается на ПУТЬ избавления (Крест, Искупительную жертву Отцу), а в слове «Избавитель» говорится о результате, достижении. Но, в сущности, и в том, и в другом слове самая СИЛА заключается в том, что НЕ МЫ сами спасаем себя, а ОН нас спасает, избавляет... Если я скажу про какого-либо человека: он мой избавитель! – это значит, что не я спас себя, а он – меня.

В вознесении Господь Иисус Христос уже вознесся как Избавитель – не Себя лишь (что было пока в воскресении), а всего мира... Он вознесся к Отцу, чтобы избавлять, или: уже «как», то есть в качестве, Избавителя.

...Прежде, на Голгофе, – как «жертва»; в воскресении – как «обновитель» природы, а теперь – как «Избавитель», или просто – как «Спаситель»... Поэтому замена только: у сербов этот день так прямо и называется: «Спасов ден»... Это – глубоко!

Он вознесся... Но нам еще нельзя... Ибо, чтобы вознестись к Отцу, нужно быть подобным Отцу, ОБОЖЕННЫМ, не только по душе, но и по телу. Для этого нужно действие СВЯТОГО ДУХА, ибо сама человеческая природа не может себя возродить... Это – очевидный факт опыта нашего и всего человечества!

Но, чтобы сподобиться Духа, нужно примириться с Отцом Небесным. Это достигается СТРАДАНИЕМ: Спаситель и выстрадал всё, за человечество!

После креста Он воскрес. «Бог» во Христе воскресил «Человека». А воскрешает, оживляет все Бог Отец, но силою Животворящего Духа... Поэтому можно понять слова Писания, что про воскресение Христа иногда говорится: *Бог воскресил Его* (Деян. 2:24). *Сего Иисуса Бог воскресил, чему мы все свидетели* (ст. 32). *Бог, воскресив Сына Своего Иисуса... послал Его благословить вас* (Деян. 3:26). *Начальника жизни убили; а Сего Бог воскресил из мертвых* (Деян. 3:15, 10:40, 13:30; Рим. 10:9).

А о Духе: *Дух Того* (то есть Отца), *Кто воскресил из мертвых Иисуса*, – если Он (Дух) *живет в вас, то Воскресивший Христа* (Отец) *из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас* (Рим. 8:11).

И принес Себя в жертву Отцу тоже «Духом Святым», – как прямо говорится в послании к Евреям: *Кольми паче кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел... И потому Он есть Ходатай Нового Завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений... призванные... получили обетованное* (Евр. 9:14–15).

Обетованное, то есть Духа Святого, Который сначала воскрешает наши души, а потом воскресит и тела.

Но во Христе все это совершилось вполне в момент воскресения. И только в «обновленном», восстановленном существе Он мог взойти к Отцу, одесную сести... Поэтому тотчас же по воскресении Он и говорит: *восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20:17). По Божеству Он всегда был с Отцом, а по человечеству только после воскресения может... И неудивительно, что говорит: «Богу Моему»... Да! – Отец воскресил Сына воплотившегося Духом Святым. Поэтому для «Человека» в Сыне Божиим – Бог Отец есть «Бог».

Но люди должны еще ждать для себя воскресения Духом Святым. Это на праздник Вознесения дано нам как обетование, а получится на Пятидесятницу, в день Сошествия Духа, для всех.

Но и тогда еще нельзя сразу «вознестись». Это лишь «залог»... Нужно будет пройти весь крестный путь за Господом: *как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслию, ибо страдающий плотию перестает грешить (1Пет. 4:1).* Нужно СТРАДАТЬ. Только после этого будет дан Дух Божий в полноте.

Но и тогда, по смерти, будет лишь частичное «вознесение», – только душою; а полное будет после конца мира, когда будут воскрешены и тела: *мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках (тоже, как и Господь при вознесении на облаке вознесся) в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем (1Сол. 4:16–17).* Утешайте друг друга сими словами (ст. 18).

Но всё это уже придет само собою, лишь бы сподобиться Духа Святого и Животворящего... Посеянное зерно даст потом плод во время свое.

Вот в ожидании сего дара ученики и ушли от горы Елеонской... Будем и мы ждать праздника Пятидесятницы с радостью. А «слава» – после Суда...

Еще в течение Пасхи мне приходили мысли о страшном дне... Как-то на литургии, СРАЗУ после радости о Воскресшем, блеснула МОЛНИЯ ГРОЗНОГО СУДИИ... Это неожиданно было... И вот какой ход чувств был: смотри, человек, что для тебя сделал Сын Божий! Воплотился, пострадал, теперь воскрес, обновил твою природу... Тебя же хочет Он обновить... Но если ты и теперь не примешь Его, тогда дашь страшный ответ на последнем суде.

...Поняли?..

А вот на вознесение ангелы явились и, утешая учеников, прямо заявили, что Он второй раз придет – уже судить...

Однако на Пасху о суде не говорится, а на Вознесение сами ангелы говорят... Почему?

...Тогда еще не всё было соделано Господом. Потому еще не время было требовать даров за совершенное... А ныне уже всё кончилось, всё дано для спасения; но уж если кто не спасется, сам отвечай.

Ныне совершилось примирение во Христе, а через Него и всех нас... И если кто останется врагом Богу и после этого, того ждет грозный Страшный суд.

Так всё яснее становится связь Вознесения и последнего суда, о котором возвестили ангелы апостолам: *Он придет снова таким же образом (Деян. 1:11).*

Господь может сказать так: «Я всё сделал для вас... Искупил Крестом. Примирил с Отцом. Пошлю Духа Утешителя и Животворца... Смотрите же не опускайте рук своих... А если опустите, то из сына освобожденного сделаетесь опять рабами. И Адам был в раю, но потерял его... И Я приду с судом и спрошу: что же ты, человек, сделал со своей стороны?»...

Поэтому Вознесение снова возбуждает настроение ответственности, «собранности»... Нельзя «слегка» отнестись ко спасению, переложив все упование на Его дело и ходатайство. Это означало бы пренебрежение всей Искупительной жертвой Сына Божия. Это было бы худшим повторением Адамова греха, который не захотел трудиться в послушании, а уже пожелал «сорвать плод» богоподобия. Но только теперь страшнее, ибо больше была жертва! *Невозможно... соделавшихся участниками Духа Святаго... и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему (Евр. 6:4, 6)...* Если отторгшийся Закона Моисеева... без милосердия наказывается смертью, то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь Завета, Которую освящен, и Духа благодати оскорбляет?.. *Страшно впасть в руки Бога Живаго (Евр. 10:28–29, 31), таких ждет некое страшное ожидание суда и ярость огня (ст. 27).*

Но почему это не связано со Страстной седмицей? Там ведь было сделано главное, то есть искупление, но еще «не все» было совершено... Еще не восшел Ходатай на Небо со Своею жертвой... А на Вознесение кончилось все дело Иисуса Христа... Далее наступают «деяния» Святого Духа – жизнь Церкви... И только в конце мира опять, и уже последний раз, придет судить Тот, Который приходил и спасать. Подобно тому,

как если бы отец отдавал в чужую сторону сына учиться: старался, хлопотал, нашел чудного учителя, отвез туда своего сына, но, прощаясь, сказал: вот я все сделал... Теперь учись... А я спрошу с тебя, когда ты возвратишься.

...А если так, то мысль о связи Страшного суда с Вознесением еще более вносит в тон праздника «страха Божия»; не «ужаса» иудейского, рабского, а страха сыновнего, побуждающего бодрствовать и трудиться.

Но одновременно с этим чувствуется ТИШИНА... Ведь ныне Ходатай примиряет нас с Отцом вполне, ибо Сам с плотию воссел одесную Его, чтобы за нас ходатайствовать... Это вливает надежду на спасение. И страх приобретает не пугающий характер, а только «вводящий внутрь», собирающий чувства... У хороших родителей хорошие дети ведут себя чинно, скромно, тихо. Любимы и любят; и тихи... Это – особенно привлекает сердце наше... Вознесение вводит в МОЛЧАНИЕ.

Но хотя полное вознесение будет после Суда, а частичное после смерти, однако и теперь СОВЕРШАЕТСЯ ДУХОВНОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ. Именно через святое причащение. Самое причащение, как мы видели на Пасху, есть воскресение, поскольку человек «обожествляется», вступает в общение с Христом Богом. Поэтому святой Симеон называет Тайны «Божественными», «Боготворящими», «благодатными»; ими же оживляется (то есть воскресает) и обожается всяк ядый же и пий чистым сердцем (молитва 6-я перед причащением)... Но потом, «оживши», человек уже возносится к Богу; так и говорится в 3-й молитве ко причащению: Преславным Твоим вознесением плотское обоживый восприятие, и сие (то есть нашу, восприятую Тобою природу) десным Отца седением почтй, сподоби мя причащением (то есть через причастие) Святых Твоих Таин, десную часть спасаемых получить^{*****}. [...]суда: одни идут в рай, другие в ад. Но это уже делается теперь через причащение; и, следовательно, в залоге, в зачатке, человек уже теперь готовится к вознесению: птенец еще летать не может, но маленькие крылышки у него уже отрастают.

Поэтому-то после причащения людей читаются сначала: «Воскресение Христово видевше» и «Светися, светися», «О, Пасха»; но последнее заканчивается мольбою уже о будущем, ПО ВОЗНЕСЕНИИ: об «истом» причащении «в не вечернем дни Царствия» Христова, то есть соучастия в седении со Христом одесную Отца, в полном блаженстве.

Поэтому-то и первый возглас после причащения: Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое... Оба эти слова нам знакомы из Вознесения: «Избавитель», Спаситель мира, уходя, «благословляет» учеников Своих, «люди Твоя»... ОН САМ ЗДЕСЬ БЛАГОСЛОВЛЯЕТ... Священник лишь молится Ему: «спаси и благослови», а со своей стороны делает лишь благословляющее знамение. И потом, покадивши и поклонившись Дарам – Христу, выносит Их; и тут уж Сам Господь и благословляет, и говорит: «всегда с вами» до *скончания века, и даже во веки веков (Мф. 28:20)*, как и при вознесении... И Святые Дары возносятся на жертвенник... Значит, это имеет не только смысл символического напоминания, но и действительного «совознесения» причастившихся, а молитвенно и все соединяются со Христом, со Христом и возводятся к Отцу Небесному...

И как после вознесения ученики воротились в Иерусалим, так и теперь после унесения Даров нужно уходить верующим из храма: «с миром изыдем»... Но в заключение получают «благословение Господне... благодатью и человеколюбием» – это уже можно относить к сошествию Святого Духа, как и читается в заамвонной молитве: всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе Отца Светов... А перед этим, закрывши антиминс, священнослужитель делает Евангелием крест над ним, говоря: яко Ты (Троица) еси освящение наше (а это освящение есть, собственно, дело Духа Святого), и Тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу.

...Пред малым входом мы еще смотрим на плащаницу, которая лежит на престоле. С предпасхальной полунощи во время «Не рыдай Мене, Мати... встану бо и прославлюся» ее уносят из середины церкви и полагают на престоле... Христос хотя уже не «среди народа», но еще здесь, в мире, в особенном

лишь состоянии... И думается: вот сейчас, скоро, ее уберут с престола... Христос вознесется... И вдруг на сердце стало скорбно, точно при расставании... Ведь вот 40 дней лежала плащаница на престоле пред нашими глазами, и казалось, что она не связана с нашей душой, а как пришло время унести ее, сделалось до слез грустно. Как живого Христа взяли бы... И понял тогда я и скорбь учеников пред вознесением Господа...

Страшное состояние я пережил на Вознесение: почти не заметил литургии... Мне показалось, будто прошло времени – минута...

Дивно это было. И подумал я: время – вещь относительная... Как-то можно не замечать времени... Есть особые состояния... И в сверхъестественном мире «*времени не будет*», говорится в Апокалипсисе (Откр. 10:6, 21:23, 22:4).

...Я не подумал даже тогда: есть ли какая-нибудь связь с вознесением? А теперь приходит мысль такая: Господь, как Богочеловек, после воскресения, и особенно после вознесения Своего, вошел в такую сферу бытия, которая совершенно отлична от наших земных условий «времени и пространства»... И ее может понять только тот, кто уже живет в той сфере. Ведь всё познается только опытно. Всё открывается, а не «понимается»... Это должно сказать про всё в мире – и естественном, а равно (никак не менее, даже более) и в сверхъестественном.

В связи с этим разрешается ответ и на другой вопрос, который некогда предложили ученики святому Иоанну Лествичнику:

– ГДЕ ныне Христос, по вознесении?

Святой отец на это ответил, что подобного вопроса даже и задавать не должно, ибо это непостижимо. – Очевидно!

(Когда узнаю точную цитату, – то напишу.)

...Войдя в другую сферу бытия, сделавшись «духовным», тело Господа получило совершенно иные свойства – вне времени и пространства... И лучше о дальнейшем умолчать... Чувствуется в душе нечто, препятствующее дальнейшему проникновению в недоступную сферу...

Также решается и вопрос: где был Господь Иисус Христос в течение 40 дней после воскресения до вознесения? – Непостижимо! Выше нашего опыта... Вон и радио мгновенно (пять раз вокруг Земли в одну секунду) распространяется всюду... Бог ли, Творец радио, подлежит законам ограничения?..

Вспомнил: почему по покойникам правят именно 40 дней службы? А не 30, не 50?

И явился очень простой ответ: Господь 40 дней прожил на земле после воскресения до вознесения, до явления Своего Отцу. А то, что было во Христе, совершается и в членах Его – верующих. И по учению Церковного Предания душа усопших преставляется Престолу Божию в 40-й день... Поэтому и нужно молиться об умерших в эти дни...

Почему же именно 40, а не иначе? Это опять выходит из рамок и меры нашего познания, ибо относится к ИНОМУ миру...

И мне решительно не трудно принимать «тайны»... Даже наоборот... совершенно легко... И единственно умно это... А «рассуждать» – не умнее... Отрицание же просто безумно.

Об этом мы не задумываемся. Но если прочитаем конец Синаксария (сводка сведений о празднике, читаемая, по уставу, после 6-й песни канона), то увидим, что Божия Мать с учениками, воротившись с Елеонской горы, проводили все 40 дней, – до сошествия Святого Духа, – не только в МОЛИТВЕ, НО И В ПОСТЕ... И это так естественно и необходимо, что даже приходится удивляться: как не приходила раньше эта мысль? Ведь готовиться нужно к получению ВЫСОЧАЙШЕЙ БЛАГОДАТИ! А всегда эта подготовка соединяется с усиленной молитвой и «говением» (постом)...

Главное же – нужно бы сохранять хоть пост духовный: воздержание языка, кротость сердца, собранность помыслов, чистоту сердца. Помогите, Господи! – Выпишем это место из Синаксария: «Возвращшеся же апостоли, внидоша в горницу, в нейже беша сошедшеся с мирносоисцами женами и Материю Слова, ПОСТОМ И МОЛИТВАМИ И МОЛЕНИЕМ упражняющеся и НАШЕСТВИЯ ВСЕСВЯТАГО ДУХА ожидающе, якоже бе обещание».

Отчасти это видно и из Святого Писания: *пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога*, говорит евангелист Лука (Лк. 24:53). Все они, – то есть апостолы с Божиею Материю и женами, – *единодушно пребывали в молитве и молении* (Деян. 1:14).

Про пост, правда, не говорится здесь; но сама молитва, да еще «всегда», все время, – несомненно связана с постом... Да и понятно: ждали высшего обетования... Нужно бы и нам хранить воздержание.

Вот мы и кончили свои чувства о Вознесении... Правильно ли мы восприняли праздник? Нам приходила не раз мысль: может быть, это лишь личное, – сообразно моему духовному несовершенству, – восприятие? Даже не одностороннее ли? Может быть... В Священном Писании есть и основание к такому сомнению, ибо сказано: возвратились «с радостью великою», «прославляя» Бога; между тем у нас иногда является иной тон: благоговейная СОБРАННОСТЬ. Почему это?

а) Может быть, оттого, что мы еще не доросли до такого радостного восприятия и нам сподручнее «серьезность»?

б) А может быть, мало духовно готовимся к празднику и не удостаиваемся большего?

в) Но и за полученное – благодарим Бога! И это – выше меры нашей...

г) Однако не сомневаемся, что какова бы ни была «степень» восприятия, всё же это есть не ложное, а истинное восприятие истинного смысла праздника, которое можно назвать двумя словами: НАДЗЕМНАЯ БЛАГОДАТЬ.

Далее перейдем к БОГОСЛУЖЕНИЮ; здесь мы и проверим, правильно ли нами воспринят праздник?

Какое отличие будет в восприятии его Церковью и святыми авторами песнопений?

В заключение же спрашивается: а есть ли какой-либо особый обряд, в который заключилась бы православным народом суть этого праздника? – Внешнего обряда нет особого. Совсем нет...

Значит, Церковь не нашла нужным выделить это. Почему? – Трудно, невозможно понять и как-либо выразить это...

Непостижимо вознесение... А непостижимое как выразишь?

Разве только одно: на Вознесение полагаются БЕЛЫЕ РИЗЫ – знак ухода Господа во свет Небесный, к Отцу, а также и в уподобление ангелам, сошедшим оттуда же «в белой одежде»... Но иногда к этому добавляют меньшие облачения (епитрахиль, поручи) алые, для придания радости празднику и напоминания, что Сын Божий вошел к Отцу с жертвенною Кровию.

Уже почти неделя прошла, а вдруг становится понятной сторона, которая, казалось бы, должна сразу привлечь внимание... Господь возносится, – и ЯВИЛИСЬ АНГЕЛЫ... Стали ЯВНО среди апостолов «в белых одеждах» (и это их выделяло). И это не удивило апостолов: будто так и должно... А они совсем не привыкли к этому; лишь при воскресении, – да и то мироносицам, – являлись ангелы, а те приходили в ужас. Ныне же иное... Отчего? – Оттого, что теперь, при вознесении, при возглавлении всего, – и того и этого мира, – ПОД ОДНИМ ГЛАВОЮ – Царем, едино стадо бысть ангелов и человеков, как поет Церковь. ТЕПЕРЬ СНОВА ВСЕ ВМЕСТЕ. И ЭТО ПОКАЗЫВАЕТСЯ НАГЛЯДНО: вот результат «спасения».

Вот, так привыкнешь к словам, что не обращаешь уже на них внимания... А если бы это пред нашими глазами! Стал отделяться человек от земли... Страх объял бы... Выше, выше... Скрылся за облаком... Трепет! Чтобы понять это, припомним, что и святые «возносились»: преподобная Мария Египетская летела над землей и водой. Или преподобный Серафим: «Идем это мы лугом, трава зеленая, да высокая такая... Оглянулись, глядим, а батюшка-то и идет на аршин ВЫШЕ ЗЕМЛИ, даже не касаясь травы. ПЕРЕПУГАЛИСЬ мы, заплакали и упали ему в ножки» (сообщила Анна Алексеевна и с нею было еще три монахини). А представьте трепет апостолов от самого вознесения! Воистину и славно, «и страшно» ...

Часть II. Голос Церкви

Прочитали мы стихиры, тропари и вообще все службы Вознесению и должны сказать: есть некая разница в СТЕПЕНИ восприятия праздника, но по существу, слава Богу, совершенно правильно душа восприняла благодать сию...

Это меня заставляет задуматься над общим вопросом: ОТКУДА у нас (ведь и другие православные, в том или ином виде, но подобное же чувствуют) такая ВЕРНОСТЬ? Ведь если даже я не помнил решительно ни одной стихиры, кроме тропаря, над которым тоже, в свою очередь, мало задумывался; если и обрядов знаменательных, как, например, на Пасху (или вот придет Троица – зеленые ветки), ныне нет; если даже из прошлого обучения (в школах, включая и академию) не вынесено больше ничего прочного, существенного и ясного о «смысле» и «благодати» праздников, то невольно спрашиваешь себя: ОТКУДА ЖЕ В СЕРДЦЕ ТАКИЕ ЧУВСТВА?

И притом на Пасху – одни, на Благовещение – другие, на Троицу – будут третьи...

И мне приходят такие объяснения сейчас.

1) СОБЫТИЕ праздника нам, конечно, известно еще ИЗ УСТ ОТЦА И МАТЕРИ.

2) А они, получив ПО ПРЕДАНИЮ, умеют передать существенное настроение праздника, сами того не сознавая.

3) В школах лишь усваивается ЗНАНИЕ о событии; следовательно, этому условию нельзя придавать большого значения.

4) Но вот дальше начинается более важный, главный фактор: ДУХОВНЫЙ ОПЫТ религиозной жизни, зажигающий общее горение небесною жизнью, ОЖИВОТВОРЯЕТ ВСЁ, что касается Спасителя, а в частности, и событий Его жизни. И этот опыт (лишь в разной степени) свойствен каждому христианину.

5) Но если спросить: что же именно, так сказать, «оплодотворяет» этот опыт, то мне приходит главный ответ: сама благодать Божия! САМ БОГ ДЕЙСТВУЕТ! САМ ГОСПОДЬ ИИСУС ХРИСТОС ВВОДИТ НАС В СВОЮ ЖИЗНЬ... И каждый

раз ПО-ОСОБОМУ, сообразно тому, как это в Нем Самом происходило.

6) А этому помогает «сродство» Его природы (человеческой) нашей... Да и вообще человек создан «сродным» Богу: «по образу и подобию Божию».

7) Все же это преподается НЕВИДИМО В ЦЕРКВИ и, в частности, в храме, особенно В САМЫЕ ДНИ БОГОСЛУЖЕНИЯ... Здесь тогда всё, – все слова, обряды самого события, а тем более (когда есть) обряды, – «оживают»... В другое время они хоть и те же, но лишены «аромата» и «силы». Например, о Пасхе теперь уже труднее писать по воспоминанию.

Короче сказать: я полагаю, что смысл и БЛАГОДАТЬ ПРАЗДНИКА действительно идут, – как и самое имя это говорит, – ОТ БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ. Или иначе: от духовно-благодатного ОТКРОВЕНИЯ... А Богу достаточно одного слова, наименования праздника, чтобы через эту каплю передать великое благоухание всего богатства благодати...

«Вознесение»... Вот уже – и довольно. Здесь, как в зерне – всё есть. И всё богослужение есть лишь раскрытие этого основного ядра... И что дивного? Если от одной капли духов пахнет от человека на несколько аршин в течение нескольких дней, если одно малое зернышко марганца окрашивает большую воду, то и Господь тем более может воспользоваться самым малым, чтобы рождать в душе нашей целый ряд чувств, мыслей, переживаний.

Конечно, эти переживания – различны в степени, ибо и благодать (это и святые отцы говорят, и опыт показывает) «приспособляется» к состоянию человека, давая сообразно вместимости его. Но это будет уже, – повторяю, – разница в степени, а не в сущности; в многосторонности, а не в качестве.

Даже и отсутствующие в храме переживают в праздник подобные же молящимся чувства. Значит, благодать Божия действует повсюду. Храм же есть главное средоточие... Когда делается тепло на улице, то повсюду становится теплее, и в темных комнатах даже... Но сама благодать, как и тепло, «невидима». Да! И что же из этого? ВСЁ из «того» мира

невидимо, то есть вообще не поддается восприятиям наших чувств. Потому мы и называем «тот» мир, «иным» миром, «сверхъестественным». Но действие его чувствуется...

Так и в этом мире есть подобные вещи; рентгеновские лучи сами невидимы, а человека насквозь просвечивают... Радио незримо, а по всему миру одновременно действует.

8) В заключение о нас, «богословах», можно еще сказать, что многое мы получили из СЛОВА БОЖИЯ, СВЯТЫХ ОТЦОВ, «БОГОСЛОВИЙ». Это отчасти верно. Но всего не объясняет; это всё «мертвый» капитал, лежащий в памяти и почти не затрагивающий сердца, если он остается лишь «знанием». Но вот приходит какой-то момент, когда вдруг «откуда-то» (так именно и чувствуется: НЕИЗВЕСТНО – как и откуда) засияет свет и осветит то или другое слово... Что-то неожиданно «зародится»... Сто раз прежде слышал, и сердце было глухо. А то – «ожило»... Что-то ОТКРЫЛОСЬ... И верую, что это открывает БЛАГОДАТЬ ПРАЗДНИКА.

Когда я стал просматривать службу, то увидел, что элемента РАДОСТИ, – и количественно, а следовательно и в общем «тоне» праздника, – значительно БОЛЬШЕ, чем было в моем лично переживании.

Можно сказать, начиная от тропаря, эти призывы к радости разбросаны повсюду: вознесся еси... радость сотворивый учеником (тропарь)... Но особенно (как и всегда почти) радость увеличивается к концу канона – к 8-й и 9-й песням: Дадим Богу величие, хвалы согласие (гармонию) воскликнем, воспоим, ликуим, руками же восплещим: взыде Бог наш на небеса от земли, ангелом и архангелом поющим Сего, яко Владыку и Творца всех (тропарь 8-й песни 2-го канона)... Приидите, торжествуим (там же).

И этой «радости бесчисленной» Господь наполнил («исполнивый») в Свое вознесение прежде всего ученики (-ов) и рождшую (Богородичен на Господи, воззвах). Ей, Препоблагословенной, особенно подобаше и славою плоти Твоя, премногия насладится радости, ибо Она в страсти Твоей матерски паче всех «болезновала» (Богородичен на литии)... К ним присоединились величающие ангелы: на облацех вземлема

видяще, взываху (тропарь 9-й песни 1-го канона), непрестанно удивляема, воспеваху (тропарь 3-й песни 1-го канона). Но и мы, иже в мире... ангельски торжествуим (то есть будем торжествовать)... взывающе пение: Свят еси, Отче Небесный, Соприсносушный Слове, Свят еси и Душе Всесвятый (1-я стихира на хвалитех)... Все эти три лика: апостолов с Богородицею, ангелов разных чинов, святых людей, – последовательно «величают» Господа на 9-й песни в 1-м каноне Иоанна Монаха, под скромным именем которого скрывается славный песнописец Дамаскин. Творец 2-го канона – господин Иосиф³², то есть «Владыка И.», или «Епископ И.», или «отец И.», приглашает вообще весь мир радоваться: земля празднует (то есть люди) и ликует; радуется и небо, вознесением днесь Творца твари (тропарь 3-й песни 2-го канона). Причину этой радости увидим далее. Этой радости... избранных Твоих, – просит Церковь, – и нас сподоби, – хотя бы молитвами их (то есть учеников и Богородицы), но еще больше великия ради Твоея милости (Богородичен на Господи, воззвах).

Эту радость слышим уже к концу вечерни, ибо в стихире на литии поем: еяже (радости) и мы (уже) причащающиеся, еже на небеса восходом Твоим, Владыко, великую Твою милость, на нас бывшую, славим...

Величай же, душе моя, вознесшагося от земли на небо Христа Жизнодавца (припев на 9-й песни 1-го канона).

И величают на самом деле все: Мир весь празднует, видимый и невидимый: в радости ликуют ангелы и человецы, славословяще непрестанно вознесение (тропарь 4-й песни 2-го канона). Веселие вечное! (там же тропарь 6-й песни).

И только в немногих местах вспоминается о СКОРБИ апостолов, которая кое-где вкраплена маленькими каплями... Она понятна: любимый Господь, Учитель, Утешитель, «Отец», оставляет их. И они просят не оставлять их сиротами... Одну стихирю я уже приводил. Напишу еще и другую, которую Церковь поет уже почти через неделю по Вознесении:

– На облацех яко видеша Тя, взимаема, Господи, мудрии апостоли, рыдающе и сетования (печали) исполнена, вопияху со слезами: не остави сырых, ихже за милосердие возлюбил еси.

Но и это воспоминание о печали апостолов не столько важно Церкви само по себе, – ибо оно еще естественно! – сколько потому, что дает ей основание просить дальше ОБ УТЕШЕНИИ, как цели домостроительства: послы на ны, якоже обещал еси, Всещедре, Пресвятаго Твоего Духа (стихира на Господи, воззвах во вторник 7-й недели по Пасхе).

И Господь отвечает:

– Не оставлю сиры, яже Аз собрах, – Господь другом глаголаше, – но послу вам Духа Святаго (стиховна утрени в субботу 6-й недели по Пасхе).

Впрочем, и Сам Он дает поразительное обещание утешения... О нем вынесу в особую главу.

Вот поистине Божественное обещание Бессмертного!

Подумайте: с вами НАВСЕГДА расстается Любящий и Любимый... Но при этом говорит: «Я – с вами»...

Кто из смертных, – если бы «умирали», то есть в смерти кончали свое бытие совсем, – кто мог бы это сказать? Это было бы или пустою мечтою, или безумным лживым утешением, или даже сознательным обманом.

Но сие немислимо подумать даже о хороших людях... И если сии слова были когда-нибудь, кем-либо в мире, сказаны, то они одни говорят о Божестве Существа Бессмертного, говорившего это: Меня нет с вами, но... Я – с вами... Я уйду, но... не разлучаюсь вас! возношусь от вас, но... никакоже отлучался, а пребывая неотступный (кондак).

Какое всемогущество! Какое вездесущие! Какая вечная связь! Всегда, везде, со всеми!..

Как это? – Не спрашивай, человек! Не говори этого своего «детского»: «как?» и «почему?» Удивительно, дети постоянно спрашивают: «а это почему?»

Вот так и «большие дети», все «ученые» и «переученные» совопросники, постоянно спрашивают: «А КАК?» Из этого и все ереси вышли... Все хотят «открыть» неоткрытое, познавать непознаваемое.

Достаточно того, что это ЕСТЬ...

А что это «воистину и без сомнения» (воистину и «врѣсноту» – по-славянски, по-гречески это слово *ὄντως* –

действительно, собственно, существенно, именно так) есть, о том свидетельствовали нелживые уста Самой Истины, как это передает сам очевидец, слышавший сии Божественные слова из уст Самого Говорившего: *Идите, научите все народы... И се, Я с вами во все дни до скончания века (Мф. 28:19–20)*. Не с одними лишь учениками, апостолами, но и со всеми верующими по слову их (*Ин. 17:20*).

Проникнемся этой мыслью «сердечно»... ГОСПОДЬ И С НАМИ! Если мы только не удаляем Его сами от себя... С нами! Воистину. Реально. Действительно... Вот здесь, неотступно. Всегда... Одно это может наполнить душу великим и совершенно необычайный утешением! Таким, что хочется вот даже... умолкнуть...

И святые это знали опытно... Они жили со Христом, «во Христе» или, точнее: в них жил Христос... Это говорил и апостол Павел о себе, о чем скажу словами святого Григория Нисского о нем: Павел «так живо подражал Ему, что в себе самом явил отображение своего Господа»... «И казалось: уже не Павел жил и говорил, но жил в нем Сам Христос».

Но не только «казалось», а именно так и было, и не по подражанию лишь, а по действительному общению Христа с Павлом: *уже не я живу, но живет во мне Христос (Гал. 2:20)*, – говорит он сам совершенно ясно и определенно. Так обещал Сам Господь еще пред страданиями: *Мы придем к любящему и творящему заповеди и обитель у него сотворим (Ин. 14:23)*. А еще до этого Он говорил о Себе Самом: *кто любит Меня... и Я возлюблю его, и явлюсь ему Сам (ст. 21)*...

Но здесь может разумеется и единичное явление, как, например, было преподобному Серафиму в Великий четверг за литургией; а в предшествующих местах говорится о «неотступном» пребывании, что и обещал Господь при вознесении.

А если Он пребывает «с нами» (Господи! не остави мене! – вопиет Иоанн Златоустый в вечерних 24 молитовках), то это должно бы наполнять сердца наши твердостью надежды, мира, дерзновения на врагов и на немощи, величайшим страхом и трепетом (*Флп. 2:12*), как в присутствии Царя царей, а в конце

концов – непрестанной РАДОСТИ, что и ощущал преподобный Серафим, говоря постоянно о «Сладчайшем Иисусе»...

Молитва Иисусова есть постоянная беседа с Ним Самим, возле и в нас Сущим... Поэтому-то молитву вообще, а Иисусову в особенности, так и любят подвижники: она – жизнь со Христом! И понятно, что становится дорого и действенно и самое уже ИМЯ «ИИСУС»... Отсюда психология и мистика «имяславия»...

Если Он с нами, то кто же против нас осмелится? Так прямо и говорит апостол Павел: *если Бог за нас, кто против нас?* (Рим. 8:31). Потому те же слова, как продолжение вознесенских слов Господа, вошли вместе и в кондак с икосом: Вознеслся еси во славе, Христе Боже наш, никакоже отлучался, но пребывая неотступный и вопия любящим Тя: Аз есмь с вами, и никтоже на вы... И в конце икоса подобное же: Утешив я (их), апостолов Своих, яко Отец, и утвердив я (видите: «утвердив»!), наставив, яко сынов, и рече к ним: не разлучаюся вас; Аз есмь с вами и никтоже на вы (конец икоса почти всегда тождественен с концом кондака)...

Таким образом, если в тропаре говорится о «РАДОСТИ ОБЕТОВАНИЯ» СВЯТОГО ДУХА, ради вознесения, то в кондаке общая мысль – ОБ УТВЕРЖДАЮЩЕЙ РАДОСТИ ОБЕЩАНИЯ И СОБСТВЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ Господа Иисуса Христа. А тропарь и кондак – главные песнопения в празднике. Такими двумя утешениями успокаивал Господь Своих «сирых»...

И невольно вспоминаешь, как многие святые обещали пред своею смертью то же самое сопребывание любящим их и молящимся им... Лучше и нежнее всех сказал, кажется, преподобный Серафим, – и тоже своим «сиротам», – как он называя своих дивеевских монахинь:

«Когда меня не станет, вы ко мне на гробик ходите! Как вам – время, вы и идите, и чем чаще, тем лучше... Всё, что есть у вас на душе, что бы ни случилось с вами, придите ко мне, да всё горе с собой-то и принесите на мой гробик! Припав к земле, как к живому, все и расскажите. И услышу я вас; вся скорбь ваша отлетит и пройдет! Для вас Я ЖИВОЙ ЕСТЬ И БУДУ ВОВЕКИ».

Поразительное, правда, сходство?! Даже в словах... И это так и должно быть; ибо то, что совершилось в Господе – Главе, то должно совершаться и в членах Его, особенно в совершенных, то есть святых, которые «отложили... ветхого человека... и облеклись в нового, созданного по Богу» (см.: Еф. 4:22–24), по образу Создавшего их, где... всё и во всем Христос (Кол. 3:10–11)...

А этот «образ», или «копию» с Оригинала, с Образа – Господа Иисуса Христа, созидает Дух Святый... И в этом уподоблении Христу, – не по правам лишь, а и действительному вселению Его в человека, и заключается цель духовного рождения, доколе не изобразится в вас Христос (Гал. 4:19).

Но и копия со статуи лепится не сразу. Тем более душа. И начинается это с ВЕРЫ. *Да дарует Господь*, – говорит апостол Павел, – *по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши* (Еф. 3:16–17)...

Слава Богу и за это! Сие и творится с крещения: *елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3:27; Рим. 6:3). В сей вере, «во вселение по вере» и крещению, и обнадеемся! *Посему прошу вас не унывать* (Еф. 3:13)...

И я, недостойный, всякую литургию, отнеся Святые Дары с престола на жертвенник, с верою молюсь так (добавляя к служебнику) после слов «Возносите Господа» и прочее: *се Аз с вами есмь, во вся дни, до скончания века... Аминь!* (Мф. 28:20). И затем тотчас: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем* (Лк. 23:42).

Чему же так радуется Церковь на Вознесение?

Конечно, если уж праздник, так подобает радоваться. И в богослужебных песнопениях Вознесения есть к тому основания: я говорю про ТОРЖЕСТВЕННЫЙ, или СЛАВНЫЙ, характер празднования Вознесения. На Пасху был восторженно-ликующий... А ныне величественно-важный... И это так и есть в богослужении.

После радости, – пожалуй, теперь я склонен думать, и даже больше и прежде ее, – внимание и мысль стали

останавливаться на словах о «славе»... И когда станешь их отмечать, то наберется масса цитат...

И когда обьмешь их в одной картине, то совершенно естественно предстанет картина ПОБЕДНОГО ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЦАРЯ СЛАВЫ.

В самом деле, послушайте сначала самые слова: Вознеслся еси во славе, Христе Боже наш, – поет тропарь... И пусть люди больше из него ничего уже не восприняли бы душою, но эти два слова: «вознеслся» и «во славе» – запечатлелись... И сразу чувствуется торжество. Не «веселая благодать» Пасхи, а «величественное» торжество Вознесения... Слышите: «большой колокол».

Или кондак: еще о нас исполнив смотрение... Опять: вознеслся еси во славе... Вознеслся еси во славе, всяческая исполняй... Вознеслся еси во славе на горе масличней (стихиры на стиховне). Постоянно, постоянно одни и те же слова эти. Десятки раз.

Славят все... Возшел еси со славою, яко Бог... И силы небесныя дивляхуся, вопиюще: Слава низхождению Твоему, Спасе! Слава Царствию Твоему! Слава вознесению Твоему! (седален по 1-й кафизме).

Но ангели, предтекуще, апостолом показоваху Сего, идуща на небеса со славою мною. Тому же (они, апостолы), поклонившися, глаголаху: слава Богу Вознесшемуся! (2-й, следующий рядом, седален по 2-й кафизме). Ты и нам, людям, Господи, послал еси Духа Божественнаго, для того чтобы воспевати и славити Твое Божество (стихира на хвалитех и ныне). И в самое вознесение не только прославился Сам, но восходом Твоим вознесл еси, и с Собою нас прославил еси (тропарь 3-й песни 1-го канона).

Но эта мысль еще яснее запечатлется у нас, если мы прислушаемся к тем образам, которыми Церковь хочет выразить это священное торжество (1-й тропарь 9-й песни канона утрени накануне Вознесения)... Но послушаем самые слова: «священное торжество». Вот, может быть, самые подходящие слова для выражения духа «благодати

праздника»... «Торжественная благодать»... А на Пасху была «веселая благодать»...

...Торжество восшествия Царя на Престол... И слова-то царские: внидет Царь славы (6-я стихира на литии)... И это – «Царь славы», «Христос Царь», часто повторяется... «Престол»... «Величество».

Теперь посмотрим на картину «восшествия – вознесения».

Явилось облако. Конечно, это было «облако» особенное, ибо оно было «как бы живо»... Подобно облаку на горе Фаворской. Это облако, подобное облаку над Скинией. Это «облако славы Божией». Значит, с неба на землю спустился Божественный «престол»...

И этот облак подымляше Христа (4-я стихира на литии). А в это время там, на небесах, как бы спешно, готовят уже настоящий Престол: Престол же готовящийся, против (навстречу) облак (облаков), ждущий (там же).

И когда пошел Царь, явилась самая блестящая свита Его... Апостолы еще не могли провожать Его туда, ибо недостойны и неспособны были к тому до собственного обновления... Поэтому и к ним относится предупреждение, сказанное Марии Магдалине, «еще земная мудрствующей» (8-е воскресное Евангелие): *не прикасайся ко Мне... восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, Богу Моему и Богу вашему (Ин. 20:17)*. И они поэтому пока меньше торжествуют и славят, чем ангелы. Они лишь просят: не разлучися нас, Пастырю Добрый, но посли нам Духа Твоего Пресвятаго (6-я стихира на литии).

Зато мир небесный, не падший, вступает в свои обязанности «со славою»... Является великое множество ангелов... А с апостолами остались беседовать лишь два юноши в белых ризах. А целые воинства Сил встретили своего Царя. И сначала они удивились чрезвычайнейшему, небывалому событию... Удивились даже, что их Царь, прежде известный им как бесплотный, теперь – во плоти...

– Дивятся бесплотных чини, смотряюще Тя, Христе, носяща тело земное и, в то же время, вопреки всяким законам – возшедша на облак и к небесныя восходяща (тропарь 4-й песни канона утрени накануне)... Зрят дальше: Он, Сей «Человек»,

поднимается «выше» их (стихира на Господи, воззвах)... И «начальники ангелов», смотря восхождения странное (странность, диво, чудо), сначала недоумевахуся друг ко другу: что видение сие? Человек убо зраком видимый, однако, якоже (как) Бог, превыше небес с плотию восходит (стихира на хвалитех). И, удивленные, начали спрашивать, друг другу вопияху: кто есть Сей?

Они готовы были сначала даже усумниться. Но глаголет к ним – в стихирах не сказано – Кто? – но ясно, что это Сам Отец: Сей есть Державный и Сильный! Сей есть сильный в брани! Сей есть воистинну Царь славы! (стихира на стиховне).

И тогда все сразу меняется... Мгновенно ангелы превращаются в «повинующихся» слуг... И потом, узнав и сами и «видяще своего Владыку» (стихира на Господи, воззвах в пятницу вечера Вознесения), с величайшим торжеством стали встречать «Славы Царя» (тропарь 9-й песни 1-го канона)... Для этого они разделились, – согласно небесному порядку иерархии ангельских чинов, – на ряды – от низших к высшим... И около каждого ряда стояла «застава» для человека падшего, или «врата», как постоянно говорится в стихирах и каноне... Но теперь эти «врата» нужно немедленно убирать с пути Царя... И вот горние силы стали «взывать», передавать друг Другу:

– Врата Царю нашему возмите! (тропарь 5-й песни 1-го канона). «Славы Царю» – путь! «Врата» примите! (удалите) (тропарь 9-й песни там же).

И это передавали «дольния» воинства ангелов и всех бесплотных, с радостью вопияху горним (то есть высшим) силам: возмите врата! (стиховна утрени в пятн. 6-й недели по Пасхе).

Другие же вопили иначе: *возмите, врата, князи ваша* (Пс. 23:7)... Слово «князи» не означает князей – «начальников» ангельских, а верхнюю часть над дверьми^{*****}, то, что зовется на сельском языке: «князек», или «конязек», верхняя перекладина или и вся верхушка ворот... И так как Царь был и славен, и высок силою и величием, то, чтобы не нагнуться бы Ему под воротами, ангелы приказывают друг другу убрать совсем, долой все верхушки, все «князи»... Особенно если

представить, что Царь не идет, как обыкновенный человек, а Он поднят на облаке... Несется выше обычного роста; преграждавшие путь людям ворота были низки для Него!.. И если бы на руках выше голов своих несли и солдаты своего вождя (этот образ взят из древности, а ныне говорится о нем в Херувимской: яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима (на копьях) чинми), а он не проходил бы так в двери, то, чтобы не унижать его опусканием, воодушевленные воины впереди мгновенно разбивают препятствие, ревнуя о славе его больше, чем о цельности здания...

И когда ангелы начали так поднимать Господа, то раздалась отовсюду величайшей силы радостно-торжественные восклицания... Ангелы восклицали «славу». Одни ангелы «текли впереди», другие сзади... Одни провожали, другие присоединялись к ним и сопровождали; совершенно так, как офицеры частей, коих обошел уже вождь, пристают к его свите, всё более увеличивая ее и усиливая клики... Явно, что образ взят с воинской встречи...

А в это время к радостным и славным кликам вдруг присоединились громы литавр, труб, небесной музыки, о которых вместе с восклицаниями у пророка Исаии говорится, что *от гласа восклицających поколебались верхи врат* (Ис. 6:4)... Слушайте эти громы:

– *Взыде Бог в воскликновении! Господь – во гласе трубне!*
И эти слова, взятые из псалма царя Давида (Пс. 46:6), как постоянно повторяющийся запев припеваются каждый день на стихирах стиховных, начиная с самого праздника...

Прокимен пред чтением Евангелия:

– *Взыде Бог в воскликновении! Господь – во гласе трубне!*

На литургии – стих входный с Евангелием, изображающий вход Царя:

– *Взыде Бог в воскликновении! Господь – во гласе трубне!*

После Апостола – чтец гласит пред аллилуиа опять всё тот же стих: *Взыде Бог!*

А к этому как бы прорвался третий вид выражения торжества: плеск руками! Гром рукоплесканий! Потрясающие

воздух крики, трубы, плеск!

У греков и доселе во время проповедей и в храмах аплодируют... А святому Иоанну Златоусту нередко приходилось останавливать восторгавшихся слушателей...

Но эти восторги неба отзываются и на земле торжеством людей. Их приглашает Церковь начальными словами того же псалма (Пс. 46:1):

– *Вси языцы (народы) восплещите руками, воскликните Богу гласом радования...* И этот стих так же равно часто повторяется, как и предыдущий «Взыде Бог»: и на стихирах, и на прокимнах, и в песнопениях... Дадим Богу величие... руками восплещим (тропарь 8-й песни 2-го канона)... Торжествуем... и восплещим руками, радуящиеся (тропарь 9-й песни 2-го канона). Антифоны на литургии только и говорят о восклицании и плескании.

И чем более возвышался Господь, тем более изменялось духовное состояние сопровождавших Его небесных «чинов»... Их прежнее недоумение и сомнение, заменившееся скоро радостью, теперь начинает переходить не только в трепетное удивление, но и в страшный ужас.

Об этом будет сказано далее. Но уже и из написанного видим, какую «славою мноюю» пронизан праздник Вознесения.

И теперь нам ясно, что мы своим сердцем лишь «краем уха» ощущали эту «торжествующую благодать»... Церковь же в своих песнопениях поднялась неизмеримо выше... Слава ей, славящей преславно своего Царя славы! Слава ее «священному торжеству»!

Но для нас велико и даже безмерно велико и меньшее! Если уж сами апостолы не сподобились принять равного участия в славе, как еще не ангелоподобные; если только и их после Пятидесятницы, когда «Дух Святой» «просветил их смысл» и «огненными» «сотворил благодатию» (тропарь 9-й песни 2-го канона); то смеем ли мы на большее?

Впрочем, и сами ангелы вступают уже в состояние страха и ужаса пред Восходящим...

Не только странно, дивно, но и страшно, – вопиет Церковь, – Твое, Жизнодавче... вознесение (тропарь 5-й песни 2-го

канона). И это почувствовали не только апостолы, но и сами ангелы:

– Апостолы, видевшие возвышаема Спаса, с трепетом взываху Царю нашему: слава Тебе (тропарь 5-й песни 1-го канона); «ужасаясь» самому факту «страшному взытия» (седален по 1-й кафизме в понедельник 7-й недели по Пасхе). «Дивится» этому же «странному» «и страшному восхождению Твоему», «Иисусе Всецарю», «ангел множество» (стихира на стиховне в среду 7-й недели по Пасхе)... Значит, еще с самого начала они чувствовали не только радость торжества, но и трепет от славы Бога... Но когда они стали зреть, что Возносящийся поднимается «превыше ангелов» (тропарь 8-й песни 2-го канона) с плотию, – что совершенно было им непостижимо; когда они увидели, что хотя и «обожившаяся», но «плоть» (тропарь 9-й песни 1-го канона) восходит «выше небес» к Самому «бесплотному» Отцу (тропарь 7-й песни 1-го канона); и она наконец возносится и хочет сесть на Престоле Отчем, – тогда силы небесные пришли в великий ужас. И потому на 9-й песни, наряду с запевом «Величай, душе», другой запев говорит об этом ужасе:

– Ангелы, восхождение Владыки зряще, ужасавшася: како со славою взятся от земли на горняя? И это повторяется шесть раз пред тропарями, первый из коих и начинается выражениями удивления и страха.

– О даров паче постижения^{*****} О таинства страшнаго! В другом месте выражено еще сильнее: Небесный безплотных чиновне, чудеси удивляющеся, ужасавшася ужасом и, трепетом содержиши, однако, Твое человеколюбие величаху (и ныне на Господи, воззвах).

...Следовательно, главная причина ужаса состоит даже не в чуде физического вознесения, – хотя и оно дивно, – но в том именно чуде новолепное, что человеческое естество... соединившееся Слову Богу Вседержителю, с Ним на небеса взыде (стихира на стиховне на утрне в пятн. 6-й недели по Пасхе) и воссело «одесную величества» Самого Отца (стиховна праздника).

Эта мысль о «страхе ангелов» после приведенных мест стала нам такою ясною и очевидною, что, придя в церковь на вечерню, я сам вдруг нашел себя в страхе Божием... И побежали одна за другою мысли: Бог! Существо всесовершеннейшее, всевысочайшее... Уж и не умею, как сказать лучше... Всё перед Ним – «ничто», как бы «не сущее»: Он один лишь – «Сущий», как открылся Моисею... Бог – такое всемогущественнейшее Существо, что страх должен охватывать всякого человека, всякое тварное бытие...

Более, сильнее передать словами я не умею... А ясно ощущаю это... Совершенно ясно... Осязательно чувствовал на вечерне...

Ну, чтобы больше понять, прибежим опять к примерам...

Вот только что ныне читали мы житие святого Феодосия Печерского³³. Величайший аскет... «Железный» подвижник... Сначала он обличал князя Святослава, захватившего насилем великокняжеский стол в Киеве у брата Изяслава. Но это не действовало. И он перестал обличать. А потом и вступил в общение с ним... Взаимно посещали они друг друга. Когда однажды преподобный Феодосий пришел к дворцу князя, тот вышел его встречать и сказал (пишу по памяти): если бы родной отец воскрес из мертвых, я не обрадовался бы ему так, как твоему приходу! Но и никого я и не боюсь так, как тебя!

И святитель Николай Мирликийский³⁴ был и милостивый, но – и грозный... И святой Иоасаф Белгородский³⁵ – тоже. И вообще все святые были сверхъестественно благи, но и страшны для грешных и дерзостных людей... Вот это «страшное» – от Божией Силы!

Теперь мы перенесемся мысленно к Самому Богу, пред Которым эти самые святые в страхе пребывают!

Преподобный Сергей³⁶ со страхом встречал Божию Матерь... А преподобный Серафим, когда узрел Господа, то пришел в изумление... И не мог даже сдвинуться с места... Отвели его в алтарь, а он и там стоял еще два часа в изумлении...

Не может видеть человек лице Мое и жив быть! (Исх. 33:20). Святой Григорий Палама различает «сущность» Божию,

непостижимую, от «энергий» Божиих, или «действий», или «славы», открывающейся людям. *Когда будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади* (то есть некий отблеск лишь или как бы «тень»), *а лице Мое не будет видимо* (ст. 22–23)... Это сказано было величайшему ветхозаветному праведнику Моисею, «другу Божию» (ст. 11).

И серафимы «закрывают лица свои» и «ноги свои» крыльями, от страха пред Богом, – говорит пророк Исайя.

...Тогда можно отчасти почувствовать этот страх! Так и поет Церковь на литургийных антифонах: *Господь Вышний – страшен, Царь велий по всей земли!* (Пс. 46:3).

Бог в тяжестех Его знаемь есть (Пс. 47:4) (по-русски: «в жилищах»... Но славянское слово сильнее: в тяжелых, то есть могучих, подавляющих делах познается Бог). И, когда человек поймет это, тогда на него находит тот страх, о коем сказано: *Начало премудрости – страх Божий* (Пс. 110:10). Человек сразу смиряется... В «ничто» превращается...

Вот святые и знали этот страх, особенно в начале своих подвигов... И потому приходили в покаяние, сокрушение, смирение, слезы, подвиги, – искали скорбей, страданий...

Вот откуда ОГРОМНАЯ ПОКАЯННАЯ СТОРОНА СПАСЕНИЯ, так отличающая православие... И хотя у человека есть и надежда на милосердие Божие, но страх Божий остается. Святой Макарий Великий говорит даже об апостолах: они не могли уже погрешать, но все же постоянно пребывали в страхе за себя. Конечно, «страх» новоначальных и «страх» святых различается весьма сильно, но всё же они – одного происхождения...

А если так, то подумаем: какая речь может быть о «своих заслугах» или об «ответной» любви?! Мы снова возвращаемся к вопросу об Искуплении... О Господи! Господи! да всё «наше» – воистину ничтожно пред Божиим страшным величием! Да нам даже дерзнуть «показаться» туда, на небо, со «своим» чем-либо – немыслимо! Спалимся мгновенно от одной такой дерзости!!

ГОСПОДЬ ВЫШНИЙ СТРАШЕН! И только равносильный Сын мог туда вознести нас... Но и Он должен был «присвоить» Себе наше естество, обожив его... Только, только, только – Он!

И все «наше» без Него – нуль! Или даже хуже – отрицательная величина, в суд нам... И лишь что делается *во имя Господа Иисуса Христа* (Кол. 3:17), о чем просят «Отца во имя» Его Сына (Ин. 16:23), – только это, и только поэтому – имеем доступ к Отцу... Иначе Бог и тварь, – да еще и падшая, взбунтовавшаяся, – несравнимы!.. И где уже нам до «своих дел» или «настроений»?!

...И вообще (я ныне это опять почувствовал), люди в высшей степени легкомысленно и неверно представляют себе Господа «добрым»... Конечно, мы знаем: Он бездна любви... Но это – иное! Это я ясно чувствую: думающие и легкомысленно звенящие языками об этом представляют себе «Господа Вышнего» слишком человекообразно, как бы «мягкого характера» человека... Прости меня, Господи, даже за самые эти слова!..

Нет! ГОСПОДЬ ВЕЛИК И СТРАШЕН!.. И это даже – ПЕРВОЕ в Нем! Уже любовь к человеку есть снисхождение к нам. Ведь Он ни в чем не нуждался и не нуждается... И этой стороны «разговорщики» об Искуплении, как об ответном будто бы человеческом возрождении, не чувствуют, по-видимому.

А между тем в этой «СЛАВЕ СТРАШНОЙ И КРЕПКОЙ СИЛЕ» Божией и есть самое главное, самое коренное. И тут НЕТ МЕСТА – НИКАКОЙ ТВАРИ. Здесь только жизнь Трех Ипостасей Святой Троицы! И, когда это поймет человек, тогда, – я думаю, поймет и САМУЮ ВЫСШУЮ ТОЧКУ ПРАЗДНИКА Вознесения... Воистину – «страшного вознесения»... Так слава «торжества» достигла вершины «славы ужаса»...

И когда я (гораздо яснее, больше и полнее, чем пишу здесь) почувствовал это ныне на вечерне, то сразу должен был «стихнуть», смириться... Сразу явилась некая духовная бодрость. Явилось покаянное сокрушение. И даже я почувствовал, что, пишу эти строки, тоже грешу. Помилуй мя, Господи!

Между тем мне тоже нужно бы быть в страхе и трепете... А я, грешный, только чуть обоняю благоухание, истину и пользу сей величайшей основы всего доброго.

Но пора и о сем умолкнуть...

«Трепетная радость»

Однако сей страх, – воистину праведный и правый, – умеряется... Узрим это!..

И у ангелов, – мы видели, – сочетаются оба чувства: и радостного торжества, и страха славы. Но нам ближе – люди, апостолы... Как они себя чувствовали, уходя от горы Елеонской? Про них поется: предсташа же ученицы с радостью трепетны (4-я стихира на литии).

А когда «облак подъят» Христа «от очию учеников», то они были «трепещущими» и «радующимися». Почему? Трепетали «за (вследствие) видение» чуда вознесения, – радовались же «за чаяние Святого Духа» (и ныне, стиховна вечерни в пятницу 6-й недели по Пасхе).

Итак, радовались они за ожидание Святого Духа. Но в другом месте указана, – впрочем отчасти, – и иная причина:

– Взыграшася апостолы, зряще на высоту днесь Зиждителя вземлема, – но, впрочем, немедленно добавляется и объяснение: упованием (в ожидании) Духа; а что касается самого вознесения, то они страхом зовяху: слава восходу Твоему (тропарь 6-й песни канона).

Они еще не могли воспринять «славы Царствия», как ангелы, ибо еще не обновлены были Духом; поэтому пока ждут еще сначала – Его сошествия... И в этой надежде успокаиваются и в радостном – не в веселом, ликующем, а в тихом, но глубоко-радостном настроении, – или в великом утешении, они оставляют Елеон и уходят в земной Иерусалим. Об этом есть две стихиры, – беседа между апостолами и Господом, – где картинно рисуется это умирение... Я вынесу это – в особый отдел.

"Мир всем"

Стихиры выпишу полностью: так они хороши и не нуждаются притом в толковании.

– Ученический лик, Тебя якоже зряще взимаема, глаголаше: Владыко! Како ныне оставляеши рабы Твоя? И камо (куда) идеши, иже рукама содержи концы (всего мира)? Мы же, оставивше вся, Тебе, Богу, последовахом радуящиеся, во веки с Тобою надежду имуще быти. Не остави сирых нас, якоже обещался еси, Спасе наш, Милосерде: Утешителя посли и Спаса душ наших.

На это ответ – в следующей стихире:

– Совершеннейшее подая благословение другом Твоим, Владыко, тайно научил еси их: Зрите, друзи! Иду ко Отцу. Вам же послю иного Утешителя, Вы же сетование все отрините! Не оставлю бо овец, яже собрах. Не забуду, ихже возлюбих. (Вы же) Божественною с высоты оболкшися силою, идите, глаголюще: (то есть проповедуя) во вся языки спасения благовещение (Евангелие) (стихиры на Господи, воззвах, среда 7-й недели по Пасхе).

Очень умирительно! И, успокоенные, они уходят.

Но того же самого мира от «Утешителя Спаса», Духа Святого, и мы просим: весь мир измученный ждет... Он и мы не дерзаем еще вознестись в райские селения, к Престолу Отца, а только ждем мира грешной совести своей, спокойствия скорбящей душе:

– Возшед на небеса... не остави нас (всех уже) сирых, Господи: да приидет Дух Твой, нося мир миру... В этом посольстве и покажи, Господи, сыном человеческим (то есть всем людям) дела силы Твоя, Человеколюбче! (1-я стихира на литии).

Так мало-помалу «ужас славы» или умеряется радостью, или – ради немощи человеческой – еще не вполне ощущается, или постепенно заменяется более понятными и посильными чувствами тихой радости сдержанной, в ожидании Духа Святого. И такое настроение уже близко подходит и к нашей малой мере. Но благодарю Господа, что, хоть малым краем ока, удалось взглянуть и в «ужас славы»!..

Но только что хотели бы мы с учениками уйти в этой мирной, радующей надежде утешения, вдруг являются ангелы и объясняют сначала причину восхода: Он – Бог; Сей, Иже от вас

отыде, есть Иисус Человек Бог, Тот же Самый, уже как Бог Человек паки приидет, Судия живых и мертвых (5-я стихира на литии). И приидет, – говорят ангелы, – со славою судити всем (тропарь 9-й песни утрени накануне праздника).

Суд со славою!..

Но подождем, не будем думать сразу о себе, о суде над нами: это недостойно чад, хотя бы и грешных, не похвально это и для воинов, хотя бы и провинившихся пред царем. Приличнее забыть о себе, а подумать опять О НЕМ. «Да святится имя Твое», это всегда – первое прошение. А уж о прощении грехов – в конце молитвы, Господом данной. Она – образец...

Остановлюсь снова на «славе»: так она преимуществует над всем в празднике Вознесения.

Если человек искренно и глубоко верует, то его главная молитва – О СЛАВЕ БОЖИЕЙ! Его главнейшая задача – всё в жизни *творить во славу Божию* (1Кор. 10:31). И тогда – НЕ ГРЕШИТЬ необходимо РАДИ СЛАВЫ БОЖИЕЙ: *не оскорбляйте Святаго Духа* (Еф. 4:30); да не хулится Имя Божие (ср.: Рим. 2:24)... Уже не говорю о степени любви, когда любящий хвалит, славословит любимого, и в этом находит сладость жизни и себе...

Но «славу» нужно понимать в настоящем религиозном смысле. Это не хвала равного равному. Это не есть дар, подарок. Ибо что мы, нищие, можем дать Всеблаженному? Это – не легкомысленное, при равнодушии сердца, славословие уст! Это не «веселое» восхваление птички... Нет, нет...

Кто нами хвалим? – Бог! Всевысочайшее Существо. Кто хвалит? – Человек, да еще и грешный, – «с нечистыми устами», – как говорит даже святой пророк Исайя про себя (Ис. 6:5).

И пусть теперь мы искуплены. Но чем? – *Драгоценною кровию* Его же Сына (1Пет. 1:19).

И конечно, должно славить Его... Только славить... За всё славить... За самые наказания надо славить, ибо и они – не только плод Его Праведности (а правда ли не достохвальна?), но еще и милосердную снисхождения. *За всё благодарите!* – говорит апостол (1Фес. 5:18).

Но – КАК славить? С каким духом? С ТРЕПЕТОМ бы нужно!.. Если бы только мы были чутки... Это совсем не мучительный ужас. Боже сохрани! А лишь высший вид славы... И пред царем нельзя стоять, «слегка» собравшись. Наоборот, чем трепетнее, тем ему бы угоднее... Как «раб» стой!

Если я скажу: «благоговейно», – и этого мало... Это слово – очень мирно для истинной славы Бога! Лучше послушайте Писание.

*Работайте****** *Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом,* – поем мы постоянно на всенощной (на «Блажен муж»). Но дальнейший стих еще сильнее говорит: *почтите Сына, чтобы Он не прогневался и чтобы вам не погибнуть в пути* (Пс. 2:11–12)...*****

Или на полиелее: *Хвалите имя Господне, хвалите рабы Господа* (Пс. 134:1). *Я познал, что велик Господь!.. Господь творит всё, что хочет* (ст. 5–6). И далее перечисляются Его дела. Какие же? Творит грозу с молниями огня при воде туч; поразил врагов; истребил царей; отдал землю Своему народу. Но будет еще и судить народ Свой; впрочем, над рабами Своими умиласердится (ст. 7–14)...

Так псалмопевцу приходят ГРОЗНЫЕ образы для выражения им ощущений славы Божией... И это ближе к истине...

А апостол Павел повелевает всю жизнь так же проводить: *со страхом и трепетом совершайте свое спасение; потому что Бог производит в вас и хотение, и действие, по Своему благоволению* (Флп. 2:12–13). И если, – говорит он же, – если сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисея по причине славы лица его (2Кор. 3:7), то что же нужно сказать нам о славословии Господа?!

В этой славе должен быть трепет... а в трепете – радость. Я давно обращал внимание на странное сочетание слов в молитвах – страх и веселье.

– *Да возвеселится сердце мое бояться имени Твоего,* – говорит псалмопевец (Пс. 85:11). И в первой же «тайной» молитве, – которую читает священник в начале церковного дня, то есть на вечерне, говорится: *Возвесели сердца наша, во еже*

(чтобы) бояться имени Твоего Святого: зане (потому что) велий еси Ты и Творяй чудеса, Ты еси Бог един... Силен в милости, благ в крепости!.. И во второй молитве читаем: Сподоби нас любить и бояться Тебе от всего сердца нашего и творити во всех (во всем) волю Твою.

Но чего же больше, если псалмопевец сам молит у Господа о даре страха: *Утверди сердце мое в страхе имени Твоего* (Пс. 85:11).

О, если бы мы имели этот Божественный страх! Мы бы совсем иначе жили... Иначе говорили... Иначе помышляли... Иначе к людям относились... Иначе на себя бы смотрели... Иначе к Богу относились... Иначе и молились бы... Может быть, и те же слова читали – но и с иным духом говорили бы их...

И вот – примеры... Мы видим, как прежде всего ПОСТОЯННО, непрерывно СЛАВИТ ГОСПОДА ЦЕРКОВЬ...

Благословен Бог... Слава Святей... Троице... Слава Тебе, Господи, слава Тебе... Слава Тебе, показавшему нам Свет... Слава Отцу и Сыну и Святому Духу... Яко подобает Тебе слава, честь и поклонение... Яко Твоя держава... А сколько раз повторяется еврейское Аллилуиа – «слава Господу»?! Но и в Новом Завете Сам Господь научил начинать молитву Свою прославлением имени Божия: *да святится* (да славится; Мф. 6:9) *имя Твое*, и заканчивает славословием: *яко Твое есть Царство* (и величие и вседержительство над всем), *и сила, и слава* (ст. 13).

Поистине, можно сказать, «славою» переплетено всё богослужение! Но мы ныне отмечаем характер этой славы: БЛАГОГОВЕЙНО-ТРЕПЕТНЫЙ, собирающий душу нашу.

...И теперь возвратимся и к «славе суда»... В «своих» мыслях я не сразу усвоил связь славы вознесения с предсказанием ангелов о суде последнем... Теперь, после вникания в богослужение (какое здесь богатство!), больше понял... Нужно установиться в основной мысли праздника – славе... Уже теперь мне хочется назвать нынешнюю благодать «СЛАВНОЮ БЛАГОДАТЬЮ»...

Впрочем, предшествовавшие определения ее: «надземная» благодать, «торжественная» благодать, даже «страшная»

благодать, – если угодно, – входят все в это более широкое понятие «славной» благодати. Ныне с Вознесения уже НАЧАЛОСЬ «ЦАРСТВО СЛАВЫ»...

Было райское царствование... Потом «держава диавола» (Евр. 2:14; Мф. 4:8–9; Ин. 12:31, 14:30, 16:11; Еф. 6:11–12). Затем наступило «Царство благодати» – это с Пятидесятницы до конца мировой истории. А затем наступит «Царство славы»... «Новый Иерусалим» (Апок. 21). Но в Господе Иисусе Христе это Царственно-Славное величие (по человечеству) уже наступило ныне, на Вознесение... Оно открылось при Крещении, когда Он был «помазан» Духом Святым на начало служения... Потом проявилось на Фаворской горе, во время Преображения (Царствие Божие, пришедшее в силе – Мк. 9:1, а у Мф.: Сын Человеческий, грядущий во Царствии Своем, – Мф. 16:28).

Но это лишь временно «при-открылось» оно... А на вознесении заблистало во всей силе во Христе – Прославленном... «Блистающий Христос». «Нетления благолепие» (красота)... Но до вознесения эта слава во Христе была еще не «всюду», так сказать... Она была в мире сем... Ее не было в самом препрославленном месте: на Престоле Пресвятой Троицы... Она была еще во Христе одном; но не коснулась еще людей, – темных, нечистых, униженных, рабов, – рабов и диавола, и своих страстей... А по вознесении оно (скоро) дается всем... И даже миру тварному, неодушевленному – в зачатке...

Но на Вознесение «Человек Бог» прославился до крайнего предела: Он (с человечеством) – на Престоле славы!.. И отныне этим ОТКРЫЛОСЬ НАЧАЛО ВСЕОБЩЕГО ЦАРСТВА СЛАВЫ.

...И даже дерзаю думать, что сами апостолы не усваивали еще всего величия совершившегося... Не только потому, что они спрашивают Господа о «Царствии Израильском» на земле^{*****} (Деян. 1:6), не разумея ничтожества своих мечтаний по сравнению с тою славою, которая была уже скрыта в Воскресшем Христе. Он и им ее, даже по воскресении, не всю обнаруживал, а прикрывал (они еще не могли воспринимать ее вполне, она имеет открыться при вознесении к Отцу, в Царство славы... Но это же усматривается даже и из

самого поведения их, как пред смертью Господа, так и при вознесении Его.

...Перед страданиями они, – естественно, конечно, – скорбят... Иду к Пославшему Меня... От этого печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел... Как будто мать с детьми разговаривает и убеждает их... Они и были еще дети... Да и все люди (кроме святых) дети: только или хорошие, или злые... Если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пошлю Его к вам (Ин. 16:5–7).

Но они еще «не могли вместить» много (Мф. 19:12). Он, Дух Святой, и «прославит Меня» (Ин. 16:14), то есть и на земле начнет созидание Царства славы, «Царства Христова», ибо это и значит – прославить Христа, совершить то дело, ради коего Он и приходил на землю (Флп. 2:9–11).

...Но они не понимали, хотя и заявили, будто теперь им всё ясно: «притчами не говоришь», «прямо (то есть ясно) говоришь». Но Господь обличил их вопросом: «теперь ли веруете?» и понимаете? (Ин. 17:29–31). Нет! И воскресения не понимали (Ин. 20:9)...

И даже для воскресения, ОЧЕВИДНОГО события – воскресения, потребовалось Ему «отверзть им ум к уразумению Писаний», да и то лишь о том, что «надлежало», необходимо нужно было, пострадать Христу и воскреснуть (Лк. 24:45–46)...

После воскресения Он в течение 40 дней говорил им именно «о Царствии Божиим» (Деян. 1:3). Но не усвоили они этого вполне. Иначе не спрашивали бы о царстве еврейском («Израиелевом») (ст. 6). Господь их упрекает: не ваше дело! (ст. 7); и возвращает мысль опять к «Духу Святому» (ст. 8).

Но когда они были и при самом вознесении, то ЧЕМ они живут? – Любовью ко Христу!

По-видимому будто и хорошо это? Да; но это еще «человечество» в них говорит... Это «детство» христианское: дети постоянно держатся возле матери. Об этом «личном» деле разлуки с Любимым они и грустят...

– Не остави НАС сиротами!

Они всё никак еще не могут отрешиться от себя самих... И Церковь влагает в уста их такие «человеческие» мотивы: «А мы всё оставили! А мы пошли за Тобою! Думали с Тобою жить навеки. Но пошли Утешителя нам» – опять все просят «Утешителя» в их скорбях.

А Господь, утешив их (все же – люди!), обращает их мысль в иную опять сторону: проповедуйте Евангелие Царствия, «благовещение спасения». Распространяйте Мое Царство! И Дух Святой вам нужен не столько для личного утешения, сколько для дела проповеди. Об этом они, – по церковному песнопению, – и просят в других местах богослужения.

– Посли нам Духа Твоего Пресвятаго, наставляюща и утверждающа (дающего твердость, силу), и просвещающа, и освящающа души наша (6-я стихира на литии), или «Духа – Спаса нашего» и всего мира... Но это уже Церковь влагает им.

Итак, они еще не разумели Царства славы Христовой... Этому должен был «наставить» их «Дух Истины» (Ин. 16:13)...

Апостолы и при вознесении еще не вполне отрешились от человеческих воззрений на Господа своего... Три с половиной года жил с ними как «Сын Человеческий»... Привыкли... А Он не человек есть, а Бог – вочеловечивыйся.

Вот этого – БОГ – апостолы еще не могли вместить. Возносится любимый Учитель... Мессия Израилев... И понадобились ангелы, чтобы исправить их воззрение: СРАЗУ И РЕШИТЕЛЬНО.

...Теперь представим такой пример: мы считаем кого-либо близким... И вдруг нам объявляют, что он совсем не то, что мы думаем, а царь... но и царь не только снисходительный, а посланный всех судить...

Они просят об утешении их, а им объявлено, что «Сей» УЖЕ СУДИЯ ВСЕЛЕННОЙ... И хотя Господь и Сам раньше говорил об этом не раз (Ин. 5:22–30, 8:16, 12:48; Мф. 10:32–33), и даже им самим обещал судить «двенадцать колен» (Мф. 19:28), но им все еще было трудно воспринять эти дела дивного будущего.

У них должны были перемениться мысли... Он не «Утешитель», а «Судия», не «Сын Человеческий», а Бог, Царь

славы...

Так речи о суде Страшном не только связаны с сущностью праздника – славою, а являются ВЫСШИМ ЗАВЕРШЕНИЕМ этой славы. Он – Судия всех и Бог всемогущий (стихира по Евангелии).

Ибо что может быть выше положения Царя Небесного? Что страшнее – последнего, Крайнего Судии всей вселенной?.. НАВЕКИ Он будет определять участь всех: верным даруя прощение грехов и велию милость (5-я стихира на литии). Так и воспевают Церковь на вознесение много раз: Сей, егоже видесте, Той паки приидет со славою судити всей вселенной и отдати комуждо по делом его (и ныне, стиховна утрени в субботу 6-й недели по Пасхе)...

В другой стихире эти два события, – вознесение и суд, – ставятся в связь. Выпишу целиком эту лучшую о сем стихиру (седален по 3-й песни канона).

– Всед на облаки небесныя, оставив мир сущим на земли, возшел и сел еси одесную Отца, яко Единосущей Сему Сый и Духу... Темже (поэтому, именно ради прославления при вознесении и седении с Отцом и Духом) чаеши совершения конец, судити грядый на землю миру всему.

«СОВЕРШЕНИЯ КОНЕЦ»... Это можно понять в указанном смысле: «верх» или «ЗАВЕРШЕНИЕ СЛАВЫ», что совершится в величайшей степени при конце мира. А можно объяснить и в смысле ожидания завершения («чем кончится?») дело Его ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА, ИСКУПИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ и всего спасения человечества.

Апостол Павел дает основание к пониманию во втором смысле.

...Сын действует до Страшного суда. А затем – конец (то же самое слово, что и в песнопении), когда Он предаст Царство Богу и Отцу... Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои. Последний же враг истребится – смерть... Тогда и Сам Сын покорится Покорившему всё Ему, да будет Бог всё во всём (1Кор. 15:24–29). Но и оба эти смысла соединимы: Сын ждет: 1) завершения

Своего дела домостроительства спасения; 2) и тогда придет во славе, как Судия, что есть высшее завершение славы Его.

И придет Он «также», в том же «человеческом образе», как «Сын Человеческий»... Почему? – Чтобы человек судить по человеческим силам; чтобы никто не мог сказать, будто это выше меры человеческой... Он Сам – «Сын Человеческий», и, однако же, всё преодолел... Все искушения победил – от яслей, пустыни с дьявольскими предложениями до распятия на Голгофе, богооставленности и до ада!

«Человек некоторым образом, – говорит святой Григорий Нисский, – в Богочеловеке Христе сам себе будет Судьей»... Но это же дает основание надеяться и на милосердие не только потому, что Сын Человеческий знает хорошо человеческие немощи, ибо и «Сам искушен был» (Евр. 2:18); но и потому, что мы через воплощение и страдания Его за нас и по благодати «сражающего» Духа стали Ему «своими» «членами».

И, однако же, суд будет праведным, не только потому, что немыслима во Христе неправда, но и потому, что Он не Человек, а САМ БОГ, САМ ИСТИНА... И придет уже «со славою», – не так, как было в унижении при воплощении, а «также, со славою, как возносился»... Да и не может уже иначе: ибо отныне Он – в прославленном состоянии, как Богочеловек; и измениться не может: Он – «непреложен».

Много лет тому назад я видел сон... Совершенно ясно на небе явился образ Господа Иисуса Христа, – вполтела... Одежда обычная, как на иконах: красное с синим (жертва Голгофская от земли – красное; сошествие и восшествие на небо – синее). Изображена – как рисуют на прекрасных старинных русских иконах... А я их дотоле, кажется, нигде и не видел... Но главное в том, что Господь смотрел на меня страшно грозно!.. Невероятно страшно! И у меня мгновенно явилась мысль:

СТРАШНЫЙ СУД!

Ну так ясно, так отчетливо я видел Его, что если бы был художник, мог нарисовать... И сейчас еще немного представляю... И этим тогда Господь мне грозно указывал, что я

должен думать о «последнем дне»... Что должен жить благочестиво, иначе грозит несомненная вечная гибель.

...Обещает Он «быть» с нами, но не спасать непосредственно. А спасает через Духа Своего. Впрочем, и пребывает Он тоже через Духа. И лишь в особых случаях (как святому Серафиму Саровскому или мученикам) является и Сам... Почему это? – Мне пришли такие богословские мысли (благослови их, Господи!).

а) По вознесении состояние Бога Слова столь славно, что даже и высокие святые не могут выдержать безопасно для себя... «Царь славы», «Бог славы». Это тем более непереносимо для человечества...

б) Между «тварным» человечеством и «надмирным» Богом не может быть непосредственного общения («Не прикасайся!»). Дух же Святой, – и то не как третья Ипостась Троицы непосредственно, а Силою Своею (энергией), или Благодатью, – является посредствующим Деятелем спасения.

в) Особенно до тех пор, пока и они, подобно Сыну Божию, не «обоготворятся»... Поэтому святые уже сподобляются зрению Бога. Святой Стефан (Деян. 7:55–56) и Павел неоднократно... Для них уже наступило еще здесь Царство славы. Поэтому они «прославлены» и Богом, и людьми.

г) А мы еще все в Царстве благодати, лечащей нас, духовно больных, и спасающей.

д) Католическое, а также и выросшее из него протестантское учение о «дорогом Христе» несравненно поверхностнее и «человечнее», чем православие.

Как отнеслись святые апостолы к этой вести ангелов о суде, неясно в песнопениях... Не сказано ничего и в Деяниях... В нескольких местах богослужения напоминает об этом объявлении Небесных Глашатаев, но ни слова о настроении апостолов... Однако можно сделать вывод, что они приняли наставление ангелов об этом суде, как доказательство Божества Спасителя Господа.

– Кто есть Сей, глаголаху, красный (то есть славный, великолепный) муж? Не думайте, апостолы, о Нем больше по-человечески... То всё уже кончилось теперь... И именно

теперь... Он не человек точию, а Бог же и Человек, совокупленно и являемо (то есть вместе, одновременно, и явно, очевидно, несомненно, или, как в другом месте, «предъявленно», то есть пред очами явно, очевидно) (5-я стихира на литии). И эту мысль апостолы восприняли... Но слова о суде их не уstraшили. Ибо они были обнадежены и благословением, и обещанием Господа быть с ними до века, и ниспосланием Духа Святого, и посольством спасать других... Поэтому Церковь говорит лишь об их умирности и «радости» великой (Лк. 24:52).

Да! Они были блаженны! Для них вознесение стало лишь переходной ступенью к лучшей и более славной и радостной Пятидесятнице... Но не так воспринимает эти слова Церковь от лица людей... Апостолы – уже спасающие и, следовательно, спасенные. А мы – еще спасающиеся только. И неизвестно, каков будет конец наш. Но так как за каждым из нас много грехов, то люди, в ответ на ангельское страшное сообщение СУДА миру всему, обращаются с молитвой: Правосуде, Господи! Пощади души наша, прегрешений оставление даруя, яко Бог Милостив рабом Твоим (седален по 3-й песни канона).

Пощади!.. Вот какой непраздничный вопль ворвался в «праздник славы»... Но он совершенно необходим. Нельзя нам, подобно апостолам, как бы не услышать предупреждающего голоса нелгущих ангелов, вестников Божиих...

И мы слушаем... И скажу больше: именно это подходит под то настроение, какое я описывал (см. раздел «Мои мысли»): слава Вознесшегося собирает душу нашу... А что может быть сильнее для этого, как не голос о Страшном суде?!

Так «тон» праздника для нас еще более ослабевает в восприятии радости и славы, но зато «обогащается» столь нужным для нас, – для нашего же будущего прославления, – сознанием «нищеты». Страх «славы Божией» приобретает приращение, в страхе ожидания «страшного ответа»... навеки.

...И невольно задумаешься над вопросом – уже О СЕБЕ.

Может быть, мы припомним, что в других двенадцатых праздниках обычно почти ничего не бывает о нас, ничего не ждётся от нас?!

Так это и естественно. Ибо праздник есть слава Прославляемого Господа (или Богоматери, или святых). И о них и нужно думать, их хвалить. А о себе лучше забывать...

О себе мы вспомним в будни... А их много... Куда больше праздников! Поплачем в посты... Покаемся на говениях... Будем углубляться на псалмах. Вздохнем при пении стихир и тропарей Октоиха... Целый год он поется (кроме Великого поста и Пятидесятницы). Особенно умилительны и сокрушенны дни – понедельник и вторник во всех гласах. И еще более жалобны каноны Божией Матери на повечериях...

Есть время... Много времени для покаяния и «своих» подвигов. А праздники – для празднования!..

Да и не главное ведь «наши» все эти дела... Главное – в Нем, Спасителе...

– *Я буду состязаться с противниками твоими и сыновей твоих Я спасу*, – говорит Господь (Ис. 49:25).

Но все же должно сказать, что на Вознесение Церковь дает несколько элементов «нашей» духовной жизни, нашего подвига немного больше, чем в другие праздники Господни. Все же их в общем немного...

Не часто, – почти всего раза три, – Церковь, вспоминая о горе Елеонской, приглашает нас восходить с апостолами духовно «на горы добродетели» (вся жизнь, все заповеди представляются в виде первой «добродетели» – стиховна утрени понедельника 7-й недели по Пасхе). Но особенно это оттеняет икос (после 6-й песни). Переведу его по-русски, ибо славянский язык витиеват:

«Мы, оставив на земле то, что земле принадлежит, и уступивши (без спора) праху то, что превратится в пепел огненный (при Страшном суде все это сгорит), приидите (ныне), воспрянем (вместо того, чтобы ползать по земле); на высоту (небесную) возведем очи и мысли; устремим туда взоры и чувства; мы, смертные, (подумаем) о небесных вратах, представим себя на Масличной (Елеонской) горе, и будем взирать на Избавляющего, ожидая дорогих даров»... Но тоже «даров»... Вот и всё «от нас» самих...

А к этому нужно еще добавить обращения к Посреднице... Просим молитв Матери перед Сыном, столь Славным и Страшным, отныне Царем:

– Моли непрестанно, Чистая (Ты-то Сама – воистину Чистая, посему молись уже за нас), Произшедшего от ложесн Твоих избавиться прелести диаволи поющим Тя, Матерь Божию (Богородичен 3-й песни 1-го канона). Смерти рождши Разрушителя, Единого Бессмертного Бога, Дево Мати Всечистая! Того присно умоли умерщвляющия моя страсти уморити и спасти мя (то же 2-го канона).

Вот и все места... Как видим, их мало... Да и нельзя особенно омрачать праздник ими. Достойно о сем вспомнить, ибо в сем «спасение» и будет потом проявляться «дело силы», «слава Царя»... Но ныне нужно Его славить Самого.

Да! Так! Но ведь от мысли о суде не отретишься! Да и самая слава вознесения побуждает смотреть туда же, на небо, на «горняя». И не забыть того, что Он всё уже с Своей стороны сделал... А что мы? Что с нами будет? ...Дел-то нет... Да и что они пред Его славой? И кажется, будто «славный» праздник грозит омрачиться печальными мыслями «обетования». Но апостолы сетовали от любви, а мы – от грехов...

Где найти утешение? Вопрос стоит самый великий и ответственный: О СПАСЕНИИ... Он пришел «спасти»... И вот уже ушел, сделав Свое... Что нам остается? Где опора нашей немощи? Где надежда ненадеющимся на себя? Как удалить «сетование» законное? Чем рассеять «несветлое» облако малодушия и скорби? В чем наше утешение? Кто успокоит нас? Неужели только и осталось нам одно слово: «пощади»? – Ведь дел-то тоже нет... Тогда и праздник обратится в печаль...

...Нет, не так мрачно, душе моя! Не темный ныне день... Не может этого быть... Церковь так радуется... Так славит... Апостолы возвращаются с великою радостью, как бы уже купившие – через залог пока – прекрасное имение с драгоценной Жемчужиной (Мф. 13:45–46; Апок. 21:21)... И нас Церковь с самого начала так звала радоваться!

Неужели же уйдем с вечера голодными? С торжества – печальными? Со славы – унылыми? С богатства – нищими?

Да не будет! И быть не может... Ибо есть надежда и для ненадежных...

...Ныне читал и канон на утрени... И вообще снова воспринимал праздник. Сегодня день отдания Вознесения... И почувствовал, что нужно и можно иметь надежду, и надежду утешительную, радующую, ободряющую...

Вот как это пережилось у меня.

а) Я вспомнил свои рассуждения, что апостолы «О СЕБЕ» думали... Пусть это и правда... Но Господь-то всё же не отверг их просьбы, принял сочувственно жалобы на сиротство (пред страданиями). Не стал говорить только возвышенные истины, но снизошел к их немощи и любезно утешал, обещая послать им Утешителя.

Так и мы... Хоть и знаем, как бы нужно действовать, но – немощны... Нужно смириться... И Господь примет и наши (пусть личные, пусть не высокие) скорби: Он – Многомилостивый... Он – Любовь...

Он – Спас наш... Можно идти к Нему со своими даже детскими слезками и нуждишками. И в простоте просить... А Он уже сделает что нужно.

б) Далее... Как бы то ни было, но БОГОСЛУЖЕНИЕ праздника призывает к РАДОСТИ и торжествующему СЛОВОСЛОВИЮ. Следовательно, такое настроение даже (не только возможно) и законно должно...

Если же и напоминает о суде, и «ужасе славы», то не для того, чтобы подавить, а лишь углубить чувства величия и торжества. А если и хочет привнести «трепет» (как действительно и вносит), то лишь как дополнительный, привходящий элемент, а не как главный тон... Основа всё же должна оставаться славно-торжественная, праздничная.

...И Господь дал мне ныне почувствовать (всегда, когда молимся, ощущаем что-либо), что Он действительно милостив! Он – Спас наш... Поэтому, прочитав предыдущие главы о славе, суде, «страшном вознесении», не придем в смущение и уныние! Наоборот, воспользуемся и этим на спасение... Как именно?

Для ответа я скажу о пережитом третьем состоянии.

в) Читая благодарственные, после причащения, молитвы, я остановился на словах:

– ВСЕГО мя спригвозди СТРАХУ Твоему! (3-я молитва). И эти слова повторил трижды... Потом соотнес их к чувствам на Вознесение и пришел к выводу: это согласно «со славою»... Но только не нужно и славу забывать, и торжество чувствовать. Нужно сочетать славу и страх Божий с надеждой.

Помоги нам, Господи!

г) Наконец, скажу, что позднейшие чувства на праздник всё же не могут сравниться с теми, которые переживаются в день праздника... Поэтому описанные в начале мои переживания, – более светлые, – нужно принять и за более верные; тем более что они ближе к общему тону богослужения, гораздо более радостно-торжественные. Вообще, постараемся из всего вышеизложенного вывести общее «славное» праздничное настроение...

Если апостолы ушли «с радостью» от Елеона, в ожидании Святого Духа, то и нам нужно уйти подобно же. И это возможно... К этому мы возвратимся опять... Не найдем ли подтверждения этого в богослужении?

Вот сначала не всё увидишь, а потом присмотришься – и отыскиваешь бриллианты... Только ныне я нашел это, особенно в трипеснях повечерия, которые полагаются почти каждый день в праздники Пасхи, Вознесения и Троицы; почему самая книга тоже, как и Постная, называется Цветною Триодью, а «цветною» потому, что начинается с недели «Ваий», или, по-древнеславянскому, «Цветов», у сербов и доселе – «Цвети»... И притом время весны, цветов.

– Возсия ясный и всесветлый день Владыки Божественного на небеса восхождения, просвещающий всяческая (стиховна утрени в пятницу Вознесения)... Какое дивное место!

Я в своих чувствах ощущал это же самое: «белое – легкое». Это и есть символ духовного «ясного и светлого» вознесения... Это поется уже на вечерне в день самого Вознесения, когда день действительно уже «просиял» и люди торжествовали.

Почему «светлый»? – Не только в смысле радости, но и по своим **ДЕЙСТВИЯМ** в мире. Ныне Христос «все мое естество

ОСВЕТЛИЛ» (4-я песнь трипеснца четверга 7-й недели по Пасхе). Ныне такая и «благодать» дана.

...Вот я и нашел то слово, которое всё искал: какая благодать Вознесенская?

Господь «отъемлет» (удаляет) мрачную тень, «сеновное»^{*****}, Ветхого Завета и благодати светлость дарует. Вот СВЕТЛАЯ БЛАГОДАТЬ – есть благодать Вознесенская (8-я песнь трипеснца пятницы 7-й недели по Пасхе).

И так должно быть не потому лишь, что «черность безбожия» языческого (Богородичен 9-й песни 2-го канона Вознесению), как и «тьнь» евреев (серость, примрачность, ибо иудеи были светлее язычников), сень ветхозаветная, заменились истинною верою и «просвещением» (крещение называется «просвещением») благодати, но и по более глубокому смыслу. А именно.

ЭТОТ «СВЕТ» ЕСТЬ ЛИШЬ ОТСВЕТ ОТ ИСТИННОГО СВЕТА ТРОИЧНОГО. Бог часто в Святом Писании называется «Светом»... Подвижники видели «свет неизреченный»... Сам Господь, Богоматерь и святые являлись в чрезвычайном свете, от которого солнце затмевалось. Преподобный Серафим в беседе с Мотовиловым точно так же просиял.

– Что же вы не смотрите на меня? – спросил он.

– Я не могу, батюшка, смотреть, – ответил Мотовилов, – потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца. И у меня глаза ломит от боли.

– Не устрашайтесь, ваше боголюбие; и вы теперь также светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божьего: иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть!

Затем он сказал, что помолился Богу внутренне о том, чтобы Он показал Себя, «благоволил явиться в свете великолепной славы» Своей.

– Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь милость Свою. Это – благодать Божия!

– Что же, батюшка, не смотрите мне в глаза? – спросил опять Серафим.

«Я взглянул, – рассказывает Мотовилов, – и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца... лицо человека, с вами разговаривающего... Вы не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только ОДИН СВЕТ ослепительный, простирающийся далеко... кругом и озаряющий ярким блеском своим снежную пелену».

Дальше описывается чувство радости, тишины, тепла, благоухания...

...Вот это «озарение» и есть Вознесенская «слава». Этою славою, «яко солнце», прославятся праведники в Царстве Небесном, хотя на них уже и теперь сияет сей Божественный свет... Поэтому они и пишутся с светлым кругом около головы («нимбом»).

А этот свет есть – свет от Света, Самого Бога... Теперь-то мы и понимаем, почему в Вознесенском богослужении довольно часто употребляется это слово.

Господь Иисус Христос есть «светлый свет» (7-я песнь 2-го канона), Свет от Света (Отца) воссиявший ныне всех спящих просвети(-л) (Богородичен 9-й песни 2-го канона). Но самое главное дело вознесения, что сей «Свет» – Христос ныне восходит к Безначальносветлому Отцу (8-я песнь трипеснца понедельника 7-й недели по Пасхе). ЭТО – ТОРЖЕСТВО САМОГО ТРОИЧНОГО СВЕТА.

Потому-то и ангелы являются в белоснежных одеждах: белоносцы ангелы апостолом представа (8-я песнь трипеснца субботы 6-й недели по Пасхе).

...Видите, сколько «света»! Но уже довольно! Только хочется сделать некоторое различие в этом именно отношении Пасхи и Вознесения. Ведь там тоже «светлое»... Там лишь – «Заря», начало света... А ныне полное его сияние во Христе, «день»... Ибо тогда Он еще не «восшел ко Отцу Своему» – ныне восходит и всецело прославляется! Поэтому на Пасху цвет зари – красный свет. На Вознесение облачения белые, цвет дня – БЕЛЫЙ СВЕТ.

Поэтому и служба там – ночью, здесь – непременно днем... И воскрес Господь ночью, а вознесся днем... Это совсем не случайно! И думаю, что праздник Вознесения славнее даже

Воскресения, по полноте славы Господа... Но он – еще выше человеческого разума и потому не открывается нам так ясно... Воскресение понятнее. А на Западе даже Воскресение меркнет уже в душах, и они чтут больше Рождество Христово и Страстную пятницу, чем Пасху...

И к такому соображению основание дает мне и Слово Божие... Когда некоторые ученики и все иудеи «соблазнились» откровением Господа Спасителя о таинстве Тела и Крови, то Он сказал им: *это ли соблазняет вас?* Затем, желая указать на гораздо более дивное чудо, Он ссылается не на воскресение, а именно на вознесение. – *Что же будете делать вы, если увидите Сына Человеческого, восходящего туда, где был прежде?* (Ин. 6:61–62).

...Но помимо этого здесь есть глубочайшая связь между вознесением и причащением. В Евхаристии хлеб и вино превращаются в Тело и Кровь... Хотя всё это должно понимать не грубо-физически, а духовно-таинственно (но действительно), однако здесь есть «родство» между сими элементами: и хлеб, и тело – одного естества...

Но вот гораздо важнее, что это наше земное тело, – сначала во Христе, а после и во всех членах Его – святых, – САМО ОБОЖЕСТВИТСЯ! «Сядет на Престоле Отчем»... Это выше, славнее, дивнее, непостижимее! Но и тут, и там – ОБОЖЕНИЕ ТВАРНОГО БЫТИЯ: здесь – хлеба, превращающегося во Христово Тело, а там – тела обоготворяемого... Разница лишь в степени...

Ныне день отдания! Господь видимо дарует благодать откровения.

И закончу еще одним соображением. На Тайной вечере Господь сказал, что уже не будет пить с учениками от плода лозного до Царствия Божия... Почему? – Не только потому, что умрет и уйдет от них. Этого недостаточно. Ведь после воскресения Он с двумя учениками, шедшими в Эммаус, стал «преломлять хлеб» (Лк. 24:30). И был узан ими в этот именно момент... И исчез... Сам не вкушал... Почему же?

Ибо Он Сам уже был Тем Пресущественным Хлебом и Кровью по воскресении... И потому Ему вкушать «самого Себя»

невозможно было. Ведь Тело и Кровь в таинстве причащения, – как знаем и веруем, – Те же Самые, что и в Самом Христе...

Но в таком случае, почему и как Он может вкушать «в Царстве Отца Моего», то есть по кончине святых людей и вселении их в рай, а по конце мира – и всех праведных, – как с ними будет причащаться?

...Думаю так: в Царстве Небесном будет «НОВОЕ ВИНО» (Мф. 26:29)... То есть совершенно ОСОБОЕ общение с Господом, хотя и «общение» это, «приобщение» со святыми, «причащение» будет истинное.

Что это будет, не дерзаю объяснять... Благодать ли Божия? «Духовное» ли (ср.: 1Кор. 15:44), или что иное? Ведь в раю есть и свои цветы, и яблоки и прочее. Но всё «новое»...

Однако для этого нужно уподобиться Богу, прославиться, как святые... А всем усопшим даруется «Небесное причащение», когда за них вынимаются частицы на литургии и напаяются Кровию... По силе единства Христа во славе на небе, и Того же Христа в таинстве, – усопшие имеют там тоже приобщение... Но довольно... Сие для меня уже дерзновенно...

Вот какой «светлый» ныне день... Всячески – светлый... И в Пресвятой Троице – Свет... И во Христе вознесшемся – Свет... И ангелы светоносны. И облако светлое. И день светлый... И обещана та же светлая благодать апостолам. И человеческому роду апостолы передадут ее. И тьма нечестия, диавола и греха заменится светом святости. И мрак печали – светом радости. Светится Небо. И земля просветится.

Воистину – светлый день! Светлейший!

...А в заключение приведу слова богослужебных песнопений и, в частности – о различии Пасхи и Вознесения.

– Разрушися ад погребением! И востание (воскресение) человеком даровася воскресением Твоим! И озарися земля и небесная вознесением Твоим, Христе (9-я песнь трипеснца субботы 6-й недели по Пасхе).

На Пасху же Солнце из гроба красно, воссияв Владыка, якоже светоносныя лучи вселенней всей вас распосла(-л) апостолы, светящия и мглу отгоняющия (9-я песнь трипеснца четверга 7-й недели по Пасхе).

Поэтому-то Он и посылает их проповедовать по всей вселенной не в воскресение Свое: там дана иная благодать ТЬМУ УДАЛЯТЬ: прощать ГРЕХИ (Ин. 20:22–23); а именно при вознесении: *шедше научите* (просветите учением) *вся языки, крестяще их* («просветите» благодатью таинства крещения) *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28:19)... День вознесения для Христа Спасителя был днем «Троицы», ибо Он восшел ко Отцу и Духу, как Единый с Ними существом. Апостолы же ждут Пятидесятницы, своей «Троицы».

Надеемся на сие просвещение и мы... И уже потому, что мы крещены, потому, что в исповеди отгоняем тьму ночи греха, а в приобщении получаем залог будущей жизни, как и читаем:

– Да будет мне причащение... во освящение души и жизнь вечную...

Но всё сие мы получили лишь после того и потому, что нам это даровано ради «Спаса нашего»... Это всё – плоды всего дела Христова, закончившегося вознесением на небо. Я уже писал, что сербы удивительно верно называют этот праздник – «Спасов дан» (день Спаса)...

И когда я стал смотреть песнопения, то почти так же часто, как «слава», встречается и слово «Спас», «спасать».

Спаситель твой приходит, – говорит пророк Исайя (2-я паримия). Спасителю Богу... поим: яко прославися, – так начинается канон (1-й ирмос)... И в других ирмосах то же слово: спасительное Твое вознесение (3-й ирмос). Господи, спаси ны (5-й ирмос), – из кита Иона просит; и спасе мя десница Твоя, Господи (6-й ирмос). В печи огненной песнословцы спасый отроки (7-й ирмос).

Да и другое слово: «ИЗБАВИТЕЛЬ МИРА» означает то же самое. А оно в главной песни – тропаре – заключается. Не говорю уже об общем смысле всех стихир.

Почему так вопиет Церковь? – Потому, что ныне завершается «спасение мира». Наш Икупитель, Обновитель, ныне восходит к Отцу, чтобы уже спасти нас.

– О всех совершив спасение, на гору пришел еси (стихира на Господи, возвах в среду 7-й недели по Пасхе). Ныне предсказания пророков конец яве прияша: Владыка восходит со

славою в небесная (тропарь 1-й песни канона предпразднства). Ты, Господи, таинство, еже от веков сокровенное и от родов (людей), исполнив... пришел... на гору Елеонскую (стихира на литии и ныне).

Итак, ныне конец домостроительству, совершенному Господом для спасения мира... Ныне последний день Спасителя на земле... Ныне последнее заключительное слово Его. Ныне всё заканчивается. Он уходит обратно к Отцу, возвращаясь «в покой» (трипеснец)... Как Бог Отец, создав мир, «упокоился», так, «воссоздав» падший мир, Сын Божий возвращается, «где был прежде» в блаженстве Святой Троицы. Но сие – по человечеству, ибо, как Бог, не оставляет недр Ее...

А мы знаем, что у святых «их» днем называется обычно день перехода в иную жизнь, день так называемой «смерти», когда совершается и канонизация: то и другое есть прославление... Ныне Христос Спаситель «уходит к Отцу» и прославляется на Престоле Его... Поэтому данный день – по преимуществу – Его, «Спасов день»... И пока – Его одного, ибо ученики оставлены... А Он вознесся и прославился.

Но так как Он вознесся не для Себя, а для спасения мира, то это не день «Сына Божия» (поэтому у сербов Рождество называется «Божичем»; Божич – это «Сын Бога», как мы говорим: «И. Иванович»). Конец мира будет называться днем Его же, но «Сына Человеческого».

Ныне – Его день, но именно как день Спасителя мира.

Почему же Он спасает? Как может спасти?.. Не будем пока углубляться в подробности, а остановимся на самом главном, самом важном, самом сильном, самом высочайшем...

...Послушайте: Кто же нас, – грешных, немощных, бессильных, страстных, рабов диавола, – спасает?

САМ БОГ... СЫН БОЖИЙ!

Ну неужели и Он не может спасти? Этого невозможно и допустить! Он ли не всемогущий? Да Он Сам не только «Посредник», но и «Приемлющий». Он Посредник, как «Един Сый Святыя Троицы». Поэтому Он не нуждается ни в каких еще посредниках (Гал. 3:20). Когда в Нем, «Едином Боге», и Посредник и Судия, – то всё разрешено! Бог, один Бог может

спасти! И эту истину Божества Христа и доказывает самое вознесение Его и указание на Суд.

– Сей есть Иисус Человек Бог (5-я стихира на литии). Твою обожившуюся плоть зряще, Христе, на высоте ангелы, друг ко другу глаголаху: воистинну Сей есть Бог наш (2-й тропарь 9-й песни 1-го канона). «Царь наш».

То же говорят и люди: воспоим, ликуим: ...взыде Бог наш на небеса от земли (2-й тропарь 8-й песни 2-го канона).

...А если же наше спасение взял на Себя Сам Бог, Сын Божий, то как нам не положиться на Него?! Как не упокоиться?! Как не отдаться в волю Его?!

В самом деле: Он же только для этого и приходил и восшел, чтобы спасать... *Я пришел, – свидетельствует Он Сам, – на этот раз не судить мир, но спасти мир (Ин. 12:47); и именно спасти погибшее (Мф. 18:11), души спасать (Лк. 9:56), а не губить, «грешников спасти, а не праведников» (Мф. 9:13; Мк. 2:17; Лк. 5:32), «больных, а не здоровых» (Лк. 5:31)...*

Как же не радоваться при слышании даже одного этого имени – «Спаситель Бог», с чего и начинается канон?!

Как же не уходить апостолам с великою радостью, когда они знают теперь «предъявленное, что обещание об освящающем, спасающем Духе дал Сам Сын Божий, Избавитель мира» (конец тропаря)?!

Иногда на сердце начнется (почему бы то ни было) скорбь или страшливые думы о будущем, – не только о сей жизни, но и будущей, вечной... А как вспомнишь и «сердцем узришь», что «Сам Бог» приходил спасти, и сейчас спасает, – тотчас водворяется тишина! Вот ныне читал за трапезой о мучениях святой Ирины. И подумал о своих скорбях: а если Бог пошлет в искупление грехов?! Страшно стало! Но тотчас же пришла мысль:

БОГ... допустит (если допустит)...

Если Он допустит, то Он знает, что делает.

Он и поможет... Всё будет прекрасно!

Слава Тебе, Господи!

И если мы вслушаемся в язык всего мира, – какое упование на Бога! – «С Богом!» (прощаемся мы). «Слава Богу!» («Как

поживаете?»). «Воля Божия!» (в горе).

...Но, кроме этого, еще утешает и самое слово: «наш».

«Бог НАШ». «Царь НАШ». Я уже писал об этом в «своих мыслях». А далее объяснится, почему Он – «наш».

...Но если спасает нас Сам Бог, то это, наполнив душу надеждою, что еще дает? Успокоенная, утешенная, обрадованная душа легче ЛЮБИТ И ДЕЛАЕТ ДОБРО, И СМИРЯЕТСЯ.

Я это много раз испытывал... Например, после хорошей исповеди, когда почувствуешь прощающую любовь Божию к тебе, то так хочется быть хорошим за эту именно Его любовь: так размягчается сердце, что все кажутся хорошими! «Все кажутся приятелями», – говорил мне кадет после причащения. И хочется им сделать добро... Святые, живя постоянно в атмосфере любви Божией, потому-то и любвеобильны, а к грехам снисходительны, как святой Серафим в своем наставлении об исповеди отцу Василию Садовскому... И ангелы – существа вседобрейшие и кротчайшие, говорит отец Иоанн Кронштадтский... И про Моисея Слово Божие говорит: *Моисей был человек кротчайший из всех людей на земле (Чис. 12:3)*. И поэтому, когда его обидели упреками родные брат и сестра, за него заступился Сам Господь! Эта глава такая умилительная и глубокомысленная.

...Потому-то и по-настоящему ЛЮБИТЬ ВРАГОВ могут лишь смиренные, кроткие, знающие любовь Божию...

Помоги и нам, Господи, недостойным, Своею благодатию... Нам это – трудно! И лишь издали, как зачинающуюся зарю, видишь свет этой любви Божией... Ему же Единому слава!

А теперь уже перейдем к вопросу следующему: КАК ЖЕ И ПОЧЕМУ Он спас?

...Сначала бы я припомнил одно прекрасное место из творений святого Григория Нисского: «Если кто хочет понять непостижимое или хотя бы трудно понимаемое, тому достаточно было бы сказать, что страждущие НЕ ПРЕДПИСЫВАЮТ своим врачам ОБРАЗА ДЕЙСТВОВАНИЯ И НЕ СПОРЯТ с своими благодетелями о способе врачевания... напротив, взирая на

благодетельное последствие, с благодарностью ПРИЕМЛЮТ ПОСОБИЕ».

Мудрые мысли!..

Посему, если бы мы и нисколько не понимали, каким способом Спас спас нас, – право, это маловажно; лишь бы – на Него уповать, Его заповеди исполнять! И одно знать прежде всего, что ВОИСТИНУ ОН СПАСИТЕЛЬ НАШ.

А прежде чем перейти далее к поставленному вопросу, я запишу (чтобы не забыть) пришедшие новые мысли и наблюдения, и одно искушение. Если бы я остановился на этом в объяснении праздника Вознесения, то всё существенное было бы уже сказано. Дальше пойдет уже менее важное дело – БЛАГОВЕСТВОВАНИЕ: как? для чего? Но ведь огромное количество людей даже и не задумывается над этими мыслями, а в простоте истинной, сердечной веры уповают на Спасителя, прибегают к Нему и в вере, и в молитвах, и таинствах, и борьбе со грехом, и в скорбях, и при благодеяниях; и таким образом спасают в Нем свои души.

Одно лишь все знают, что Он – Спаситель. Веруют в Него, как в «распятого же за ны... и страдавша, и погребенна, и воскресшаго... и восшедшаго на небеса». И одно только делают, что с верою «приемлют пособие» – в немощах своих.

А еще одну молитву и одну тайну знают: о ней особо.

Вот эта, всем известная, молитва... Даже язычники ее знали... И приходила она мне на память ныне, в связи с мыслями о вознесении Спаса.

...Чем более «вдумываешься сердцем», – это есть и мысль, а больше – ощущение, или восприятие, открывающихся «вещей», – в истину спасения нас Самим Богом (а не в ложную мысль о мнимом «самоспасенстве»), тем яснее начинаешь чувствовать: а) действительную беспомощность нашу. «Ее», этой «нашей (не)-мощи» (даже грустно-смешно становится, как подумаешь об этом, – «мощь»? Увы!), даже боишься! Куда уж там!.. Но б) главное – начинаешь ощущать страшную ответственность свою... Страх Божий помалу входит в душу... В самом деле...

...САМ БОГ приходил ради нас, ничтожных, злобных, гордецов, страстных... Притом пришел, когда мы Его ненавидели: ибо грехи есть борьба против Бога, презрение к Нему, ненависть практическая, но корни ее были в сердце. А потом и распяли... И иудеи, и язычники распяли. Каиафа и Пилат... Еврейский народ и воины римские. Все виноваты: *весь мир... виновен пред Богом (Рим. 3:19). Все согрешили* (ст. 23)... Не только в дохристианский период и в распятии Христа, но и теперь... Как так? Не нужно думать, что это сделали «отцы»...

Даже если бы и «отцы» (по языческому нашему происхождению), – и тогда: мы-то ведь от отцов произошли – они в нас «живут», а мы в них уже тогда «жили», как «возможность», лежащая в недрах их.

...Да, если бы и мы были иудеями и воинами, – не говорю уже каиафами и пилатами, – и жили тогда, то большой вопрос (и скорее всего не в нашу пользу разрешающийся): не сделали ли бы и мы того же на их месте? Очень вероятно! А и еще подумать: за всеобщие грехи страдал Господь... И за наши... Значит, и мы виноваты (в возможности, в будущем) были тогда.

Да и сейчас, впрочем, творя грех, мы не иное что делаем, как восстаем против Господа, «оскорбляем» «Духа Божия». И своего Главу, – «второе распинаем Христа» (Евр. 6:6). Это есть тоже нелюбовь к Нему...

Следовательно, как же мы все виноваты! И какая связь между людьми всех времен!

И вот за таких пришел Господь еще и страдать! И хотя мы не всегда сознаем эту вину в распятии Сына Божия, но это несомненно так!

Значит, в грехах наших прародителей и мы виноваты... В них (предках) мы делаем... А в нас – наши родители... Доведите их до Христа (допустим)... И вот какие-то наши предки или «родственники» распяли Его... Дальние, очень, очень дальние – но родственники. «Мои» родственники... «Мы», и я, следовательно...

Это и Господь сказал евреям: *вы говорите: если бы мы были в дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков. Таким образом, вы сами против*

себя свидетельствуете, что вы – сыновья тех, которые избили пророков. Дополняйте же меру отцов ваших! (Мф. 23:30–33).

...Итак, ЗА НАС ПОСТРАДАЛ Господь, Бог во плоти. Но Он же и СПАС НАС... Бог... БОГ СПАСАЕТ.

Какая страшная, хотя прежде всего – радующая, «счастливая», «благовестническая», «Евангельская» истина!

И страх Божий находит... И должен находить при этом... Я уже не раз говорил об этом и ранее. Но всё еще почему-то хочется говорить: видно, связано с Вознесением...

А далее?.. Если мы не «возьмем» того, что дано нам, даже не воспользуемся «готовым спасением», устроенным Сыном Божиим, то какой же ответственности мы заслуживаем?! И какие же мы неисправимые! Тогда чего же дальше от нас ждать? Не второй же раз «распинаться» за нас Христу?! «Мы» и второе распятие устроили бы, а потом легко забыли... Мир сейчас забывает свое мировое, против Бога, преступление Голгофы... И о Распятии равнодушно, беспечно забыл...

Иной раз читаешь в житиях святых: мучитель повесит на крестах христиан, а сам со свитою, – говорится в описаниях, – пошел обедать, ибо время было для обеда... И за яствами и питьями забывают о висящих в нестерпимых муках!

Европейский мир «обедает»... А за «спиной» – страдания... И кому какое дело до них? Разве вот воспользоваться событиями да разделить оставшийся «хитон» – имущество чужое?.. О люди, люди! Всегда одинаковы!..

И, конечно, остается одно для безнадежно «к добру и злу постыдно равнодушных»: СТРАШНЫЙ СУД и вечная уже мука... Ибо исправиться не могли и не смогут; не хотели и не захотят!

...Да, со *страхом и трепетом* надо бы жить (Флп. 2:12)...

Так истина СПАСЕНИЯ БОГОМ вызывает страх Божий. И тогда невольно от души говорится: О Господи, помилуй!.. Господи, Господи! помилуй!

«Помилуй»... «Милуют» преступников. Милует Судия Благий... И Бог пришел миловать... Не пренебрежем же, люди, Его милостью! Что может быть дерзостнее этого?! Воспользуемся милостью...

Иначе ведь погибнем... А теперь мы, христиане, прежде духовно «нагие», «оделись» Им... «Облеклись в Него» (Гал. 3:27; Рим. 6:1–6)... «Облеклись»... Как в холод одеваются в одежду, так и мы «оделись Христом». Именно – данною Им благодатию Духа (Рим. 8:1–11).

...Вот и это, милостию Божиею, ныне пришлось восчувствовать, «понять» («принять» в душу)...

Благодать Христова нас защищает не только от злых сил диавола; а они – страшные, невероятно могучие! Он мог бы «мир взорвать»; – такая мысль в житии святой преподобномученицы Евдокии! Это так и есть; но и дают (что еще важнее) возможность входить в соприкосновение с «Богом Сил»... Поэтому пред Евхаристией и поется: Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф! Исполнь небо и земля славы Твоя! Осанна в вышних!» Но так как нам это страшно и непосильно, то мы обращаемся к Посреднику – Сыну Твоему, Тобою же, Отче, данному. «Верующий в Него не погибнет!» А Он – Сын Твой «предал Себя за жизнь мира» (тайная молитва, читаемая священником). А нам уставил это таинство «в воспоминание» и в продолжение Своей жертвы... Далее совершается Евхаристия... А после нее на ектении: Человеколюбец Бог наш (Бог Отец) прием я во святой... жертвенник... возниспослет нам Божественную благодать и дар Святаго Духа...

Вот только теперь, соединение веры и причастие Святаго Духа испросивше, мы и можем спокойно сами себе и друг друга («верующих», ибо ектения эта говорится в «литургии верных», когда не только оглашенные, но даже кающиеся грешники из христиан удалялись) Христу Богу предадим.

Так благодать Святаго Духа «передает» нас Христу Богу. А с Ним уже, как Единородным Сыном, и мы, Ему «переданные», «присвоенные», «братья», «сыны по благодати», по добровольному «усыновлению» Богу Отцу, можем (да и то с молитвою) «сподобиться» со дерзновением уже смети призывати Тебе, Небеснаго Бога Отца и глаголати: Отче наш!

А после этого взывания можно уже и войти в Чертог славы: причаститься Святых Таин, «при-общиться» к жизни Пресвятой Троицы...

Всюду «одевает» нас «благодать»! Поэтому и последний возглас пред «Святая святым» (приобщением) начинается и продолжается словами о «щедротах», о «человеколюбии» и «благодати» (1-е слово) Единородного Сына Твоего, с Нимже и Ты, Отче, по единству в Троице, благословен еси, со Пресвятым и Благим, и Животворящим Твоим Духом.

Поэтому-то и важно всё творить во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Вот сказал человек (с верою) эти слова, и в них уже есть Сила Божия! Через них Пресвятая Троица открывает доступ к Себе... Через призывание Имени... Так важно «имяславие»!.. Всё освящается призыванием имени Божия, и именно – Пресвятой Троицы... Или крестным знамением, то есть силою Божиею, ради Христа Распятого.

...Поэтому-то христиане и любят призывать имя Божие... Поэтому и крестятся... Поэтому и непрестанную молитву творят подвижники... Поэтому и Иисусову молитву возлюбили благодатные люди...

...И стремятся во всем житии – не отогнать сей благодати... Не лишиться Ее, хотя бы за осуждение, за нелюбовь, за холодность души, за гордость, за лень... Особенно за холодность и гордость... Это исключает благодать: сам-то просишь и живешь благодатию, а другим не даешь? «Да он (кто-нибудь), думается, плохой, грешный! Он – трудный. Его тяжело любить и быть теплым к нему! Или смиряться перед ним!» Верно... Верно... Трудно нам, грешным, любить грешников. Невероятно трудно! Поставь нас возле рая – мы бы и туда не пускали никого, кроме себя и «своих». Так мне не раз приходилось думать о нашей «злости» и «самоистовности». Но подумай и иное: а ты-то хорош ли? а тебя-то Бог возлюбил разве за добродетели?! Да тебя тоже очень трудно любить Богу... До «кровавого пота» трудно Ему... И однако же, может... Распнулся... И теперь прощает, прощает, милует... Без конца милует... Оглянись на прошлую жизнь! Не заслуживал ли ты вместо помилования наказания? А ты еще живешь... Да еще и куда лучше многих... Ты еще по временам благодумствуешь. Ты безотказно и теперь «помилование» получаешь в

исповеди... «Допускаешься» к причащению... Не выбрасываешься за двери, как тот «друг», но только «не в брачной одежде» (Мф. 22:12).

Да, ты (все мы!) живешь прежде всего и больше всего, – в корне, в основном, и даже в неведомых «благодетелях, на нас бывших» (из молитвы во время «Достойно и праведно»), – БЛАГОДАТИЮ... Ты одет в нее, как в новое «тело» над душою и телом... Твой дух (высшая часть человеческого «полного», «во всей полноте» существа, – по учению апостола Павла (1Фес. 5:23; Евр. 4:12) и святых отцов), – прежде холодный, как железо остывшее, уподобившийся в этом телу, ныне благодатию Святого Духа согрет, очищен и, сам уподобившись Огню Вечному, может уже, в силу именно этой благодати, бесстрашно, *со дерзновением входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым* (Евр. 10:19–22). Как раз именно в этой 10-й главе послания к Евреям и делаются выводы из «спасения нас Богом Христом» и о страхе, и о святом житии, о приятии креста, о хранении веры... Кто попирает Сына Божия... и Духа благодати оскорбляет... тому *страшно впасть в руки Бога Живаго* (ст. 29–31). Так всё живо и понятно! То есть делаются выводы из «Жертвы».

Так совмещаются и «дерзновение» (ст. 19), и «внимательность» (ст. 24) со «страхом» (ст. 31) – из учения о благодатном, о «даровом», незаслуженном спасении...

Поэтому старец Оптинский, батюшка отец Нектарий, и учил меня однажды (а он прозорливый и святой старец):

– Просите у Господа БЛАГОДАТИ.

– Как это? – спросил я, не разумея еще сего опытом... Слова его для меня казались точно пустыми... Не к чему им было закрепиться в душе моей неопытной...

– Да так просто и просите: «Господи! даруй мне благодать Твою!» И вот, – продолжил он, – на вас грядет беда... Вы же просите благодать у Бога. И Господь, как грозовую тучу, отведет от вас ту беду, пронесет мимо! – И батюшка даже показал правую ручкою и повел ею кругом себя слева направо!

– Господи! Даруй же нам благодать Твою!

– Господи! пошли благодать Твою в помощь мне – да прославлю Имя Твое Святое (вечерняя молитва Златоуста).

Поэтому Церковь так постоянно в ектениях и взывает в конце всяческих прошений:

– Заступи, спаси, помилуй и сохрани (и покрый) нас, Боже, Твоею благодатию! «Заступи» – обступи, стань впереди меня!

Человек! Защищайся непрестанно Христовою Благодатию!

Так мы вплотную подошли к празднику Святой Троицы, к ниспосланию Святого Духа... Так к этому довел праздник Вознесения с отдаением его. Это всё не надуманно, а естественно переживалось душою и последовательно упражнялось и раскрывалось... И для этого потребовалось десять дней промежутка между праздниками, чтобы «вжиться» в «обетование» Христово; чтобы постепенно «оторваться» от несовершенного воззрения на Спасителя Бога; чтобы «войти в себя» самого и почувствовать действительную нужду в благодати Духа; чтобы в страхе и благоговении, посте и молитвах более достойно подготовиться к сему Огненному Крещению.

И мы чувствуем теперь, что Господь Иисус Христос как бы уходит... А нас подвел к «Своему» Духу Утешителю, вместо Себя: «иному Утешителю» (Ин. 14:16, 15:26).

По этому поводу мне хочется припомнить предание, только на днях слышанное мною.

– По верованию народа, – говорил мне некто, – Господь Иисус Христос все эти 40 дней ходит по земле. А в Вознесение оставляет нас... Но когда я вспоминаю при этом его слова: «Я – с вами во все дни», то это меня утешает. Легче делается. Он, значит, всегда с нами!

А я ему сказал:

– Знаете, в этой народной вере, пожалуй, есть глубокий истинный смысл: праздники ведь не простое воспитательное имеют значение, а ВВЕДЕНИЕ НАС В ЖИЗНЬ ПРАЗДНУЕМОГО СОБЫТИЯ... Следовательно, это есть событие и для нас... И потому если мы празднуем воскресение или вознесение, то это переживается нами действительно. Как Христос по воскресении

являлся «откуда-то» таинственно ученикам, так же делает Он теперь с нами.

И так как их нужно было учить 40 дней, то Господь такой же срок и так же учит и нас... Мы ведь тоже Его ученики. И еще более нуждаемся в воспитании действительно, а не по «воспоминанию» лишь. И это время Господь действительно «ходит по земле». А с Пятидесятницы Он уже остается «с нами во вся дни», но уже не непосредственно, а чрез... иного Утешителя, Духа Святого.

Почему же не Сам? – Я уже отчасти это объяснял разностью славы Его с нашей «нищетою». Но есть и другое, Божественное, основание к сему. Не дерзаем объяснять (ибо сие абсолютно непостижимо), но знаем и из Писания, и из святых отцов, что между Лицами Пресвятой Троицы есть различие по действию Их. И именно: Святому Духу принадлежит власть освящать, почему Его имя первое «Святой» – совершать, животворить...

Отец «Словом», то есть Сыном Божиим, сотворил мир, но «Дух Божий», Третья Ипостась, «носился над» неустроенною, хаотическою «бездной» (по-русски: «водою», – жидкостью, в которой было смешано всё) (Быт. 1:1; Ин. 1:3).

...Так учат Писание и святые отцы и о спасении человека: Бог Отец благоволил («изволил») спасти; Сын Божий сделал, «сотворил», «создал» спасение; Дух Святой «устраивает», приводит в действие, исполнение, осуществление, или «совершает», «довершает»^{*****}.

«Представляй себе Отца как Причину Предначинательную (προκαταρκτικήν), Сына – как причину Зиждительную (δημιουργικήν), Духа – как причину совершительную (τελειωτικήν)... Впрочем, начало одно (то есть Отец), – зиждущее Сыном и совершающее Духом». – Так говорит святой Василий Великий.

Так же поет и Церковь на Вознесение:

– Седите, ждущие верою, дónдеже приидет к вам Божественный Утешитель от вышних: даров всем независтный Источник. Сей вас научит всему, яко Преблагий (9-я песнь трипеснца во вторник 7-й недели по Пасхе).

...Итак, Дух Святой называется Источником даров: от Него низводится всё, Им даруется всё, Им «совершается» спасение... А в спасении всюду только ДАРЫ (в крещении, исповеди, причащении и т.д.). Об этом учит и святой апостол Павел (в 12 гл. Первого послания к Коринфянам). Даже уверовать-то во Христа как Господа, – то есть начать свое спасение, – невозможно иначе, как только Духом Святым (ст. 3). Поэтому после первой молитвы во Имя Отца и Сына и Святого Духа, – дальнейшая: Царю Небесный, – о чем и просим на всенощной под Троицын день.

Наконец мне остается припомнить еще одно богослужбное «событие»... Между отданием Вознесения (в пятницу) и Троицею есть промежуточный день – суббота, в которую совершается поминание всех усопших.

ПОМИНАЛЬНАЯ СУББОТА...

Почему это здесь вставлено? И почему нет даже ни одного дня предпразднства к Пятидесятнице? А казалось бы, эту субботу и можно посвятить сему... Не находится ли это в связи с мыслью О СТРАШНОМ СУДЕ, о коем предупреждали на Вознесение ангелы?

...А над усопшими предварительный суд уже совершился. И остается за них лишь молиться и добро творить. Но это и нам, живым, наглядно напоминают и углубляют слова ангельские: не забывают и вы о своей кончине и суде...

Во всяком случае, для сердца и ума не получилось неожиданности... Душа после праздника уже спустилась к «себе», к спасению, к ответу, смерти, суду, вечности, мукам, раю... Но мы еще живы, можем еще спастись... А усопшие?..

Это – первая мысль... Это связано с прошлым.

А вторая – связана с будущим днем.

Завтра мы будем вспоминать, праздновать, ожидать, просить, удостаиваться получать Благодать Святого Духа... Это мы – живые... И с понедельника начнется уже ДЕЙСТВИЕ над нами, в нас, с нами Святого Духа – в созидание спасения... И весь год мы будем заняты уже «собой», «живыми»...

Тогда уже – больше до себя, а не до других... Работа – на всю жизнь... На весь год... Но ведь у нас есть братья. Они тоже

нуждались в том же самом действии милости Божией и благодати Святого Духа. Да! Но они уже скончались. То есть **ДЕЙСТВИЕ ТЕХ ДАРОВ СВЯТОГО ДУХА**, какие завтра мы будем просить себе, живым, уже к ним теперь не относится: оно для них кончилось со смертью... Поэтому о них нужно вспомнить **ПРЕЖДЕ** Троицы, прежде сошествия Духа на живущих и еще совершающих спасение.

Далее еще третья мысль... Мы – в Царстве Духа, в «царстве спасающей благодати»; а они (если сподобились) – уже «в Царстве славы», в Царстве Сына, прославленного в Вознесение. Поэтому их и нужно сюда, – к Вознесению то есть, – отнести. А в Царстве славы уже действует Вторая Ипостась Пресвятой Троицы – Сын Божий, прославленный с прославляемыми Им ныне, «пьющий» уже с ними «вино новое» «во Царствии Своем», в «Царстве Отца».

Наконец, и четвертая мысль. Вознесение, «Спасов день» есть конец Христова дела, подобное Успению, или прославлению святых, – переходу их в иную жизнь, или канонизации... А для всех людей такой переход, или «восход» (для благочестиво скончавшихся во Христе), есть тоже «вознесение», предваряющее последнее всеобщее вознесение навстречу Христу Судии (1Фес. 4:17). Посему и последовательно вспомнить о «вознесенных», в день Вознесшегося и Возносящего к Себе Своих членов, ибо Он же Сам сказал: *Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, Которую Ты дал Мне... Сии познали, что Ты послал Меня; и Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет и Я – в них* (Ин. 17:24–26)... Так **ЗАКАНЧИВАЕТСЯ** первосвященническая молитва... Этою «славою» закончилось дело Христово, дело Богочеловека, вошедшего в Царство Любви Отчей. Этого же сподобились и скончавшиеся святые. Об этом мы молимся и для всех усопших.

А в дополнение мне приходит еще и такое сравнение. Накануне, например, торжества живых членов какого-либо братства, союза, общества, – а Церковь и есть общество живых

Христовых членов, – обыкновенно совершают панихиду по усопшим членам.

Так и здесь: завтра торжество воцарения Царя Небесного – Духа Святого (Царю Небесный, Утешителю... прииди... и спаси) над живыми. Но мы вспоминаем бывших членов того же нашего общества – Церкви, сего Царства Духа Святого.

Итак, можно сказать, что это поминовение усопших является заключением, или «послесловием» отдания Вознесения; и в то же время – «мостом» к празднику Спасяющего, а их – Спасавшего Духа Святого.

И посему-то оно поставлено как раз между этими двумя праздниками. Тем более что это – суббота, а в субботу обычно совершают поминовение усопших. «ЦАРСТВО ИМ НЕБЕСНОЕ», – мы говорим! И замечательно верно: с вознесения во Христе, – а через Него и в усопших верующих в Него, – началось на Небе Царство славы, «Царство Небесное», «вечный покой»...

Вернусь к церковному учению о пути спасения и значении в нем вознесения... В этом случае мне придется уже повторять те же мысли, что и в другие праздники, ибо суть спасения и основной путь один: есть лишь разные моменты.

Цель вознесения, – как уже много раз говорилось, – послать БЛАГОДАТЬ СВЯТОГО ДУХА, которая была отнята ради грехопадения. Вследствие грехопадения образовалась «вражда», «средостение» между Богом и людьми... Без благодати же люди немедленно подпали под власть двух владычеств – своих страстей и дьявола. Это всё мысли, известные еще с праздника Рождества Христова.

Чтобы возвратить эту спасающую благодать и возвратить человека в общение с Богом, необходимо было «примирение» «враждующих» сторон, нужно было вырвать на «свободу» из рабства дьявола человека, а потом, обновив его, уже вознести в Царство славы...

О цели – ниспослания Святого Духа – говорится прежде всего в тропаре самом: радость сотворивый учеником, обетованием Святого Духа. И с этого прямо и начинается славословие праздника на вечерне, как, следовательно, основной цели:

– Господь вознесется на небеса, да послет Утешителя миру (1-я стихира на Господи, воззвах). С этого же опять-таки начинается и первая стихира на литии: Возшед на небеса... не остави нас сирых (-ми), Господи: да приидет Твой Дух, нося мир миру.

И апостолы были лишь первоначальными восприемниками Его; а через них Дары Святого Духа «распосланы» будут всем: Якоже учеником послал еси с высоты срасленого (соединенного) Твоего Духа; и людем Твоим послы, Христе Спасе, благодать Твою (стихира на стиховне на утрени в пятницу 6-й недели по Пасхе). Следовательно, и мы должны ожидать благодати завтра... Это не воспоминание будет о Пятидесятнице, а сопричастие ей делом. Господи, будь милостив! Не лиши и нас Твоей благодати! Не лиши нас и небесных Твоих благ.

Для этого нужно было «примирить» Бога Отца с людьми. В синаксаре на вознесение так и читается (по 6-й песни): «Взыде и седе одесную Отца, обожив ПЛОТЬ, и дерзну глаголати (говорит собиратель), сотворив сию КУПНО Божественную, ЕЮЖЕ МЫ ПРИМИРИХОМСЯ, древней вражде разрушившейся» (см. также тропари 3-й песни канона накануне и тропари 8-й песни канона праздника).

Но в таком случае, может быть, достаточно было лишь воплощения Его, чтобы прийти к Отцу с «плотию», в человеческом естестве? – Нет! Необходима была Крестная Искупительная жертва. И самое воплощение потребовалось прежде всего для того, чтобы отдать Себя на распятие... Вифлеем нужен был для Голгофы. Это со всей решительностью утверждается в стихирах и тропарях праздника, – и с самого начала, даже еще накануне:

Пришел еси к земным кроме (без) тела, и облекся в плоть, крест претерпел еси (тропарь 3-й песни канона утрени накануне). Эта же мысль выражается и в других местах, где совместно будут прославляться все основные моменты дела Христова. Но без страданий не было бы и славы.

И эта мысль о значении страданий высказывается множество раз. Приведу несколько выдержек.

– Страсть и распятие и смерть за нас претерпел еси, безгрешне (9-я песнь трипеснца в понедельник 7-й недели по Пасхе).

– Растерзав средостение вражды, Господи, крестом и страстию Твоею, облаком носим, возшел еси со славою к Безначальному Отцу (тропарь 7-й песни накануне). И потом эти мысли часто повторяются (ирмос 3-й; 4-й): услышах слух силы Креста, яко рай отверзся (открыт) им... и так далее. А это нужно для того, чтобы снять «проклятие», или «вражду», что равно; только в этом случае центр значения переносится на Бога: Он отлучил человека возгордившегося. В 3-й паримии из пророка Захарии читается: и вознесется... и анафема не будет кому (больше) ...

А на вознесение с человечеством, и на седение одесную Бога окончательно, самым делом, снята была анафема с рода человеческого. Но всего чаще Церковь говорит об этой жертве образно. В стихирах поется, что ангелы часто спрашивают о каких-то «червлёных ризах», в которых восходит на Небо «Бог Плотноносец» (6-я песнь трипеснца субботы 6-й недели по Пасхе):

– Почто Ему червлёны (красны) ризы? (стиховна вечерни праздника). Эти слова взяты из пророчества Исаии, поразительного по силе и предсказанию:

– *Кто это идет от Едома в червлёных ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей?* – И ответ там же: *Я – изрекающий правду, Сильный, чтобы спасти.*

– *Отчего же у Тебя одеяние Твое красно и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле (красный виноград)?*

– *Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною... Кровь их (врагов, диавола) брызгала на ризы Мои, и Я запятнай всё одеяние Свое... Но за то год Моих искупленных настал (Ис. 63:1–4).*

Но только Церковь «кровь» относит не к «брызгам» от пораженных врагов, а к Нему Самому.

– Точило ныне Я изгнетох (тропарь 7-й песни канона накануне).

– Из Восора приходит, еже есть плоти (стиховна вечерни праздника).

Но вот совсем ясно:

– Что червлены ризы, плоти соединившагося дебелству (грубой плоти)? – Святии ангели, Христа зряще, вещаху страсти честныя (родительный падеж) Божественныя носяща образы, то есть видя знаки страсти на Нем (тропарь 6-й песни утрени праздника).

Итак, не с простою плотию Вифлеема приходит Господь, а с ранами Голгофы... И этим именно и «умиротворяет» Отца Своего: вознесшись с распятого на кресте, а потом воскресшего плотию, сел еси во славе одесную Началосветнаго Отца Твоего, умиротворивый всяческая (тропарь 3-й песни утрени накануне).

Про КРЕСТ говорится, что им «стерты» «врата адовы и вереи» (тропарь 9-й песни канона накануне), «пленена смерть» (тропарь 3-й песни трипеснца в среду 2-й недели по Пасхе), «сокрушен диавол», освобождено от рабства ему человечество. Поразив супостата страстию плоти Твоя, ко Отцу... со славою востекл еси (тропарь 8-й песни трипеснца пятницы 7-й недели по Пасхе; там же тропарь 9-й песни).

После этого наступает во Христе уже «новое» бытие. Но пока еще – в Нем одном: воскресшим Он «обновляет» «состаревшийся мир»; но воскресение только не могло быть потому, что сначала была смерть; потому, – а также и вследствие жертвенного характера Креста, – нужно говорить, что обновление совершается и тем, и другим: крестом и воскресением.

– Состаревшийся, Господи, мир многими грехми, обновив страстию Твоею и востанием Твоим, возшел еси (потом)... к пренебесным (тропарь 1-й песни канона праздника).

Воскресение нужно было для того, чтобы прийти к Отцу во плоти, но в «обоготворенном» состоянии: для этого и воплощение, но особенно воскресение:

– Превечное Слово и Безначальное, Еже убо взят естество человеческое, обоготворив тайно (то есть таинственно, непостижимо), днесь вознесе (седален по 2-й кафизме на утрени вторника 7-й недели по Пасхе).

Когда же Господь вступил в такое небесное состояние, то Ему уже невозможно было оставаться на земле и должно было восходить к Отцу...

Но и Отец теперь уже «ждет Сына... Припомним картину Царственного восшествия... Она кончается здесь...

...Восходит Господь превыше ангелов и всех небес во славе, при ликованиях и восклицаниях ангелов... Препятствия (врата) снимаются... Наконец Он доходит до самого Неба... И что же? Отец, уже всё знающий, Сам же благоволивший послать Единородного Сына, приявший Его жертву «правды» (паримия пророка Исаии), теперь изображается Там «Ожидающим, о чем поется в первой же стихире праздника (на Господи, воззвах): Отец ждет, егоже в недрах имать соприисносущна!

А Дух Святой, Которому свойственно «действие», делает распоряжения о встрече, велит всем ангелом Его: возьмите врата князи ваша, вси языцы восплещите руками, яко възиде Христос, идеже бе первее...

И когда Сын Божий, «Бог Человек» дошел до Неба, то оно «отверзло врата» и доброту, то есть свою красоту, потерянную человеком, являше (4-я стихира на литии).

И теперь всё воссоединяется, примирение состоялось самым делом: Человек Бог соединился с Отцем, мир небесный сочетался с земным:

— Исполнивый, Блаже, Отческое благоволение, соединивши же горняя с дольными, вознеслся еси во славе к первейшим, то есть к самой вершине всего сущего, на Престол Пресвятой Троицы (стиховна вечерни пятницы).

— Прежде разстоящая собрал еси во едино, Человеколюбче, и вознеслся еси, Щедре, в Небесная (тропарь 6-й песни 2-го канона). Значит, начало, или причина, «соединенна» было раньше, а ныне — «и» вознеслся. Именно так: оно было совершено крестом, а осуществилось и проявилось во славе явно — при вознесении.

Так связываются все эти три события: Воплощение (Крест) — Воскресение — Вознесение. О связи их довольно часто говорится. Поэтому Церковь воспекает их вместе:

– Низшедшее (падшее) естество Адамово, – то есть вообще человеческое, – Боже, новосотворивши Собою (в Себе), превыше всякого начала и власти возвел еси днесь. Почему и как? – это объясняется сразу же за тем:

– Яко бо возлюбив, спосадил еси; якоже помиловав, соединил еси Себе; яко соединивый, спострадал еси; яко безстрастен пострадав, и прославил еси (5-я стихира на литии).

Любовь... Воплощение... Страдание... Помилование... Воскресение... Вознесение...

Поэтому – зряще Твое вознесение, Христе, сияние славы Отчи, воспеваем Твой светообразный Лица зрак (вид при вознесении); кланяемся страstem Твоим; почитаем воскресение, славное вознесение славяще! Помилуй нас! (3-я стихира на Господи, воззвах праздника).

Закончилось все: с Отческого Благоволения о пути спасения – до спосаждения на Своем Престоле... Преступник – с Царем!

– Отверженное и озлобленное естество помиловавый, Един яко Сый милостив и человеколюбив, Благодетелю, плоть человеческую восприял еси, и страстию крепкого (врага) связав, востекл еси, Христе, горе ко Отцу, исполнив славы всяческая (тропарь 9-й песни трипеснца пятницы 7-й недели по Пасхе).

Не раз пропускается воскресение, но зато всегда упоминается о страданиях: они имели значение ПОСРЕДСТВА ДЛЯ ПРИМИРЕНИЯ. Если же выпустим это, как промежуточное (хотя и чрезвычайно важное, «срединное», центральное на пути, – как бывает трудно подняться на гору, чтобы потом опять спуститься), то мы остановимся у начала и конца спасения: облекся Господь в «обнищавшее» естество (в воплощении), а восшел в прославленном состоянии. Круг завершился! Радостное Благовещение закончилось славным Вознесением!

Теперь мне осталась одна мысль неподтвержденною (хотя я много раз говорил уже о ней).

Вознесение Господне имеет значение не для Него лишь – по человечеству, но через Него, в Нем – и ДЛЯ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА... К этой мысли мы уже привыкли теперь. И в

песнопениях это всё время повторяется, как уже мы видели много раз: «СОВознес», «Спосадил», «СОседение» и проч. Такие слова постоянно говорят; не буду их и приводить. А смысл этого только что был объяснен: соединившись в воплощении, Он принял на Себя, действительно «взял», как «Свои», – наши грехи, отстрадал за них, этим искупил нас и прославленным возвратил «естество человеческое» в назначенный ему удел – богообщения...

Но, вознесшись, ХРИСТОС И ВСЮ ТВАРЬ, – даже неодушевленную, – возвратил в потерянное состояние, и даже возвел в лучшее, более прославленное... Мир был в ужасном рабстве – теперь освободился во славу Божию:

– От работы идольския, – говорится в богослужении, – тварь избавивша и представившаго ту свободную Твоему Отцу, Тебе, Спасе, поем и Тебе превозносим уже во вся веки (тропарь 8-й песни 1-го канона праздника).

Очевидно, что здесь разумеется пророчественное и глубокое слово апостола Павла о плодах дела Христова:

– Думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас. Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих (по благодати то есть людей); потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего (ее, то есть падшего царя твари, человека), в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению (то есть разрушению, стихийным бедствиям, исчезновению, – дерево гниет, солнце темнеет, звезды «умирают», превращаясь в пустыню, болезни и так далее) в свободу славы чад Божиих (Рим. 8:18–21).

Во Христе это уже совершилось: по воскресении Он вкушал, но пища обращалась в Нем, конечно, в «духовное» состояние (1Кор. 15:44)... Вознесся в одежде, но и она прославилась, еще во время преображения засияла... Земля отказалась от закона тяготения, ибо Господь вознесся вопреки силе этого закона...

Но так как всё связано с человеком, – а он еще будет исправляться, – то тварь не ждет до последнего «вознесения» всего человечества... Тогда будет уже «новое Небо и новая

земля», которых мы, говорит очевидец преображения, воскресения и вознесения апостол Петр, *по обетованию Его ожидаем. Там правда живет (2Пет. 3:13).*

А потому, заканчиваем с Ним, *ожидая сего, потщимся явиться пред Ним неоскверненными и непорочными в мире; и долготерпение Господа нашего почитайте спасением для себя... Берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения; но возрастайте во благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Ему слава и ныне, и в день вечный. Аминь (2Пет. 3:14–15, 17–18).*

В дополнение же напишу об одной мысли, пришедшей мне при внимании к песнопениям...

Господь Иисус Христос, вступив в прославленное состояние по вознесении, сделался вездесущим и всемогущим по человечеству. Он всё НАПОЛНИЛ СОБОЮ...

Весь мир – в Господе Иисусе...

Это еще началось с воскресения, даже раньше: во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог, в раи же с разбойником, и на Престоле был еси со Отцем и Духом, вся исполняя Неописанный (тропарь часов Пасхи). В воскресение проявилось больше; но в полноте открылось с Вознесения...

Не знаю, как объяснить; но были моменты, когда я чувствовал это духом своим... Да и невозможно объяснить... И это подтверждают и церковные песни:

– Вознеслся еси во славе всяческая исполняя Божеством (стиховна вечерни праздника). Да мы и веруем, что Он вездесущий, всё наполняет...

А вывод из этого я почувствовал такой: даже призывание Его имени (Он же всюду) спасительно... Призывать Его имя – значит вступать с Ним чрез это в общение... А наполняя всё, Он этим самым исполняет Свое обещание: *Аз есмь* (не «буду», а «есмь»: и ухожу, и остаюсь, – и нет, и есмь) *с вами во вся дни до скончания века. Аминь! (Мф. 28:20).*

Если же кто спросит: как? – то этим он обнаружит лишь свою ограниченность бытия и ума. Всё – паче ума (тропарь 7-й

песни 2-го канона). Всё – «паче постижения». Всё – «таинство страшное» (тропарь 9-й песни 2-го канона).

Мы же с несумненной верою, – а по милости Божией и неким живым опытом, – Ему «возопиим»: непостижимо Господи, слава Тебе (стиховна утрени в субботу 6-й недели по Пасхе).

Наконец я у святого Иоанна Златоуста нашел место, где он говорит, что одна мысль о славе Вознесшегося Господа наводит на его душу СТРАХ, больший, чем даже геенна. Это мне важно было прочесть, ибо совпадает с моими переживаниями.

И они (ученики) *поклонились Ему и возвратились в Иерусалим с радостью великою. Лк. 24:52*

Святая Церковь всех земнородных возбуждает ныне к веселию и говорит: Все языцы восплещете руками, яко възиде Христос, идеже бе первее. То есть все народы восплещете от радости руками, потому что Христос восшел туда, где был прежде, то есть на небо...

Чему же радоваться? – Казалось бы, скорее надобно было печалиться и скорбеть, потому что Сладчайший Спаситель наш Иисус Христос оставил нас видимым Своим присутствием и вознесся на небеса, откуда придет опять, но придет уже грозным Судией всех земнородных... Рассмотрим только: почему Господь от нас вознесся на небо?

Господь вознесся от нас на небо не для того, чтобы опечалить нас, но чтобы устроить нам полезнейшее. Вся жизнь Его, все дела Его были на пользу нашу, во спасение наше; точно так же и вознесение Его было для нашего блага. Как, любя нас, Он сошел к нам с небес и, пожив с людьми, положил за них душу Свою на кресте, так, любя нас, и на небо вознесся, нам же благодетельствуя. Он Сам так говорил ученикам Своим: *лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, то Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам (Ин. 16:7)*. Итак, Господь вознесся на небо для того, чтобы вместо Себя послать равного Себе Утешителя – Духа Святого, Который бы утешал святых апостолов и всех истинных христиан еще в земной жизни. – Вот первая причина

радости. Гряди же, гряди, Господи Иисусе, и пошли нам Утешителя!..

Далее. Господь вознесся от нас на небо, чтобы ходатайствовать о нас пред Богом Отцом. Вот как говорит об этом святой апостол Иоанн Богослов: *аще кто согрешит, Ходатая имамы к Богу Отцу – Самого Христа Спасителя нашего, Который и ходатайствует о нас – той есть очищение о гресех наших* (1Ин. 2:1–2; Ин. 3:13). Итак, не будем мы, грешные люди, отчаиваться в своем спасении, а будем благонадежны: мы имеем доброго... Заступника... Только не будем ленивы и сами... воссылать теплые молитвы к Отцу Небесному, чтобы Господь Иисус Христос ходатайствовал о нас к Богу Отцу и умилоствовал Его. – Но о ком ходатайствовал? – о грешниках. – О каких грешниках? – о кающихся. О них Он умилоствует Отца Своего...

Наконец, Господь вознесся от нас на небо, чтобы на небеси уготовать нам место, где мы будем жить вовеки и соцарствовать Ему, Господу нашему. Так Он Сам говорит: *В дому Отца Моего обители мнози сущи. И когда пойду и уготовлю место вам, паки прииду и пойму вы к Себе, да идеже есмь Аз, и вы будете* (Ин. 14:2–3). – Какая радостная весть! Какая радостная причина вознесения! И еще говорил Он ученикам Своим на Тайной вечере: *Как Я желал сию пасху есть с вами, прежде даже не прииму мук* (Лк. 22:15). *А теперь глаголю вам: яко не имам (не буду) пити отныне от плода сего лознаго, до дне того, егда е (вино) пию с вами ново во Царствии Отца Моего* (Мф. 26:29). Какое блаженное обещание наслаждаться неизреченным благодатным общением в Небесном Царствии!

И Кто же это сказал?! Кто обещал?! – Не человек, а Сын Отца Небесного, Спаситель наш! И этим же Он закончил Свою прощальную беседу с учениками. В заключительной Своей молитве к Отцу Он просил: *Отче! хочу (хочу), да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною! Да видят славу Мою, юже дал еси Мне!* (Ин. 17:24). А молился Он не об одних лишь апостолах, но о всех верующих: *Не о сих же молю токмо, но и о верующих, словесе их ради, в Мя* (ст. 20). *Да вси едино будут, якоже Ты,*

Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут! Да и мир веру имет, яко Ты Мя послал еси! (21 ст.).

Итак, Господь вознесся от нас на небо, чтобы приготовить каждому из праведных и благочестивых людей место на небеси. А также и нам, грешным, если обратимся и покаемся от всего сердца. Там, где уготовано место апостолу Петру, отрекшемуся от Господа и горько о том после плакавшему; где обещано и даровано Царствие Божие разбойнику; где – жене-блуднице, плакавшей у ног Господа, где – блудному сыну, где – мытарю, там и нам будет место! Только поплачем горько о грехах своих, исповедуемся в них и получим разрешение.

Покаемся и спасемся!

Вот почему ученики «возвратились» с горы Елеонской «с радостью великой». Возрадуемся ныне и мы! Восплещем духовно! Да и Духа Святого сподобимся получить в грядущий праздник Пресвятой Троицы. Аминь.

И возвратились с великой радостью. (Лк. 24:52).

Некоторые думали, что апостолы возвратились с горы Елеонской по вознесении Господа со скорбью, оттого что они теперь лишились своего Утешителя Христа, вознесшегося от них на небо. И даже ныне печалются, что в день отдания Пасхи – «последний раз» напоминают о Воскресшем Господе и «проводжают» Его, как «ушедшего» от нас.

К такому воззрению, кажется, есть некоторые основания. Сам Господь на прощальной Тайной вечере говорил ученикам: *от того, что Я сказал вам это, то есть что теперь иду к Пославшему Меня, печалью исполнилось сердце ваше (Ин. 16:5–6).* И в другой раз Он сказал о том же: *Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете... вы печальны будете (ст. 20).*

Но тогда же Христос прибавил и другое, утешительное: *но печаль ваша в радость будет (ст. 20). Вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас (ст. 22).*

Вскоре вы не увидите Меня; и опять вскоре увидите, ибо Я иду ко Отцу (ст. 16).

Здесь Господь предупреждал Своих учеников о Своей смерти и последующем воскресении. И действительно, они, узревая Его по воскресении, радовались так, что *от радости еще не верили и дивились* (Лк. 24:41). И это – так понятно!

И несомненно, ученики радовались всегда, когда видели Воскресшего Господа, являвшегося им в течение сорока дней до вознесения (Деян. 1:3).

Но Христос обещал еще другую, и большую, радость: *Я умолю Отца и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во век, Духа Истины. Не оставлю вас сиротами; приду к вам* (Ин. 14:16–18). *Если бы вы истинно любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду ко Отцу* (ст. 28). *Я истинно говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель, Дух Святый, не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам* (Ин. 16:7).

И если Господь Христос Себя считал Утешителем учеников, – что и было, – то и Духа наименовал таким же именем «Утешителя», Которого обещал послать «от Отца» вместо Себя (Ин. 15:26). Поэтому никак не должно было печалиться ученикам!

Если же они бы печалились, то этим высказали бы свое неверие Его словам, и это было бы «человеческим» отношением их ко Христу. А Господь еще Марии Магдалине сказал при явлении ей: *не прикасайся ко Мне* (Ин. 20:17), то есть по-человечески: вероятно, она хотела броситься к ногам Его. Иное обещание, – не телесное, а Божественное, – обещал Господь: *вот Я еще не восшел ко Отцу Моему, а теперь восхожу* (ст. 17). *И тогда, кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю его Сам* (Ин. 14:21)... *и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (ст. 23).

Так к необычайной, «совершенной» радости готовил Господь Своих учеников: *радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна* (Ин. 15:11).

А что говорил Господь, то на самом деле должно быть. *Ни одна йота, или ни одна черта не останется, пока не исполнится все* (Мф. 6:18), Им изреченное.

Поэтому нужно было ожидать, что это сбылось на учениках, когда Господь возносился и после вознесения Его: они должны были радоваться.

Так и поет Церковь в тропаре на праздник: Вознеслся еси во славе, Христе Боже наш, радость сотворивый учеником обетованием Святаго Духа, извещенным (обнадеженный) им бывшим благословением. Потому – они и возвратились «с великою радостью» в Иерусалим, в ожидании обещанного Святого Духа.

И как им, – а за ними и нам, – не радоваться?!

Радоваться, и чрезмерно радоваться, подобает одному тому, что Сам Господь, СЫН БОЖИЙ, сошел от Отца, а теперь Он к Отцу возносится, ради нашего спасения!

Радоваться должно, что *мы теперь имеем в Нем своего Ходатая за нас, пред Отцем... Он есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира* (1Ин. 2:1–2); Он – Посредник между Богом и человеками – Человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех (1Тим. 2:5–6).

Радоваться должно, что, при вознесении Своем, Он сказал ученикам, а чрез них всем нам: *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 26:20). *С нами – БОГ* (Мф. 1:23)!

Радоваться подобает, что мы – крещены, «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и сим введены в Царство Пресвятой Троицы чрез Духа Святого, соединившего нас со Христом, как ветвь с лозой (Ин. 15:1–2).

Радуюемся тому, что мы с вами пребываем в Церкви Христовой, православной, которая пребывает, по словам преподобного Серафима, «в полноте благодати» Святого Духа!

Радуюемся тому, что мы можем исповедовать грехи свои во имя Искупителя нашего перед священниками – преемниками апостолов, которым Спаситель по воскресении Своем дал власть «отпускать грехи»: *имже отпустите, отпустятся им, имже держите, держится* (Ин. 20:23)*****.

Радуюемся тому, что Он, возносясь, «благословил» учеников, «подняв руки Свои», и в это время возносился, все продолжая благословлять (Лк. 24:50–51). И если вы, дорогие братья и

сестры, стремитесь получить наше благословение, то подумайте: каково же было благословение Христа Бога! Как оно радостно им было! Непостижимо радостно!

Радуюемся святому причащению, которое оставил нам Господь вместо Своего присутствия, сказавший: *Ядый Мою плоть и пий Мойю кровь во Мне пребывает, и Аз в Нем* (Ин. 6:56).

Радуйтесь и вы, брачные, что благословляет вас Господь, Сам бывший с Матерью Божией на браке в Кане Галилейской и сотворивший первое чудо Свое: претворивший воду из шести водоносов в вино (Ин. 2:11).

Радуются верующие всю жизнь свою, чего вообще не знают неверующие; а мы за все говорим: слава БОГУ!

Радуются совершенные даже скорбям своим, по слову Господа: *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать. Радуйтесь и веселитесь* (Мф. 5:11–12)!

Так и апостол Петр учит нас! *Как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. А если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий, почиает на вас* (1Пет. 4:13–14).

Радуются даже умирающие во Христе!

Радуется христианин, ожидая будущего Царствия! Смотрите: сколько дает и всем нам радостей Спаситель наш!

Но и еще мы знаем одну радость, о которой напоминают нам ангелы после вознесения Господа, явившись апостолам: *Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо* (Деян. 1:11).

Они напоминают нам о Страшном суде. Но он не радостен нам, а страшит нас. Однако он, при всех радостях праздника, напоминает нам о такой радости, какой радуется Сам Бог о нас и за нас на небесах с ангелами.

Вам странными кажутся эти слова? Но послушаем их из уст Самого Господа:

Сказываю вам, что на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии... Так... бывает

радость у ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся (Лк. 15:7, 10). И далее Господь говорит притчу о блудном сыне, которого с радостью встретил отец: *побежав, пал ему на шею и целовал его* (ст. 20); потом устроил ему пир. Отец – это Отец Небесный, Бог. Так Он радостно принимает кающихся!

Вот какую радость доставляем мы Богу своим покаянием!

И этой радости я желаю и себе, и вам!

И думаю, что она нам, грешникам, не только нужна, но и отрадна. Мы, грешные, не способны еще много радоваться. Нам свойственно более покаяние. Но и оно отрадно. И даже более, чем иное что-либо. Душа наша тоскует по покаянию. И рада, когда оно приходит. С нею приходит Дух Божий.

Поэтому иным богомольцам Великий пост и Страстная неделя «нравятся» даже более, чем Пасха. Или: небесная радость Пасхи скоро переходит в земную, а иногда и в грешную...

Да! Мы не способны еще к долгой небесной радости! Это удел уже святых! И скажу больше: покаяние нам – нужнее, чем незаслуженная радость; особенно – вначале.

Ведь для этого и приходил с неба на землю Спаситель, чтобы мы освобождались от грехов. Для этого Он в первое явление по воскресении дал апостолам власть – прощать грехи людям. Для этого Он является теперь ходатаем за нас пред Отцом Небесным. За грехи Он будет судить нас на Страшном суде.

И как Он жаждет нашего прощения за покаяние!

Порадуем же своего Спасителя и БОГА нашего борьбой с грехами, и сами порадуемся нашему покаянию. И Он даст нам за это радость во Святом Духе.

Будем «искать горнего, – говорит апостол Павел, – где Христос сидит одесную БОГА»; будем «*о горнем помышлять, а не о земном; ибо... жизнь наша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь наша, тогда и мы явимся с Ним во славе*» (см.: Кол. 3:1–4).

Аминь.

Успение Пресвятой Богородицы

I. Предпразднство Успения

С Божьей помощью.

Пресвятая Богородице, благослови!

Не во свою хвалу, а в Божию славу приношу свои писания! Да послужат они, если суть на сие воля Божия, на пользу и другим когда-либо.

Но, по апостолу, я и сам первый насладился и наслаждаюсь от плодов своих, как земледелец (см.: 2Тим. 2, 6).

Если же и желаю (воистину желаю), чтобы и другие вкусили от Твоих красот, Господи и Пречистая, то сие – того ради, что насладившийся от изобилующего сладкого источника хочет, чтобы и другие пили в радости и с пользой.

Ведь какое же богатство и красота в службах! Сегодня не возгнушайся и Ты, Пречистая, моим приношением. Аще ли же в душе моей что и сквернит его, Сама очисти и благодать ниспосли, да благоуханием будет Тебе дар сей, да угоден будет Богу.

Верую, что благословляешь и Ты, Пречистая, на сие дело меня, аще и худороден есмь. И Господь доселе дивно даровал Свою помощь в объяснении Его праздников; много чего Он и Сам открывал душе моей, недостойной славить Его, влагая мысли или через ангела-хранителя моего, или через благодатное просвещение ума и сердца.

Воссылая Ему за сие хвалу, и приступаю к прославлению Твоему, Пречистая Госпоже, прошу даровать мне милость, какую найдешь Сама мне нужной и спасительной. Аминь.

Предварив [труд мой] этой молитвою, вспоминаю, что древние иконописцы на свое дело смотрели как на религиозный подвиг и готовились к нему молитвою, постом, освящением материала; и во время труда продолжали пребывать в состоянии религиозного благоговения.

Не менее требовалось духа собранности и благодати и от песнопевцев и даже и копиистов икон; например, Иверской иконы писатель Ямвлих так же постом, молитвою и освящением готовился снимать копию для патриарха Никона³⁷.

Посему и мне, заимствующему сокровища из богослужения, святых отцов и своего просвещения, подобало бы так же устроить душу свою, но я – немощной. И посему, не надеясь на свои подвиги, прошу благодати Божией, да ради славы Своей Она Сама направит ум и сердце мое к истинному восприятию и толкованию праздников Ее.

За Божье дело – с Божьей помощью!

Пресвятая Богородице! помогай мне!

Вот началось предпразднство Успения Божией Матери. И какое сочетание – я имею милость Божию пребывать сейчас и писать в монастыре Успения Божией Матери! Слава Пресвятой Владычице!

На сей раз начну не только со своих мыслей, а что даруется самим праздником и внушается службами. А ведь на всякий престольный праздник больше дается благодати в храме славы.

Только утром вчера кончилось отдание славному Преображению, а вечером уже вошли мы в преддверие другого праздника. И сразу ощутилась перемена.

Преображение – славное, светлое, царственное, величественное, страшное, превысокое, пренебесное торжество. Душа поднята...

Начинающееся же Успение ввело меня, наоборот, в (хотел так сказать) прохладную, мирную тишину. Точно бы с жаркого блестящего солнца я вошел в мягкую тень тихого сада.

...Но – и с радостью... И радость – тихая, мирная, как начинающий брезжить рассвет...

И спросил я душу свою: отчего эта радость?

Так она ответила:

– Какая милость Богородицы, что вот и я – у Нее на трапезе... Ведь всякий праздник есть пир благодатный. Беседы с празднуемыми. Участие в их славе. Славословие, или, как хорошо говорит Церковь, «величание» празднуемых. Вкушение их радости, как бы пребывание «в гостях» у них, «за столом», «пожалование». Кратко сказать, ОБЩЕНИЕ с ними...

И ныне мы – у Божией Матери.

И чувствуешь, и думаешь: вот я своими устами прославляю уже Богородицу! Вот я уже беседую с Нею!

Вот уже Она, Пречистая, близка стала и ко мне. Да, близка духу моему! Она вот и здесь, и всюду, где Ее прославляют. Для «того» мира ведь нет пространственных препятствий. Вот сейчас горячее еще южное солнце теплом своим и светом проникает всюду так, что все видно; тепло же чувствуется во всякой части тела. Так и для благодати Божией!

...И когда говорил я или пел что-либо о Богородице, то в сердце говорилось совершенно так, как когда живой человек живому говорит.

Эта радость живой близости и утешила душу.

И вспомнилось мне из прошлого событие в одной пустыни, по поводу проповеди о «Сроднице» нашей... Но то я расскажу после особо... Однако и самое слово «Сродница» (о Богородице) радует душу.

Ныне эта «Сродница» наша умирает. Нет, впрочем, не умирает, а только переселяется в иную жизнь... Лучшую! Еще более оживает, расцветает.

Пойдемте слушать службу Ей.

Как бисеры, выберу из стихир и канона, что запало в душу.

В кимвалех возгласим, в песнях воскликнем! – такими словами приглашает Церковь праздновать праздник исходный.

Надгробное пение светло возопием.

Страшные похороны: пение – надгробное, а певцы – веселы!

Что это значит? Божия Матерь готовится ныне к вышним прейти, к паки (другой) живеи Божественней преставляема светлости.

Вот причина: Она восходит к лучшей жизни – ликовствовать с Царем, Сыном Ея.

Апостольский личе, преславно соберися от конец (вселенной) днесь... С вышними воинствы пение исходное воспойте...

И вы, священных сословие (клир), иррие же и князи, с девическими чинми ныне предварите.

...Девиц выделили из ликующих! Ныне их Предстательница – Дева Пречистая отходит... А начальники названы потому, что всеми Владычествующая, Царица, – всех Царей и Владык,

епископов, – хочет наутрие душу предати в руце Сыну, преставляема к вечной обители... (стихиры предпразднства на Господи, воззвах).

Но не одни они... А мы, грешные? – И нас всех приглашают. И притом в то же сообщество. Пусть и не «во-первых», и не в первые ряды, но на общее торжество, с теми же ангелами:

– Ангел множество на Небеси, и человеческий род на земли (вот тут и нам место!) ...всечестное усение Твое ублажаем.

...Ублажаем... Величаем... Прославляем. Пришли все воздать честь и поклониться. Уж если к знатному усопшему человеку приходят все и отовсюду, то к Тебе ли не прийти? Ты ведь Мати была еси Творца всех Христа Бога. Божия Матерь, Мать Творца мира... Подумать лишь!.. Тебе ли не поклониться «всем»!!

Но Ты единственная, особая «Покойница»: Ты умираешь, а жива. И там будешь с Сыном – Богом. Потому просим:

– Молящи о нас не престай, молимся: мы на Тебя вместе с Богом упование возложили (стихиры предпразднства на Господи, воззвах).

Даже – более: для Нее дивно не то, что случилось, то есть что Она, умерши, жива на небе. Это так и должно быть. Наоборот, дивно другое: КАК ОНА МОГЛА УМЕРЕТЬ?

Вот «чудо новое»! Вот «знамение странное»! Она носила ЖИВОГО БОГА в отроковической утробе и не должна бы совсем помирать!

Но Она – «Адамова дщи»^{*****}, и общую участь смерти должна испытать.

Однако мы, «земнородные», ВОЗЛИКУЕМ: ибо эта «Адамова дщи» преставляется к небу, согласно пророчеству еще Давида:

– Воскресни, Господи, в покой Твой, Ты, и Ковчег Святыни Твоея (стихиры на стиховне предпразднства), то есть Матерь, именуемая «Ковчегом». И не просто преставляется на небо, – как было и с другими святыми, – а совершенно исключительно:

Она – высшая небес, херувимов славнейшая, и всея твари (всего сотворенного) честнейшая...

Почему? – Потому, что была Присносущнаго, то есть прежде всякой твари бывшего, Существа приятелище – приемница...

А сие совершилось ради другой исключительной причины: премногия ради чистоты Ея (стихиры на стиховне предпразднства, слава и ныне).

И таковая ныне душу Сыну Богу предаст. Потому мы и не плачем, а веселимся: и за Нее, и за себя. За Нее: Она восходит в высшее состояние; за себя: ибо Она ныне и нам дарует велию милость (там же).

Вот содержание и последовательное развитие мыслей в стихирах на Господи, возвах и стиховнах предпразднства. Сколько уже мыслей. Почти весь праздник изложен. Дошли до тропаря предпразднства.

– Людие, предыграйте! Руками плещите. С любовью соберитесь радостно.

Светло с веселием воскликнем еси: Божия Матерь имать от земных к вышним прейти славно.

А мы Ее всегда яко Богородицу славим.

Остановимся, хоть на малое время, на этом слове. «Богородица»... Бога воплотившегося родила...

БОГА!.. Самое высочайшее, что доступно человеку... Даже – наоборот: высшее всего доступного... Недоступное... И сие Недоступное, премирное вошло в утробу Отроковицы...

...Вот в утробе... Безначальный родился. Дева Богородица... Нет! Лучше остановлюсь: сие может уже отяготить душу мою, недостойную. Для таких совершений нужна чистая душа, высокий дух, подвижническая жизнь, постническое утонченное тело, легкость парения, глубина погружения. А я не мог даже воздержаться от обеда... Нужно бы попоститься хоть ныне, один день, и тогда сподобился бы завтра большей духовной силы. И говорила об этом моя совесть. Но сил не хватало и на это.

...Вспоминал и Великую пятницу с субботою: бывало, постишься перед Пасхой. А ныне не удержался. Теперь нужно хоть смириться. И преподобный Серафим учил, что на сытый желудок не должно благовествовать.

Пойдем дальше...

Ныне была утренняя... Седальны по кафизмах:

«Ныне бывшая на земле», но оказавшаяся «ширшею небес», ибо вместила Невместимого и Небом Творца, представляется...

Как же Ее встречают «там», на Небе?

– Праведных души, умерших ранее Ее по искуплении, – а впоследствии всякий год, до нынешнего включительно, прибавлялись все новые праведники, – и ангельстии лица (то есть лики, целые хоры), взирая на Тебя, яко Царице, хвалу достойно всегда Тебе приносят.

Мы же считаем себя недостойными стоять с ними в ряду, с хвалителями Твоими... Мы ПРОСИТЕЛИ недостойные: молящи не престай о нас, воспевающих Тя на земле...

Итак, ангелы бесплотные и люди – там и здесь – воспеваем предпразднственная.

А Ты?

Ты же, как преставившаяся (теперь) уже, и «там» молишия прилежно избавиться от бед нам.

Завершился круг главных мыслей: будем все праздновать! Матерь Божия представляется на небо... Выше всех... Там Ей кланяются... И мы поем и просим Ее молитвы... И Она уже молится.

Доселе в стихирах главным образом касались мы основных идей Успения. А в каноне предпразднства славословится самое преставление, погребение, восшествие на небо.

Видите: Церковь разумно, но и последовательно все делает.

...Так и при жизни бывает: умрет какой-нибудь великий человек... Все поражены. И тотчас же начинают прежде всего дивиться! – Как? неужели умер? Он умер! А потом сразу вспоминают о его великих делах, значении, ибо это в нем самое важное было для него и для всех. А уж потом интересуются вопросом: как же, однако, все это было? Как хоронили? как отпевали? как погребали? говорили ли речи?

Вот так же и Церковь: дивится, славит дела, а теперь, в каноне [предпразднства], описывает преставление.

Приникнем сюда ухом души и мы.

Глас 5-й канона... Он радостный, но в концах – печальный... Тихо-грустный. Поразительно – «похоронный»... Плачущий – медленно... Им поется и отпевание Спасителя в Субботу...

Послушаем, о чем же славит с грустью Церковь?

Песнь 1. Обычно все знакомые [умершего] по смерти спешат к его телу, ко гробу.

Приступим, вернии, и мы гробу, Деву приемшу (-ему). И мы с вами мысленно сердцем пойдем туда... Увидим Ее.

Но еще прежде чем увидеть усопшего, мы (обычно) обоняем смрадный запах разлагающегося тела. Правда, родственники стараются заглушить как-либо это неприятное ощущение... Душат комнату кислородом пульверизатором; еловые ветви приносят, цветы сильно пахучие... Но, увы, ничто не помогает: трупный запах все переедает и неприятно отталкивает нас при входе... И сразу все «величие великих» падает:

– Егда мир приобретаем, тогда во гроб вселимся, идеже вкупе царие и нищии (седален по 3-й песни канона Парастаса).

И вы, хотя делаете вид, что этого не замечаете, и подходите к «праху усопшего», но уже благоговения – нет: земля еси, и в землю отыдеши (икос по 6-й песни канона Парастаса).

Но у гроба Девы – совершенно иное... Она – Дева нетленная. И тление Ее не коснется. Наоборот: в Ней, как в дорогом ящике (мироположнице), лежало МИРО – Христос Бог Нетленный. И Сама «Мироположница» вся пропиталась сим Миром и благоухает Сама, и подходящих благоухает... Постараемся же поспешить ко гробу Ее, стараясь (тщась) благоговения Божественна прияти.

Вот где уже скрыта мысль о Ее нетлении и будущем воскресении.

...Что это значит для нас (благовоние) теперь? – Помимо мысли о Ее чистоте и нетленности, это и нас внутренне омывает, побуждает стремиться к чистоте.

Подошли мы ко гробу усопшего: что первое приходит в голову?

– Скончался... Мертв.

Не правда ли? Вот, ведь был лишь вчера жив, а ныне скончался... Лежит без дыхания... А скоро его вынесут и из дома своего... А где хоронить будут? На каком кладбище? Поскорее бы!..

Но не так здесь, в каноне. Правда, и Она «взята» из жизни... Как Сион из горы Иерусалимской, то есть такую священную красоту – Божию Матерь взял Бог из жизни сей... а потом Ее, сей Сион духовный (в Сионе обитал Господь), «одушевленный», перенесут в маленькую Гефсиманию...

Но только и тут – против обычного порядка: мертвый во гробе совсем истлеет. А Она в Гефсимании – ляжет «одушевленна»...

Ведь Она Бога бессмертного приняла во утробу... Может ли обычно умереть? – Нет, Она идет в недрах нетленных почить, а не разложиться до конца...

Скончалась? – Да, скончалась, но для нетления.

Собрались знакомые... Тотчас – панихиду... Но тут Церковь зовет необыкновенных, чудесных певцов и священнослужителей:

– Трубы богоносных мужей, сюда! Апостольские уста! отверзйтесь! Воззовите вельми! – воскликните громко!..

Ангелы! Силы! возьмите (удалите) врата! Приимите Царицу в лучший мир. Возмите врата... Сразу вспоминается вознесение Спасителя. Только ныне апостолы говорят ангелам, а там те же самые слова говорили ангелы.

...А все же умерла! Как это могло случиться с «Всенепорочной», яве телесно родившей Живота Присносущного, выше естества!

Так и мы за панихидой думаем: умер? И как это так неожиданно!

Но с Богоматерью тотчас мысль переходит в разрешение иное:

– УМЕРЛА, НО ЖИВА: Сын Ее, Владыка, отринув, отогнав, отбросив смерть, престоави Ее, Свою Матерь в небесное приятие, в обитель, – вместо гроба. И опять успокаиваемся: жива, и на Небе... «ПОЧИВАЕТ».

Песнь 3. Знакомые перебивали... Несколько панихид отслужено... Гроб изготовили. Пора и отпевать... Приходит духовенство и певчие... Начинается последняя панихида... А когда не было храмов (как в начале христианства), то тут же в доме и отпевали... И монахи, где не было церквей или в пустыне (Зосима³⁸ – святую Марию Египетскую³⁹, Антоний⁴⁰ – Павла Фивейского⁴¹), отпевали тут же, на месте кончины. И Церковь зовет теперь петь Чистей... песни надгробные.

И ангелы, и люди, окружим... одр живоносный... Богородительницы Творца.

При отпевании духовенство окружает гроб. Но здесь – даже не гроб. Здесь другое сравнение приходит: это здесь – алтарь... А Она – престол Божественный святой: Бог в Ней почил... Будем благоговейны...

Смотрим на почившего при отпевании... Родные совсем у изголовья теснятся... Лежит... Очи закрыты... Все кончено... Остается плакать. И на отпевании обычно плачут родные... Последний раз, последний час видят... Вот еще раз поцелуют – и понесут в могилу...

И Церковь поет:

– Лежащу и простерту видяще, очи смежащу... А Она ведь была – живоподательный Божественный и присный (то есть не прекращающийся) источник (ключ воды)... И, однако, умерла...

...Приидите же, верными сердца (-ами) слезы точаще, прикоснемся Сея нетленному телеси... Облобызаем и мы мысленно хоть гроб, идеже лежало тело Ее...

Слезы... Все-таки они – на Успение есть... И грусть... И в Великую субботу при погребении, хотя и мало, плачется, в предчувствии будущего воскресения Господа. Но первые христиане и апостолы больше жалели и скорбели и плакали. И на иконах апостолы и другие изображены сильно сетующими...

...Отпевание кончается... Подходят «прощаться»... Целуют... И мы «прикоснулись»...

Мы свое дело сделали. Помолились. «Наше все кончилось»... А теперь ты, усопший, если предстанешь, помолись за нас... Но не всегда так думается людьми около обычных усопших. А возле почивших святых это очень ясно

ощущается: не столько хочется молиться за них, сколько у них просить... На отпуске, то есть в конце отпевания, иногда говорится: душу от нас преставльшагося... с праведными (Господь) причтет, и нас его молитвами помилует и спасет...

Так повелел молиться за себя и митрополит Филарет Московский⁴², в видении своей духовной дочери, настоятельнице кремлевского Вознесенского монастыря⁴³.

Тем более здесь – возле Богородицы:

– Ты – Божественное и благородное (досточтимое) Божие жилище, седалище... и град Царя всех!.. Подаждь нам всех согрешений наших... оставление... памятью Твоею, то есть в день и ради воспоминания о Тебе, и от бед спаси...

Седален приглашает всех принять участие в «песнях богокрасных»: и дев, и матерей, и всех.

По отпевании поют: «Ве-е-ечная па-а-мь»...

Песнь 4. Люди сделали все. Отпели Богородицу...

...Тогда ко гробу усопшего приступают гробовщики и привычными руками готовят крышку, забивают, потом несут на катафалк... А бедные все это делают сами и несут на руках... Но не делают этого родные: они очень огорчены... А там уже дорывают могилу...

Здесь в успении дальнейшее участие принимают ангелы... Они тоже готовятся... Но готовятся Божию Чистую Матерь прияти к себе, в Царство Небесное, как Царицу, всеми тварьми благочестно господствующую. И, ожидая Ее, небеснии лица веселятся...

На земле о святых слезы льют... А на небе за них радуются. Тем паче за Богородицу!

Но вот как пройти пространство среднее? Между землею и небом?

Для всех обычных смертных здесь тяжкие испытания злых мытарей – бесов... Неужели и Ей придется проходить через них? Неужели гнусные и злые очи их дерзнут смотреть на Нее, Чистейшую ангелов... И неужели... О, нет!.. Но они без меры злобные ведь... Неужели дерзнут предъявить хотя бы и гнусно-ложные допросы?

О, нет! нет!.. Это невысказано! Этого быть никак не может с Единою Всенепорочною, Чистойшею, Кротчайшею и Матерью Бога! Прочь с пути! Исчезните во мгновение ока... Да не будете сами попалены!

– Да уклонятся, – поет Церковь, – воздушный дусии Да отступит же самый миродержец, да падает посрамлен, видя возношаему Божию Матерь. И исчезают прочь в бездну все бесы... Путь чист, светел! ...Сейчас понесут Тело Пречистой...

Вот уже вынесли гроб... Дивные носители – апостолы... Единственный случай в жизни мира: НЕСУТ – АПОСТОЛЫ... Учителя вселенной. Будущие судии мира... Чудное зрелище...

Оно было еще прообразовательно предсказано в Ветхом Завете: ковчег Завета могли носить лишь священники. Они прообразовали верховников священства – апостолов, а ковчег Завета прообразовал Богоматерь, вместившую в Себя Бога...

И как прежде слава Божия почивала на ковчеге, так ныне Она – Сама Ковчег, упокоилась в непреходящих жизненных сокровищах: так скрывают нечто драгоценное в неприкосновенных кладовых.

А Она есть та самая драгоценная Прекрасная, Всечестная «Голубица», которую воспел Соломон (см.: [Песн. 1, 14](#)). Ее-то несут великие апостолы.

Песнь 5....По-человечески, усопшему осталось уже очень немного: темная могила, засыпанная землею, или и каменный, но тоже темный склеп... И конец... Дальше усопшему – тьма и неизвестность, печаль – живым.

Здесь – опять иное. Смерть Ее – начало света, и не только Ей Самой, но и всей твари... Каким образом?

Дальше это сейчас раскроется. Но это так есть! Еще на Синайской горе, когда вдруг вспыхнул огнем куст купины и не сгорел, прообразовательно открылось, что вот и тварь (куст) не тлеет... А сей куст таинственный есть Дева, Чистое Духа Пресвятаго Божественное селение (жилище).

И Она не тлеет... Что за чудо?

Наоборот: это – необходимо; ибо Она была «жилищем» ВСЕГО БОЖЕСТВА. А теперь Божество, Бог, с Своей стороны,

тоже ВСЮ Ее, как Матерь, «Богородительницу», сделал способною перейти на небо (к небеси преходну).

...Обычно, даже у святых великих, лишь души идут в Царство Небесное, а Она – «вся»: Иисус Пребожественный, славы Господь, от Твоего чрева рождется за милосердые, Сам Тя престапи (переставил лишь) от земли, Богомати, с душою и телом...

Вот произошло какое дивное чудо! И это свет для всей твари...

Если прежде воскрес и вознесся телом Господь, то Он же был Бог воплотившийся. Пречистая же Дева была таковою же, как и все люди... И вот ныне и Она, начаток творения, «вся», «с душою и телом», вошла в мир нетленный...

...Это будет и со всеми, но после вторичного пришествия. А Матери Божией не нужно ждать суда, ибо самое воплощение было для Нее «судом» Божиим, если Бог решил воплотиться от Нее...

Ей место уже в нетленном Царстве. Но это совершится не сразу воочию, а таинственно, незримо, как и Сын Ее воскрес сокровенно.

Но Церковь это уже знает. Не может быть иначе!

В самом деле, если и мы, погребая святых людей, не можем допустить, чтобы они истлели как все, то, без сомнения, нужно было заранее знать, что Нетленная Дева Матерь не подчинена будет законам обычного тления: Сын «переставит» Ее «всю» в жизнь.

И это будущее для всех представляется для Нее уже настоящим...

Песнь 6. Что же теперь делать? – Так ясно: поспешим все скорее еще в Сион, – когда Ее несут апостолы, – встретим в Гефсимании, еще раз Ее узрим, хотя бы и «проводим» в последний раз: ведь Она совсем уйдет от этого мира. Поспешим же пристать к погребальной процессии: со Ангелы тецем, со Архангелы и Властьми, и Началы (-ами), и Престолы (-ами), и Силами в Сион, великое чудо узрим... Какое?

«Родительница Жизни» (Христа) подверглась «смерти тленной». Вот первое чудо! А далее – еще большее: в тлении

избежала всякия тли... Противореча всем законам естества!.. Но это есть... Хотя оно действительно – «таинство»... Но у Тебя все Твое было таинственно!

Таинственно, но несомненно: Она уже осияна неземным светом... Зажжем же и мы свечи, сионяне, и проводим Ее, Светом обложенную, в Гефсиманию.

...И процессия идет светло к последнему земному жилищу. «Град Божий» вселяется видимо в гроб Гефсимании. Здесь Сын Ее страдал до кровавого пота в последнюю ночь... Здесь Она найдет Себе упокоение, хотя и на краткий срок.

Песнь 7. У гроба служат последнюю литию и говорят речи... И потом – печальная «вечная память»...

И Церковь зовет почитать Богородительницу песнями. Но какими? Нет места для печали: Она в нетление входит... Нужно лишь славословить Ее. К этому и зовет Церковь:

– Священнической собори, людей составления (собранны), отроковицы, вся девы, ликующе воспойте Девы преставление Божественное.

Это на земле... А на небе?

– Закона и благодати лучшии, праведники, Богородительницы успение хвалите, Бога славословьте, ибо в Сион святых днесь преставляется Пречистая, Святая, Гора святая и великая.

А к этим ликам теперь и мы все приступим и возопием тоже радостно:

– Радуйся, Всенепорочная!

Так, вместо печального заунывного пения «вечная память», эта чудесная похоронная процессия оканчивается неожиданным, необычным, дивным

– Радуйся!

Архангельское приветствие Благовещения... Начало и конец...

Этим заканчивается здесь, на земле, славословие преставления, величание погребения.

Песнь 8. Она уже уходит... Туда, к Сыну... Ее мы прославили... Даже и себя почти забыли... А ведь, казалось бы,

каждому есть о чем попросить Ее... И даже об очень многом. Но приносим общую мольбу:

– Царице всех жен, Дево, мольбу принеси Христу о совершающих любовь память Твою сию...

Помяни всех! Дай каждому что нужно. Но и просить много не нужно: Она и без этого – любвеобильна!

А кроме того, Она так высока, так Пресветла теперь, славою сияет такою, что проситель, восхищенный Ее Божественною красотой, сразу опять забывает о всех своих маленьких нуждах и, наслаждаясь, славит Ее прославление в Царстве Небесном. Он уже зрит Ее там, в НЕТЛЕННОЙ РАЮ.

– Яко световидно освященное добротой Божества лице Твое, Пренепорочная, славою сияюще Божественного девства, преукрашенного отныне уже на вся веки...

Царица в красоте и славе!

Еще и еще нужно славить Ее! Забыв все свои нужды и, может быть, даже немощи, только славить бы Ее «красоту Божества», Божественности...

Но тут далее мы совсем теряемся... Если сам апостол Павел не находил слов передать «неизреченные глаголы», которые он слышал в раю (см.: 2Кор. 12, 4), то как сможет воспеть песнопевец «Божественную славу» Ее, превышающую ум и язык?! И потому мы горно желаем славить, но не имеем на это сил, смиренно, грустно уступаем необходимости: Глаголати не могу! изумеваюсь и трепещу! и весьма соскутоваюсь (сжимаюсь от страха)! Твоя превеликая не в силах восхвалить. И не будем. Но любовь мою, Дево, зрящи, божественными возмзди (вознагради) даровании (-ями) непрестанно.

Песнь 9. Но если невозможно описать славу нетленной красоты Ее, то остается еще многое, что нужно сказать Ей и по отшествии. О, как много еще!

И прежде всего... Ублажаем Тя, прекрасная Невеста, Богомати Дево, за спасение мира в лице наших родоначальников: через Тебя, родившую Искупителя, поползновение исправися (-лось) Адамово, и Евино побеждение (поражение) всегубительное. Вси Тя за это величаем: они ведь – наши праотцы. За них благодарим.

А за себя опять вспоминаем: славу Тебе по достоянию мы воздать не умеем и не можем, бессильны!

Да, впрочем, если Сам Бог славу Тебе по достоянию... подавает, яко Владыка Твой, Дево, то что же мы можем принести Тебе, худии, после Него?! Разве что: приими наше усердие и Тя любовь чутущих, яко Богородицу, сохраняй.

Общая мольба... Это надежнее: не просить чего-либо отдельного, а предаться в руки Ее Промысла вообще, навсегда...

– Пресвятую, Пречистую... помянувшие, сами себе... в волю Божию предадим (ектения просительная в конце утрени). На Тя уповаем...

Канон кончен.

В заключение певец обычно испрашивает чего-нибудь себе и другим, совершающим службу (вообще «певцам»)...

После отпевания усопшего платят хору, певчим, священникам. Чего же Богородичные «певцы»?

– Якоже (как) Вышний (Бог), сошед (с неба), пройде из боку Твоею, Дево, нас посетил есть, Богоневесто, так и Ты, подобаяйся Ему, посети от Небесных чертог певцы Твоя, в «память» Твоего успения поющих. Так чего просят мудрые певцы у Царицы?

Мы – «худии», нищие, а Ты – Царица Небесных чертогов... Но за наше убожество зайдя в убогую хижину душ наших...

Посети! И это будет величайшей наградой! Много просят: «зайди». Но Царица – Милостива. Другая просьба, и последняя, – по долгу сыновнего подданства и попечения о мире державы, – молитва за державную власть.

Так прекрасно все сложено в службе. В конце, во свечильне, Церковь припоминает прежнее, другое славословие, которое Она слышала в Вифлеемской пещере:

– Ангелы и пастыри пояху рождество Твое первее, и ныне ангельстии чини и апостольский лик, и всяк язык, Дево, успение Твое поют.

Ты же... моли о воспевающих Тебя христианех.

В стихирах на стиховне утрени повторяются главные мысли прежних стихир и канона: и славословие, и просьбы, и мысли о

преставлении, и смирение песнописца, и мольбы о христианском народе, и об оживотворении мира Ее смертью, и о славном благодарственном пении.

Самое главное все же выпишу:

– Глаголом... Гавриила (при Благовещении) последующе, радуйся, Тебе зовем, Чистая... поминай о воспевающих Тя!

– Неизмерная Премудрость (Сын Божий) храм... из Тебе... созда... паче ума... Духом Святым; а ныне Тебе Саму в Небесные селения представи (-л)... Раб Твой, я ныне прихожду к Тебе, Матери Божией, от всяких избавитися напастей моляся. Но не о себе лишь одним прошу: царствующи с Сыном Твоим, христианский род сохраняй, то есть Церковь.

Последняя песнь – заключительно – хвалебная:

– Приидите, еси концы земнии, преставление Богоматере восхвалим. В руки Сына душу непорочную положила Она... Но Ее смертью мир оживотворился, во псалмех, и пениях, и песнях духовных с бесплотными и апостолы празднует светло.

Обобщаете и запечатлеваете главное.

В богослужении часто одни и те же мысли повторяются: Церковь хочет ими насладиться и впитать их глубже в слушателей.

А еще объясняется это тем, что творцами разных частей богослужения бывали разные люди; но естественно, что на один и тот же праздник они в своих произведениях выражали одинаковые мысли.

Какое же основное впечатление от службы предпразднства Успения Божией Матери?

Церковь зовет к радости и объясняет нам это. И уже заранее совершает обряд отпевания, – вспоминает погребение Ее.

Это вносит немного грусти в торжество. Но, думаю, Церковь делает это раньше для того, чтобы самый праздник отдать уже больше СЛАВЕ И РАДОСТИ.

II. Богослужение на Успение

Событие успения, или вознесения Ее на небо, столь велико, что не только наше личное недостойнство препятствует приступить к нему и с полной ясностью уразуметь силу события, но и вообще нам Той (Ей) достойную честь воздати немощно. Почему? – Потому, что Ее преизящное, то есть исключительное, превосходное, прекрасное, – всё, что было с Ней, преходит всяк ум.

Далее:

– На Ню взирати не можем (Богородичен на Господи, воззвах на великой вечерне).

Так все в Ней преестественно-чудно!

В самом деле: в Ней все полно чудес. На этом часто останавливаются церковные песнопения.

С этих слов начинаются праздничные стихиры. Первое, что слышит богомолец об успении Божией Матери, – это два слова:

– О, дивное чудо! (стихира 1-я на. Господи, воззвах на великой вечерне).

И во второй стихире говорится с первых же строк:

– Дивны Твоя тайны, Богородице!

Все – дивно!

– Вся (всё) непостижима Твоя, вся несказанно воистинну, страшна таинства (стихира на стиховне на вечерне 21 авг.). Всё «превыше естества» «дает Тебе» «Царь всех Бог».

– Побеждаются естества уставы в Тебе, Дево Чистая, – так начинается задостойный ирмос 9-й песни 1-го канона, который до отдания поет Церковь.

Так многообразно Церковь дивится! И сказать кратко:

– Чудо в чудеси (седален по 3-й песни канона 20 авг.), то есть «чудо на чуде».

Именно! Уже самое первое и величайшее чудо, о коем ни в какой праздник Ее забыть невозможно, – ДЕВА БОГА РОДИЛА:

– Вышняго (Бога) престол явилася еси, Владычице (стихира 2-я на Господи, воззвах на великой вечерне). Победная почести (трофеи) взяла еси на естество (в преодолении естества,

природы), Чистая, Бога рождши. Так начинает объяснять Ее величие канон. Что может быть выше, славнее, чудеснее, непостижимее?! Ты бо была еси Божия родительница (стихира на стиховне на вечерне 21 авг.).

Но дивны и обстоятельства сего рождения:

– В рождестве Твоем зачатие безсеменное (седален по 2-й кафизме праздника). В тропаре поется, что Она в рождестве девство сохранила еси, а во успении Твоем мертвость – нетленная... Како бо (будучи) неискусомужная (без мужа) младопитательница чиста суща? Како же (и) Мати Богу (будучи) мертвоносна (сделалась), хотя и мироухающи? (там же).

А ныне, в день Успения, сколько чудес и славы!

Со всех концов дивно собираются на облаках апостолы. С ними являются ангелы. За ними шествует Сам Царь их и берет душу Пречистой в Свои руки и прославляет Ее с Собою:

– В рождестве бо Деву якоже сохрани, тако во гробе тело соблюде нетленно, и прослави Божественный преставлением (тропарь 6-й песни 1-го канона праздника).

А вознесшись, Ты – самые небеса удобрила (украсила) еси (стихира на стиховне на вечерне 21 авг.) Своим благолепием!

Подумаем: «небеса украсила!» Какая же дивная в Ней красота была и есть! Как ангелы прекрасны, но Она всех превзошла!

Припомним, что в видении преподобному Серафиму мать Евпраксия говорит об исключительной славе и красоте Богородицы, превосходящей не только сопровождавших Ее святых, но и ангелов.

Далее.

При Своем скончании Она самым успением

– просветила еси мир (там же).

Воистину,

– Слава Твоя Боголепная, Богоподобными сияющи чудесы (стихира на Господи, воззвах на великой вечерне).

От мира ушла, а мир не оставляет: пребывавши по смерти, смерти вышши, Чистая (светилен 16 авг.); во успении мира не оставила еси, Богородице (тропарь праздника).

Такое множество чудес! И как не сказать:

– О, колика величия Тебе Сильный сотвори]..

А сверх всего: и Сама Ты от неплодных бо родилася еси (светилен 16 авг.).

Воистину, «дивны Твоя тайны, Богородице!».

Здесь действительно всякий ум остановится в недоумении, удивлении, трепете и даже «страхе»! Понятно станет, что действительно Ей «достойную честь воздать неможно!»

Поэтому в службе неоднократно говорится, что недоумением объаты были не только апостолы, но даже и сами ангелы... А мы, празднуя, ни величия этой славы, ни чудес, ни страха не ощущаем. А должно бы!

Послушаем, что говорит Церковь про апостолов и ангелов:

– Опрята (-я) лик апостольский Богоприятное тело Твое, со страхом зряще (тропарь 9-й песни 1-го канона).

– Жену Тя мертвенну, но паче естества и Матерь Божию видевше... ужасно (с ужасом) прикасахуся руками (убирая, «опрятывая» Тело) к Тебе, славою облистающей, яко Богоприятное селение видяще (тропарь 3-й песни 1-го канона).

Насколько страшно было прикоснуться к Ней недостойными руками, ясно показывает случай с евреем Аффонием: когда апостолы благоговейно, со страхом несли Ее пречистое тело, фанатик еврей, возмущавшийся (даже, вероятно, искренно) самую мыслью о «Матери Бога», решил опрокинуть гроб и выбросить тело Ее... Евреи даже «СЫНА БОЖИЯ» не могли вместить, за что и распяли Господа Христа!

– «Каких еще нам доказательств! – говорит Каиафа, раздирая свои одежды. – Он себя Сыном Божиим творит!» И Христу изрекается смертный приговор: «повинен смерти!» (см.: Мф. 26, 65 – 66). Подобное, вероятно, переживая и Аффоний.

Но Христос оградил Свой «одушевленный кивот», как некогда оградил «ковчег» неодушевленный, когда еврей Оза, даже по причине побуждения поддержать накренившийся воз с ковчегом, неосторожно коснулся его плечом, – и мгновенно умер (см.: 2Цар. 6, 7). Здесь же ангел Божий незримым мечом отсекает дерзкие руки Аффония.

Именно об этом событии говорит следующий же тропарь: в то время как апостольские руки касались тела Пречистой с

трепетом (скажу по-русски):

– «Суд Божий постиг» через «усечение» досадительныя (оскорбившие) руки дерзкого. Бог этим сохранил честь одушевленному кивоту, исполненному славою Божества, ибо «в нем Слово стало плотью» (тропарь 3-й песни 1-го канона).

Та же мысль выражена и в другом месте: Ты, Богородице, вошла в славу; потому – воздаде (воздай) беззаконныя Господь, леств бо (кощунство) сотвориша (-ли) честному телу Твоему (седален по 1-й кафизме 19 авг.).

Если так чувствовали себя апостолы, если благоговейно предстояше апостольский собор (стихира на стиховне на вечерне 19 авг.), то как же должны бы чувствовать себя мы?!

Но обратимся еще к ангелам: какие чувства влагает им Церковь?

– Пресвятыя и старейшия ангельския силы, чудеси дивящиеся, приникше друг ко другу (иногда и люди втихомолку шепчутся удивленно), глаголаху: возмите ваша врата и восприимите Рождшую небесе и земли Творца. Славославленьми же воспоем честное и святое Тело, вместившее нами невидимаго и Господа (на великой вечерне стихиры на стиховне).

Припомним и те слова, которые уже приводились раньше:

– Взирать на Нее не можем (стихира на Господи, воззвах на великой вечерне). Эти слова принадлежат именно ангелам. В другой песни говорится так:

– Ангели лик составляют со апостолы, ужасно взирающе на Рождшую Начальника жизни (стихира на литии).

И оба лика ангелов и апостолов страшная пения... принесоша (-ли) тогда Деве (стихира 2-я на Господи, воззвах 16 авг.).

Вот каково главное настроение участвовавших при погребении Богородицы.

Отсюда совершенно естественно, что мы, люди, уже тем паче должны смутиться и быть в трепете пред Нею.

И мы видели еще в предпразднственном каноне, как и в раю при созерцании Ее славы, – «изумевают и трепещут и

весьма соскутуются» (от страха смущаются, как бы сжимаются).

Но и в самый день праздника автор икоса (по 6-й песни канона) сознается в дерзости своей, что решается «воспеть» Чистую Матерь Божию. И потому у Самого Христа Господа, Сына Ее, молит «оградить» его «помышления», «укрепить» в словах, «даровать язык» нужный. Но и при всем том Церковь сознается:

– Киими недостойными устнами ублажим Богородицу? (стихира 1-я на Господи, воззвах 16 авг.)

Вот почему ныне чудо преужасное. И потому ангелы и апостолы со страхом погребают Богородицу (стихира на стиховне, вечерня 16 авг.).

Но хочется узнать глубже о том, откуда такое «страшное» настроение?

Мы не сомневаемся, если на это ответим двумя словами церковной песни: от «славы Боголепной».

На этом просим теперь очень остановиться вниманием, ибо здесь самый центр, самая вершина смысла праздника; отсюда все исходит – и сказанное ранее доселе, и все последующее.

Когда начинался праздник, я этого не понимал; после «умом» лишь дошел до этого, припоминая о страхе из жития преподобного Сергия и других угодников. Но вчера ощутил это немного и сердцем, и яснее уразумел... Немного напишу об этом... Скорее – попытаюсь...

...Вот мы постоянно молимся Божией Матери... Подходим доверчиво... И просто... И это хорошо.

Но это ЕЕ МИЛОСТЬ И СНИСХОЖДЕНИЕ по любви и сочувствию к нашим страданиям. По существу же Она воистину «Преславная». А все «пре- славное» может поражать нас, как не – переносимое...

Если на преображение Господне апостолы не могли взирать на «неприступную» славу Его, то именно же ЭТА Божественная слава осияла в успении Богородицу. Спаситель показал, до какой славы может дойти НАШЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ (ныне «очерневшее») естество! Ныне в Божией Матери оно и прославилось. Прославилось все: и дух, и душа, и тело. Все

стало «БОЖЕСТВЕННЫМ», то есть проникло в Ней Божественною благодатью, или Богоподобной, Боголепной славой!

Как в раскаленном железе (возьму опять то же сравнение) уже больше действуют не его, а огненные свойства, так и в обожествленной Богородице все стало уже «Божественный», обожествленный.

А все Божественное невыносимо для слабого человека, выше сил его!

Это и говорит в песнопениях Церковь.

Что же произошло в Богородице по Ее преставлении в Ее прославлении?

«Дух» Ее стал «всесвятым» (стихира на стиховне на утрени 20 авг.), «тело» Ее «пречистое» стало «блаженным» (седален по 1-й кафизме 21 авг.) и «богоприятным, нетленным» (на стиховне стихиры праздника, вечера 21 авг.).

Можно сказать и больше:

– Ныне невещественный (ангельские) чиновники провождают в Сион (небесный) небошественное божественное тело Твое (тропарь 1-й песни 1-го канона), – начинает хвалить Преставляющуюся святой Косма песнопевец.

Как видим, даже тело Ее уже стало «Божественными».

Она вся – уже в Божественном СВЕТЕ ныне:

– К нестареемому покою от земли представляеши... осияема светлостью... в Тя всельшегося, Богородице Чистая (стихира на Господи, воззвах, вечера 19 авг.).

Вот уже – и свет Преображенской славы! О «благоухании» Ее упоминалось в изъяснении предпраздничного канона; приводились слова о «мироухании» и из праздничного канона.

Все это сближает с Нею преподобного Серафима в его прославлении. А про него Богородица, явившись с апостолами, сказала: «Сей – от рода НАШЕГО!», то есть уже подобен Ей и небожителям. Но Божия Матерь прославлена была ВЫШЕ всех! Ее слава превзошла всякую славу сотворенного мира, видимого и невидимого!

Вот мы часто читаем и поем о Ней, но не сознаем этого:

– Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим... И не постигаем этого! А Церковь все это излагает в богослужении:

– Яже небес вышшая сущи, и херувим славнейшая, и вся твари честнейшая, ибо была Присносущнаго Существа приятелище (стихира 2-я на литии). Подумаем: ВЫШЕ всякого сотворенного естества! Как ни славны святые и ангелы, но Она – выше и славнее всех! Дальше – и без сравнения.

Отсюда становится понятно, что Ее явление в раю «небеса украсило». А украшать может то, что лучше украшаемого.

Вот какой славы достигла Она!

«ОБОЖЕСТВИЛАСЬ» – по благодати... Когда же произошло сие, то Она приобрела уже и богоподобные, а можно выразиться, и Божественные свойства. Какие же?

– Подобие Богу – по вездесущию: Она и на небе, но и мира не оставила (тропарь Успению).

– Подобие Богу – по действиям: Она теперь Сама спасает уже других.

Остановимся душою на этом. Спасать других... Да, это лишь Богу свойственно, Спасителю. Но, в силу Ее обожествленности, и Ей дарована сия страшная власть! Поэтому в тропаре отмечено это высочайшее свойство Богородицы:

– И молитвами Твоими избавлявши от смерти души наша (там же).

«От смерти» – конечно, «второй смерти» (см.: Откр. 20, 14; 21, 8), от вечной гибели. Спасает, конечно, не Своею силою, а силою Бога, Ей данной, или спасает Бог, но Ее особыми по силе ходатайствами и молитвами: и молитвами Твоими избавлявши от смерти души наша. От смерти телесной никто не свободен.

В песнопениях Ей Церковь то употребляет слова:

– Пресвятая Богородице, моли Бога о нас грешных (на великом повечерии). То – проще: Пресвятая Богородице, спаси нас! (параклисис Божией Матери).

Или еще: спаси от бед Твоя рабы, Богородице (там же). И все сие совершилось уже после успения, в совершенной полноте.

Она уже стала «Божественною».

Вот откуда слава Ее; откуда страх и трепет даже ангелов и апостолов; откуда «страшная пения»; откуда сознание «недостойнства» песнопевцев...

Отсюда, как увидим потом, будет и соответственная благодать праздника. Нужно, сколько вместимо, воспринять эту Божественную славу: здесь – главное!

Однако было бы неправильным, если бы мы сказали, что страх и трепет суть главные чувства, проникающие песнопения праздника.

Наоборот, без всякого сомнения, господствующий тон их чрезвычайно РАДОСТНЫЙ. И даже в смысле количественном радостные мысли превышают «страшное» во много раз.

Еще в предпразднстве начинается с торжественных восклицаний восторга:

– В кимвалех возгласим, в песнях воскликнем! Надгробное пение светло возопием! (стихира на Господи, воззвах предпразднства).

На самый праздник первые слова малой вечерни радостные:

– Бессмертным успением Божия Матере ангельский собор радуется... и к веселию нас, земных, призывает вопити немолчным гласом: радуйся, преставльшаяся от земли... Радуйся упование и спасение наше! (стихира на Господи, воззвах на малой вечерне).

А стихиры на великой вечерне все (8 раз подряд) кончаются ангельским приветствием Гавриила:

– Благодатная, радуйся: с Тобою Господь!

Радостнее же этих слов нет для Нее!

То же самое говорится и про апостолов и ангелов:

– Живоначалное и богоприятное Твое Тело погребше (похоронивши), радовахуся (стихира на стиховне слава и ныне) апостолы, и (и ныне) благогласнейше Богородице вопияху, исходную возглашаюсь песнь Духом: радуйся, Нетленный источниче! (2-й тропарь 5-й песни 1-го канона).

– Лик ученик собравшися, с веселием ношаху честное в рай тело Твое (седален по 2-й кафизме 16 авг.); и со славою и

многим веселием погребоше, воспевали пречистое тело Твоего блаженства, Мати Христа Бога (седален по 1-й кафизме 21 авг.).

Радовались и ангелы:

– Силы Небесныя премирныя предтечаху вкупе и ликоваху, духовне зовуще: веселитесь Небеса! (седален по 2-й кафизме 21 авг.)

Как же теперь сочетать оба эти чувства: страха и радости у апостолов и ангелов, а следовательно, отчасти, по подобию, и у нас?

На это отвечает Церковь так про ангелов:

– В преставлении Матери Божией ангельская воинства священными крылы трепетом и радостью покрываху... богоприятное тело Ея (тропарь 4-й песни 2-го канона на Успение).

Следовательно, у них были оба чувства. Но – по службе – несомненно господствует, преобладает радость над страхом!

К ангелам присоединяется и человеческий род:

– С нимиже и мы, любовию играюще, Чистая, хвалу Тебе приносим гласы песненными, вернии, и вопием: радуйся, Предстательнице присночтущих Тя (седален по 3-й песни канона 22 авг.).

И действительно, общий тон песнопений – ликующий, радостный, торжествующий. Особенно в этот праздник в радости выделяются из других девственники и начальники. Девственники – потому, что вся слава Ее изшла от сверхъестественной чистоты Ее, а начальники – для того, чтобы сильнее подчеркнуть славу и торжество Ее:

– Юноши и Девы, Девыя (Девственной) же и Богоматере память чтуще, старцы (старшие, старейшины, начальники) и князи, царие и судии, пойте! (1-й тропарь 7-й песни 2-го канона на Успение). Радуются все и даже самая тварь, природа:

– Да вострубят трубою духовною горы небесныя (те высокие, до неба)/ Да радуются холми! (2-й тропарь 7-й песни 2-го канона на Успение).

«Весь мир», «вся тварь» приглашается торжествовать, и земля, и воздух.

Каковы же причины этой радости, которою наполнено все богослужение на самый праздник до такой степени, что не только о слезах, но и ни о какой печали вообще не может быть и речи не только у апостолов и ангелов, но даже и у нас?!

«Странное погребение!» Уже не раз на этот праздник приходила мысль о противопоставлении: погребение и ликование!

Обычно смерть – это несчастье, скорбь, слезы, рыдания, отчаяние... Погребение – одна из самых печальных страниц жизни человеческой. Все «убиты»...

Здесь – все наоборот: радуются, ликуют, торжествуют, восклицают, плещут руками. Короче – погребение претворилось в праздник. Воистину – «странное погребение»!

Почему же радуемся? Что празднуем?

Конечно, не смерти радуемся, а тому, что последовало за нею: воскрешению, вознесению, прославлению, обожествлению, предстательству. И самой смерти уже нет: есть только лишь «сон», «успление», «преставление» из одной жизни в другую. И притом – в несравненно лучшую: Жизни присносущныя и лучшия смерть Твоя бысть прехождение, Чистая, от привременныя к Божественней воистинну и непреходимей жизни преставления (тропарь 4-й песни 1-го канона на Успение). И не просто – к лучшей: Приидите... возрадуемся, Богородицу зряще: к зело бо лучшей и Божественней сени (жилищу), яко Матерь, Сию во Святая Святых Христос престаи (тропарь 9-й песни 2-го канона на Успение).

Она не умерла, но преселилась к божественнейшей жизни. И прежде всего, чтобы: в веселии Сына зрети и Господа! (тропарь 4-й песни 1-го канона на Успение).

Ведь никак нельзя из чувства Богоматери изъять той материнской радости, которую – в малом подобии – переживают все матери, видясь с разлучившимся сыном. Но здесь Он и Сын, и Господь!.. И радости Ее даже и представить нам невозможно! Выше ума!

А затем нужно вспомнить про то «Божественное прославление», о котором говорилось раньше: у нас это

вызывает страх и трепет, но Она Сама, как и все прославленные, испытывает необычайную радость и блаженство.

Об этом и поет Церковь много раз на службах, начиная с малой вечерни. Ангелы, как уже знающие об этом состоянии по своему опыту, и сами радуются за Богоматерь и других приглашают радоваться:

– Спя, отходящи, в обители вечные вселяется, и к веселию небесному преходящи, в Божественную радость и вечное наслаждение вступает (на малой вечерне, 1-я стихира на Господи, воззвах).

Поэтому понятно, что этой блаженной перемены, прежде других, желала Сама Преставляющаяся:

– Жизни вышняя желаючи, сию (нижнюю, земную) оставила еси, Богородительнице (на малой вечерне, 2-я стихира на Господи, воззвах).

– И ко премирным прешла еси, доброту (красоту) разумевати Вседержителя и Сему (Ему), якоже Мати срадоватися (на вечерне стихира 3-я на Господи, воззвах 16 авг.).

Такова первая причина радости праздника – радости за всё. Да! Счастливы и мы!

– Блажим Тя еси роди, Богородице Дево, но блажени есмы и мы... Почему?

– Предстательство Тя имуще (ипакои по 3-й песни канона). Вот отчего счастливы и мы...

Мы не дерзаем того говорить, что Ты указала туда и нам путь, что и нам предстоит прославление, подобное Твоему. Мы недостойны... Мы грешны... Но так как Ты теперь спребываешь с Самим Сыном и Богом Твоим, то мы радуемся этому и за себя, ибо Ты молишься о нас.

Почему молишься? – Как же не молиться? С одной стороны, к сему побуждает Ее богоподобная любовь обожествленного духа; с другой – мы Ей не чужие. Мы Ей – «сродники» по человечеству... Все...

– Сродна (-го) присвоения не забуди, Владычицеи (слава на литии).

Можно ли любящей душе забыть о сродниках, пусть и бедных и ничтожных! Особенно если они «верно празднуют» Ее торжество!

В других местах мы все называемся «наследием», или Ее достоянием, мы – Ее стадо, овцы. Так говорят даже апостолы:

– В небесныя дома к Сыну восходящи, спасавши присно, Богородице, наследие Твое (тропарь 9-й песни 1-го канона).

– Петр же со слезами (единственный раз упомянуто о слезах!) вопияше Ти: О Дево, вижду Тя ясно (явно) простерту просту, живота всех, и удивляюся... Но, о Пречистая! молися прилежно Сыну и Богу Твоему, спастися стаду Твоему невредину (стихира по Евангелии).

В каком смысле мы называемся «Ее» наследием, если мы, люди, – «достояние Божие»?

...Возьму такое сравнение. Сын захотел приобрести имение, но у него недостает для этого некоторой суммы денег. И мать дает ему. И он становится владельцем имения. Но фактически, поскольку через материнскую помощь приобретено оно, можно сказать, что его достояние, или «наследство», – матери. Так, Господь спас мир, взяв «взаим» плоть от Приснодевы. Посему-то мы не только Божие имущество, но и Ее. И теперь Она заботится о сем достоянии Сына и Своем день и ночь:

– День бо и ночь молишися о нас... Тем (потому), воспевающе, вопием Ти: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! (ипакои по 3-й песни канона).

И эта молитва началась с самого НАЧАЛА Ее преставления:

– Якоже воздевши руце, исходиши (умираешь), Всенепорочная, руце, имиже Бога носила еси плотию, со дерзновением, яко Мати, рекла еси к Рожденному: яже Ми дал еси, во веки сохрани! (тропарь 8-й песни 1-го канона).

– И ныне предстоящи, Сыну Твоему молишися о мире мира, Мати безневестная (седален по 2-й кафизме 19 авг.).

Она сделалась всему миру Матерью через Сына Своего, вочеловечившегося от Нее и спасающего людей. Царица влечет за Собой и сродников.

Но не только люди, но и вся вселенная имеет основание ликовать ныне.

– Земля убо благословися погребением Твоим; воздух же осветится восхождением Твоим, Марие Всепетая (седален по 2-й кафизме 19 авг.).

Короче: весь мир осветила еси... бессмертным успением Твоим (стихира 3-я на Господи, воззвах 16 авг.). «Весь мир оживотворился» – слышим мы еще в предпразднстве. Вся тварь «празднует»!

Как?

– Надеждою на возрождение, обновление: если Она, Человек, удостоена сего бессмертия, прославления, и притом не только по душе, но и по телу, то есть матернею, подобною всякой природной вещи, то и весь мир может подняться на такое же возобновление, духовное изменение. А кроме того, самое пребывание Ее на земле и прохождение по воздуху дало ему благодать: поэтому особенно блажен «дом Богородицы» – Гефсимания, где Она погребена была. Туда и приглашает Церковь «празднолюбцев», почтить гроб и мыслию, и прикосновением, и сердцы (-ами), и устами очесы и лицом чисто прикасающиеся (тропарь 9-й песни 2-го канона).

...Поэтому понятно, почему паломники в сей день (Успения 17 августа) спешат в Гефсиманию, подобно как в Страстную пятницу и субботу – к Плащанице.

И как не почтить Ее гроба?!

Ее гроб... показа рай (тропарь 8-й песни 2-го канона) и Ей, и нам.

Вот почему Церковь всех и приглашает радоваться:

– Да возгласят трубы богословов днесь! Язык же многовещанный человеческий (на всех языках усердно) ныне да восхвалит! Да огласитже (издаст глас) воздух, безмерным сияя светом! Ангели да поют Пречистыя Девы Успение (тропарь 5-й песни 2-го канона), и «празднующи погребение».

Вот почему ныне всяк земнородный да възиграется духом просвещаем; да торжествует же безплотных умов естество (ирмос 9-й песни 2-го канона). Божественное сие и всечестное совершающе празднество (ирмос 6-й песни 2-го канона),

священное преставление Богоматере (ирмос 9-й песни 2-го канона).

Вот почему в славном успении Ее небеса радуются... вся же земля веселится (1-я стихира на хвалитех).

Вот почему вся служба полна «СЛАВОЮ» и славными песнями в честь Богородицы.

Все это многообразное блаженство, всю эту Божественную славу можно наименовать двумя словами: «Царство Божие».

Ныне Богородица вошла в Царство Божие. Или можно и иначе сказать: Царство Божие, слава Божия почилла на Ней.

В богослужении часто говорится о Ней как о Царице. Но особенно насыщено этим одно песнопение:

– Да празднует тварь молебно: всех Царица к Царству мысленному (то есть духовному, а не земному) ПРЕЙДЕ сцарствовать Царствующему всею тварию. Ея же ради разрушися адово царство, и мы от земли вознесохомся, и со Ангели жити сподобихомся (стихира на Господи, воззвах 17 авг.).

А в другой стихире все приглашаются принести Ей, как Царице преставившейся, дары:

– Девичестии лица... яко дар, девство вместо мира приносят, ови же невещественное пение с добродетелию... С нимиже и мы, житие чистое совнесше, изыдем к погребению сущая (истинной) Матере Бога нашего, пеньми и песньми духовными согласно Ю (Ее) ублажающе (стихира на Господи, воззвах, и ныне, 16 авг.).

Но не только Она Сама в Царстве славы, но в Ней впервые все человечество в полноте восприняло Царство Божие. Правда, ранее всех восшел, вознесся на небеса Господь Иисус Христос... Но Он был не только человек, но и Бог... После входили в рай праведные, но одними душами, без тела. Ныне же Она, первая из людей, и притом во всей полноте человеческого естества, вошла в Царство Божие... Ныне и ангелы впервые увидели полного человека в своем славном вышнем Царстве:

– Ея же успением собрася мысленное земное и небесное естество все, патриарси, пророцы и с мучениками апостоли, –

то есть собрались на торжество Ее; ныне все объединились в Царстве Божиим:

– Едина бо бысть радость днесь сущим на земли и на небеси во успении Ея (3-я стихира на стиховне, вечерня 22 авг.).

И как восшедшая выше всех тварей, – и небесных, и земных, – как Царица, сцарствующая Сыну Своему, Она после успения и до века владычествует видимыми и невидимыми (седален по 2-й кафизме, 21 авг.).

Она – и Невеста Божия, Царица Дева, и Дева Мати (на стиховне стихиры праздника 18 авг.).

Ее, как Царицу, и «приемлет» «Вышнее Царство» к себе... А так как сие Царство есть Царство Святой Троицы, то, следовательно, Троица приемлет Ее в блаженство Свое, поскольку это возможно человеку.

Между прочим замечу: есть католическая икона – Коронование Божией Матери Троицею. Вверху Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух; под Ними на коленях стоит Богоматерь; на Нее спускается корона.

У католиков посвящен этому, кажется, и особый праздник. У нас – нет; но сущность – одна.

Так мы подошли с вами опять к «славе».

Хорошее это понятие и слово у сербов. Ныне «слава» Богородицы! Как на Вознесение была слава Господа, так ныне слава «Госпожи», – «Госпожины»... И, вероятно, наше русское слово «спожинки» (так называется весь пост Успенский) есть сокращенное «Госпожинки», то есть дни Госпожи Богородицы.

...Во всяком случае несомненно, что Церковь считает «славою», или «днем», Ее, Богородицы, именно день Успения, а не Рождество Ее, не Благовещение, не Введение.

И понятно: ныне – самый славный день именно для Нее Самой. Ведь и святых (мучеников, преподобных) мы поминаем, главным образом, в день их кончины; особенно же если прославление, канонизация, совпадает с тем же днем. Или же вспоминается день прославления мощей, если он отделяется от смерти.

Поэтому преподобный Серафим чудо с исцелением им четырехлетнего расслабленного ребенка (в 1924 году) сам

называет 19 июля, день открытая мощей: «МОЙ ДЕНЬ».

«Дождись, дождись, – говорил он во сне матери расслабленного ребенка, – моего дня».

Конечно, в песнопениях слово «слава» не употребляется, но по существу, конечно, ныне день «славы Богородицы», именно Госпожи, Владычицы, Царицы, Прославленной, Обожествленной, Воцарившейся с Сыном в Вышнем Царстве.

Это слово в песнопениях заменяется другим: «ПАМЯТЬ».

Это слово в богослужении часто встречается:

– Преукрашенная Божественною славою, священная и славная Дево, память Твоя вся собра к веселый – так начинается радостный канон, или:

– Твоя песнословцы Богородице... лик... совокупльшия... в Божественной памяти Твоей венцев славы сподоби (ирмос 3-й песни 2-го канона).

Она Сама прославилась и певцов участниками славы делает:

– Память Твою празднующе, вопием Ти, Препетая (на великой вечерне стихира на стиховне).

– Память Твою, Дево Чистая, Небесные Силы славят... человеческий же род – поем (тропарь 8-й песни 2-го канона).

И как в день славы (или русских именин) хозяин или именинник угощает гостей своих, так и Божия Мать подает верным в Божественной памяти Ея богато велию милость (стихира на Господи, воззвах на вечерне 16 авг.).

Какую же милость, какую благодать раздает в день славы Царица Богородица хвалителям Своим?

Кое-что открылось нам в конце концов.

...Нужно твердо установиться в той мысли, что по успении Богородица уже НЕ ОБЫЧНЫЙ человек, а БОЖЕСТВЕННАЯ ВЛАДЫЧИЦА МИРА....Нужно вознестись умом, а главное – сердцем так, чтобы ПОЧУВСТВОВАТЬ НЕИЗМЕРНОЕ ВЕЛИЧИЕ ЕЕ, а также, – и это непременно, – «НАДМИРНОСТЬ».

Это, правда, и ко всем святым относится, но к Ней, «высшей» всех, больше всего. Она Сама – царствует уже. Она Сама – всецело спасена уже...

Там, на небе, Она в нынешний день торжествует с ангелами, патриархами, мучениками и апостолами, смиренно приемля их славословия... Не смею больше

дерзать и заглядывать туда, горе... О! какое там торжество днесь!

...Но как «бедные дети земли»? «Нищие Ее родственники»? Чего же им пожелать и испросить себе?

Конечно, чего же иного, как не того, чего желает от нас Сам Бог, Спаситель мира, – спасения?! И чего же иного желает нам и Богородица, как не того же самого «ЦАРСТВИЯ БОЖИЯ», той же «славы» у Бога, какие получила Сама Царица Дева?! В тот день, когда все это получила Сама, Она и нам желает того же: спасения, Царства Небесного!

Но то, что для Нее уже достигнуто, для нас есть еще предмет стремлений, борьбы, подвига. Мы еще в пути. И Она желает нам помочь – СПАСАТЬСЯ. Это воистину самое Божественное, Богоподобное желание! И если Она помогает нам в спасении, то это не самый ли великий дар со стола Ее «славы»?!

Конечно, и радость для нас есть у Нее; но то может быть в другие дни... А ныне желает Она главного: «только бы вы все спаслись!» «Тогда радости насытитесь».

А спастись нам, это значит – бороться против грехов своих и стремиться к благодати! Вот почему, может быть, и мне, грешному, Богородица в день Своей славы не дала сначала радости, а заставила просить о том, чтобы я не грешил, чтобы Она помогла мне спастись...

...И я снова пережил это настроение: как бы в присутствии Ее Самой не позволять себе дурного, даже и в малом. И это мне снова помогло... Слава Ей, Многомилостивой!

Но главное нужно помнить: Она – Божественна! И преславна!

Вот как я дошел до этого от песнопений церковных. Везде все слышу просьбы, просьбы, просьбы к Ней. Все зовут о помощи. Все надеются на Нее... Просят себе милости, благодати... Какой же? Стал я всматриваться в это – и увидел,

что, главным образом, и просят именно о спасении: «Пресвятая Богородице! Спаси нас!»

Но так как у людей есть беды духовные и беды земные, то Она помогает и там, и здесь. Послушаем.

Уже в тропаре, – как мы говорили, – Она в нынешний день «молитвами Своими избавляет от смерти души наши».

– Молися выну (всегда) сохранить и спасти от всякого прилога противного (на великой вечерне стихира на Господи, воззвах, и ныне), то есть от диавольских искушений.

Мы Ей поклоняемся, яко молящейся о душах наших (стихира на литии).

– Молися, Пречистая, спастиси душам нашим (стихира 1-я на стиховне).

– Спаси нас, исповедающих Тя, Богородицу, от всякого (вообще) обстояния и избави от бед души наша (стихира 2-я на стиховне).

– Христианский род вознеси (то есть дай силу) и спаси души наша (стихира на стиховне слава, и ныне).

Как видите, главным образом, ныне говорится о спасении душ, а в дополнение – и избавлении от иных бед.

И мы с своей стороны в день Ее славы должны приносить Ей тоже – духовные «дары» – СПАСАЕМЫЕ ДУШИ:

– Усты чистыми... сердцем светлым... высокою мыслю... в нарочитый (особый) избранный (исключительный) день преставления... Девы и Чистыя (тропарь 7-й песни 1-го канона).

– Житие чистое совнесше, изыдем к погребению (стихира на Господи, воззвах, и ныне на вечерне 16 авг.).

– Подобаает бо Матери Божии яко Царице царскими добродетельми светлосияющими дориноситися (быть славимой).

Ныне, в день Ее славы, в раю и души праведных, обступивше, Царицу славят (стихира на Господи, воззвах, и ныне на вечерне 16 авг.).

Подобно и мы должны принести святые добродетели; об этом говорит целая стихира:

– Светло празднуем в Божественном успении (Той), Я же (Которая) вывши всех тварей, приносяще Сей славныя и

светлые еси дары, воистинну божественны, яже суть Сей лепотны (приличествуют): веру, и надежду, и любовь несмутну (чистую), чистоту, освящение и правду, имиже (Она) наслаждается, да (этим) и причастники Ей сподобит нас быти и царствия вышняго удостоит (стихира 3-я на Господи, воззвах на вечерне 20 авг.).

Вот здесь и высказано то, о чем мы все должны стараться.

Она ныне хочет того же нам, что получила Сама: мать и в «гостях» все думает о детях: «вот бы и им – сюда же!» И Она желает «нас причастить», приобщить к Себе, в Царствие высшее.

А для этого нужны добродетели, соответственные Ей и Тому Царству: там Царство Божие и Она – Божественна, а потому и дары (добродетели) Ей нужны «божественные».

А это и есть светлое, чистое житие.

Об этой благодати СПАСЕНИЯ и молим мы в день Успения Спасенной и Спасающей нас Богоматери.

– Приими от нас песнь исходную, Мати Живаго Бога, – говорит канон в заключение, – и светоносною Твоею и Божественною осени благодатию! – Какою же? – Христолюбным людем мир (земной), оставление (грехов) поющим и душам спасение подаючи (последний тропарь 9-й песни 2-го канона).

Везде нужна нам помощь, но СПАСЕНИЕ – преобладав Итак: Ее СЛАВИМ радостью, а себе спасения просим.

И подумалось за молитвой в церкви:

– Какая великая милость и счастье, что мы получили такую Молитвенницу, Надежду, Предстательницу, Ходатаицу, Заступницу за нас!

В самом деле: вот иногда (мы это знаем по опыту) считаешь себя недостойным просить у Господа непосредственно; тогда обращаешься к Посреднице, Предстательнице нашей Богородице и молишь Ее:

– Заступись! Испроси! Умоли! Исходатайствуй!

И легче становится на душе с надеждою на Нее: есть великая поддержка у нас!

И как Она ни высока и Божественна, или, лучше сказать, потому, что Она высока и Божественна, но все же к Ней легче

идешь с молитвою. Великое счастье! Великий дар Божий! И особенно это испытываешь именно на Успение, на день славы Ее.

Ныне – «день Владычицы», день вознесения Ее! Потому нужно на Успение просить Ее особенно усердно: «богато» (щедро) раздает дары Она. Но больше всего нужно просить – О СПАСЕНИИ.

Впрочем, и другие дары Она дает в сей день Свой... Но что может быть выше спасения?! Что лучше «Царства Вышнего»?!

...И к сему прошению Она и довела меня, грешного, в день свой! Слава Ей! Хоть и невесело было, но спасительно и поучительно... А главное – самое НУЖНОЕ! Теперь я знаю, о чем, о какой благодати, просить на следующий праздник Успения.

И Церковь радуется, что имеет теперь такую Предстательницу! Потому и поем:

– Радуйся, упование и спасение наше! (на малой вечерне стихира на Господи, воззвах). Наша надежда!

– Днесь... преставляется... спасение верных и упование душ наших (стихира 3-я на литии). Ты спасавши присно (постоянно), Богородице, наследие Твое (ирмос 9-й песни 1-го канона).

Спаси и нас, грешных, да и мы Тебя зовем с апостолами, глас Гавриилов поюще: радуйся, Благодатная Дево, Мати Безвестная! Господь с Тобою (стихира на хвалитех и нъте) и Тобою – с нами.

– Радуйся, Предстательнице присно (всегда) чтущих Тя (седален по 3-й песни канона 16 авг.).

Сим прославлением Божией Матери и дарованием Ей от Бога власти и силы содействовать спасению и других «сынов Царствия» – ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО ХРИСТОВО.

В первой торжественной стихире на литии, когда духовенство, подобно прилетающим апостолам, исходит из алтаря на литию, певчие поют:

– Подобаше самовидцем Слова и слугам (то есть апостолам), и еже по плоти Матере Его успение видети,

конечное елико (сколько совершилось) на Ней таинство: яко да не токмо еже от земли Спасово восхождение узрят, но и рождшия Его преставлению свидетельствуют. Темже (потому) отвсюду... собравшися, Сиона достигоша (стихира на литии).

«Конечное», последнее Ее таинство... и Церковь говорит: таинство, или чудо, – «на Ней».

Прежде с Нею было много чудес, начиная с зачатая Ее от бесплодной матери, воплощения, рождения, сретения, чудес при жизни Сына – Спасителя, воскресения, вознесения Его, Сошествия Святого Духа; но теперь «на Ней» совершается «конечное» таинство: Мать Бога умирает и воскресает.

Нет препятствий считать это завершением вообще Христова дела **ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА** в лице Пресвятой Богоматери.

На это некий намек можно видеть и в богослужении: ныне – Божественный апостольский лик... песнословяще Божественное и страшное Христа Бога смотрения (плана) таинство... радовахуся, Всепетая (на великой вечерне стихиры на стиховне и ныне).

Таинство домостроительства, – в широком смысле, – есть все дело спасения человека.

Теперь обратимся к второстепенным пунктам, кои затрагивает Церковь на службах в Успение.

Остановимся сначала на тех, кто послужил Ей при успении, то есть на апостолах. И, прежде всего, на чудесном их «соборе», или собрании.

Воистину дивное чудо: люди летели по воздуху, несомые, как перышко – ветром. Их несли «облака», или ангелы; и, конечно, сила этих облаков не естественная, а сила Божия.

– Собор ученик... собрався погребсти Богоприятное тело Богоматери (на малой вечерне, стихиры на стиховне). Сидошася на облацех (там же).

Если же кто спросил бы: как это?

Ответ единственный и простой:

– Богоначальным мановением отвсюду Богоноснии апостоли, облаки (-ами) висоце (высоко) взимаема, дошедше пречистаго и живоначальнаго тела Твоего, любезно (его)

лобызаху (на великой вечерне стихира на стиховне и ныне). Но слетелись они еще при жизни Ее.

– Егда преставление пречистаго тела Твоего готовляшеся, тогда апостоли, обстояще одр, с трепетом зряху Тя (стихира по Евангелии).

Тогда будет понятной и краткая речь, которую влагает Церковь в уста Богородицы к апостолам и которая умилительно-успокоительно поется особым, мирным, успокаивающим напевом: это – светилен.

– Апостоли! От конец (мира) совокупльшеся zde, в Гефсиманийстей веси погребите тело Мое, и Ты, Сыне и Боже Мой, приими дух Мой (умилительный светилен).

И Богородица безболезненно скончалась.

Напев я помню еще со студенчества.

Далее. Нигде в службе нет намека на отсутствие апостола Фомы на погребении. Но на иконах он отсутствует: например, на иконе, написанной святым митрополитом Петром. И вообще в Предании твердо держится факт отсутствия апостола Фомы и появление его к третьему дню после кончины Богородицы.

Зато указывается на возглавление всего погребения святым Иаковом, «братом Божиим» по плоти, сыном Иосифа от его жены, одним из 70-ти апостолов, который был Иерусалимским епископом, «первый священноначальником», то есть первым архиереем в Иерусалиме.

На иконе изображаются три Иакова: он, брат Иоанна и Иаков Алфеев. А еще апостол Павел; иногда изображаются апостол Тимофей, Дионисий Ареопагит и Иерофей, бывшие, по преданию, при погребении Божией Матери.

В заключение того, как могли апостолы прилететь на облаке, вспомним лишь два факта из несомненного Слова Божия.

1– й случай. К пророку Даниилу явился в Вавилоне пророк Аввакум из Иудеи, принеся ему обед, приготовленный жателям.

– Ят его Ангел Господень за верх (главу) его, и держа за власы главы его, и постави его в Вавилоне. Аввакум отдал обед. Ангел же Божий паки постави Аввакума внезапу (мгновенно) налиестеего (Дан. 14, 33–39) в Иудею.

2–й случай. Это уже из Нового Завета:

Апостол Филипп обратил ко Христу и крестил вельможу царицы Кандакийской. И егда изыдоша от воды, Дух Святой нападе на каженика (евнуха), ангел же Господень восхити (-я) Филиппа, и не виде (-л) его ктому (больше) каженик ...Филипп же обретется (оказался) во Азоте (Деян. 8, 27–40).

Не говорю уже о вознесении Господа.

И в житиях святых нередко говорится о перенесении людей по воздуху. Особенно это часто описывается про святого Георгия Победоносца. И это совершалось при помощи или ангелов, или святых.

Посему на иконах Успения иногда апостолы рисуются одинокими на облаках, в сопутствии ангелов. Так изображает их и святой митрополит Петр.

Примечательно это житие, связанное именно с Успением.

«В свободное время он, будучи еще монахом и иеромонахом, любил писать иконы». Когда был игуменом на Волыни, написал Успение и поднес ее митрополиту Всея России Максиму... После смерти его святой Петр был избран в заместители его. Но соперник, некий игумен Геронтий, тоже поехал в Константинополь за поставлением, захвативши и сию икону Успения... Но поднялась буря. Ночью явилась ему Богородица и сказала: «Напрасно ты трудишься: ты не получишь святительского сана; но тот, кто написал Мой лик, Петр, слугитель Сына Моего и Бога, будет митрополитом».

А в то время святой Петр прибыл в Царьград и был поставлен в митрополиты. Прибыл после и Геронтий. Раскаялся и передал ему икону... Когда Иоанн Калита основался в Москве, то перенес туда из Владимира и кафедру святителя Петра. И [тот] упросил великого князя создать Успенский собор, пророчески говоря о возвышении Москвы. С следующего же (1326) года собор заложили, и в том же году скончался и святой Петр и был погребен в заложенном им храме. В 1471 году собор обгорел, но мощи святого Петра остались целы. В 1479 году он был восстановлен, и мощи святого Петра, бывшие временно в ином месте, были снова перенесены в Успенский собор, В ДЕНЬ

ОТДАНИЯ ПРАЗДНИКА УСПЕНИЯ. Так связано житие его с Успением Богоматери.

Несомненно, он писал и другие иконы Богоматери; например, Новодворская после была передана в Успенский монастырь города Суража Черниговской епархии. Празднуется она накануне кончины святителя Петра.

Рассматривает Церковь и этот вопрос. И отвечает так.

Прежде всего, и Она отдала долг закону падшего естества, как родившаяся естественно: от мертвых чресл произведшися, естеством подобна, Чистая, исхождение разреши (допустила). Рождшая же Сущую Жизнь, к жизни преставися Божественней и Ипостасней (тропарь 3-й песни 2-го канона). А кроме того, – говорит Церковь, – не могла Она быть выше Сына и Бога:

– Аще (если уж) и непостижный Сея Плод (Иисус Христос), Имже небеса быша, погребение прият волею, яко мертв, како погребения отвержется неискусобратно Рождшая Его? (тропарь 4-й песни 2-го канона).

И посему, хотя Она и могла бы уже не умирать, как «Бога родившая», – подобящися Творцу Своему и Сыну паче (сверх-) естества, повинуется естественным законом (-ам). Но, умерши, с Сыном восстает (тропарь 1-й песни 1-го канона)...

А царь Лев пишет еще и иное соображение:

– Да не неверным приведение мнится смотрение (стиховна и ныне 16 авг.), то есть дабы и самое воплощение не показалось бы кому-либо призрачным, если бы Она взошла на небо, не умерши; поэтому совершилось и то, и другое.

Она же была к тому же Пречистая Дева. Девство же и нетление связаны. Недаром о насилии говорится, как о «растлении». Наоборот, чистота связана с нетлением, целомудрие с «целостью» не только души, но и тела. Посему и мощи святых нетленны.

– Тело Твое... Невеста Божия, Царица Дева... тления неприступно бысть и к погребению предася естеством закона; пребывает же нетленно (на стиховне стихиры праздника, утренья 18 авг.), как «облагодатствованное Святым Духом и Богоприемное».

И Сын Сам сохранил Ее во гробе нетленною, а потом прославил, честь Ей, яко Сын Матери, даруя (тропарь 6-й песни 1-го канона).

Господь взял Ее на руки Свои, сынолепно провозглашаше: гряди, Чистая, с Сыном и Богом прославленна буди (тропарь 9-й песни 1-го канона). А ангельская силы дивляхуся, смотряще своего Владыку, женскую душу руками носящаго (там же).

На первый день смерти, следовательно, Господь сначала принял лишь «душу» Богоматери... И Сам Он в ад «сошел» с душою, яко Бог. Тело же Ее до третьего дня оставалось на земле. А потом и оно было вознесено.

Об этом думается так.

В успении, как в ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ событии домостроительства, собрано ВСЁ, вся вера наша. Это – сокращенный Символ веры, от рождения Ее самой – до мысли о всеобщем воскресении, от Творца мира до восстановления всей твари.

И вообще Русь почитала, СЛАВИЛА БОГОРОДИЦУ. Успение же – самый главный праздник Ее, слава Ее.

Праздник Успения нас поставляет под покров и предстательство Богоматери, сверх единого ходатая Бога и человеков Иисуса Христа (1Тим. 2, 5). Это очень отрадно!

Но в то же время мысль О СМЕРТИ Ее заставляет и нас думать о своей смерти и усиленное спасаться; тем более что мы – грешны, а православное мировоззрение всегда покаянное.

Кратко повторяю: связь Успения и Вознесения мы уже часто видели в объяснениях.

В Успении и Воскресении связь понятна: Она восстала из мертвых, а наше воскресение предуказала.

Но есть еще связь с БЛАГОВЕЩЕНИЕМ. Ирмосы второго канона поются Благовещенские: «Отверзу уста...» с небольшими изменениями (об успении). Почему? – Конец Ее вспоминает начало, и притом ОСНОВАНИЕ Ее бессмертия заключается в воплощении и рождении Бога: причина и последствие. Наконец, 16 августа – праздник Нерукотворенного Образа: таинственно Сын Божий ОТ НЕЕ принял образ человека, а после Сам отпечатлел Свой Образ на вещи – на

убрусе изобразился. Преимуществует в службе – служба праздника [Успения]; Богоматерь – выше иконы, ибо Она облагодатствована выше всего в мире.

Я долго не мог понять основной причины, почему в тропаре и кондаке изложены эти мысли:

1) СУТЬ события смерти Ее и воскресение;

2) ПРИЧИНА! МАТЬ ЖИЗНИ БОГОРОДИЦА;

3) КАК это могло быть? Подобно тому, как Она и родила Девственницею, а нетление и девство к тому же связаны;

4) обожествленная, Она сделалась нашей предстательницей, молитвенницей и

5) в особенности на Успение Свое, в день Своего бессмертия, молится и о нашем избавлении от смерти, или о спасении, о вселении туда же, в Царство Божие, где и Сама.

Оказывается, все главное собрано в тропаре.

Кондак повторяет только и оттеняет лишь Ее предстательство:

– В молитвах неусыпающую... и в предстательствах непреложное упование... приснодевственную, Которую воскресил Сам вселившийся во утробу Ее.

III. Разное

Полезный считаю описать икону или, лучше сказать, изображение успения Божией Матери в храме святых Иоакима и Анны. Там написана вся жизнь Богородицы. Но я остановлюсь на успении Ее. Иконопись дополняет иногда и богослужение: она – живое предание.

Вверху полукружие изображает Небо. Два ангела «отворяют врата» туда; так поет и Церковь: «Ангелы возьмите (откройте) врата небесныя». Там, за раскрытыми вратами, виднеются сонмы ангелов.

По небу отовсюду несутся на облаках святые апостолы по одному.

Вдали город Сион, или Иерусалим. В окнах дома видны печально склоненные фигуры: плачут об умирающей Богородице.

На левой стороне изображения группы мирян: мужчины, женщины, молодые, старцы... Стоят обособленно, не смея приступить к одру Пречистой. Они дивятся смерти Ее, то есть тому, как Она может умереть, Мать Бога Сына?

Когда я все это рассматривал, вошел профессор археолог и добавил мне еще многое, что пишут на иконах Успения. Именно:

- Явление Божией Матери архангела Гавриила с райской ветвью, извещающего Ее о «премирном Ее отшествии».

- Следующая часть: Богородица, получив это желаемое откровение, молится.

- Далее: Она собирает знакомых вдов и делит им Свои одежды.

- Апостолы явились к Ней раньше кончины. Она, собравшись с силами, садится на одре, – а они стоят, – и ведет с ними последнюю беседу и дает завещание похоронить Ее в Гефсимании, где Сын Ее страдал до кровавого пота.

- В это время является Сам Христос; и Она, уже снова лежа на одре, просит Его, как Сына и Бога, принять дух Ее. И безболезненно кончается.

– Господь держит в руках Своих спеленутую душу Ее: знак рождения в новую жизнь. Ангелы держат пелену большого размера, чтобы на ней, как на престоле, вознести Ее в Царство Божие, в рай.

– Потом, при возношении Ее на Небо, является апостол Фома, опоздавший на погребение; и Она снимает с Себя пояс во уверение его и вручает его Фоме.

– Апостолы потом несут Ее в Гефсиманию. Кругом – ангелы в виде воинов: строгие, как строгими бывают ответственные конвойцы; в руках их – высокие копья с наконечниками: точно они никого не подпускают ко гробу Ее.

– А далее – дерзнувший коснуться одра евреин Аффоний; ангел отсек ему руки и вкладывает меч в ножны.

– Направо, у конца изображения, группа апостолов, уже без гроба Богородицы; и впереди них – апостол Фома показывает пояс другим.

– Они, – теперь все двенадцать, – удивленные, стремятся к могиле, но гроб уже пуст. На земле уже нет Ее!

На иконе Успения святого митрополита Петра апостолов, каждого по одному, поддерживают по ангелу: кого за руку, кого под спину, – им все это совершенно легко! И они указывают на гроб Богородицы.

В середине, выше даже Господа, только что взявшего в руки Свои душу, Ее несут ангелы сидящей на престоле, который они поддерживают той большой пеленой.

А их ожидают ангелы с отворяемыми воротами в рай.

Как все это умирительно и поучительно!

Успение Божией Матери иногда называется «второй Пасхой». Эту мысль мне пришлось впервые вычитать из Афонского листка на Успение.

И действительно, здесь много общего: само воскресение Господа и воскрешение Божией Матери; и то, и другое совершилось на третий день по кончине; и тогда, и при успении не было апостола Фомы: при первом явлении Воскресшего и при кончине Богородицы; а потом он прибыл, и через него открылось воскрешение Ее. И прочее.

Но конечно, – в смысле благодати праздника, – разница великая. Если там мы испытывали «веселую благодать», если первым словом Воскресшего Господа мирноносцам было: «Радуйтесь!» и проч., то другой такой радости быть не может!

И у меня ее тоже не было сначала. Но зато была иная благодать, и даже не одна, не один дар Божией Матери. О них я и скажу.

Первая благодать была – мир на душе. И этому даже соответствовала сама природа: чистое бирюзовое небо, ни одного облачка, яркое солнце, легкий ветерок немного освежал... И думалось о будущем рае, Царстве Небесном...

Но тотчас вставала другая память: о необходимости спасения. Вера, молитва, борьба за спасение души... Грехи, леность, недостойнство... Суд Божий... И этот дар благодати – преимуществовал пред первым... Да, так было и в богослужении: мне слышалось слово «спасение». И думал я: может быть, Матерь Божия потому и не дает благодати радости, что мне, грешному, нужнее иное: спасение! Несомненно! Сначала это – важнее.

Так прошла всенощная и литургия в праздник. И я уже на этом успокоился: и это – великая милость от Богородичной славы!

Как вдруг, и совсем неожиданно, пришла третья благодать, но уже к вечеру. Дело было так.

...Зазвонили к вечерне... Я пошел в церковь... В храме – тишина... Старый о. П. зажигает лампадку... Слепец А-й уже здесь: он всегда приходит ранее всех... И более – ни души... Народ после литургии свалил; и к вечерне уже никто из селений не пришел. Только одна женщина, чем-то расстроенная, скорбная, была в храме. Оказалось, она чем-то болеет и просила возложить на нее священные «халины» (облачения)... Я наложил... С верою пришла и тотчас же ушла, не дожидаясь вечерни.

...Какой хороший символ нам: мы все больны духовно и все нуждаемся в духовной помощи (спасении) одеждами помощи Божией, «халинами» Богородицы... И от этого сознание своей

греховности должно было, казалось, углубляться еще больше... Братия еще не собралась...

Я наложил на себя епитрахиль и начал вечерню...

И вдруг ощущаю на душе, что в меня входит радость праздника.

Так хорошо! Так хорошо! И никто этого не знает. А у меня радостно! И тотчас пришли мысли: «Вот когда пришла благодать третья...» Но уже к вечерне лишь... И не ждал я ее – сама она пришла.

И пришла тогда, когда суeta праздничная спала и водворилась тишина. Благодать же Божия не любит «молвы»... И если мы хотим благодати, то уже ни о чем человеческом помышлять не должны... И всю вечерню я был в тихой радости... Но она пришла как дополнительная к первой, и особенно – ко второй, главной: к мысли о спасении.

Уже не раз приходилось замечать, что нередко в отдание праздника благодать дается больше, чем во все дни поспразднства; а иногда – и больше даже, чем в самый праздник.

На Успение, в том же сербском монастыре «Студениза», пережито мною было следующее.

Беспокоили грехи, хотя бы и тонкие: в пожеланиях, в помыслах, в искушениях и тому подобной.

Враг, – это давным-давно подмечено многими, – в большие праздники искушает нас сильнее. Но и Господь дает большую благодать. А Пресвятая Богородица имеет особую силу против бесов. И на этот раз враг не смог добиться своей цели. С помощью Владычицы враг был обессилен.

Однако я глубже узрел свои недостатки. И на другой день отдания я исповедовался... Теплые слезы сокрушения омыли душу... Сила возвратилась. Мир, как всегда, водворился в ней.

Так таинством покаяния закончилось поспразднство Успения: а это и есть путь спасения!

Борьба неизбежна: «борьба за благодать!»

Успение Божией Матери является завершением всего круга праздников, – всего дела Христова.

Спаситель пришел спасти человека – и душою, и телом, всецело спасти. Это Он показал многим самым делом в Себе

Самом на Вознесение; а прежде того, еще на Преображение, показал лучшим трем апостолам, что ждет человека, каким он может и должен быть.

И вот первую достигла этой славы Царства Пречистая Богоматерь! А Она вся – от нашего естества. Следовательно, и всякий иной может уподобляться Ей и Вознесшемуся Христу. Остается лишь трудиться над этим. Для этого и начинается дальше обычный ТРУДНИЧЕСКИЙ год с 1 сентября, то есть «новый год» по церковному счислению.

И весьма примечательно это совпадение Успения Богоматери и конца года: завершение дела Христова совпало с завершением времени... А с 1 сентября опять начинается новый круг жизни...

Также весьма замечательно, что Успение празднуется после Преображения и в близком расстоянии от него: и там, и здесь – прославление; и там, и здесь – Царство Божие, или Небесное; и там, и здесь – преображение, изменение не только в духе и душе, но и в теле, и даже в одеждах. Там они просветились белее снега; здесь гроб Пречистой окажется на третий день пустым, не останется и одежд Ее. Значит, и с ними случилось что-то сверхъестественное, подобно тому, как Господь со временем претворит огнем этот мир в лучший, иной, «духовный», где не будет ни солнца, ни луны, ни времени, ни пищи. Это претворение во Христе началось уже с Преображения, а теперь продолжается вознесением Богоматери, – то есть и Ее преображением.

Значит, Царство Божие открылось для Нее уже в полноте.

Поэтому с этого именно момента наиболее приличествует чтить и именовать Ее как «Царицу»... И в песнопениях мы уже видели это не раз. Она уже «сцарствует» – со Христом.

А к сему призваны и все верующие. Посему-то промыслительно Преображение совершилось близко к Успению: два явления одного порядка.

Поэтому-то и мы, когда услышим о смерти кого-либо, сразу отвечаем: «Царство ему Небесное!», то есть желаем для него Царства Божия. Но с Божиею Матерью это уже совершилось. Она уже вошла в Царство Божие!

Праздник Успения установлен с древних времен. О самом вознесении с телом Богоматери, кроме святого Дионисия, упоминает еще святой Мелитон, епископ Сардийский ⁴⁴ (II в.). А о празднике Успения говорят уже блаженные Августин и Иероним⁴⁵ (IV в.). Блаженный Иероним свидетельствует, что на гробе ^{*****} Богоматери выстроен был храм в честь Ее уже в IV веке, по преданию, святой царицею Еленой⁴⁶. Сам Иероним говорит, что этот день несравним с памятью других святых, ибо «Спаситель всех Сам во всей Своей славе с радостью сретил и вселил Матерь Свою с Собою».

В V веке патриарх Иерусалимский Иувеналий⁴⁷ ссылается на факт вознесения Божией Матери, как на «древнее и истиннейшее предание». Поводом к сему было следующее событие.

Император Маркиан (430 – 457) был женат на благочестивой сестре бывшего до него императора – Пульхерии. Она создала знаменитый храм в Царьграде, во Влахернах ⁴⁸, в честь Богородицы. И оба они хотели украсить его чем-либо особым. До них дошли смутные слухи, будто в храме Гефсиманском лежит живоносное тело Богородицы. Цари передали патриарху свое желание видеть мощи сии в Царьграде.

Вот на это и отвечал святой Иувеналий. Его рассказ, приводимый святым Иоанном Дамаскином, и лежит, в сущности, в основе церковного учения о Богородичном успении. Там упоминается и об отсутствии Фомы при погребении. От себя святой Иоанн Дамаскин добавляет, что во Влахерны был тогда перенесен ковчег с пеленами Богородицы.

В VII веке говорились проповеди на Ее праздник.

А в VIII веке святой Косма Маюмский⁴⁹ и святой Иоанн Дамаскин написали Ей каноны.

IV. Явления Божией Матери

Так взывает Ей Церковь^{*****}. Как мы и знаем это по слуху. А представить даже не можем. Чего кто не видел опытно, того понять никак не может. И только по сравнению с чем-либо, более известным, или на основании повествований святых опытных людей можем лишь отчасти проникать, предполагать, касаться сего недоступного состояния. И то немного. Это выше нас!

И здесь, на Успение, мы едва-едва, самым краем сердца, ощущаем некую крупцу. Но зато из житий святых припоминаем разъясняющие факты Ее явлений.

Вот Она является преподобному Сергию Радонежскому, и преподобный Михей от страха падает, почти как мертвый, а сам преподобный стоит на коленях.

Или Она является преподобному Серафиму. Монахиня Евпраксия была сначала тоже в ужасе. Но потом стала созерцать необычайную славу и «неописанную» красоту Ее Боголепного Лица.

Значит, слава Ее – столь велика, что и преподобные не вполне выдерживают ее. И сначала нужно было им много молиться, чтобы приуготовить себя Ее видеть.

А доктор М-н (говорил мне он сам) при прохождении Божией Матери, в ночь смерти патриарха Тихона, ощутил такой страх, что упал на землю и молил о помиловании – не видеть ему Божию Матерь, ибо он – грешный и недостойный этого. И только вдали услышал как бы великий гром, который приближался все к нему: это шла Царица Неба и земли, а он лежал ниц на земле.

Сон сбылся: патриарх в ту ночь умер.

Такова великая Ее слава!

Но вместе с тем, – вне всякого сомнения, – Она и сверхъестественно милостива! Почему? – Просто потому, что Богоматерь. А Бог есть Любовь. И святые истинно были любвеобильны. А Она – выше святых, выше ангелов.

Вспоминается мне случай из жизни в Оптиной пустыни. Отец Игумен благословил мне сказать поучение на Успение. Я всячески отказывался посланцу. Но напрасно... Тогда решили мы обратиться к посредничеству старца отца Нектария. Он и сказал мне те памятные слова, которые навсегда залегли в душу: «Если старшие, или начальники ваши, что-либо скажут вам, то, как бы трудно или высоко ни показалось вам, не отказывайтесь. Бог за послушание поможет!»

И я согласился говорить. Долго искал и не находил темы. И уже в стихирах литии или в «стиховных» вошли в мою душу слова молитвы: сродна присвоенья не забуди, Владычице (стихира на литии), – то есть мы Ей сродники. Ведь Она всякость от костей и плоть от плоти человеческих. ОНА НАМ СРОДНИЦА.

И теперь Она в несказанном Царстве; но Она о сродниках земных и страждущих не может забыть! А особенно о тех, которые вопиют к Ней отсюда о помощи.

И потом мне припомнился замечательный случай из жития святого Тихона Задонского, как Господь Иисус Христос сказал: «За молитвы Моей Матери возвращается в жизнь на покаяние».

Это был помилован грешивший пьянством архимандрит Варсонофий за то, что он в моменты трезвости читал Ей акафисты. И, уже умерший, он был на третий день воскрешен!

Так Она милосердна!

А если и по себе судить, то сколько от Ее промысла видел я, недостойный.

И если преподобный Серафим обещал молиться по смерти за приходящих к нему на могилку с мольбами, если апостол Петр обещал вспоминать о своих духовных чадах по своей кончине (см.: 2Пет. 1, 15), то насколько же больше и любвеобильнее Божия Мать?

Недаром мир полон Ее чудесами и храмами.

...Посему, хотя мы и не можем выдержать сияния славы Ее воочию, но милости не лишает Она всякого обращающегося к Ней – сродника... А часто и предупреждает нас Своими заботами, как Многомилостивая Заступница.

Если ничто не бывает случайно, то нам должно обратить внимание на следующее совпадение событий.

Во время праздника Успения мне приходилось читать творения святого Киприана Карфагенского⁵⁰.

Впервые пришлось прочитать его житие. Сначала был язычником, адвокатом. Потом уверовал. Сделали его епископом в Карфагене. Скончался он мученически, хотя сначала скрывался ради пользы Церкви.

Читал его сочинения, в частности «Увещание к мученичеству». А на литургии, и притом в самый момент причащения, я пережил необычайнейшее настроение, ничем будто бы не вызываемое: я ощутил сладость страданий за Христа!

Никогда в жизни этого не переживал!

Правда, во время архиерейской хиротонии, когда архиереи держали Евангелие на моей главе, я «услышал» внутренне голос: «Отныне ты (я) должен и самую жизнь отдать за Христа!»

И тогда даже захотелось помереть – в тот самый момент... И слезы сладкие полились.

Но сладость страданий я тогда не ощутил. А ныне ощутил. А когда пришел в комнату и раскрыл опять творения святого Киприана, то чуть не с первых слов прочитал у него «Письмо к Фиваритянам с увещанием к мученичеству»... А потом – «Письмо к (Папе) Корнелию о даровании мира падшим», то есть отступникам от Христа из-за мук во время гонений... И там написано, между прочим, следующее:

«Как мы научим и убедим кого-нибудь пролить кровь свою за исповедание имени Христова, если идущим на брань откажем в Крови Христовой? Или как мы сделаем их способными испить мученическую чашу, если прежде не допустим их к Церкви, по праву общения к питию Чаши Господней?»...

«Не может быть способен к мученичеству тот, кто не вооружен от Церкви на сражение; и душа ослабевает у того, кого не возбуждает и не укрепляет принятие Евхаристии».

«Некто рассказывал, – говорит святой Иоанн Лествичник, – что только призыванием двух имен – «Иисусе» и «Марие»

отгнал от себя нападавших страшных бесов».

«На горе Елеонской жил затворник, великий подвижник*****. Дьявол сильно обуревал его блудными помыслами. Однажды, при страшном нападении дьявола, старец, потеряв терпение, воскликнул:

– Когда же, наконец, ты оставишь меня в покое? Отступи от меня по крайней мере в моей старости!

Тогда дьявол видимым образом явился старцу:

– Поклянись мне, что никому не откроешь того, что скажу тебе, и я перестану нападать на тебя.

– Клянусь Живущим на небе, – поклялся старец, – что никому не открою сказанного тобою.

– Перестань поклоняться вот этому образу, – сказал тогда дьявол, – и я прекращаю брань на тебя.

На иконе было изображение Владычицы нашей, Пресвятой Богородицы Марии с Предвечным Младенцем, Господом нашим Иисусом Христом.

– Дай мне подумать, – ответил старец.

На следующий день старец передал обо всем авве Феодору Илиотскому, жившему тогда в лавре Фаран*****. От него мы и узнали.

– Воистину, авва, ты поруган, потому что поклялся, – сказал ему авва Феодор, – но хорошо поступил, что не умолчал. Знай, что нет греха гибельнее и ужаснее, как отречься от поклонения Господу нашему Иисусу Христу и Его Матери.

После этого, успокоив и укрепив старца различными наставлениями, авва Феодор удалился к себе.

Снова является затворнику дьявол.

– Что же это значит, негодный старик?! – сказал он. – Не клялся ли ты мне, что никому не будешь говорить? Зачем ты рассказал все пришедшему к тебе? Знай, что ты будешь осужден в день суда, как клятвопреступник.

– Не тебе, клятвопреступнику, уличать меня, – ответил старец. – Сам знаю, что я клялся и нарушил свою клятву, но не перед тобою, а перед Господом и Творцом моим. Тебя же и слушать не стану: ты-то вот уж подлинно подвергнешься

неизбежной каре, как первовиновник всякого зла и клятвопреступник!»

«Один монах был ленив и нерадив, не хранил своих обетов, а жил в небрежении и распутстве. И только одно у него было доброе дело: всякий день он читал сто раз перед иконою Богоматери архангельское приветствие. Он имел великое благоговение к Божией Матери, но, будучи некнижным, не знал других молитв, кроме этой одной: «Богородице Дево, радуйся» и далее до конца.

В таком небрежении он и проводил свою жизнь: не заботился ни о постах, ни о бдении, ни о других добродетелях.

Но Всеблагий Бог, желающий всем спастися, послал ему страшное видение. В исступлении он увидел, как бесы схватили его душу и понесли ее к Праведному Судии, требуя суда над нею и предания ее, за дела ее, им.

Царь, зная грехи души, сказал бесам:

– Несите ее в геенну! Нет ей части со Мною, потому что она не сохранила обетов, данных ею при крещении и пострижении.

Но в этот момент встала с Своего престола Богоматерь и сказала Судии:

– Молю Тебя, Господи, послушай Меня, что Я скажу в оправдание души сей.

И Она показала книгу, в коей записаны были приветствия, которые он всегда читал Богородице. И повелела положить книгу на весы.

А бесы на другую чашу их положили множество записей злых дел его. И эти записи с грехами перетянули.

Видя это, Всемиловитая Владычица обратилась снова к Судии:

– Помяни, Сладчайший Сыне, что Ты от Меня взял плоть Себе, и даруй Мне от крови драгоценнейшей плоти Твоея, ОДНУ КАПЛЮ КРОВИ, которую Ты изливал за грешников. Ей, Владыко Многомилостиве, сотвори милость душе этой, ибо она очень любила Меня и молилась Мне с верою и благоговением.

– Буди воля Твоя, Мати Моя! – сказал Судия. – Недостойно отвергнуть Тебя с прощением Твоим. А при этом знай, что

КАПЛЯ КРОВИ МОЕЯ ПРЕВОСХОДИТ ВСЕ БЕЗЗАКОНИЯ МИРА СЕГО.

Царица же, получив просимое, положила то на весы; и тотчас чаша перевесила другую, где было положено столько книг с грехами, так что эта сделалась легче пера и соломинки.

Посрамленные же бесы расточились, крича:

– Всегда Владычица милостива к христианам и опять поступила с нами несправедливо!

Монах, придя в себя, прославил за таковое видение Бога и Богородицу.

И после этого постарался исправить жизнь свою. И уже жил богоугодно, превзойдя даже других, в славу Бога и Богоматери»
*****.

«В одном приходе жил некий священник. Однажды его одновременно позвали причастить бедную нищенку и богатого вельможу. Священник пренебрег убогую женщину и пошел к богачу. Когда он причастил его, стал утешать, надеясь, что тот что-либо ему завещает. В это время от бедной вдовицы пришел другой посланный с извещением, что она уже при издыхании. Но священник, будучи сребролюбивый и гордым, не пошел и теперь.

А у него был диакон, весьма благочестивый. Видя, что священник не хочет идти, стал просить его, чтобы он позволил ему причастить вдову. (Это прежде разрешалось; даже миряне могли хранить Святые Тайны дома.) Тот позволил.

И диакон со Святыми Тайнами отправился в хижину убогой... Да и сам он был беден.

Убогую он увидел лежащей на одной лишь рогоже. И никто у нее не бывал, чтобы послужить ей. Но диакон увидел у вдовы Саму Заступницу нищих; Она пришла с целым ликом дев; и они утирали пот с лица больной, охраняли от мух и прохлаждали ее ветрилом.

Увидев это, диакон пришел в изумление и особенно смотрел на Владычицу, когда Она поклонилась Телу Христову. Подобно Ей и все остальные девы пали на землю и поклонились Святым Тайнам. Затем, вставши, они ободрили диакона, прося, чтобы он приступил к причащению.

Как только больная причастилась, они взяли блаженную душу ее и вознеслись с нею на небо.

А диакон снова направился к дому богатого. Войдя к нему, он увидел на постели его черного пса, который извергал на него свой кал. Этого никто из посторонних не видел, но больной все время просил их отогнать его, чтобы он не чинил ему такой мерзости.

После этого диакон увидел некоего эфиопа, который бросил больному в уста удицу и с насилием исторг душу из тела.

Увидев все это, диакон в трепете упал на землю как мертвый.

Тогда ему предстала Пресвятая и сказала:

– Не бойся, любезный слуга Мой: тебе уготовано Царство Небесное, и бесовская хитрость ничего не может причинить тебе. Только храни заповеди Сына Моего во все дни жизни твоей, пока не водворишься в Небесных жилищах, и тогда возрадуешься со святыми бесконечно.

Диакон, встав, вышел и, раздав последнее, что имел, обнищал Бога ради».

Один великий подвижник видел в исступлении «Господа нашего Иисуса Христа, одесную же Его была Пресвятая Богородица».

Спаситель повелел одному ангелу вострубить такую страшную трубою, что затрепетал весь мир, как лист на дереве. Затем Господь дал знак другому ангелу вострубить второй раз. И он исполнил.

Тогда «Пренепорочная Матерь Иисусова, уразумев, что по третьей трубе наступит конец вселенной, встала с престола Своего. Ангелы же в великом благоговении пребывали в молчании. А Она припала к пречистым ногам Судии Господа и умильно стала просить Его неизреченное благоутробие и благодать – принять Ее ходатайство, чтобы Он даровал еще время грешникам, дабы они оплакали беззакония свои».

Но Господь ответил:

– Ты знаешь, Мати Моя, какое нечестие творит неблагодарный мир... И не подобает и несправедно было бы помиловать его. И уже не только мирские, но и духовные, и

монахи уязвляют утробу Мою и вторично распинают Меня, и совершенно осквернили своим любострастием и роскошью святой образ и ангельское житие.

Но Владычица снова стала молить Его:

– Чадо Мое Сладчайшее! услыши Меня по милости Твоей и за пречистыя страсти Твои, которые подъял Ты за грешников.

Господь ответил Ей:

– Ты знаешь, Мати Моя, что уже много раз умолила Меня и останавливала совершить подобающий суд. Но вот люди не улучшаются, а еще хуже становятся, презирая и Крест, и страсти Мои. Владыки и начальники бесчеловечно угнетают подчиненных и сквернят священные Законы Мои своим невоздержанием. Но и простой народ тоже отменяет Заповеди Мои, творя плотоугодие, любодеяния, убийства, неправды и иные скаредные беззакония.

Владычица же стала говорить еще:

– Все сие истинно. Но молю Тебя, смилуйся и пошли им свет благодати Твоея, да познают недостойнство свое и, обратившись, получают прощение...

А если бы они были этого недостойны, то за любовь Мою и всех святых Твоих, которые пролили кровь свою за имя Твое пречистое и предали тела свои на различные муки, пренебрегши всякими утехами мира сего, – за все это исполни прошение Мое.

После этого все святые поклонились с Пречистою, прося сотворить милость.

И Праведный Судия, преклоняемый молитвами Богородицы и всех святых, ответил с радостный лицом:

– Победила Ты, Мати Моя, молитвою Твоею и укротила гнев Мой. Буди воля Твоя. И вы, братие и любимцы Мои, своими молениями преложили гнев Мой на милость. Пошлю опять во вселенную учителей: пусть исправляют согрешающих.

Когда Владыка изрек это, видение кончилось.

И, чтобы уверить в истинности видения, старец открыл братьям – наедине каждому – тайные прегрешения их, что открыл ему Господь, для их спасения.

Рассказав это, преподобный предал душу Богу*****.

«Во время преподобного Саввы Освященного в его лавре было много добродетельных монахов, благоугождавших Богу.

Однажды пришел вельможа, который оставил и мир, и богатство. Святой Савва принял его с радостью.

Так как он был еще непривычен к монашескому труду, то святой не пускал его с прочими на тяжелые работы, в коих иноки трудились до третьего часа, а потом шли на общее церковное правило; после же вечерни вкушали свое постническое питание. В это время работ святой Савва наставлял нового инок монашеству.

И притом же вкушал он в своей келии особо, – различные вкусные снеди, которые приносили ему сродники.

Преподобный и это знал, но пока, ради новонаачальности его, допускал это, прося Бога наставить его на лучшее.

Приспел праздник Успения Пресвятой Богородицы.

В предпразднство, утром 14 августа, братия отправилась копать землю. Преподобный сказал им, чтобы они ныне возвратились ранее, ради вечернего богослужения, а новонаачальному иноку поручил прийти раньше в церковь и, когда братство соберется в храм, сказать ему о сем.

Так и было исполнено. Но когда отцы собрались в церковь, то новонаачальный узрел чудесное видение, и не во сне, а явно: он увидел прекрасную Жену среди двух ангелов, светлее и лучше солнца. Один из ангелов держал сосуд, наполненный небесным хлебом, а другой – тонкий убрус. Прекрасная же Жена, то есть Царица Небесная, держала златые клещи. Братия, один за другим, подходили к Ней. Ангел с убрусом отирал каждому лицо; потом брат покланялся Пречистой, а Она взимала клещами Небесный хлеб и подавала каждому.

Видя это, новонаачальный удивился и тоже приблизился, ожидая сподобиться такого освящения. Но он не получил желаемого: ни ангел не отер его, ни Пречистая не причастила. И притом еще сказала ему:

– Эта пища – Тело Сына Моего, и причащаются Ей те, которые постятся до сего часа; а ты не постишься. Как же ты

можешь причаститься Этого Хлеба?

Тогда новоначальный сказал:

– Но пусть хотя бы ангел отрет меня своим священным убрисом.

А Она сказала:

– Если ты хочешь отираться им, то трудись и ты вместе с другими: они вспотели от труда и того ради отираются. А какой пот отрут тебе ангелы?

Видение кончилось, а новоначальный устремился с трепетом к игумену и рассказал ему все.

– Видение это – к твоему исправлению, – сказал ему преподобный, – ибо братия достойны того.

С тех пор и он начал подвизаться и дошел до совершенства, как и прочие» *.

Богу слава!

Луг Духовный...

V. Акафист и из творений святых отцов

В нем существует действительно несколько дополнений, в сравнении со службами.

А именно:

Говорится о послании ангела, – конечно архангела Гавриила, – возвестить ко премирным Ея возшествие (1-й икос).

Говорится и о святых Дионисии, Иерофее и о Тимофее, – учениках святого апостола Павла, бывших при успении (2-й кондак).

Говорится о запоздании апостола Фомы, восхищенной) «Силою Вышняго» от Индии, и об уразумении вознесения Божией Матери (3-й кондак).

Называется по имени Аффоний «евреин», коему отсечены были руки за кощунство (4-й кондак).

Затем упоминается о явлении Богородицы ученикам во время трапезы (5-й кондак).

Наконец, отмечается, что Она на небе получила «благодать» «седения одесную Сына Ея и Бога», то есть выше всех ангелов.

В остальном повторяется то же, что и в службах.

Припев: Радуйся, Благодатная, во успении Твоем нас не оставляющая, – отмечает главное, то есть нужнейшее и отраднейшее для нас, земных, дарование

Ей от Бога: быть, по обожествлению, нашею «ПРЕДСТАТЕЛЬНИЦЕЮ».

А в кондаке праздника мы поем, что Она – «неусыпающая» в молитвах – непреложное, непременно, надежное «упование».

Слава Ей! Богородице! Спаси нас!

Он очень желал видеть Божию Матерь, и с этой целью, с благословения святого апостола Павла, прибыл в Иерусалим и потом отписал своему учителю, между прочим, следующее (пишу выдержки лишь):

«Исповедую пред Богом, что мне невероятным казалось, чтобы могло быть существо, так обильно исполненное

Божественной силы и дивной благодати, кроме Вышнего Бога... Да! Я видел собственными очами Богообразную и выше всех духов небесных Святейшую Матерь Иисуса Христа, Господа нашего...

...Когда Иоанн, высший из евангелистов и пророков... ввел меня пред лице Богообразной и Пресвятой Девы, то меня озарил не только извне, но и изнутри столь великий и безмерный свет Божественный, а кругом разлились столь дивные ароматы и благоухания, что ни тело мое немощное, ни даже дух мой не могли вынести столь чудных знамений и начатков вечного блаженства. ИЗНЕМОГЛО СЕРДЦЕ МОЕ, ИЗНЕМОГ ДУХ МОЙ во мне от Ее СЛАВЫ и Божественной благодати. Свидетельствуюсь Самим Богом, рожденным из Ее девственной утробы, что, если бы не были твои божественные наставления и законы еще так свежи в моей памяти и новопросвещенном уме, то я почел бы Ее истинным Богом и почтил бы Ее поклонением, какое должно воздавать одному истинному Богу.

Человек не может постигнуть блаженства, чести и славы выше того блаженства, которого я удостоился, увидя Пресвятую. Я был тогда совершенно счастлив!»

О святом Дионисии, то есть о его творениях, существует у ученых мнение, что они, – во всяком случае в некоторых частях, – не принадлежат ему, а относятся к более позднему времени.

Может быть, последнее (о «частях») и правда... Но даже если бы и всё было написано кем-либо позднее, по существу ИДЕЙ – это значения не имело бы, ибо Церковь приняла в свое предание творения сего святого отца.

А великий ученейший богослов и философ, святой Максим Исповедник⁵¹ (1662), сочинения коего почитаются Церковью высоко, писал толкования на святого Дионисия Ареопагита.

Церковь в своих воззрениях много обосновала на святом Дионисии (о Чинах ангельских, учение о Боге как Свете, «о Божественных именах» и проч.). Но и для нас совершенно ясно, что в приведенных словах его содержится совершенно истинное воззрение Церкви...

И главная суть, – ЧРЕЗМЕРНАЯ СЛАВА Богородицы, – подтверждается всем воззрением Церкви, включительно до последних видений преподобного Серафима.

А о страшной (до «изнеможенна духа» человеческого) Славе Ее Боголепной и я, грешный, понял даже, – и именно с первых же помышлений о Ней (см. в «Моих мыслях»)… И рад, что нашел подтверждение.

Кто знает, придется ли еще где-либо читать книгу об этом; посему выпишу из нее.

Пишет святой Епифаний Кипрский⁵², а за ним повторяет Никифор Ксанфопул⁵³, живший в XIV веке:

«Рост Ее был средний; цвет лица – как цвет зерна пшеничного; волосы русые и несколько златоцветные; очи ясные; взор острый, зеницы (я думаю, это – зрачки) подобны плоду масличному; брови немного наклоненные и темные; нос не короткий; уста, подобные цвету розы и сладкословесные; лице не совсем круглое (но) и не острое, а несколько продолговатое; также руки и пальцы продолговатые.

В Ней не было никакой гордости, а простота без малейшей искусственности; не было никакой изнеженности, а во всем совершенное смирение.

Ее одежды были простые и невыкрашенные, чему доказательством служит Ее покрывало, которое и доньше сохраняется.

Одним словом, во всех делах Ее божественно сияла преизобильная благодать».

Припомним, что и в видении преподобному Серафиму и инокине Евпраксии Она предстала также в светло-русых златовидных власах...

Непрестанный желанием Ее было скорее созерцать Сына Своего и Бога. Она часто посещала места, кои особенно освящены были стопами или деяниями Спасителя.

За три дня до смерти Ей явился архангел Гавриил с радостною вестью о преселении Ее в горнее Царство и в знак истины оставил Ей райскую ветвь финикового дерева (пальмы).

Она с благодарностью стала возносить молитвы Господу, прося, между прочим, оградить ее при переходе в иную жизнь

«от силы области гееннской».

А кроме того, пожелала в последний раз видеть святых апостолов, которые делили с Нею все годы жизни Господа радости и скорби, – и после, до самой смерти Ее.

И затем Она начала готовиться к Своему исходу.

Прежде всего, Она возвестила о сем святому Иоанну Богослову, у коего жила в Иерусалиме (в «Сионе») и передала ему райскую ветвь, заповедав нести ее пред гробом на погребении.

Святой Иоанн дал знать святому Иакову, епископу Иерусалимскому, сродникам, близким и всем христианам. Поэтому в дом Пречистой стеклоь много народа... И горько начали плакать, ибо доселе получали от Нее величайшее благодатное утешение. Но Она скоро их успокоила, сказав, что не оставит их сирыми и будет помощницею во всех делах тем, кто будет прибегать к Ней.

Две одежды верхние Она завещала отдать двум вдовушкам, прислуживавшим Ей во время жизни. Тело же Свое заповедала похоронить в Гефсимании, вблизи горы Елеонской; здесь же покоились и родители Ее – святые праведные Иоаким и Анна, а также и святой Иосиф, обручник Ее.

В это время, когда Она передала последнюю волю Свою, вдруг послышался сильный шум... Множество облаков окружило дом. На них ангелы принесли со всех концов вселенной богоносных апостолов. Навстречу им вышел святой Иоанн Богослов и объяснил причину их чудесного собрания.

Апостолы, войдя в комнату, где на одре сидела Пресвятая Богородица, приветствовали Ее словами:

– Благословенна Ты Господом, сотворившим небо и землю!

– Мир вам, братие, избранныи Господом, – ответила Она. И потом спросила их, как они явились, и, узнав о новом чуде, возблагодарила Господа и сказала ученикам:

– Господь привел вас ко Мне для утешения души Моей, которой, по долгу смертного естества, настало определенное Создателей время разлучиться с телом.

Они начали скорбеть...

– Мы радуемся тому, что Ты представляешься по изволению Христа Спасителя и что завет Божий над Тобою исполняется; но вместе и печалимся, что остаемся сырыми и уже не увидим здесь Тебя, нашей Матери и Утешительницы.

– Не плачьте, друзья и ученики Христовы! – ответила Богородица. – Не возмущайте скорбию вашей Моей радости. Но вместе со Мною радуйтесь, что Я отхожу к Моему Сыну и Господу. Вы же, предав тело Мое погребению в Гефсимании, возвратитесь каждый в свою страну для проповеди Евангелия. А со Мною и по отшествии Моем, если благоугодно будет Господу, всегда увидите...

В это время явился и святой апостол Павел, приветствуя Ее:

– Радуйся, Мати Жизни и предмет моего благовестия! Хотя я и не наслаждался лицезрением во плоти бывшего на земле Господа моего Иисуса Христа до Его вознесения на Небо (после-то апостолу Павлу не раз являлся Господь; см. Деян. 9; 18, 9; 2Кор. 12; 2Тим. 4, 17 и др.), но ныне, увидев Тебя, мню, что вижу Его.

С ним явились и ученики его: Дионисий, Иерофей и Тимофей, и иные из числа семидесяти апостолов. Пресвятая Богородица, называя всех по имени, призывала к Себе, ублажала их подвиги и утешала.

Настало, наконец, 15 августа, Пречистая возлегла на одр и стала ожидать Своего Сына и Господа...

Вокруг Нее горело много светильников...

Вдруг точно раскрылась кровля дома, Божественная слава осенила всех. И предстал Царь славы Господь Иисус Христос с множеством Небесных Сил.

Увидевши Его, Пресвятая воскликнула:

– Величит душа Моя Господа и возрадовася дух Мой о Бозе, Спасе Моем, яко призре на смирение рабы Своея!

И, приподнявшись с одра, поклонилась Господу. Спаситель, смотря на Нее очами, полными любви, сказал: «Прииди ныне, дражайшая Мати Моя, и вниди в кров вечных жизни».

Пресвятая Богородица снова повторила пред Ним просьбу, чтобы Он сохранил Ее от сатанинской власти, и, успокоенная

Им, сказала словами псалма:

– Готово сердце мое, Боже, готово сердце Мое!

Затем добавила благовещенские слова:

– Буди Мне по глаголу Твоему!

И совершенно безболезненно вручила душу Свою в руки Сына и Бога...

Тотчас раздалось ангельское пение:

– Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Благословенна Ты в женах!

Так торжественно душа Ее была отнесена в горний мир...

Апостолы и иные все это время были в восторге видения... А после отшествия Господа пришли в себя, но увидели, что лик Богоматери еще сиял, как солнце, и от всего тела Ее исходило необыкновенное благоухание.

Со страхом и трепетом они стали лобызать Пречистую... А болящие получали исцеление от одного прикосновения даже к одру Ее.

Затем, совершивши молитвенное песнопение, апостолы понесли Ее в Гефсиманию. Процессия шла по городу.

...Апостолы пели псалмы, с припевами «Аллилуиа». Над телом Пречистой несли облачный круг и слышалось ангельское пение.

Евреи, узнав о совершающемся, по ненависти к Иисусу Христу, хотели напасть на христиан и, избив учеников, сжечь тело Богоматери. Но облако окружило шествие, а дерзких злодеев поразило слепотою, так что некоторые разбили себе головы, другие из них молили о провожатых.

Затем после встретился священник еврейский Аффоний, но, наказанный (о сем уже писалось), уверовал и присоединился к процессии, исцеленный апостолом Петром.

Похоронив тело в Гефсимании, апостолы пробыли там еще три дня, совершая псалмопения... Затем сюда явился апостол Фома, и открылось Ее вознесение: во гробе остались лишь погребальные пелены, или плащаница, чудесно благоухавшая. После этого все возвратились в город.

Вечером за трапезой, – а они, по обычаю, оставляли одно место незанятым и ставили туда часть хлеба, как бы для Христа

Господа, – после возношения этого хлеба славили великое имя Пресвятой Троицы.

– [Наконец, произнеся молитву] «Господи Иисусе Христе! Помогай нам!», съедали эту часть как благословение; и в этот раз они сделали по обычаю. Но, когда стали возносить часть хлеба, услышали ангельское пение и увидели Богородицу в неизреченной славе:

– Радуйтесь! – сказала Она. – Я с вами во вся дни!

Апостолы, обрадованные, вместо обычных возгласов сказали:

– Пресвятая Богородица! Помогай нам!

...После этого апостолы снова отнесены были на облаках в места своей проповеди.

«Люди, питающие любовь к какому-либо предмету, имеют обыкновение всегда говорить и помышлять о нем в уме своем днем и ночью. Поэтому пусть никто не укоряет меня в том, что после двух прежних слов я предлагаю теперь третье в похвалу Матери Бога моего, как бы некоторый дар Ее успению...

Я поспешно приготовил пиршество, которое, хотя и необильно и недостойно Той, Которая созвала нас сюда... в эту... священную ночь... но, в случае нужды, может утолить голод. Для Матери Божией не нужны похвалы наши, но мы имеем нужду в Ее славе....совершая это празднество, сами сплетаем себе венец: живу Аз, глаголет Господь, зане прославляющия Мя прослаблю (1Цар. 2, 30).

...Что сладостнее Матери Бога моего? Она пленила мой ум, увлекла язык. О Ней я помышляю и днем, и ночью».

И затем он начинает славить Ее преставление. Существенные мысли изложены им в каноне, который часто приводился там, выше...

«О, чудо! Источник жизни, Матерь Господа моего умирает... Нужно, чтобы тело через смерть, как бы через огонь в горниле, подобно золоту, очистившись от земной и мрачной тяжести тления, восстало из гроба нетленным, чистым и озаренным светом бессмертия»...

«Приди, Матерь, к Сыну, приди и царствуй с Тем, Кто произошел из Тебя и вместе с Тобою терпел нищету... Положи

душу в руках Сына Своего. Возврати персть персти, чтобы и эта вознеслась с Тобою...»

«Вся тварь да восхвалит восхождение Богоматери!»...

«Приидите, станем окрест чистейшего гроба и почерпнем из него Божественную благодать.... Войдем во гроб и умрем вместе с Нею, умрем для плотских страстей, проживем же с Нею жизнью бесстрастной и непорочною... Войдем и поклонимся, и познаем преславное чудо, как Матерь Божия взята и вознесена от земли, как перенесена на небо, как предстоит Сыну выше всех чинов ангельских, потому что нет преграды между Материю и Сыном.

Матерь Божия! вот я принес, после двух прежних, третье слово Твоему успению, [принес] с благоговением и любовью к Троице, Которой Ты послужила, по благоволению Отчему и силе Духа зачав безначальное Слово, Всемогущую Божию Премудрость и Силу! Прими усердие, превышающее силы (мои), и даруй (мне) спасение, избави от душевных страстей, уврачуй от телесных болезней, сохрани от бед, подай спокойствие жизни, просвещение духа. Воспламени любовь к Твоему Сыну; устрой жизнь нашу благоугодною Ему (Господу), чтобы, соделавшись участниками Его блаженства и видя Тебя озаренною славою Сына Твоего, воспели мы, вечно радуясь в Церкви празднующих достойно Духа, священные песни Тому, Кто чрез Тебя совершил спасение наше, – Христу, Сыну Божию и Богу нашему».

« ...дивная Мать дивного Бога, дивна от начала и до конца Своего... Она вся – одно дивное Чудо!» Затем перечисляет нечто дивное... И беседует на тему, что Смерть Ее – «лествица» (из песнопений)... Преставилась к Богу Отцу – Дщерь, к Богу Сыну – Матерь, к Богу Духу Святому – «как бы невеста». «Она поработала Святой Троице». Богу Отцу – любовь, Богу Сыну – смирением, Богу Духу Святому – «девственной чистотою»; и чрез это сделалась достойной быть Богородицею. И дальше говорит о чистоте Ее и телом, и духом.

« ...О если бы можно было заглянуть в сердце по внешности святого! Не один бы нашелся там сгнивший и смердящий труп, мысль нечистая!»

До Нее «на земле ни одной не находилось такой девы, которая была бы чиста не только телом, но и духом».

Потом о смирении... «Она знала достоверно, что не другая дева, а именно Она родит Сына Божия, как Ей было открыто о том от Самого Бога Отца во время полунощной молитвы во Святом Святых: облистал Ее Божественный Свет, и Она услышала от Бога Отца глагол, говорящий: «ТЫ РОДИШЬ СЫНА МОЕГО»... Но Она смиренно ответила: «Се раба Господня!» Какая глубина смирения! И Она зачала Слово. Смирением... Она взошла и на Небо... Смирение царствует в Пречистой Деве там, откуда низвержена гордыня» (диавола).

А «как Пречистая Дева возлюбила Бога, – этого не может никакой язык исповедать, никакой ум постигнуть. Любовь есть тайна... Мы можем (лишь) частью понимать ее... Вся Ее всецелая любовь была в Едином Боге», «любвию Она взошла на Небо», к «Единому в Троице Богу». «Мы же Ее восхождению... удивляясь, с ужасом говорим: о, дивное чудо! Лестница (Ею) к небеси гроб бывает».

«Пред успением Она уже не скрывается, как всегда, но отверзает Свой чертог, допускает в него и девствующих, и живущих в супружестве; приемлет бесчисленные целования» «и от человек, нечистых устне имущих»; «успокаивает смущенных; «не чуждается радости, но и наполняет ею приближающихся».

...Какая перемена! Никому недоступная тогда, когда Она была только «раба Господня», и всем доступная теперь, когда Она есть... «Мати Господа».

«Видим душу Пресвятой Девы на руках Господа и, следственно, на высочайшей ступени блаженства, потому что близость к Господу и высота блаженства есть одно и то же. Видим и приснодевственное тело Ее, не покорившееся закону тления, не ожидавшее срока для всех воскресения... Всмотримся же в бессмертие, и для нас не чуждое».

..."Слава Богоматери есть устройство (-дело) Божие. Ублажая Приснодеву, чтим ли девство?.. Храним ли чистоту?.. Ревнуем ли о своем очищении?.. Молва страстей не заглушает ли в нашем сердце славословий наших устен?»

«Икона святого митрополита Петра представляет Самого Христа Спасителя, держащего на руках душу Ее в ОБРАЗЕ МЛАДЕНЧЕСКОМ (даже в пеленах Ее), знаменующем без сомнения ЗАЧАТИЕ НОВОЙ ЖИЗНИ НА НЕБЕСАХ».

« ...И можно ли думать, что Ее предстояние пред Царем славы праздн и бездейственно?! Если еще на земле, во время сожития Его и Ее славы, Она просила ...о нуждах даже маловажных, как, например, о вине, для невинного веселия на браке...; и если не пришел еще час... Его благотворных чудодействий, а Она его могла приблизить, то колыми паче, ныне на Небе... Она предстательствует о нас, о благодатной помощи в наших нуждах, бедах и скорбях, о мире всего мира, О СПАСЕНИИ КАЖДОЙ ДУШИ, искренне ищущей спасения! А как Царица (поелику на небе нет имен без значения силы и действия), и САМА имеет власть заступать, охранять и ущедрять милостями в державный Ее покров прибегающих».

СЛАВА БОГОМАТЕРИ – И НАША СЛАВА

«Если бы люди не были созданы по образу Божию, то Бог не воплотился бы от Пречистой Девы. О, как возвышено наше естество, – и в творении, и в искуплении. Через воплощение Сына Божия от Пресвятой Девы Марии Бог приискренне^{*****} соединился с людьми. О ты, яже Бога (Слова) человеком преславная Твоим рождением соединившая и отпринувшееся естество рода нашего небесная совокупляющая (из молитвы Пресвятой Богородице на повечерии), Слава Тебе, достойно славимая от всей твари умной, ибо такую чистоту и благодать Ты обрела у Бога, что возмогла, по благоволению Бога Отца, содействием Святого Духа, воплотить Сына Божия! Но удостой, о Госпоже, и нас достигнуть чистоты духа и тела ЧРЕЗ ПРИЧАЩЕНИЕ Божественных Тайн Тела и Крови Сына Твоего» (I, 250).

«Дева Мария – Владычица БЛАГОСЕРДНЕЙШАЯ ВСЕХ сынов и дочерей человеческих, как Дщерь Бога Отца, Который есть Любовь; Мать Бога Слова – Любви нашей; избранная Невеста Духа Всесвятаго, Иже есть Любовь, единосущная Отцу и Слову. Как не прибегать к такой Владычице и не чаять от Нее всех благ духовных!» (I, 254).

«Если враги окружают тебя, и ты будешь в беде душевной, немедленно воззови ко Пресвятой Владычице нашей: на то Она и Владычица, чтобы владычествовать державною силою Своею над сопротивными нам силами и державно спасать нас, ибо мы – Ее наследие» (I, 355).

«Надо... чтить святыню Божией Матери, как одушевленную кивота и храма Божества, как ОБОЖЕННОЙ, паче всех чествовать и у Нее испрашивать – после Господа – очищения и святыни, и крепости в вере и любви» (I, 369).

«Как трепещут демоны Владычицы Богородицы, даже и самого имени Ее Всесвятого! Как звезда пресветлая, Владычица, вся Она в сиянии Света – Боге, как уголь раскаленный в великом огне, вся пресветла и огненна! Как легко помыслить, что Он, Бог, есть Свет и Святость, так и Она есть вечный Свет и вечная Святость» (I, 375).

«Божия Мать – одна плоть и кровь, один дух со Спасителем, как Мать Его. Какая безмерная заслуга Ее по благодати Божией, что Она стала Материю Самого Бога, плоть взаимодавши Ему пречистую и всеосвященную... всячески сохраняя Его юность, лобзая Его многократно, лаская Его. Господи, кто опишет величие Девы Богородицы?! Недоумеет всяк язык благохвалити по достоянию; изумевает же ум и премирный пети Тя, Богородице!.. (ирмос 9-й песни 1-го канона на Богоявление). Единою мыслию и простым сердечный движением призывать Ее!.. Она едино с Богом, как и святые» (I, 378).

«Вы, земнородные, не имеющие чистоты, торжествуйте о том, что недостижимая для вас чистота души и тела совершенно и с преизбытком достигнута Пресвятою Девою Мариєю, Материю Господа нашего Иисуса Христа! Торжествуйте и молитесь Ей, да научит Она вас и чад ваших чисто проводить житие в этом тлетворном, полном соблазнов веке. За Ее чистоту, смирение и все добродетели и за то, что Она сподобилась быть Материю Бога Слова, мы приносим Отцу Небесному благодарность, принося бескровную жертву, и говорим: Изрядно (исключительно) – о Пресвятей...

Богородице... (чинопоследование литургии), то есть приносим Тебе словесную службу, славу и благодарение» (I, 387).

«Для чего читаем акафисты Иисусу Христу и Божией Матери? Для того, чтобы в дух Господа и Пречистой Его Матери войти; чтобы познать величие дара, явленного в воплощении Спасителя и искуплении нас, и в даровании нам в Святых Тайнах Тела и Крови Его, и чтобы достойно принять этот дар» (I, 393).

«Видит и слышит меня Трисиятельный Бог: вот самая животворная для сердца уверенность, проникающая миром и радостью мое сердце. Видит меня и Благосердная Мать Бога Слова и слышит мои молитвы и воздыхания к Ней – (это) другая утешительная уверенность, оправдывающаяся постоянно на деле» (I, 28).

«Чувствуешь себя грешником нечестивым, скверный, лукавым, хульным, и потому не хочешь приступить ко Владычице и молиться Ей? – но потому-то и помолись усердно, что ты сознаешь себя таким грешником! Не лежи в тине греховной, приди к Владычице, стань пред образом Ее в чаянии, что ОНА – САМА ТУТ, покажи Ей без стыда свои язвы греховные, имей к ним омерзение и проси Ее очистить тебя от этой духовной проказы, – И НЕ ПОСТЫДИШЬСЯ. Всеблагая не презрит Тебя, Пречистая и Всеблагомощная очистит тебя, как Господь очистил десять прокаженных» (II, 215).

«Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! (Лк. 1, 28) Господь и со всякою верующею в Него благочестивою душою. Сопребывание Господа с Девой Мариєю, до зачатия Ею Спасителя, не есть особенность, свойственная одной Пречистой Деве: Господь со всякою верующею душою. – Господь с Тобою... И ко всем Господь близок... Только люди сердцами своими далеки от Него... С вами есмь, – говорит родившийся от Пресвятой Девы Господь наш, – до скончания века» (II, 259 – 260).

«Иконы служат нам всегдашним обязательным напоминанием о том, что Господь всегда с нами: с вами есмь во вся дни, до скончания века (Мф. 28, 20); что Пресвятая Богородица всегда близка к нам, как Начальница (Начатой,

Первая) мысленного наздания (воссоздания искуплением человека) церковного, как Матерь по благодати всех истинных христиан; и все истинные христиане имеют образ Царицы и Матери в своих домах и избыточно, достойно и праведно украшают его серебром, золотом, драгоценными камнями, ибо нет никого для них дороже и почтеннее после Бога, как Пречистая Матерь Его.

И Господь, и Пречистая Матерь Его Сами непрестанно свидетельствуют нам и внутренно, и внешне – посредством чудес, что наше истинное почитание святых, Его и (Божией) Матери Его и святых Его икон угодно Ему, а для нас – в высшей степени полезно» (II, 190).

«Мы празднуем или событие, – стараемся вникнуть в величие события, цель его, плоды его для верующих, – или лицо, как, например: Господа, Божию Матерь, ангелов и святых, – стараемся вникнуть в отношение того лица к Богу и человечеству, в благодетельное влияние его на Церковь Божию вообще. Надобно вникнуть в историю события или лица, приближаться к событию или лицу сердцем, впитать их в себя, иначе праздник будет несовершенный, неблагоугодный.

Праздники должны иметь влияние на нашу жизнь, должны оживлять, возгревать нашу веру (сердца) в будущие блага и питать благочестивые добрые нравы.

А они проходят больше с грехом, как (равно) и встречаются неразумно маловерным, холодным сердцем, часто вовсе не приготовленный к чувству тех великих благодеяний Божиих, которые Бог даровал чрез известное празднуемое лицо или событие» (I, 70).

«Святые Божии близки к верующим сердцам и, как самые искренние и добрые друзья, в минуту готовы на помощь верным и благочестивым, призывающим их верою и любовью... Вера молящегося в мгновение может поставить их у самого сердца своего, равно как и принять по вере нужную помощь, разумею – духовную.

То что говорю, говорю С ОПЫТА.

Я разумею частое избавление от скорбей сердечных предстательством и заступлением святых, особенно же

предстательством Владычицы нашей Богородицы.

Может быть, – скажут на это некоторые, – что тут действует простая вера или твердая, решительная уверенность в своем избавлении от скорби, а не заступление святых пред Богом? – Нет. – Из чего это видно? – Из того, что если я не призову в сердечной молитве известных мне святых, если не увижу их очами сердца, то и помощи никакой не получу, сколько бы я ни питал уверенности спастись без их помощи. Я сознаю, чувствую ясно, что помощь я получаю о имени тех святых, коих призываю, ради живой моей веры в них... Все это делается так просто, что нужно только глаза – видеть» (I, 46–47).

«Благодарю Господа и Святую Матерь мою – Церковь, непорочную и нетленную невесту Христову, что она указала, уравнила, уладила мне вверенный путь ко спасению». Между прочим «благодарю (за то), что она торжествует ежегодно все важнейшие события из земной жизни Господа моего и Пречистой Богородицы для должного и благодарного воспоминания неизреченных благодеяний Божиих, явленных нам в искупление нас Сыном Божиим от греха, проклятия и смерти».

Если обобщить все написанное, то весь праздник Успения сведется к этим двум словам...

Ей – слава, нам – спасение!..

А наше спасение есть и наша слава... Ее же слава – спасать нас. О сем Она и печется больше всего.

А если обратиться к нашим богослужебным песнопениям и молитвам, то мы видим: ВСЕ НАПОЛНЕНО ЕЮ... Никогда Церковь не забывает Ее.

А если так, то значит, Ее ходатайство – сильно, непрестанно, велико! Значит, Она имеет величайшее значение для спасения нашего... Велика сила Ее ходатайства пред Богом и, в частности, пред Сыном Ее, Господом Иисусом Христом.

Поэтому-то на всяком отпуске, пред тем как прославить Троицу Пресвятую («Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»), сначала мы обращаемся к посредству Сына Божия – Искупителя: («Слава Тебе, Христе Боже наш, упование наше»);

а прежде Церковь еще обращается к ходатайству Его Матери:
«Пресвятая Богородице, спаси нас!»

– «Честнейшую херувим... величаем».

...Так все – полно смысла...

Она – Посредница к Посреднику.

Пресвятая Богородице, спаси нас!

Примечание: Как ни прекрасно писать и помышлять о смысле и красотах праздников, но несравненно важнее спасать собственную душу. Особенно бы должно молиться!

VI. Прибавления

Этот чин теперь совершается в третий день Успения. Состоит он из всенощного бдения накануне 17/30 августа и литургии Златоуста в самый день. Но, собственно, привлекает богомольцев он накануне.

Всенощное бдение построено по образцу погребения Господня в Страстную субботу. Особенное внимание отдается кафизмам с припевами в честь Богоматери.

Евангелие обычно не читается. А иногда, то есть в некоторых храмах, и это читают. В конце всенощного бдения совершается крестный ход вокруг церкви с плащаницей – иконой усопшей Божией Матери. К ней молящиеся прикладываются во время канона; а если очень много народа, то можно начинать это с пения кафизм: указания строгого нет на это. Между тем, богомольцы именно к прикладыванию и стремятся, как и к плащанице в Великую пятницу.

В типиконе (уставе) нет никакого на это указания.

История этого «праздника» такова.

В греческой Церкви он существовал давно. В русской – введен в 40-х годах митрополитом Московским Филаретом († 1867). Этот святитель, высокоблагочестивый (его почитают иные как святого^{*****}), гениальный по уму, великий читатель Пресвятой Богородицы, строгий законник, проповедник многих поучений в честь Божией Матери, своим авторитетом освятил новое празднование. Следовательно, он не видел в этом ничего неправославного и неприемлемого. И Русская Церковь постепенно ввела этот чин в церковный обычай, не обязывая, впрочем, никого совершать его. И действительно, в селениях его не совершают, и лишь в больших городах, – да и то не везде, – исполняют его.

Нужно знать, что вошедший в «закон» обычный устав складывался постепенно, много столетий. И церковное богослужбное творчество не иссякло и теперь. Например, вошли в широкое употребление акафисты с припевами самим народом, а не певчими. Сюда же нужно отнести и наши

проповеди, тему которых мы избираем себе сами. К этому творчеству должно отнести и чин Погребения Божией Матери.

Мы – не сектанты, чтобы ограничивать нашу духовную и церковную жизнь только Библией. Да и они не следуют за ней со всей точностью. Царь Давид, переноса в Иерусалим Ковчег Завета, даже плясал. А теперь нечто подобное («пристукивание» ногами при сидении и пении своих стихов на молениях) осталось и у так называемых пятидесятников в Америке, не говоря уже о крайних сектах. Нам, православным, такой свободы и вольности нельзя, конечно, допускать, а делать все с разрешения и благословения высшей духовной власти или, по крайней мере, епископа епархии.

А данный чин Погребения Божией Матери благословлен и нашим патриархом Алексием⁵⁴. И потому мы со спокойной совестью и благоговением можем совершать его.

Что касается другого, более важного догматически вопроса о воскрешении Божией Матери, то и в нашей православной Церкви, – как мы видели, – давно установилось верование в это, что можно видеть и в богослужении, и в иконописи. Да рядовые богомольцы и не думают об этом: они веруют Божией Матери и усердно припадают к Ней, прося заступления Ее, и славословят Ее.

Будем и мы в простоте веры и чистоте жизни славословить Богородицу и Предстательницу нашу ныне и присно, и во веки веков, ходатайством Ее ко Пресвятой Троице. Аминь.

Начнем песнь настоящему предмету – честному и славному преставлению Твоему, Богородице.

Небо и земля имели украшением Тебя, Святейшую Богоматерь, то может ли быть, чтобы, отходя, Ты оставила земнородных лишенными Твоего призрения? Да не будет у нас такой мысли.

Ты постоянно была с Богом и, представившись от человеческого жития, не оставила сущих в мире. Хотя мы, навывшие верою поклоняться Тебе, называем преблаженными зрителей, наслаждавшихся Твоим присутствием. Однако Ты, как бы телесно присутствуя между нами и среди человеческих дел,

Твоим зраком***** услаждаешь очи душ наших и привлекаешь их.

Твое великое покровительство нам и доказывается Твоим общением с нами: и глас Твой слышим мы, и уши Твои внемлют голосам всех нас; и, познаваемые Тобою в заступлении, мы всегда познаем Твое покровительство; потому что Ты не оставила тех, кого спасла, – не покинула тех, кого собрала: ибо всегда живет дух Твой, и тело Твое не подверглось тлению гроба. Ты, Матерь Божия, посещаешь всех нас (хотя очи наши не могут видеть Тебя, о Всесвятая) и с любовью призираешь на всех рабов Твоих, смотря по тому, кто являет себя достойным.

Невозможно было, чтобы оно, как сосуд богоприятный и одушевленный храм Святейшего Божества Единородного, удержано было в заключенном гробе. Посему мы веруем, Богородице, что Ты пребываешь с нами.

Воистину, и снова радостно скажу: воистину Ты не отошла от человеческого рода, хотя и преставилась. Жизнь нетления!

Да и не могло быть, чтобы соделавшаяся сосудом, приявшим Бога, Ты рассыпалась бы в прах истления: посему с сыновнею любовью Он подает то, что Ты ждешь от Него, и исполняет Божественною силою то, что Ты просишь у Него, Благословенного вовеки. Аминь.

...Мы ныне празднственно творим святое Успение, или преставление, через которое умаленная на краткое время пред ангелами, превзошла без сравнения ангелов и архангелов и сущие над ними премирные Силы своею близостью к Богу и от века предначертанными и совершившимися над Нею чудными делами.

Обетования о рождении Имеющей родить бессеменно Рождаемого от Бога Отца предвечно. И в этом – чудное прославление и пречистая слава Сей Приснодевы, Которой покоряются всякий ум и слово, даже ангельские.

Но и по восшествии на небо Воплотившегося из Нее Она была единственной опорой и утешением, всячески содействуя благовестию Евангельскому. Посему, конечно, живородна и смерть Ее, переводящая в небесную и бессмертную жизнь; и воспоминание Ее есть радостный праздник и всемирное

торжество. Руками Сына Ее был принят богоносный дух Приснодевы; Им же, немного спустя, и родственное оное тело было переселено в вечную небесную обитель. Все это справедливо и вполне приличествовало.

Она Единая, ставшая между Богом и родом человеческим, сотворила Бога сыном человека, а людей соделала сынами Божиими; Она соделала землю небом и обоготворила род человеческий; Она Единая из всех превыше всякого естества явилась Материю Бога по естеству, а через несказанное рождение стала Царицей всякой сущей в мире и премирной твари.

И подлинно, если душа, имевшая обитающую (в ней) Благодать Божию, оставляя земное, возносится к небу, как это стало ясным из многих примеров, и мы верим сему, то как могло быть не вознесено от земли на небо тело, не только принявшее в себя Сего Единородного и Превечного Сына Божия, неиссякаемый Источник Благодати, но и родившее и явившее Его.

Посему Она прославляется богоприличной славой (вместе) с Рожденным и совоскрешается.

Было и доказательство воскресения Ее из мертвых для апостолов – плащаница и погребальные одежды, одни лишь и оставленные во гробе и одни только найденные в нем пришедшими для осмотра, точно так же, как было и ранее относительно Сына Ее и Господа. Но не было нужды, чтобы Она еще какое время пребывала на земле, как Сын Ее и Бог; и потому Она прямо из гроба была вознесена в пренебесное жилище, откуда сияет светозарным и Божественнейшим блеском, освещая оттуда всякое земное достояние, и за это всеми верными поклоняемая, восхваляемая и воспеваемая.

Она в Себе, и одна лишь преизбыточествует всем несказанно: приобретением бессмертия по смерти, и обитанием на небе во плоти вместе с Сыном и Богом, и с того времени обильным излиянием оттуда преизбыточествующей благодати всем почитающим Ее. Она даже дарует дерзновением прибегать к Ней, Сущей сосудом толиких благодеяний: щедро

раздает блага и никогда не прекращает для нас сего полезной) подаяния и щедрой помощи.

Какое слово может описать боголепную красоту Твою, Богоматерь Дево? Ведь невозможно все Твое изложить рассуждениями и словами, поскольку все оно превосходит ум и слово. Однако же воспевать необходимо, если Ты человеколюбиво дозволяешь.

Ты стала сожительницей Сыну на вечное время, и там не оставляя попечения о Своем достоянии и непрестанными мольбами к Нему умилоствляя Его ко всем.

Отсюда можно уразуметь, что и Она не престанет в продолжение всего века благодворить всей твари; говорю не о нашей только твари, а и о самых бестелесных и сверхъестественных чиноначалиях, ибо они вместе с нами через Нее Единую приобщаются и прикасаются Богу, Существо неприкосновенному.

Она Единая только есть посредница между сотворенной и несотворенной природой, и никто не придет к Богу, если только не озарится через Нее, как через истинно боголепный светильник.

Она есть виновница всего бывшего до Нее, и предстательница всех бывших после Нее, и посредница вечных благ. Она – предмет предречений пророческих, начальница апостолов, утверждение мучеников, основание учителей. Она – земнородных слава, небесных радование и всей твари похвала. Она – начало, источник и корень неизреченных благ, Она – глава и совершение всякой святости.

О, Дево Божественная и ныне небесная! Как поведаю все о Тебе? Как прослаблю Тебя, Сокровищница славы? Через Тебя просвещается зрение разума, через Тебя просвещается дух наитием Святаго Духа: о Госпоже, подай обильно всему народу Твоему и сему достоянию Твоему от милости Твоей и даров Твоих. Даруй избавление от обдержавших нас бедствий: виждь, сколь многими и великими, внешними и внутренними мы угнетаемся. Твоим могуществом преобразуй все к лучшему; воздай страданиям нашим Твою помощь и врачевство, уделяя душам нашим и телесам щедрую благодать, для всего

потребную, чтобы мы, благодатию Твоею спасаемые и укрепляемые, прославили воплотившееся от Тебя нас ради превечное Слово, со безначальным Его Отцом и Животворящим Духом ныне и присно, и в бесконечные веки. Аминь.

Во Успении Твоем мира не оставила еси...

Из тропаря

Воистину так! Столько чудес сотворено было Божиею Матерью! Сколько чудотворных икон прославила Она в земле нашей! И не напрасно в каждом православном доме мы видим икону Ее. И архиереи носят на груди своей панагию (что по-гречески значит «Пресвятая»), и это свидетельствует о православности нашей веры. И вообще во всех богослужениях мы непременно поминаем Богородицу в Богородичнах. А сколько в году Ее праздников! Сколько икон в храмах! Все это мы хорошо знаем.

Но более всего мы верим Ее собственным словам, которые Она сама произнесла о Себе у праведной Елизаветы: Се... ублажат Мя еси роди (Лк. 1, 48).

И это сбылось и сбывается.

И мы прославим Пречистую Богородицу. Самая великая слава Ее в том, что Она сподобилась быть Матерью Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа! И за одно это стала «честнейшею херувим и славнейшею без сравнения серафим».

Но мы приведем здесь хоть несколько чудес Ее в Российской стране нашей, где мы так усердно чтим Заступницу нашу. Вспомянем прежде всего чудеса от прославленных икон Ее, о которых знаем мы твердо.

Вот Владимирская Божия Мать: эта икона (пишу по книге протоиерея Дебольского^{*****}) — «знаменитейшая в нашем отечестве. Она написана святым евангелистом Лукою и принесена была к Пресвятой Деве».

Богоматьер произнесла Свое изречение: «отныне ублажат Мя вси роди» и присовокупила: «Благодать Рождшагося от Меня и Моя с сею иконою да будет!» В половине XII века икона была подарена великому князю Юрию Долгорукому и поставлена в городе Владимире. Празднуется она три раза в году: 21 мая, 23 июня, 26 августа^{*****}.

Икона «Знамение» в Новгороде. На жителей этого города напали свои же русские [1170 г.]. Икона была вынесена на градскую стену. Она обратилась лицом к городу: из очей текли слезы. Это обращение было «знамением» милосердия Ее к новгородцам. Враги были отогнаны... В память этого события святитель Илия установил в 27-й день ноября праздник этой иконе.

Я был в Новгороде и видел ДРУГУЮ икону – в печи: кирпичи задней стороны ясно изобразили лик Богоматери.

Казанская Божия Мать открыта была в Казани в 1579 году, 28 июня, при Иоанне Грозном. Она трижды во сне являлась девятилетней девочке Матрене. Икона была в земле. Мать и дочь 8 июля ходили ко властям, и девочка рассказывала о сне: этот день и празднуется доныне. Второй праздник установлен на 22 октября за избавление России от поляков в 1613 году.

Иверская икона. Так она называется потому, что ее взял из воды монах грузин (Грузия называлась Иверией), живший в монастыре на Афоне, куда она приплыла по Средиземному морю из г. Никеи, близ Константинополя. Во время иконоборческих гонений одна вдова пустила ее ночью в море. Когда она прибыла на Афон, то святой монах грузин, по имени Гавриил, пошел по воде, как посуху, и принял ее на свои руки. Поставили икону в храме; но она перенеслась на ворота – трижды. Там ей и устроили место. Потому она иначе называется «Портаитиссой», – с греческого языка: Вратарницей или Привратницей; «не хочу быть хранима от вас, но буду хранительницею вашей» – так Божия Мать объяснила свое перемещение монахам.

Патриарх Никон велел снять копию для Москвы. Теперь она находится в Воскресенском храме в Сокольниках. Другую копию сняли для того же патриарха Никона, для Валдайского монастыря. Память чтится три раза в году: на Афоне и у нас – во вторник Пасхальной недели; 13 октября – в Москве; 12 февраля – на Валдае.

Почаевской Божией Матери праздник совершается 8 сентября. Она принесена была в Почаев греческим

митрополитом Неофитом и, «в благодарность за оказанное ему гостеприимство», подарена была некоей Анне Гойской. Икона «являлась в лучезарном свете жившим в доме Гойской и ей самой во сне, но Анна не верила». Но Божия Матерь явилась ей уже не во сне, а наяву. И с той поры начали чтить икону. Совершилось чудо и на брате ее, бывшем слепым от рождения. Тогда ее перенесли в обитель, в местечко Почаев (1597). И доселе Божия Матерь чтится православными людьми, особенно на юге нашей страны, но приезжают и с севера России, и из Сибири.

Киево-Печерская, или Влахернская, икона Божией Матери; память – 3 мая. Это «икона Богоматери есть древнейшая из икон, чтимых в Православной России». Она вручена «от самой Богоматери четверем грекам, избранным Ею в строители Киево-Печерского храма». Божия Матерь, по преданию, явилась им «чувственно, в виде Царицы, во Влахернском» храме, в Константинополе (1073). А в 1085 году принесена была «в Киев и вручена преподобным Антонию и Феодосию Печерским». С этого года и совершается ей празднование.

На севере же России чтилась Тихвинская икона. Она, по преданию, написана тоже святым апостолом Лукой и поднесена «державному Феофилу» из Антиохии, которому святой евангелист Лука написал и свое Евангелие, и книгу Деяний апостольских. В V веке икона была перенесена в Константинополь, где для нее был построен храм во Влахернах (часть города).

В 1383 году она объявилась в пределах Новгорода, в г. Тихвине. Здесь ей устроен был храм во имя Успения Божией Матери. Во время немецкого нашествия (1941 – 1945) она была вынесена и находилась в Риге. Теперь ее возвратили обратно.

Вот главнейшие иконы, чтимые в России. И, без всякого сомнения, везде от них творились чудеса. О некоторых я напишу здесь, хотя они и менее известны.

Икона «Всех скорбящих Радость» (праздник 24 октября). От нее «совершилось чудесное исцеление родной сестры патриарха Иова⁵⁵, жившей в Москве на Ордынке, именем Евфимия».

К ней прибегают скорбящие.

Ченстоховская Божия Матерь. Икона была в Иерусалиме. Еленой, матерью святого Константина, перенесена в Константинополь (326). Оттуда была перенесена князем Львом в Львов (бывший Лемберг). По водворении там поляков^{*****}, она была перенесена впоследствии в г. Вильно и помещена над проходной стеной над воротами, почему и называется Остробрамской (брама – ворота). Ее чтут православные и католики. Праздник в марте.

Муромская. Праздник 12 апреля. Принесена из Киева в Муром в начале XII века. Здесь был епископом святой Василий. Его обвиняли в порочной жизни и хотели убить. Он просил отсрочить смерть до утра, до третьего часа. Всю ночь он молился в церкви святых Бориса и Глеба; совершил литургию. Пошел в Благовещенскую церковь и там отслужил Божией Матери молебен и, взяв эту икону, направился к реке Оке. «Снявши с себя мантию, он распростер ее по воде, стал на нее с образом Богоматери и поплыл против течения». «В девятый час» он доплыл до места «Старая Рязань». Здесь учреждена, вместо Мурома, кафедра и поставлена в храме икона; она называлась «Моление святого Василия».

Еще известно до 400 чудотворных икон Божией Матери по России. В заключение вспомним о местной иконе Донской. Она была «принесена донскими казаками, прибывшими на помощь к великому князю Димитрию Ивановичу Донскому, утверждена на древке, как хоругвь», когда князь воевал против татарского хана Мамай (1380). После поражения татар она была взята в Москву. Потом в 1591 году крымские татары напали на Москву, но были отогнаны. На месте, где русские встретились с крымцами, создан был Донской монастырь, где и помещен образ Донской Божией Матери. Она – копия Смоленской иконы «Одигитрия». Чтут ее копии и доселе. Праздник 19 августа.

А сколько тысяч чудесных заступлений Ее знают православные люди по себе самим и от других! А сколько, – поистине море, – нам неизвестных чудес!

Сколько таких дел Ее, о коих знает лишь Она одна, Усердная Заступница, Всепетая Мати!

Расскажем несколько случаев из современной жизни, известных нам лично или заимствованных из неизвестных книг и рукописей, или рассказанных нам другими.

В житии святителя Тихона Задонского, прочитанной мною среди рукописей Оптиной пустыни, описывается следующее сверхъестественное событие.

На святителя Тихона, тогда жившего в Задонском монастыре, напало искушение тоски: это бывает, по попущению Божию, и со святыми. А у него был духовный друг в г. Ельце (это в верстах тридцати от монастыря). Святитель написал ему письмо, прося приехать навестить его в скорби. Это было Великим постом, незадолго пред Входом Господним в Иерусалим. Звали друга Кузьмой, а фамилию сейчас не помню: кажется, Чеботарев. В Ельце он служил подьячим (это судейский чин в старое время). Кроме того, он был старостой храма, а приближался «Вход», Страстная и Пасха: время занятое.

Получив письмо, Кузьма, верный почитатель святого Тихона, не рассуждая долго, решил отправиться в путь. Но в это время в подгородной реке (кажется, Хопер), впадающей в Дон, шел лед. Однако это не устрасило Кузьму: он пошел с льдины на льдину, с верою во святителя. И прибыл в монастырь.

Святитель Тихон, увидев его, подумал: не призрак ли это? – в такую распутицу прибыть! Но тот произнес: «Да воскреснет Бог», и они успокоились. Началась беседа. В это время пришел к ним рыбак и предлагает, через келейника, купить у него язя. Святитель сначала подумал: теперь Великий пост; рыбу, – кроме Благовещения и Входа в Иерусалим, – уставом вкушать не разрешается; а потом сказал: «Вход-то у нас будет, а Кузьмы уж не будет!»

И велел келейнику купить рыбу и сварить уху, а рыбу подать отдельно. Тот так и сделал. Стали обедать. Кузьма вдруг горько заплакал. Тихон Задонский спрашивает его об этом. А потом и сам взял ложку и хлебнул несколько ложек ухи: «Вот видишь, и я вкушаю». Но тот пуще продолжает плакать. Святитель спрашивает его: в чем дело? Тогда Кузьма рассказал следующее.

Когда я (пишу от его имени) был еще мальчиком, в монастыре был игуменом архимандрит (имя теперь не помню). Он был хороший монах; постоянно читал акафист Божией Матери. Но страдал ужасным пороком – запойным пьянством. Когда это проходило, он опять каялся и молился Богородице. В один из таких припадков игумен скончался. Братия не решились тогда похоронить его по уставному чину, как умершего во грехе, и послали в Воронеж к архиерею спросить, как его погребать. Но архиерей в то время выбыл в г. Острогожск. Иноки поехали туда. Архиерей разрешил. Поехали обратно; вернулись уже на третий день. Стали готовить покойного к отпеванию. И вдруг он ожил. «Я, кажется, умер?» – спрашивает игумен окружающих. «Уже три дня», – отвечают ему. Тогда он поведал следующее. «Когда я умер, был надо мною суд. И я был присужден к наказанию. И когда меня отпускали куда-то, я услышал голос: «За молитвы Моей Матери возвращается в жизнь на покаяние».

А потом тот же голос добавил: «Это место будет прославлено Моим угодником». «Вот ты, – говорит святителю Кузьма, – и есть этот угодник Божий».

Святитель Тихон заповедал ему никому более не говорить этого. А архимандрит прожил еще сорок дней, каялся, молился, и ровно через сорок дней скончался совсем.

Еще от усопшего уже архиепископа Ф. я слышал рассказ о следующем событии. В г. Ялте (в Крыму) жила вдова, у нее был один сын, еще маленький мальчик, единственное утешение матери. Вдруг он заболевает; врачи бессильны. И мать в горе бросается к иконе Божией Матери с горячей мольбой оставить сына в живых. После этого, в тонком сне, Заступница является к ней и спрашивает: «А ты ручаешься, что воспитаешь его таким, каков он еще есть?» – «Ручаюсь, ручаюсь!»

Ребенок остался жив.

Пришло время учения. Мальчик в школе стал шалить и все более и более портиться. Никакие просьбы и уговоры матери не помогали. И однажды, видя свою беспомощность, она обратилась к Божией Матери с такими словами:

– Прости меня, Владычице: я не могу справиться с сыном и исполнить данное Тебе обещание. И если уж он не исправится,

то возьми его.

Вскоре после этого мальчик поехал верхом кататься, и на повороте круто обернул лошадь, упал и разбился насмерть. К матери его привезли уже скончавшимся.

И на этот раз она не просила ни о чем, – да и не о чем было просить, – не роптала и не плакала неутешно, ибо верила Божией Матери, что так – лучше.

Из книги «Рассказы странника» мне пришлось вычитать о действии молитвы «Богородице Дево, радуйся».

Одного юношу мать научила при всяком случае читать эту молитву. Когда он подрос, то задумался: да есть ли ему какая польза от этого?

И вот во сне ему является его духовный руководитель и объясняет ему:

– А помнишь, как на базаре взбесились лошади? И тебя бы убили. Ты же остался жив? – И привел ему несколько подобных случаев возможной гибели, от которых он был спасен Божией Матерью за то, что читал «Богородицу». И молодой человек успокоился и стал по-прежнему исполнять завет, данный ему.

Но мне известен ряд случаев, когда Божия Матерь спасает и без молитвы, по Своей милости, хотя бы за одну веру... И притом – совершенно неожиданным образом!

Лично я был свидетелем чуда от иконы Божией Матери. Когда я был еще иеромонахом, меня пригласили в один бедный дом отслужить молебен пред иконой Божией Матери, из которой шла сзади непрестанно светлая жидкость – масло.

Действительно, я увидел икону, величиной вершков 8 х 6, под которой постоянно клали вату, куда впитывалась жидкость с задней стороны иконы: она была масляниста. Ватку раздавали верующим простым людям, без всякого разглашения. Я отслужил молебен. И не знаю, что было после.

Видел я и обновленную иконочку, размером она была маленькая, вершков 5 х 4. Вкось, с верхнего угла правой стороны на левую, она была совершенно светлою; другая половина – темная.

Чудом же я считаю выкуп Иверской иконы Божией Матери в Париже. Перекупщик еврей вывез эту икону из России. Она

была точной копией с московской Иверской: такого же огромного размера – около двух аршин высоты и четвертей пять ширины, такого же письма и не темная, но, по словам специалиста, написанная в половине XVIII столетия.

Владелец просил за нее 12 тысяч франков (это было в 1931 – 1932 годах, когда франки были еще в цене). К нашей Патриаршей церкви он и не обращался: она была бедная, помещалась в подвале; народу было около 100 человек; служащие не получали доходов; около дверей стоял ящик, куда добровольцы клали остатки хлеба; в кружку опускали мелкие монеты; народ был все рабочий; пища была такая скудная, что картофель в супе нам казался роскошью; нередко у нас ночевали бедняки. Ютились мы вверху, под крышей.

Поэтому владелец обратился к самой богатой церкви на улице Рю-Дарю. Но там ему отказали. Один морской офицер, по ревности к иконе, сделался у еврея посредником. После первой церкви он пошел во вторую, «монархическую», на Рю-Одесса, но и там отказали.

Тогда он пришел в нашу Патриаршую церковь. Но мы едва питались. О выкупе и думать было нельзя! Ища исхода, я вспомнил об одной православной гречанке, бывшей замужем за богатым англичанином. Может быть, они помогут? Поехали туда. Нас накормили хорошим обедом, но помочь отказались.

Посредник, человек большой воли и веры, неожиданно обратился (вероятно, на обратном пути от гречанки) с вопросом:

– А не купит ли ваша церковь?

Об этом мы не могли даже и мечтать!..

Вечером стою в подвальном храме на службе... И в уме стоит вопрос: «А не купит ли ваша церковь?»

...И началась в душе жестокая борьба.

– Да ведь ты же верующий?

– Верующий, но...

– Так решишь же!

– Гм... гм!..

– Только решишь! А потом Сама Божия Матерь поможет.

– Да откуда же деньги-то взять? 12 тысяч!

– Только решишь!.. Только решишь!

И опять вопросы: да верующий ли я?

??, как было трудно! Так промучился я с полчаса...

Итак?..

И я решился: верую! купим!

Кончилась вечерня. Я сразу пошел к одной христианке, и, к моему удивлению, она дала 2 тысячи франков! Боже! Пошел в другое место – тысяча франков! Потом обратился к прихожанам с просьбой об ежемесячной подписке, – согласились: кто 20, кто 10 франков...

Переговорили с владельцем: он просит теперь же 6 тысяч франков и 6 тысяч – на полгода в рассрочку. С большим усилием собрали – к тем 3 тысячам еще 3 тысячи; и икону купили... Характерно: когда мы приехали за ней, она, в льняной холстинке, стояла вниз головой (ему что? он еврей).

С трудом выкупали еще полгода.

И теперь она – на Подворье в Париже.

Потом я послан был в Америку. Туда мне прислали точную копию с этой Иверской. Через 14 лет меня Святейший патриарх вызвал в Ригу. Я взял икону. Провожая ее, одна православная американка горько плакала... Святые слезы... В Риге я подарил икону собору... У меня осталась другая, меньшая, копия. Эту, когда ехал в Ростов, отдал женскому монастырю. Перед отъездом одна богомолка продала мне третью. И теперь она у меня, небольшого размера: 7 x 5. – Не чудо ли?!

Еще – живой рассказ мне.

В Америке, в Сан-Франциско, жила бабушка с внучкой. Она мне про себя рассказала следующий случай. Будучи еще девушкой, она была приглашена своей подругой погулять в лесу. Туда были позваны и два молодых человека. Но скоро выяснилось, что у них были нечистые намерения. Увидев это, рассказчица бросилась бежать куда глаза глядят. А впереди – глубокий обрывистый овраг. Она, с молитвой

«Богородице Дево», без размышления, прыгнула и покатилась. И все кончилось благополучно. Но за ней прыгнул и юноша, – и сломал себе ногу.

Не помню откуда, но в моей памяти, – вот уже 45 лет с лишним, – помнится такое событие.

Ночью, – вероятно, в Александро-Невскую Лавру, – возвратился нетрезвый монах. На Обводном канале он не попал на мост и сорвался к воде. Еще один-два неосторожных поворота – и он бы скатился в воду. В это время Божия Матерь явилась (не знаю, не во сне ли?) кому-то и сказала: «Рабу моему грозит опасность: поди (туда-то) и спаси его!»

И пьяница, – за какое-то доброе его дело и по милости Небесной Игумении, – был спасен от неминуемой гибели и без покаяния.

Еще расскажу случай со мною, грешным.

Одно время, – года два тому назад, – мне стало трудно работать с одним сотрудником. И встал вопрос: поступить ли с ним по правде или же терпеть по любви? – Я спросил совета. Ответ был такой: правда должна быть с любовью, а любовь – справедливой.

После этого я кончил свою работу около трех часов ночи и лег спать, и все думал о том же... Я нисколько не спал еще. И вдруг, – было совершенно темно, – около стола я узрел сидящей Пресвятую Богородицу, с нагнутой на правую сторону головой, молчащую, в такой смиреннейшей позе, что ответ мне был ясен: смирение!

Я запросил совета вторично, описав и виденное. И получил ответ: поступать, как подсказывает душа. Так я и сделал. А вскорости после того этот сотрудник вынужден был (обстоятельствами своей жизни, а никак – не мной) подать в отставку.

Вот мой скудный венок на гроб Пречистой «Рабы Господней» (Лк. 1, 38), «Царицы неба и земли», «во успении нас не оставляющей». Аминь.

Словарь богослужебных терминов

Агнец евхаристический – четырехугольной формы частица, вынимаемая из просфоры во время проскомидии и пресуществляемая затем, во время освящения Святых Даров, в Тело Христово. Агнец вырезается с особыми молитвословиями и обрядами (действиями, имеющими символическое значение) из первой (из пяти) проскомидной просфоры, причем для него выбирается лучшая из всех просфор и обязательно с изображением святого креста. Для каждой литургии готовится только один агнец, хотя бы число причастников было очень велико. В воскресные дни Великого поста, если на неделе предстоит совершение литургии Преждеосвященных Даров, готовятся и освящаются агнцы и для них, причем на проскомидии над каждым агнцем повторяются положенные молитвословия и обряды, освящаются же они все вместе. Начало приготовления агнцев восходит приблизительно к VIII веку. В древней Церкви для Евхаристии брался хлеб в целом, нетронутым виде. Чин приготовления агнца в нынешнем его виде выработался постепенно и окончательно установился в XIV -XV веках.

Аллилуарий, или аллилуиарий – стих или, точнее, стихи из псалмов, которые читаются на литургии по прочтении Апостола перед чтением Евангелия. Перед чтением Евангелия чтец произносит: «Аллилуиа», ему вторит хор, затем чтец произносит аллилуиарий, а хор снова поет: «Аллилуиа». По содержанию аллилуиарий связан с евангельским текстом, который читается вслед за ним.

Алтарь – в древности возвышение, служащее для жертвоприношения. В период раннего христианства алтарь был большим столом, за которым происходила вечеря любви.

В последующие века алтарем стали называть возвышенную часть храма, где находился стол, на котором совершалась бескровная жертва Евхаристии. Алтарем также называли возвышение на месте погребения святых и мучеников. В начале IV века часть храма, где находился алтарь, стали отделять

особой оградой. В православном храме алтарь – восточная, главная часть храма, отгороженная иконостасом. Внутри нее находятся престол и жертвенник.

Амвон (греч. «восхождение») – выступающая полукругом часть солеи (греч. «возвышение»; возвышенное место вдоль всего иконостаса) напротив царских врат. Амвон знаменует собой те места, с которых проповедовал Господь (гору, корабль), так как на амвоне читается Евангелие, а также камень, отваленный ангелом от гроба Господня.

Антидор (греч. «вместо Дара») – раздаваемые народу в конце литургии части той просфоры, из которой на проскомидии вынимается агнец евхаристический. Возникновение обычая раздавать антидор относится к тому времени, когда исчезла древняя первоначальная практика приобщать всех присутствующих на литургии. Антидор раздается верующим, не приобщавшимся Святых Тайн, как бы в некоторую замену Святых Даров. Отсюда и название – антидор. При большом стечении молящихся в качестве антидора раздаются части второй служебной просфоры – Богородичной.

Антиминс – четырехугольный плат, с изображением положения во гроб Господа Иисуса Христа и с частицей святых мощей. Слово «антиминс» переводится как «вместопрестолie», то есть такой священный предмет, который, заменяя собой престол, и сам является престолом, потому что на антиминсе, по слову святителя Симеона Солунского, «совершается все, что на Божественной трапезе» и «священнодействуется живой Хлеб небесный». В молитве на освящение престола антиминсы названы также жертвенниками, на которых должна совершаться бескровная жертва. Без антиминса совершение Божественной литургии невозможно. Святые мощи, влагаемые в антиминс, служат напоминанием о том, что первые христиане совершали Божественную литургию на гробах мучеников.

Антифон (греч. «противогласие») – песнопения, взятые большей частью из ветхозаветных книг и исполняемые попеременно двумя хорами, стоящими друг против друга (как правило, на правом и левом клиросах храма). В сущности, антифон – это не форма богослужебных песнопений, как

тропарь, кондак, стихира, а, скорее, способ песенного исполнения тех или иных псалмов или гимнов. Антифоны возвещают, главным образом, пришествие Сына Божия на землю и все дела Его; антифоны на двенадесятые Господские праздники содержат объяснение празднуемого события. Антифоны на литургии состоят из трех частей и поются три раза в честь Святой Троицы.

Благоговение – страх Божий, преображенный любовью. Особое волнение, вызванное глубочайшим почитанием святыни.

Благодать – особая Божественная сила, которую Господь посылает человеку для спасения души.

Блаженны – евангельские стихи о блаженствах (Мф. 5, 3–12), а также те песнопения и тропари, которые поются с ними на литургии.

Богородичны – стихиры, тропари и каноны в честь Божией Матери.

Богослужение. В древности богослужением считалось внешнее выражение религиозной веры в молитвах, специальных ритуалах и жертвах. Но Спаситель наш Иисус Христос ставит выше подобного внешнего поведения личное осознание человеком близости к Богу и исполнение Его законов. В русской православной Церкви богослужение подразумевает не только Богопочитание, но и угождение Богу добрыми мыслями, словами и делами, то есть исполнение воли Божией. Окончательное устройство христианского богослужения было сформировано отцами Церкви, преемниками апостолов, по заповеди апостола Павла: «все должно быть благопристойно и чинно» (1Кор. 14, 40). От домашней молитвы церковное богослужение отличается тем, что оно совершается священнослужителями, законно поставленными для этого через таинство священства, преимущественно в храме. При богослужении через совершение таинств, особенно таинства святой Евхаристии, православные христиане входят в сокровенное общение с

Богом и получают от Него благодатные силы для праведной жизни.

Величание – краткое песнопение, в котором прославляется празднуемое событие или лицо. Величание поется на полиелее, самой торжественной части праздничного всенощного бдения и многократно повторяется со стихами избранною псалма (то есть сборного, составленную из стихов разных псалмов), пока совершается каждение храма.

Вечерня – богослужение суточную круга, совершаемое вечером. Чин вечерни установлен в первые века христианства. Ей предшествует чтение 9-го часа. Начинается 103-м псалмом, прославляющим величие Творца (так называемым предначинательным). Затем следуют великая ектения, чтение очередной кафизмы Псалтири, пение 140-го и 141-го псалмов («Господи, воззвах») и присоединяются стихиры – песни в честь воспоминаемого события или святого. Затем поется вечерняя песнь «Свете Тихий», возглашается прокимен. Заканчивается вечерня сугубой ектенией и отпустом – отпустительной молитвой священника. От обычной вечерни отличается вечерня великая, которая, соединяясь с утреней в составе всенощного бдения, совершается накануне воскресных и праздничных дней. Вечерня малая – сокращение обычной вечерни, без ектении и кафизмы – совершается только перед всенощным бдением.

Вечеря – ужин.

Врата храма. Храм имеет четверо ворот, или дверей: царские врата находятся в середине иконостаса, через них выносятся Святые Дары; северные врата ведут в ту часть алтаря, где находится жертвенник; южные врата ведут в ту часть алтаря, где находится диаконик, отчего они еще называются диаконскими; красные, или церковные, врата находятся на западной стороне храма, против алтаря, и служат для торжественных выходов из храма.

Всенощное бдение, или всенощная, – богослужение суточную круга, совершаемое в канун воскресных и праздничных дней. Название происходит от обычая древней Церкви совершать службу в течение целой ночи, до рассвета. Состоит из вечерни, утрени и 1-го часа (или из великого повечерия и утрени). На праздничном всенощном бдении бывает благословение хлебов, пшеницы, вина и елея (масла) –

в воспоминание о трапезах первых христиан в промежутках между долгими богослужениями.

Вход – прохождение священнослужителей при отверстых царских вратах в предшествии свещеносца вокруг престола или от жертвенника через северные двери алтаря и затем через царские врата к престолу. Есть два входа: малый и великий. Малый вход также имеет два вида: вход с кадилом и вход с Евангелием; первый, как правило, совершается во все великие вечера, второй – на литургиях Василия Великого или Иоанна Златоуста, после третьего антифона перед пением Трисвятого. Великий вход бывает только на литургии, его содержание – перенесение преждеосвященных или приготовленных в настоящий день Святых Даров с жертвенника на престол во время пения «Херувимской» песни (название ее – от начальных слов песни: «Иже херувимы тайно образующе и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение...») либо заменяющих ее песнопений. Вход с Евангелием символизирует явление Иисуса Христа на проповедь, вход со Святыми Дарами – Его крестный путь, смерть и погребение.

Глас – лад, или напев, в церковной голосовой музыке, заимствованный из греческой церковной певческой культуры. Каждый глас имеет свой музыкальный колорит и выражает определенный оттенок тех или иных чувствований христианина к Богу. Каждая седмица имеет свой глас – с 1-го по 8-й, – напев, или мелодия, которого доминирует в церковных песнопениях в течение всей недели. Следующая седмица (начиная с воскресной утрени) проходит уже под знаком другого, очередного гласа.

Годичный круг богослужений – порядок служб на протяжении всего года. Каждый день года посвящен памяти тех или иных святых или воспоминанию священных событий евангельской истории. Из всех праздников в году самым большим является Пасха – праздник светлого Христова Воскресения. За Пасхой следуют двенадцать праздников в честь Господа Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы, которые называются двенадесятьми. Есть также праздники и в честь

великих святых и бесплотных сил небесных. Все дни годовичного круга богослужения делятся на неподвижные, которые каждый год совершаются в одни и те же числа месяца, и подвижные, которые бывают в одни и те же дни недели, но приходятся на разные числа месяца, в зависимости от времени празднования Пасхи.

Горнее место – место за престолом в алтаре, где ставятся на возвышении кафедра епископа и по бокам сидения для пресвитеров.

Двунадесятые, или дванадесятые, праздники – двенадцать (церковнослав.: дванадесять – двенадцать) праздников годового круга богослужения в честь Господа Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы. Девять из них имеют постоянную дату празднования: Рождество Пресвятой Богородицы (8 сентября), Воздвижение честного и животворящего Креста Господня (14 сентября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября), Рождество Христово (25 декабря), Крещение Господне (Богоявление) (6 января), Сретение Господне (2 февраля), Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта), Преображение Господне (6 августа), Успение Пресвятой Богородицы (15 августа) (все даты – по старому стилю). Три из числа двунадесятых праздников – подвижные и совершаются в зависимости от дня празднования Пасхи: Вход Господень в Иерусалим – в последнее воскресенье перед Пасхой, Вознесение Господне – на сороковой день после Пасхи, День Святой Троицы (Пятидесятница) – на пятидесятый день (в седьмое воскресенье) после Пасхи. Праздник Пасхи не входит в число двенадцати, поскольку он есть высочайший – «праздник праздников и торжество торжеств».

Двупеснец – см. Канон.

Держава – сила, власть, утверждение, у крепление.

Диаконик (диаконник) – южное отделение алтаря (в древней Церкви это было помещение вне алтаря), в котором хранятся священные вещи, находящиеся в ведении диакона: ризы, богослужебные сосуды, напрестольные Евангелия и кресты, дарохранительницы и проч. Южные двери алтаря, ведущие в это отделение, называются диаконскими.

Дикий – двусвечник, употребляемый при архиерейском священнослужении; знаменует два естества Иисуса Христа – Божеское и человеческое. Во время богослужения архиерей с трикирием в правой руке и дикирием в левой крестообразно осеняет и благословляет молящихся. См. также Трикирий.

Догмат – богооткровенная истина, исповедуемая и преподаваемая Святой Церковью как непререкаемое и неизменное правило веры, основанное на Священном Писании. Краткое изложение основных православных догматов дано в Символе веры.

Догматик – песнопение в похвалу Пресвятой Богородицы, содержащее ряд догматов, которое поется на великой вечерне после стихир на «Господи, воззвах». В догматике прославляется Божия Матерь и содержится учение Святой Церкви о двух естествах Христовых – Божеском и человеческом, о воплощении Сына Божия и т. д.

Евхаристия (греч. «благодарение») – главнейшее из семи таинств Православной Церкви, совершаемое на Божественной литургии: приношение великой жертвы Тела и Крови Христовых (Святых Тайн) и их причащение. В таинстве Евхаристии Церковь приносит благодарственную, хвалебную, умилоостивительную и молитвенную жертву Богу за спасение всех людей – живых и умерших. Таинство Евхаристии установлено Самим Спасителем на Тайной вечере: »...взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26–28); «сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22, 19). Апостол Павел называет Евхаристию возвещением смерти Господней: »...всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1Кор. 11, 26) – потому, что именно Голгофской жертвой, Своей крестной смертью Спаситель совершил таинство нашего искупления. В таинстве Евхаристии Хлеб и Вино таинственным наитием и действием Святого Духа претворяются (пресуществляются) в истинные Тело и Кровь Христовы. И если в других святых

таинствах верующие получают благодатные дары Святого Духа, то в таинстве Евхаристии они приемлют в себя Самого Господа, соединяются с Ним и делаются причастными Его Божественного естества (2Пет. 1, 4).

Ектения, или эктения (греч. «усердие», «протяженность»), – пространное молитвенное прошение к Богу, начинающееся словами: «Миром Господу помолимся». Возглашается диаконом либо (в отсутствие диакона) священником. Ектении – существенная часть богослужения, за которым, помимо великой, возглашаются еще три вида ектений: просительная (в которой молящиеся просят «дня сего (или вечера) совершенна, свята, мирна и безгрешна»; ангела мирного, верного наставника, хранителя души и телес; всего доброго и полезного душам; мира всему миру; безболезненной и непостыдной кончины жизни и доброго ответа на Страшном суде, и т. д.), сугубая (начинается словами: «Рцем вси от всея души и от всего помышления нашего рцем») и малая, состоящая из трех возгласов и начинающаяся словами: «Паки и паки (то есть снова и снова) миром Господу помолимся». После каждого прошения на ектениях хор поет: «Господи, помилуй». Кроме четырех главных ектений есть еще две: ектения об оглашенных (произносится на литургии) и ектения об умерших (произносится на панихидах и при погребении умерших).

Епитрахиль – предмет богослужебного облачения священника, надеваемый на шею. Епитрахиль – широкая лента, два конца которой, спускаясь с шеи, соединяются вместе и спускаются донизу. Она есть символ благодати священства, без нее священник не совершает ни одного из богослужений и священнодействий и не произносит проповеди в церкви. При исповеди он возлагает епитрахиль на голову исповедующегося, когда произносит разрешительную молитву; обертывает ею свою руку, когда при венчании тоекратно обводит венчающихся вокруг аналоя. Некоторые богослужения священник совершает в одной епитрахили (без фелони), а именно таинство покаяния, малую вечерню, повечерие, полунощницу, часы (если на них не читается Евангелие), а также некоторые молитвословия на дому

у прихожан, например молитвы при рождении младенца и наречении ему имени и т. п.

Жертвенник – возвышение для жертвоприношения. В ветхозаветной Церкви жертвенники вначале были естественными, например камень, потом специально изготавливались. В первые века христианства они делались из дерева и камня, в настоящее время в Восточной Церкви приняты деревянные. Это четырехугольный стол, который помещается в левой части алтаря. На нем совершается проскомидия.

Заамвонная молитва – читается священником «за амвоном», среди народа. Священник по окончании литургии выходит через царские врата, сходит с амвона и, стоя лицом к алтарю, читает молитву, которая начинается словами: «Благословляяй благословящих Тя, Господи, и освящаяй на Тя уповающих, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое...»

Заговенье – последний день перед началом многодневного поста, в который разрешается вкушение скоромной пищи (мяса, молока, яиц и т. д.).

Задостойник – ирмос 9-й песни канона утрени, который поется на Божественной литургии «за» (то есть «вместо») песнопения в честь Богородицы «Достойно есть...» Задостойники поются на Пасху, двенадесятые праздники, на Обрезание Господне, в субботу Лазареву, в Великий четверг и Великую субботу.

Икос (греч. «дом») – песнопение, прославляющее святого или празднуемое событие. Икос более подробно и пространно раскрывает содержание кондака (то есть кондак – это тема, а икос – ее развитие). См. также Кондак.

Ипакои (греч. «повиновение», «послушание», «внимательное слушание») – песнопение, полагаемое в воскресные и праздничные дни вместо седальнов. В отличие от седальнов (во время пения или чтения которых допускается сидеть), ипакои требует более внимательного слушания – стоя, не расслабляясь телом, а вместе с ним – и духом.

Ирмос (греч. «связь», «соединение») – поется перед первым тропарем каждой из песен канона и, являясь образцом,

по которому составлены другие тропари той же песни, служит для них связью. Ирмосами весь канон связывается в одно целое. Содержание ирмосов взято, большей частью, из ветхозаветных песней, ставших прообразами новозаветных событий. См. также Канон.

Канон (греч. «прямой шест», «мера», «линейка») – одна из форм православной гимнографии; ряд песнопений – ирмосов и тропарей, связуемых в одно целое единством предмета (например, воспоминание события из евангельской истории или прославление святого). Канон разделяется на песни; каждая песнь, в свою очередь, состоит из ирмоса, поемого хором («ликом») и связующего песни из Священного Писания с празднуемым событием, и тропарей – стихов, раскрывающих содержание этого события. Обычно канон состоит из девяти или восьми песней (полный канон); но есть каноны из четырех, трех и двух песней, называемые соответственно четверопеснцами, трипеснцами и двупеснцами. Полные каноны читаются в дни воскресные и праздничные, неполные – во время Великого поста. Каждому тропарю канона предшествует припев, соответствующий содержанию этого канона. Например, в каноне воскресном – «Слава, Господи, святому воскресению Твоему», в каноне Божией Матери – «Пресвятая Богородице, спаси нас», в каноне святому (преподобному) – «Преподобне отче наш (имярек), моли Бога о нас». Припевы и тропари канона, как правило, читаются; целиком поется только пасхальный канон.

Канонарх (греч. «начальник канона») – клирик, обязанностью которого является предначинание некоторых песнопений. Канонарх возглашает что и на какой глас будет петься, а затем провозглашает каждую строку песнопения, которая вслед за ним повторяется хором. Пение с канонархом сохранилось в основном в монастырях.

Катавасия (греч. «схождение») -ирмос, повторяемый после пения всей песни канона. По уставу для пения катавасии певцы левого и правую клиросов сходятся на середину храма.

Кафедра (греч. «возвышенное место», «седалище») – кресло архиерея, стоящее в алтаре на горнем месте (возвышении в центральной части алтаря у восточной стены

против престола), а также кресло (седалище), стоящее на архиерейском амвоне (возвышении в центре средней части храма), на котором при богослужении в определенное уставом время сидит архиерей.

Кафизма (греч. «сидение») – чтение из Псалтири. Вся Псалтирь, содержащая 150 псалмов, разделена на 20 частей – кафизм. Каждая кафизма в свою очередь разделяется на три части («Славы»), каждая из которых оканчивается словами: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже!» Название «кафизма» указывает на древний обычай сидеть во время чтения тропарей, положенных между кафизмами, отчего эти тропари были названы седальными. См. также Псалтирь.

Кондак (греч. «домик») – краткое песнопение, в котором излагается догматическое или историческое значение празднуемого события или прославляются подвиги святого, память которого совершается в этот день. Как правило, за кондаком следует икос, который раскрывает содержание кондака. См. также Икос.

Лик (греч. «хорос» – собрание поющих; торжественное собрание) – церковный хор, певчие. В древности христианское богослужение состояло из молитв и возгласов (то есть заключительных слов молитвы, произносимых возвышенным, более громким голосом) священнослужителей и из ответных пений и возгласаний народа. Название «лик» – народ – сохранилось в богослужебных книгах до настоящего времени; но ныне на возгласы священника отвечает и поет песнопения не весь народ, а певцы, составляющие хор.

Лития (греч. «коленипреклонение») – усиленное моление. В некоторых случаях лития совершается вне храма и соединяется с молебным пением и крестным ходом; на великой праздничной вечерне лития совершается в притворе или на середине храма; кроме того, лития совершается при поминовении усопших. На всенощном бдении, когда бывает лития, совершается благословение хлебов, пшеницы, вина и елея.

Литургия (греч. «общее дело», «общее служение») – самое главное и высокое богослужение в Христианской Церкви; все прочие богослужения в течение суток являются приготовлением к служению литургии. За Божественной литургией священнодействуется воспоминание Тайной вечери Иисуса Христа и совершается таинство святого Причащения – Евхаристия. Чинопоследование литургии было составлено апостолом Иаковом и в несколько сокращенной виде стало основой всей последующей литургической практики. Это чинопоследование было немного сокращено святителем Василием Великим; литургия святителя Василия Великого совершается десять раз в году. Затем еще более – святителем Иоанном Златоустом; литургия святителя Иоанна Златоуста совершается во все остальные дни года за исключением святой Четыредесятницы, когда служитя литургия Преждеосвященных Даров, составленная святителем Григорием Двоесловом, за которой не совершается таинство Евхаристии, но употребляются Святые Дары преждеосвященные, то есть освященные прежде, на полной литургии (святителя Василия Великого).

Молебен – особое богослужение, совершаемое по какой-либо общественной (например, о ниспослании дождя, о прекращении эпидемии, войны, стихийных бедствий и т. п.) или частной нужде (например, о здравии близких, о благополучном путешествии, об успехе начинаемого дела и т. п.). Помимо просительных служатся благодарственные молебны, на которых свидетельствуется благодарность Богу, Богородице, тому или иному святому за ниспосланное благодеяние и заступничество перед Господом. Молебны по составу подобны утрене и могут включать в себя канон и чтение соответствующих Апостола и Евангелия. Если к молебну присоединяется чин водоосвящения, что практикуется во многих православных храмах, молебен носит название «водосвятный».

Непорочны – наименование 17-й кафизмы Псалтири, названной так по первым словам 118-го псалма, целиком составляющую эту кафизму: «Блажени непорочнии в путь, ходящий в законе Господни». Непорочны являются составной

частью торжественною воскресною, а также заупокойною богослужения.

Октоих (греч. «осьмогласник») – богослужебная книга, которая включает в себе последования служб с изменяемыми молитвословиями для подвижных дней богослужения седмичного круга, то есть на каждый день седмицы (недели). Эти службы поются в продолжение седмицы одним напевом (гласом). В «Октоихе» содержится восемь гласов – на восемь седмиц; отсюда и название книги – «Осьмогласник», или «Октоих».

Омофор – часть архиерейского облачения – широкая лента с изображением крестов, охватывающая шею и спускающаяся одним концом на грудь, а другим на спину (большой орарь) или обоими концами на грудь (малый орарь). Символизирует заблудшую овцу (наше естество), которую взял на свои плечи пастырь (Спаситель).

Орарь – часть облачения иподиакона, диакона и архидиакона, представляет собой длинную широкую ленту, которую диакон носит на левом плече, а конец ее держит правой рукой. Орарь знаменует благодать священного сана, ангельские крыла, благое бремя служения Христу. Заслуженные диаконы награждаются двойным орарем, который в два раза шире, чем обычный. Иподиаконы препоясуются орарем крест-накрест.

Отдание праздника – последний день попразднества (периода после двенадцатого праздника, в который в богослужении продолжается воспоминание празднуемого события). Отдание отличается от дней попразднества большей торжественностью богослужения, потому что в этот день во многом повторяются молитвословия праздника.

Отпуст или отпуск – заключительная часть богослужения, когда молящиеся «отпускаются» из храма. Священник, стоя в царских вратах лицом к народу, произносит отпуст – благословение, в котором выражается желание, чтобы Господь, молитвами Богородицы и святых, спас и помиловал молящихся.

Панагия – небольшая круглая икона Божией Матери (иногда Спасителя), которая как знак архиерейского достоинства

носятся епископами на груди.

Параклис Богородице – покорное прошение, или усердная молитва, то есть молебен, поемый во всякой скорби душевной и обстоянии.

Паримия (греч. «притча», «иносказание») – избранное чтение из Священного Писания Ветхого, иногда Нового, Завета, которое содержит пророчество о воспоминаемом празднуемом событии или святом. Например, в праздник Пятидесятницы в паримиях читаются пророчества о сошествии Святого Духа: «...излию Духа Моего на всякую плоть...» (Иоил. 2,28), «...прииму вас от язык... и очищу вы. И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам... Дух Мой дам в вас» (Иез. 36, 24–27); в навечерие Рождества Христова читаются пророчества из Книги пророка Исаии о рождении от Девы Еммануила, то есть Богочеловека; из Книги пророка Михея – о рождении Христа в Вифлееме. На Богородичные праздники читается паримия из Книги Бытия о виденной Иаковом лестнице, прообразовавшей собою Божию Матерь, соединившую небо и землю, и вместившую в Себя невместимого небесами Господа Иисуса Христа.

Партесное пение – многоголосое пение Православной Церкви, разделенное на голоса, или партии. Перешло к нам с Запада в XVII веке. Петр Великий любил партесное пение и сам пел на клиросе, исполняя басовую партию.

Песнь Богородицы – песнь Пресвятой Богородицы (см.: Лк. 1, 46–55) в церковном уставе называется «Честнейшую», поскольку после каждого тропаря песни следует припев: «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаем». Поется перед 9-й песнью канона, – кроме тех случаев, когда (в великие праздники) к 9-й песни положены особые припевы.

Плащаница (греч. «полотно») – большой прямоугольный плат из полотняной, шелковой или бархатной материи с живописным или вышитым изображением умершего Христа Спасителя, орудий Его страданий, а также погребавших Его святых Иосифа и Никодима и свидетельниц погребения – Божией Матери и святых жен мироносиц. В конце вечерни

Страстной пятницы при пении тропарей «Благообразный Иосиф», «Егда снизшел еси к смерти» и «Мироносицам женам» святая плащаница на главе священника выносится из алтаря на средину храма и там остается для общего поклонения и благоговейного лобызания до начала пасхальной утрени. Затем она переносится в алтарь и полагается на святом престоле, где пребывает до отдания праздника Пасхи в ознаменование сорокадневного пребывания Господа на земле по Его воскресении.

Повечерие – богослужение суточного круга, входящее в состав вечернего богослужения. Повечерие бывает малое и великое. Великое повечерие состоит из трех частей. В первой части поется песнопение, прославляющее пришествие в мир Спасителя: «С нами Бог»; вторая – имеет покаянный характер; третья – хвалебная. Малое повечерие представляет собой значительное сокращение великого.

Полиелей (греч. «обилие масла, елея», «многомилостивый») – составная часть чинопоследования воскресной или праздничной утрени. Полиелей состоит из торжественного песнопения, включающего в себя стихи 134-го и 135-го псалмов (называемых поэтому полиелейными) «Хвалите имя Господне...», тропаря или величания, чтения Евангелия. Во время полиелея в храме зажигаются все светильники.

Полунощница – богослужение суточного круга, совершаемое в полночь или в любой час ночи до утра. Служба полунощницы установлена, во-первых, с тем, чтобы напоминать верующим молитвенный полуночный подвиг Христа перед отшествием Его на страдания (см.: Мф. 26, 36–44; Мк. 14, 32–39; Лк. 22, 41–46); во-вторых, для постоянного памятования о дне второго пришествия Христова, которое, по церковному преданию, основанному на евангельской притче о десяти девах (см.: Мф. 25, 1–13), наступит в полночь; в-третьих, для призыва верующих и в полночь подражать ангелам, немолчно прославляющим Господа. Полунощница бывает вседневная, субботняя и воскресная.

Попразднество, или поспражднство, – продолжение праздника. В дни поспражднства, наряду с песнопениями

воспоминаемым в эти дни святым, Церковь продолжает прославлять событие праздника, а также участников этого события. Число дней поспразднества бывает разным – от одного до восьми.

Пост – воздержание на какое-то время от чувственных, плотских удовольствий: определейной пищи (мяса, молочных продуктов), зрелищ, мирского общения, «пустых разговоров» и т. п. Пост для христианина есть время особою молитвенною сосредоточения, покаяния и милосердных дел. Пост является средством для укрепления в христианине духовно-нравственных стремлений и возобладания их над чувственно-телесными. В Православной Церкви посты делятся на многодневные и однодневные. Многодневными являются посты: Великий – перед праздником Пасхи; Петров, или Апостольский, – перед празднованием памяти апостолов Петра и Павла; Успенский – перед праздником Успения Пресвятой Богородицы; Рождественский, предваряющий праздник Рождества Христова. К числу однодневных относятся посты в среду и пятницу, установленные соответственно в воспоминание предания Спасителя на страдания и самых Его страданий и смерти. (В некоторые седмицы поста в среду и пятницу нет. Такие седмицы называются сплошными: пасхальная седмица; седмица Пятидесятницы; святки – период в двенадцать дней от праздника Рождества Христова до Богоявления, кроме последнего дня (навечерия Богоявления), седмица мытаря и фарисея и седмица сырная (масленица) – перед началом Великого поста.) Однодневными являются также посты в праздник Воздвижения Креста Господня, 14 сентября; в день Усекновения главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, 29 августа; в навечерие Богоявления, 5 января.

Потир – греческое название чаши, из которой православные причащаются Тела и Крови Христовых. Употребляется потир в Евхаристии по примеру Иисуса Христа и апостолов. Сначала чаши были деревянными, с III века – стеклянными, а с IV века употребляются серебряные и золотые. Часто имеют надписи и украшения. С самой глубокой древности

священные чаши имеют удлиненную, кверху расширенную форму и укрепляются на подножии.

Пояс – часть богослужебного облачения священника и архиерея – широкая лента, служащая для затягивания подризника. Символизирует Божественную силу, укрепляющую в служении. Эта мысль выражена в словах, которые произносятся при облачении. Кроме того, пояс символизирует лентий (полотенце), которым препоясался Господь Иисус Христос при омовении ног ученикам.

Предпразднество, или предпразднство, – день перед двенадцатым праздником, в который Святая Церковь в богослужении prepares верующих к празднику. В дни предпразднества, наряду с молитвами и песнопениями воспоминаемым в этот день святым, Церковь предлагает песнопения в честь наступающего праздника. Все двенадцатые праздники имеют по одному дню предпразднества, за исключением Рождества Христова и Богоявления, у которых соответственно пять и четыре предпразднственных дня.

Преждеосвященная литургия, или литургия Преждеосвященных Даров – называется так потому, что совершается на святом хлебе-агнце, освященном на предшествующей литургии Василия Великого. Преждеосвященная литургия совершается в среду и пятницу всех шести недель Великого поста (а также в понедельник, вторник и четверг этих недель, если в эти дни праздник полиелейный или храмовый) и в понедельник, вторник и среду Страстной седмицы. Объясняется это тем, что в христианском представлении литургия, когда совершается таинство Евхаристии, – это торжество, празднество. Посту же более приличествуют скорбь и помышление о своих грехах. Окончательную форму литургия Преждеосвященных Даров получила при папе Римском святом Григории Двоеслове, в честь которого и именуется. Нынешний православный чин литургии Преждеосвященных Даров, в основе которого лежит последование святого Григория Двоеслова, составлен в XIV веке Константинопольским патриархом Филофеем.

Престол – важнейшее место в церковном алтаре. По слову святителя Симеона Солунского, «священнейший алтарь в сем месте образует пренебесное и то, что превыше небес, где поставлен престол невидимого Бога». Престол представляет собой четырехугольный стол, утвержденный среди алтаря с особым молебствием, омытый благовонной водой, окропленный освященной водой, помазанный священным миром и облеченный священными одеждами; на престоле приносится великая бескровная жертва Тела и Крови Христовых. Он именуется святым престолом потому, что знаменует небесный Престол Царя Славы, Судии и Господа нашего Иисуса Христа; он именуется также святою трапезою, ибо на нем предлагаются верующим Святые Дары, питающие в жизнь вечную, а также он есть образ трапезы на Тайной вечере; престол называется также святым жертвенником, ибо в таинственном священнодействии на нем Иисус Христос Сам приносит Себя в жертву за спасение мира. На престоле полагаются: антиминс, завернутый в плат; сверху антиминса полагается напрестольное Евангелие; по обеим сторонам Евангелия – престольные кресты; впереди Евангелия – дарохранительница (ковчег, в котором хранятся Святые Дары, освященные для священнодействия литургии Преждеосвященных Даров).

Пресуществление Святых Тайн. Слово «пресуществление» в церковнославянском языке означает перемену какой-либо одной сущности на другую. Пресуществление Святых Тайн за Божественной литургией в таинстве Евхаристии означает «преложение», или превращение, жертвенной) хлеба (просфоры) и виноградную вина в истинные Тело и Кровь Христовы по слову Спасителя на Тайной вечере: «Приимите, ядите; сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов», и: «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов». Эти слова Спасителя повторяет в евхаристической молитве священнодействующий перед престолом иерей наряду с другими тайными молитвами: «Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деим (то есть с умилением. – Ред.), низпосли Духа Твоего Святаго на

ны и на подлежащая Дары сия». Благословляя Святой Хлеб, иерей молится: «И сотвори убо Хлеб сей, Честное Тело Христа Твоего»; и Святую Чашу: «А еже в Чаши сей – Честную Кровь Христа Твоего». И благословляя Святые Дары вместе: «Преложив Духом Твоим Святым» (то есть просит Бога, чтобы Он силою Духа Святого преложил (пресуществил) Хлеб в Тело Христово, а Вино в Кровь Христову). Блаженный Нил, первый ученик святителя Иоанна Златоуста, в послании к Филиппу Схоластику пишет: «Касательно Божественных Таин знай, что прежде молитвы иерея и сошествия Святого Духа они бывают простым хлебом и обыкновенным вином. После же страшных призываний и сошествия Животворящего, поклоняемого и благого Духа, веруем и исповедуем Хлеб и Вино, положенные на святую трапезу (то есть на престол, – Ред.) уже не простыми, но Телом и Честною Кровию Христа Бога всяческих».

Припев, или запев, канона – см. Канон.

Причастен, или кирионик (греч. «приобщение», «причастие»), – стих, который поется на Божественной литургии во время причащения священнослужителей в алтаре. По содержанию причастны соответствуют празднуемому событию или воспоминаемому святому, и потому разделяются на причастны дня, святого и праздника.

Прокимен – стих Псалтири, произносимый диаконом и повторяемый пением на клиросе перед чтением Апостола, Евангелия или паримий. В прокимне кратко выражается смысл или последующего чтения Священного Писания («прокимен Апостола», «прокимен Евангелия», «прокимен дне» и пр.), или службы дня. Великие прокимны содержат не один, а три стиха; они положены только в великие праздники Господни и в воскресенья Великого поста, кроме недели Ваий.

Пролог – книга, содержащая сокращенные повествования о святых и праздниках, расположенные по дням года. Другое название Пролога – Синаксарий. См. также Синаксарь.

Проскомидия – первая часть христианской литургии, в которой священнослужители приготавливают вещество для Евхаристии. Все ее действия имеют аллегорическое значение:

просфора, из которой вынимается агнец, означает Пресвятую Деву, жертвенник – вертеп Вифлеемский, дискос (священное блюдо на особом подножии) олицетворяет ясли и т. д., в целом же проскомидия изображает событие Рождества Христова со всеми его деталями.

Псалом избранный – то есть сборный, составленный из стихов разных псалмов, подходящих по смыслу к празднику. Псалом избранный читается чтецом попеременно с пением величания на праздничной утрени.

Псалтирь, или Книга псалмов, – книга Ветхого Завета, употребляемая в богослужении сначала в Ветхозаветной, а затем в Христианской Церкви. Псалтирь содержит 150 (по греческой и славянской Библии – 151) псалмов, или песней, излагающих благочестивые излияния сердца при разных обстоятельствах жизни. По словам святителя Афанасия Александрийского, Псалтирь – это зеркало, в котором грешная человеческая душа не только видит себя в настоящем виде, со всеми недугами, страстями, беззакониями, но и находит врачевание и утешение в псалмах. Псалтирь разделена на двадцать кафизм, которые, в свою очередь, разделены на три «Славы», то есть небольшие отделения, после которых читается: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже!»

Саккос – верхняя одежда архиерея, заменяющая собой фелонь.

Светилен, или ексапостиларий, – песнопение на утрени после 9-й песни канона. Эта нигде больше не повторяющаяся песнь утрени занимает в богослужении исключительное место. Как показывает само ее название – светилен – она воспевает Бога как Свет и Подателя света, например, светилен Пятидесятницы: »...свет Отец, свет Слово, свет и Святой Дух»; светилен Преображения Господня: «Свете неизменный, Слове, света Отца нерожденна, в явленном свете Твоем днесь на Фаворе свет видехом Отца, свет и Духа, светом наставляющего всю тварь». Светилен праздника прославляет празднуемое событие.

Святые Дары – хлеб и вино, пресуществленные Духом Святым при участии священнослужителей в Тело и Кровь Христовы во время Евхаристии.

Седален – тропарь, во время которого церковным уставом допускается сидеть. Седальны поются на утрени после чтения кафизм, полиелея и 3-й песни канона, а также на вседневном малом повечерии после 6-й песни канона Богородице. См. также Кафизма.

Символ веры – краткое и в то же время исчерпывающее полное изложение основных догматов Христианской Церкви. Православный Символ веры в его окончательном виде был утвержден в IV веке на Никейском (325) и Константинопольском (381) Вселенских Соборах и потому называется Никео-Константинопольским Символом веры. Православный Символ веры разделен на двенадцать частей, или членов, каждый из которых содержит особый догмат православного вероучения. Исповедание Символа веры обязательно для каждого приобщающегося ко Святой Церкви в таинстве крещения; во время Божественной литургии Символ веры поется всеми верующими; Символ веры – составная часть утренних молитв в православных молитвословах.

Синаксарь, или синаксарий (в греч. «сведение», «собрание»); в более узком значении: «собрание в воспоминание Святой вечери и самое воспоминание Святой вечери»). В богослужебных книгах (Триоди Постной и Цветной) синаксарий – собрание исторических сведений о празднике или о празднуемом святом. Обычно синаксарий читается после 6-й песни праздничного канона. Синаксарии напечатаны в Триодях и Минеях. Свод синаксариев составляет церковную книгу, называемую «Пролог».

Славник – так в богослужебных книгах иногда называется стихира, которая поется на вечерне (в период пения Цветной Триоди) после пения «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» и передает содержание воскресного Евангелия, читаемого на утрени.

Славословие великое – песнопение «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...», которое

поется на утрени и оканчивается Трисвятым: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас». Если же славословие не поется, но читается, оно оканчивается молением: «Сподоби, Господи, в день сей без греха сохранится нам». В основе великого славословия лежит песнь, воспетая ангелами при Рождестве Христовом (Лк. 2, 14).

Служебник – церковная книга, по которой отправляется Божественная служба. Она содержит последования вечерни, утрени и литургий Иоанна Златоуста, Василия Великого и литургии Преждеосвященных Даров Григория Двоеслова. Из последований вечерни и утрени в Служебнике помещены только ектении, возгласы и молитвы, из которых ектении и возгласы произносятся вслух, а молитвы тайно прочитываются священником. Последования литургий помещены в Служебнике полностью. В конце Служебника помещено так называемое известие учительное, которое содержит наставления, необходимые для священника, о приготовлении к священнослужению и о предметах, относящихся к совершению таинства Евхаристии. Эта книга вручается архиереем каждому священнику при рукоположении.

Солея – см. Амвон.

Стихарь – длинное с широкими рукавами одеяние диаконское и причетническое. Подобное облачение архиерейское и священническое называется подризником.

Стихира (греч. «многостишие») – священное песнопение, состоящее из многих стихов, написанных одним размером и большей частью предваряемых стихами из Священной Писания. По различию стихов Писания, предваряющих стихиры, они бывают трех видов: 1) стихиры на «Господи, воззвах», которые поются на вечерне после 140-го псалма («Господи, воззвах к Тебе, услыши мя»); 2) стихиры стиховны у или на стиховнву предваряемые стихами из разных книг Священного Писания соответственно воспоминанию дня или памяти святого; поются в конце вечерни и в конце утрени, когда нет великого праздника; 3) стихиры на хвалитвХу или хвалитньиу то есть те, которым предшествуют стихи из так называемых хвалитных

псалмов – 148, 149 и 150-го, где часто встречается слово «хвалите»; поются в конце утрени.

Стиховны, или стихирьы на стиховне – см. Стихира.

Страстная седмица (церковнослав. страсть – страдание) – посвящена воспоминанию последних дней земной жизни Спасителя, предания Его на поругание и смерть, крестных страданий, смерти и погребения. По величию событий, воспоминаемых в Страстную седмицу, каждый день ее именуется великим (Великий понедельник, Великий вторник и т. д.) и посвящен особому воспоминанию. В Великий понедельник воспоминается иссушение Господом бесплодной смоковницы, которая служит образом книжников и фарисеев. В Великий вторник – обличение Спасителем книжников и фарисеев, Его беседы и притчи, сказанные в этот день в храме Иерусалимском: о дани кесарю, о воскресении мертвых, Страшном суде, о десяти девах и о талантах. В Великую среду – жена-грешница, омывшая слезами и помазавшая драгоценным миром ноги Спасителя и этим приготовившая Христа к погребению. Великий четверг посвящен воспоминанию совершившихся в этот день важнейших евангельских событий: Тайной вечери и установлению на ней таинства Евхаристии; умовения Господом ног ученикам перед Тайной вечерей; молитвы Спасителя в Гефсиманском саду и предательства Иуды. В Великую пятницу воспоминаются осуждение на смерть, крестные страдания и смерть Спасителя. В Великую субботу Церковь воспоминает погребение Господа Иисуса Христа, сошествие Его во ад и введение в рай благоразумного разбойника.

Тайная вечеря – историческое событие, описанное в Евангелии. Прощальная совместная трапеза Иисуса Христа с учениками, на которой Он установил таинство причащения.

Тайная молитва – произносится священнослужителем в алтаре во время пения хора или возглашения диакона.

Типикон – устав, богослужебный сборник указаний о порядке и образе совершения службы на каждый день церковной) года.

Трапеза – стол, пища, престол в алтаре. Святая трапеза – святой престол, так как на нем предлагаются в пищу и питье верным Тело и Кровь Христовы. Подобно престолу, святой трапезой называется антиминс, на котором имеется надпись: «Сей антиминс, си есть трапеза священная на приношение безкровных жертвы в Божественной литургии».

Трикирий – подсвечник с тремя свечами, употребляемый архиереем (епископом, митрополитом, патриархом) во время священнослужения; символизирует Троическую сущность Бога как Отца, Сына и Святого Духа. См. также Дикирий.

Триодь Постная – содержит службы, или последования, с изменяемыми молитвословиями для богослужения тех подвижных дней годового круга, которые составляют дни пригласительные к Великому посту и самый пост. Период пения Постной Триоди начинается за три недели до Великого поста неделью о мытаре и фарисее. Общий тон Постной Триоди – молитвенно-покаянный, все песнопения и чтения своей глубокой назидательностью располагают к молитве и посту, вызывают стремление к покаянию и исправлению. Постная Триодь является училищем благочестия, учит аскетике и православному богословию.

Триодь Цветная – богослужебная книга, которая содержит службы, или последования, с изменяемыми молитвословиями для подвижных дней годового круга, начинающихся праздником Святой Пасхи и заканчивающихся неделей Всех святых. Молитвословия Цветной Триоди прославляют Воскресение Господа Иисуса Христа и события, совершившиеся по Воскресении Господнем, включая Вознесение Господне и сошествие Святого Духа на апостолов.

Трипеснец – см. Канон.

Трисвятая песнь, или Трисвятое – молитва «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас», которая представляет собой распространение песни серафимов в видении пророка Исаии (Ис. 6, 1–3). Святитель Иоанн Златоуст отмечает, что эта молитва относится к временам древнехристианской Церкви. Общецерковное употребление Трисвятого начинается с V века, когда, по преданию, эта песнь

была услышана от ангелов отроком, поднятым на воздух во время покаянного молебна по случаю землетрясения в Константинополе. Отрок слышал от ангелов только первую часть песни, а народ прибавил: «Помилуй нас».

Тропарь – краткое песнопение, в котором раскрывается сущность праздника или представляются главные события жизни и подвигов прославляемого святого. В более широком значении и другие церковные песнопения, даже если они имеют свои собственные названия – стихиры, седальны, ипакои, ирмосы канонов и следующие за ними стихи, – также являются тропарями.

Утреня, или заутреня – одно из богослужений суточного круга, совершаемое в утренние часы. По содержанию утреня разделяется на три части: в первой христиане сокрушаются о своих грехах и испрашивают милости Божией на предстоящий день; во второй – прославляют воспоминаемую в этот день святого или празднуемое событие; в третьей – славословят Господа Иисуса Христа. Утреня бывает вседневная и праздничная. На вседневной утрени великое славословие читается. При совершении праздничной утрени великое славословие поется, а также присоединяется полиелей. В соединении с вечерней или великим повечерием утреня составляет всенощное бдение.

Фаворский свет. Тот таинственный Божественный свет, которым просияло лицо Иисуса Христа при преображении, когда Он был с тремя учениками – Петром, Иаковом и Иоанном – на горе Фавор («И просияло Лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17, 2). Это событие Церковь отмечает как особый праздник: Преображение Господне.

Фелонь, то же, что риза – длинная и широкая одежда без рукавов. В древности на Востоке ее употребляли для защиты от дождя и холода. Из благоговения к Спасителю и апостолам, носившим такую одежду, фелонь стала употребляться как священная одежда. Изображая ту хламиду, в которую облекли Спасителя истязавшие Его воины, фелонь вместе с тем напоминает иерею, что он в служении изображает Господа, принесшего себя в жертву за людей. Короткая фелонь – первая

и начальная одежда, надеваемая при посвящении чтеца или певца, используется только в момент посвящения.

Хвалитны, или хвалитные стихиры, или стихиры на хвалитех – см. Стихира.

Херувимская – духовная песнь православной Церкви, которая называется так по первым словам текста: «Иже херувимы». Поется на литургиях Иоанна Златоуста и Василия Великого, кроме четверга и субботы Страстной недели, во время перенесения Святых Даров с жертвенника на престол.

Хиротония (греч. «рукоположение») – совершение таинства священства, возведение в одну из трех степеней церковной иерархии: диакона, священника и епископа. Хиротония совершается только епископом в алтаре во время Божественной литургии. Возложением рук епископа на главу посвящаемого сообщается Божия благодать священства (см.: Деян. 14, 23) и передается апостольская преемственность этой благодати. С этой точки зрения все христианские деноминации, не имеющие законно поставленного епископата, хранящей) и передающего апостольскую благодать, – безблагодатны и потому не могут совершать церковные таинства.

Часослов – богослужебная книга, содержащая тексты неизменяемых молитвословий суточную богослужебную круга.

Часы– богослужения суточного круга, состоящие из трех псалмов, нескольких стихов и молитв, соответствующих тому или иному времени суток и особым обстоятельствам страданий Христовых; службы часов совершаются каждый день и поэтому называются всedневными. Как правило, совершение часов соединяется с другими службами: 1-й час – с утреней, 3-й и 6-й часы – с литургией, 9-й час – с вечерней. Служба 1-го часа установлена в воспоминание того, что в этот час осужден на смерть Господь Иисус Христос, 3-й час служит воспоминанием о суде Пилата, о мучениях Спасителя в претории, а также о сошествии Святого Духа на апостолов. На 6-м часе воспоминаются шествие Христа на Голгофу, Его пропятие на кресте и крестные страдания. На 9-м часе – великие предсмертные муки и смерть Спасителя. В некоторые дни года обычные часы не совершаются, вместо них служат другие часы,

отличающиеся по своему составу. Таковы великопостные часы, царские часы и пасхальные часы – в Светлую седмицу, которые состоят из пасхальных песнопений – «Христос воскрес», «Воскресение Христово видевше» и т. д.

Часы царские, или великие – совершаются в Страстную пятницу, а также перед праздниками Рождества Христова и Богоявления. Царскими они называются потому, что первоначально они отправлялись в придворной церкви и на них всегда присутствовали византийские императоры, которым после богослужения возглашалось многолетие. Царские часы включают службы 1, 3, 6 и 9-го часов с чтениями паримий, Апостола и Евангелия о крестных страданиях и смерти Господа Иисуса Христа.

Четверопеснец – см. Канон.

Четыредесятница – первая часть Великого поста. Пост святой Четыредесятницы начинается в понедельник, следующий за неделей сыропустной (Прощеным воскресеньем), и длится сорок дней – отсюда и его название. Пост Четыредесятницы еще при апостолах установлен Святой Церковью перед Пасхой в подражание сорокадневному посту Спасителя (Мф. 4, 1–2) и для достойного покаяния и обновления нашего единения с Богом. Святитель Амвросий Медиоланский пишет об этом посте: «Хорошо поститься во всякое время; но лучше всего проводить со Христом в посте святую Четыредесятницу, потому что ее Христос освятил Своим постом. Кто из христиан не постится в святую Четыредесятницу, тот обнаруживает вероломство и упорство, нарушая пресыщением данный Богом для спасения закон. Ибо, когда ты не постишься, по примеру Господа, то какой ты будешь христианин, если пресыщаешься в то время, когда Господь постился; услаждаешься тогда, когда Он алкал; страшишься поститься за грехи тогда, когда Он жаждал ради спасения твоего». Каждая из недель (то есть воскресений) Четыредесятницы посвящена особому воспоминанию: в 1-ю совершается празднование Торжества Православия, во 2-ю – память святителя Григория Паламы, 3-я неделя – Крестопоклонная, в 4-ю воспоминается преподобный Иоанн Лествичник, в 5-ю – преподобная Мария Египетская.

Заканчивается Четыредесятница – пятницей 6-й седмицы (то есть недели) – седмицы Ваий – перед Лазаревой субботой и праздником Входа Господня в Иерусалим.

Чиновник – архиерейский Служебник, книга, по которой совершает службу архиерей. Она, кроме главного содержания Служебника, содержит молитвословия, которых нет в других богослужебных книгах, и чинопоследования рукоположений, освящения храма, антимиона и некоторые другие, которые совершаются только архиереем.

Шестопсалмие – шесть псалмов, читаемых вслух в начале утрени (3, 37, 62, 87, 102 и 142-й). В них изображаются грозящие нам опасности и выражается надежда на милосердие Божие. При их чтении в храме гасят светильники. Это делается, во-первых, для того, чтобы возбудить более внимательное и сосредоточенное настроение, и, во-вторых, в напоминание о том мраке, который царил во время шествия вифлеемских пастырей на поклонение Богомладенцу.

Шестопсалмие – шесть псалмов, читаемых вслух в начале утрени (3, 37, 62, 87, 102 и 142-й). В них изображаются грозящие нам опасности и выражается надежда на милосердие Божие. При их чтении в храме гасят светильники. Это делается, во-первых, для того, чтобы возбудить более внимательное и сосредоточенное настроение, и, во-вторых, в напоминание о том мраке, который царил во время шествия вифлеемских пастырей на поклонение Богомладенцу.

Примечания

¹ - Имеется в виду о. Иоанн Кронштадтский. Иоанн Ильич Сергиев, протоиерей (1829–1908). В 1851 г. с отличием окончил семинарский курс, в 1855 – Духовную академию и был рукоположен во диакона и в иерея. Всю свою жизнь о. Иоанн прослужил в Андреевском соборе города Кронштадта, почти каждый день совершая Божественную литургию, последнюю – 9 декабря 1908 г. Свой долг пастыря о. Иоанн видел в духовно-нравственном врачевании погибающих людей.

² - Иоанн Златоуст (347 – 407), архиепископ Константинопольский. Блестящий адвокат, выделявшийся среди современников своим образованием и благочестием. После четырех лет, проведенных в монастыре, и посвящения в пресвитерский сан в 386 г. начинается его проповедническая деятельность. Толпы народа стекались в главный антиохийский храм слушать Иоанна, прозванного Златоустым. В 398 г. возведен на Константинопольскую кафедру. Сам строгий аскет, Иоанн обличал распущенность и праздность высших слоев общества, включая императорский двор. За это был сослан и умер в ссылке в местечке Комане на Черном море. Автор многочисленных духовно-нравственных сочинений и толкований Священного Писания. Память 27 января, 14 сентября, 13 ноября. С. 14.

³ - Епископ Иннокентий Херсонский (Салотчин; 1842 – 1919). С 1865 г. учитель Уламинского миссионерского училища; в 1874–1876 гг. – сотрудник Забайкальской миссии при Кударинском стане. В 1875 г. пострижен в монашество и рукоположен в иеромонаха. Хиротонисан во епископа Приамурского и Благовещенского в 1898 г. (см. о нем в книге владыки Вениамина «Божьи люди. Мои духовные встречи». М., 1997. С. 237 – 254). С. 19.

⁴ - Иванов Петр Константинович (1876–1956) – религиозный писатель, автор книги «Тайна святых. Введение в Апокалипсис». УМКА PRESS, 1949. С. 20.

⁵ - Сергиевское подворье в Париже... В 1925 г. митрополитом Евлогием (Георгиевским), возглавлявшим приходы Русской Православной Церкви в Европе, была приобретена на аукционе усадьба – запущенное двухэтажное здание немецкой школы и протестантской кирхи на 2-м этаже. На этой же территории находились еще четыре домика. Трудрами князя Г. Н. Трубецкого, М. А. Осоргина и других русских эмигрантов эта усадьба стала Сергиевским подворьем с церковью во имя преподобного Сергия. Великая княгиня Мария Павловна пожертвовала на внутреннюю отделку храма 100000 франков в память своей тетушки преподобному ченицы Елисаветы Феодоровны. Художник-иконописец Д. С. Стемецкий расписал стены и своды фресками, у антиквара был приобретен иконостас с царскими вратами XIV в. Кирха преобразилась в древнерусский храм. А на нижнем этаже разместился Православный Богословский институт. С. 20.

⁶ - В должности ректора Таврической духовной семинарии владыка Вениамин состоял с начала 1912 г. (с возведением в сан архимандрита). С осени 1913 г. до Поместного собора 1917 г., в котором владыка участвовал, он был ректором Тверской духовной семинарии. Осенью 1917 г. вновь вернулся в Таврическую семинарию, будучи избран ее ректором. С. 22.

⁷ - В 1924–1925 гг. епископ Вениамин проживая в Сербии, в монастыре Петковице, окормляя воспитанников двух кадетских корпусов – Русскою и Донского им. генерала Каледина. С. 23.

⁸ - Ипполит, епископ Римский (III в.; впоследствии названный «антипапой»), был избран православным меньшинством римских христиан, но не признан большинством, в это время следовавшим ереси Ноевта. Выдающийся христианский богослов – догматист и полемист, был широко известен как проповедник. Память 13 августа. До нас дошло его Слово на Богоявление. С. 24.

⁹ - Преподобный Серафим (1760–1833) – монах Саровской пустыни, в продолжение 55 лет был «самым великим подвижником благочестия последних времен», по выражению Филарета, епископа Черниговского. Канонизирован в 1903 г. Память 2 января и 19 июля. С. 35.

¹⁰ - Мотовилов Николай Александрович – помещик, совестный судья, смотритель уездных училищ Симбирской губернии. (О нем см. очерк С. А. Нилуса «Служка Божией Матери и Серафимов», составленный на основании рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова, дополненных беседами со вдовой его Еленой Ивановной и сестрами Дивеевской обители в книге «Серафимо-Дивеевские предания». М., 2001.) С. 35.

¹¹ - Феофан Затворник, епископ Владимирский (Говоров Георгий Васильевич; 1815 – 1894) – в постриге с 1841 г. С 1847 по 1853 г. находился в Русской Духовной миссии в Иерусалиме, был на Афоне и в Константинополе. В 1867 г. хиротонисая во епископа Тамбовского и Шацкого, с 1863 по 1866 г. занимал Владимирскую кафедру. С 1866-го – настоятель Вышенской пустыни, где провел всю оставшуюся жизнь как ученый инок. После Пасхальных дней 1872 г. начал вести затворническую жизнь. К этому времени епископ Феофан устроил у себя в келлиях малую церковь в честь Крещения Господня, в которой служил Божественную литургию во все воскресные и праздничные дни, а в последние 11 лет – ежедневно. Занимался научно-богословскими и литературными трудами нравоучительного, истолковательного и переводного характера. Мирно скончался 6 января 1894 г., в день престольного праздника своего келейного храма Крещения Господня. Причислен к лику святых в 1988 г. Память 10 января и 16 июня. С. 36.

¹² - Пашковцы – секта протестантского толка, основанная в 1874 г. в Петербурге англичанином г. Редстоком. В России распространителем его идей стал отставной полковник гвардии Василий Александрович Пашков. Учение пашковцев состоит в отрицании Церкви как Божественного установления, таинств, богослужебных обрядов, церковной молитвы, иерархии, святых икон и значения добрых дел для спасения человека, которое совершается одной только верой в Христа. Библия, понимаемая по личному усмотрению каждою человека, считается у них единственным источником вероучения. В 1884 г. Святейший Синод принимает меры к прекращению распространения учения пашковцев на всем пространстве Российской империи, а в 1886

г. последовало второе запрещение распространять в народе брошюры с сектантскими сочинениями. К началу XX в. последователей Пашкова было довольно много, они называли себя теперь «христианами евангельского исповедания». С. 36.

¹³ - Василий Великий, архиепископ Кесарийский (329 – 379) – святой, вселенский отец и учитель Церкви. Кроме бесед, слов, монашеских и нравственных правил, оставил нам написанные или отредактированные богослужебные тексты. Важнейшим из них является литургия, носящая имя Василия Великого. Церковная традиция усваивает Василию Великому чин Великого освящения воды. В наших молитвословах мы читаем составленные им молитвы утренние, ко причащению и по причащении. Память 1 января. С. 49.

¹⁴ - Имеется в виду Хомяков Алексей Степанович (1804 – 1860) – поэт, философ, основатель и один из лидеров славянофильства. И. С. Аксаков, отмечая универсальность знаний Хомякова, писал о нем: «В нем поэт не мешал философу и философ не смущал поэта; синтез веры и анализ науки уживались вместе, не нарушая прав друг друга, напротив – в безусловной, живой полноте своих прав, без борьбы и противоречия, но свободно и вполне примиренные». В своем труде «Церковь одна» (опыте изложения учения о Церкви) Хомяков дал четкое, богословски безупречное определение Церкви как «единства Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати». «Первая и основная особенность философского творчества Хомякова, – отмечал В. В. Зеньковский, – состоит в том, что он исходил из церковного сознания при построении философской системы. Это было сознательным принципом для него, ибо в Церкви он видел полноту истины, в Церкви видел источник того света, который освещает нам и все тварное бытие. Не от изучения мира и его философского истолкования шел он к свету веры, а наоборот – все светилось для него тем светом, который излучает Церковь» (История русской философии. Т. I. Париж, 1989. С. 197). С. 57.

¹⁵ - Иоанн Лествичник († 563) – преподобный, игумен Синайской обители, прозван так по своему сочинению

«Лествица Райская» – руководству к монашеской жизни. Память 30 марта и в Неделю 4-ю Великого поста. С. 59.

¹⁶ - Минеи – православные богослужебные книги. Есть Минея общая и Минея месячная. В первой содержатся общие молитвословия для всех святых одного лика, общие богослужения для известной категории праздников (например, праздники Господни, Предтече и т. д.). В Минее месячной собраны молитвословия для каждого святого в отдельности или особого праздника, которые расположены по месяцам и дням в 12-ти книгах. Порядок службы в честь известного святого или праздника имеется на каждый день под тем числом, на которое падает праздник или память этого святого. С. 67.

¹⁷ - Иоанн Дамаскин († 780) – автор «Точного изложения Православной веры» и «Слова против иконоборцев», песнописец значительной части Октоиха, ряда канонов на большие праздники и иных богослужебных песнопений. Им написаны каноны на Рождество Христово, Богоявление, Пятидесятницу, Пасху, Вознесение, Преображение, Благовещение, Успение; на памяти св. апостолов и святителей: Василия Великого, Григория Нисского, Ипполита Римского, Епифания, Иоанна Златоуста и многих преподобных и мучеников. В частности – в честь преподобного Романа Сладкопевца. Память 27 января, 14 сентября и 13 ноября. С. 72.

¹⁸ - Исидор Пелусиот (V в.) – настоятель монастыря близ г. Пелусии на Ниле. Человек, богословски образованный, удалившись в египетскую пустыню, проводил суровую жизнь, подобно Иоанну Крестителю. Под влиянием Иоанна Златоуста написал много писем и поучений, в которых выступает как глубокий православный догматист, экзегет и философ. Считал главным делом всех ученых – изучение Священного Писания. Память 4 февраля. С. 101.

¹⁹ - Постановления апостольские состоят из восьми книг и содержат материалы канонического, литургического и дисциплинарного характера. С. 102.

²⁰ - Климента Александрийский († 217) – пресвитер Александрийской Церкви, знаменитый учитель и писатель конца II – начала III в., является основателем самостоятельной Александрийской богословской школы. Он первый сделал попытку научно-философского обоснования христианского богословия. С. 103.

²¹ - Григорий, епископ Неокесарийский (221 – ок. 270), именуемый Чудотворцем, до 14 лет был язычником. Потом под руководством философа-богослова Оригена изучал логику, физику, геометрию, астрономию, метафизику и богословие. Под влиянием высокой нравственности и благочестия, которыми было проникнуто учение Оригена, Григорий приходит к христианству. Годы его епископства приходятся на время гонений на христиан от языческих императоров, на время ересей и расколов. Благодаря твердой вере и выдающимся миссионерским способностям ему удавалось не только поддерживать колеблющихся, но и привлекать многих к истинам Христовой веры. Он много творил чудес, и этот знак Божественной силы также привлекал многих в проповеди Евангелия. Память 17 ноября. С. 103.

²² - Григорий Богослов (329 –385) – великий отец и учитель Церкви. Получивший прекрасное богословское образование, Григорий за 10 лет пребывания в Афинах основательно изучил литературу и философию классической древности и вполне овладел риторикой и диалектикой. Здесь же укрепилась его дружба с Василием Великим, который посвятил его и в епископский сан. Время, когда жил Григорий, было отмечено появлением множества ересей, а также нового течения богословской мысли, представители которого вопросы веры хотели подчинить разуму. Благодаря своим блестящим дарованиям он убедительно доказал несостоятельность таких учений. Память 25 января. С. 103.

²³ - Амвросий Медиоланский (IV в.) – один из величайших отцов и учителей Церкви. Принадлежал к знатной и богатой фамилии, получил юридическое образование. Был избран во епископа через восемь дней после своего крещения, причем завещал всю свою собственность Церкви.

²⁴ - Августин Блаженный, епископ Иппонийский (353 – 430) – знаменитый учитель Церкви, оказавший огромное влияние на развитие богословской мысли Западной Церкви. Память 15 июня. С. 103.

²⁵ - Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – известный философ, поэт и публицист, который своим творчеством подготовил возрождение религиозного сознания и философской мысли в России в конце XIX – начале XX в. Его идеями было вдохновлено целое поколение богословов, мыслителей, общественных деятелей, писателей и поэтов. Соловьев с особенной любовью и необычайным рвением изучал Священное Писание. Его благоговейное почитание Библии поражало своей искренностью. (О его творчестве и религиозном опыте см.: К. Мочульский. Гоголь, Соловьев, Достоевский. М., 1995.) С. 114.

²⁶ - Лермонтов Михаил Юрьевич (1814 – 1841) – русский поэт. «Сознавая в себе с ранних лет гениальную натуру, задаток сверхчеловека, Лермонтов так же рано создавал и то злое начало, с которым он должен бороться, но которому скоро удалось, вместо борьбы, вызвать поэта лишь на идеализацию его». Но «при всем его демонизме поэт всегда верил в то, что выше и лучше его самого, а в иные светлые минуты даже ощущал над собою это лучшее: «И в небесах я вижу Бога...», – писал о нем В. С. Соловьев. Анализ творчества поэта с духовной точки зрения посвящена глава в книге М. Дунаева «Вера в горниле сомнений». М., 2002. С. 115.

²⁷ - Макарий Великий (301–391) – в молодости пас стада и жил в уединении до 30 лет. Затем удалился в отдаленную пустыню Египта, в которой провел 60 лет.

²⁸ - Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский (†1360). Воспитанный в царском дворце в Константинополе, он еще в юности принял иночество на святой горе Афон, написав там много богословских, аскетических и исторических сочинений. Затворясь в пещере, он прожил в ней безвыходно десять лет, сподобясь Божиим откровениям. Был удостоен священного, а позднее архиерейского сана. Разработал учение о Божественных энергиях, о природе Фаворского света.

Скончался в возрасте 63 лет. Память 14 ноября и в Неделю 2-ю Великого поста. С. 143.

²⁹ - Григорий Синаит (XIII – 40-е гг. XIV в.) – замечательный подвижник и писатель Византии. Пробыв около пяти лет в монастыре на горе Синай (откуда – Синаит), затем на Афоне, он около 1305 г. сам основал монастырь в пустыне Парории, где и умер. Известны его наставления о молитве Иисусовой, два канона и некоторые другие произведения. Память 8 августа. С. 188.

³⁰ - Карлейль Томас (1795 –1881) – английский историк, автор обширного труда по истории Французской революции (1837). С. 233.

Парижский Богословский институт на Сергиевском подворье был создан в 1925 г. трудами митрополита Евлогия (Георгиевского), временно управляющего православными русскими приходами в Западной Европе. Сюда были приглашены преподаватели из разных стран рассеяния. Здесь работали о. Сергий Булгаков, о. Георгий Флоровский, Б. П. Вышеславцев, В. Н. Ильин, историк Церкви А. В. Карташев. Владыка Вениамин был профессором и инспектором института. Это было тяжелое время и для преподавателей, и для студентов. Многие работали на фабриках и заводах. Но в воскресенья и праздники богослужения в храме совершались строго по уставу, в чем была главная заслуга митрополита Вениамина. Выпускники института впоследствии проходили служение во многих странах Европы и Соединенных Штатов Америки. В Парижском Богословском институте владыка Вениамин преподавал в 1925–1927 и 1929–1931 гг. С. 269.

³² - Иосиф песнописец († 883) – святой, строгий аскет. При императоре Льве Армянине, иконоборце, был заключен в тюрьму, при императоре Феофане сослан в Херсонес.

³³ - Феодосий Печерский (ок. 1036–1091) – преподобный, учредитель иноческого общежития на Руси. Память 3 мая, 14 августа и 2 сентября. С. 342.

³⁴ - Святитель Николай, архиепископ Мирликийский († ок. 345) – великий христианский святой, прославившийся чудотворениями при жизни и после смерти, почитается повсеместно в христианской Церкви, и Западной и Восточной, даже в еретических обществах Востока, и среди мусульман, живущих на Востоке, и среди язычников в России. В 1807 г. мощи его были перевезены итальянскими купцами из Мир Ликийских в г. Бари. Источают миро до сих пор. День прибытия мощей, 9 мая, торжественно празднуется повсюду. В России еще празднуется память 6 декабря, день преставления святого. С. 343.

³⁵ - Святитель Иоасаф (Горленко Иоаким Андреевич; 1705 – 1754) к монашеству стремился с отроческих лет. В 1725 г. принял постриг с именем Иларион, через два года пострижен в мантию с именем Иоасаф. В 1737-м возведен в сан игумена и назначен настоятелем Лубенского Спасо-Преображенского монастыря Полтавской губернии. В 1744 г. по приказу императрицы Елизаветы Петровны возведен в сан архимандрита и назначен наместником Троице-Сергиевой Лавры. Хиротония архимандрита Иоасафа во епископа Белгородского и Обоянского состоялась в 1748 г. На Белгородской кафедре он пробыл до своей кончины 10 декабря 1754 г. До конца февраля 1755 г. тело святителя не было погребено и не имело признаков тления. Спустя два года был открыт вход в склеп – тело святого было нетленным. Среди богомольцев, посещавших белгородскую святыню, были высшие иерархи Русской Церкви и представители царствующего дома.

³⁶ - Сергей Радонежский (в миру Варфоломей; 1314 – 1392) – преподобный, преобразователь монашества в Северной Руси и величайший подвижник. Его родители Кирилл и Мария принадлежали к ростовским боярам. Обучение грамоте Сергей начал неуспешно, но благодаря терпению и труду он ознакомился со Священным Писанием и всем сердцем полюбил Церковь и иноческое житие. После смерти родителей ушел в Хотьково-Покровский монастырь, потом вместе с братом Стефаном удалился в глухой Радонежский бор, где основал пустынь на берегу реки Кончуры, построив деревянную церковь во имя Святой Троицы. На этом месте сейчас стоит величественный собор во имя Святой Троицы. В 1337 г. принял иночество, вскоре основалась и обитель. По совету Константинопольского патриарха Филофея и по благословению митрополита Московского Алексия в ней был введен общежительный устав. Сергей умел действовать тихими и кроткими словами на самые жестокие и загрубелые сердца и часто примирил даже враждующих князей. Благодаря ему князья объединились перед Куликовской битвой, признав главенство Московского князя Дмитрия Ивановича, будущего

Донского. Сергей благословил князя на битву, предсказал ему победу и дал двух иноков – Пересвета и Ослябю. Сергей скончался 25 сентября 1392 г., через 30 лет были найдены нетленными его мощи и одежда, и в 1452 г. он был причислен к лику святых. Преподобный Сергей основал, кроме Троице-Сергиева монастыря, еще несколько обителей, а его ученики учредили около 40 монастырей в Северной Руси. Память 5 июля и 25 сентября. С. 343.

³⁷ - Никон, Патриарх Московский и всея Руси (1605 – 1681), рано вступил на путь пастырского служения. Сначала он был приходским священником, затем стал монахом, приняв постриг в Анзерском скиту от преподобного Елеазара Анзерского. В середине 40-х гг. состоялось знакомство Никона с царем Алексеем Михайловичем (1629–1676, годы царствования с 1645), умным и образованным человеком своего времени, известным также своей глубокой религиозностью. Между ними возникли почти дружественные отношения, обусловленные общими взглядами на будущее России и Русской Церкви. Исходя из представлений об особом статусе Патриарха не только в Церкви, но и в государстве – «Священство выше Царства», Никон начал вникать в дела государственного управления, а в период участия царя в походах против Польши (1654 – 1655) фактически управлял страной. Действуя деспотично, восстановил против себя и бояр, и архиереев. В 1666 г. Собором, на который были приглашены Патриархи других Православных Церквей, осужден, извержен из сана и отправлен в ссылку простым монахом. При царе Федоре Алексеевиче, в 1681 г., Никону было разрешено вернуться в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, но по дороге туда он умер. С. 410.

³⁸ - Старец Зосима (VI в.) – преподобный, обретший Марию Египетскую в Иорданской пустыне и причастивший ее. Он же предал ее прах земле. Умер около 100 лет от роду. Память 4 апреля. С. 419.

³⁹ - Мария Египетская (VI в.) – преподобная. По преданию, в молодости была блудницей. После посещения с паломниками Иерусалима была допущена по предстательству Божией Матери

до Креста Господня и сделалась ревностной христианкой. 47 лет провела в покаянии и молитве в Заиорданской пустыне. Память 1 апреля и в Неделю 5-ю Великого поста. С. 419.

⁴⁰ - Антоний Великий (251–356) – основатель монашества. Родился в Египте, в богатом христианском семействе. Будучи богатым наследником, продал имение, раздал деньги бедным и удалился к старцу-отшельнику. Потом, стремясь к уединению, Антоний жил в пустой гробовой пещере, в развалинах старой крепости на берегу Нила. Прожив в полном уединении 20 лет и победив свои помыслы об удовольствиях прежней жизни, а также демонские искушения, он согласился принять на себя обязанности руководителя первой монашеской общины. Через 6 лет Антоний удалился в пустыню, только по временам приходя к братии для назидания и укрепления в духовной жизни. Господь сподобил великого подвижника дара чудотворения и прозорливости. Он утешал и исцелял пришедших к нему, побеждал язычников в спорах о вере, к нему писал император Константин, которого он наставлял. За 85 лет жизни в пустыне Антоний только дважды оставлял ее: в первый раз, когда в 311 г. пришел в Александрию во время гонения Максимиана, чтобы ободрить и утешить страдальцев за веру, а во второй – тоже в Александрию в 351 г., чтобы поддержать православных в борьбе с арианами, причем в несколько дней он обратил ко Христу большое количество язычников и ариан. Скончался 105 лет от роду. Память 17 января. С. 419.

⁴¹ - Павел Фивейский (228 – 341) – первый христианский монах. Спасаясь от гонений при императоре Декии, бежал в Фиваиду, где поселился при ручье и пальме и долгие годы подвизался в совершенном одиночестве, пребывая в непрестанной молитве. Скончался во время коленопреклонной молитвы с воздетыми к небу руками, в возрасте 113 лет, проведя 91 год в полном уединении. Похоронил его преподобный Антоний Великий. Память 15 января. С. 419.

⁴² - Митрополит Московский Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1783–1867) – выдающийся деятель Православной Церкви, богослов и духовный писатель. На Московскую кафедру поставлен в 1821 г. в сане архиепископа, пребывал на ней до

самой смерти (с 1826 г. в сане митрополита). Заботясь о духовном просвещении, в 1823 г. составил «Пространный христианский катехизис Кафолической Восточной Церкви», который переиздается до наших дней. Его проповеди (под названием «Слова и речи синодального члена Филарета, митрополита Московского». 1844 – 1845. Ч. I) переведены на французский и немецкий языки. Много трудов отдал святитель делу перевода Библии на русский язык. В 1861 г. составил Манифест об освобождении крестьян. Канонизирован Архиерейским собором в 1994 г. Память 19 ноября. С. 420.

⁴³ - Кремлевский Вознесенский монастырь был основан в 1387 г. (по другим источникам – в 1407 г.) женой великого князя Московского Дмитрия Донского Евдокией Дмитриевной, в иночестве Евфросинией. В центре него стоял каменный собор, служивший усыпальницей великих княгинь, а потом цариц до XVIII столетия. До 1817 г. монастырь назывался Стародевичьим, в отличие от Новодевичьего в Лужниках. В 1917 г. монастырь пострадал от артобстрела большевиками. В 1929 г. его храмы разобрали и до 1932 г. на месте, где были Чудов и Вознесенский монастыри, построили здание Верховного Совета СССР. До Президиума здесь была Военная школа, а после – Кремлевский театр. К 1917 г. в Вознесенском монастыре было 3 храма с 8 престолами, от которых не осталось ничего. С 420.

⁴⁴ - Мелитон, епископ Сардийский († 177) – один из ученейших мужей своего времени, апологет. Получил обширное образование – ораторское и философское. Для изучения в подлиннике книг Священного Писания он посетил места, где совершались события Священной истории. Результат его труда – составление «Извлечений из закона и пророков относительно Спасителя и всей веры нашей» в 6 книгах. Во время гонений на христиан Мелитон Сардийский собственноручно подал императору Антонину апологию за христиан. С. 468.

⁴⁵ - Иероним Блаженный (342 – 420) – знаменитый учитель Западной Церкви. Посетив святые места Иерусалима, основал монастырь в Вифлееме, в котором прожил последние 33 года жизни, плодотворно трудясь как ученый. Его библиологические и исторические труды имеют огромное значение в истории

христианского просвещения. Автор прекрасного перевода на латинский язык Ветхого Завета, известного под именем Вульгата. С. 468.

⁴⁶ - Елена († 327) – византийская царица, мать царя Константина Великого и жена Константина Хлора. В 326 г. обрела крест Господень. Память ей 6 марта и вместе с Константином Великим 21 мая. С. 468.

⁴⁷ - Иувеналий, патриарх Иерусалимский – святой, годы патриаршества 420 – 458. Память 2 июля. С. 468.

⁴⁸ - Влахерны – район северо-западной части Константинополя и его пригородов на южном берегу бухты Золотой Рог. Это одно из мест особого почитания Пресвятой Богородицы, центр паломничества; в византийскую эпоху пользовался неизменным покровительством императора. С. 469.

⁴⁹ - Косма, епископ Маиумский († ок. 787) – творец канонов. Родом из Иерусалима. Рано лишился родителей и воспитывался родителями Иоанна Дамаскина. Оба юноши получили прекрасное образование. Связанные глубокой любовью, преподобные Иоанн и Косма вместе удалились в монастырь Саввы Освященного и оба прославились как борцы с иконоборческой ересью и творцы замечательных канонов. В 743 г. преподобный Косма был хиротонисан во епископа Маиумского. Он преставился в глубокой старости. Среди его большого гимнографического наследия каноны на: Успение Богородицы, Рождество Христово, Воздвижение Креста, Пятидесятницу, Сретение, Крещение, Преображение Господне, Неделю Ваий и многие другие. Память 12 октября. С. 469.

⁵⁰ - Киприан Фасций Цецилий, епископ Карфагенский (III в.) – святой отец, писатель-богослов. Под влиянием Тертуллиана крестился около 246 г. и вскоре был избран епископом Карфагенским и Северо-Африканским. Во время тяжелых гонений на христиан при императоре Декии писал послания к народу, убеждая его стойко переносить испытания. Из его произведений известны трактаты. 31 августа 258 г., при императоре Валериане, был обезглавлен. В VIII в. мощи его

перевезены Карлом Великим и покоятся в монастыре святого Корнилия в г. Компьене. Память 31 августа в православной Церкви и 14 сентября – в католической. С. 472.

⁵¹ - Максим Философ Исповедник (582 – 662) происходил из знатной семьи, получил прекрасное образование, один из самых искушенных и утонченных мыслителей святоотеческого периода. Состоял секретарем у императора Ираклия, и, судя по началу, ему предстояло блестящее будущее. Однако, когда император стал на сторону монофелитов, Максим, известный своей непримиримой борьбой с этой ересью, удалился от двора, принял монашество и навсегда остался простым монахом, никогда не притязая ни на какие церковные чины. Когда ересь победила на константинопольском дворе, Максим был арестован, его пытали, особенно ставя ему в вину, что он, простой монах, восстает против патриархов. Исповедник отвечал, что если бы даже ангел с небес проповедовал ересь, то он, Максим, все равно отстаивал бы истину. Во второй ссылке, куда был отправлен философ после того, как ему при пытках отрезали язык и правую руку, он умер в возрасте 82 лет. Память 21 января и 13 августа. С. 485.

⁵² - Епифаний Кипрский († 403) – святой архиепископ, сын бедного еврейского земледельца в Палестине, крещен иноком Лукианом. Он жертвовал собой в борьбе за православие против ариан, основал в Египте монастырь, где был сам игуменом, распространил веру Христову среди огне-поклонников персов, участвовал в сане епископа Саламина (367) в Соборах, не щадя себя до глубокой старости. Умер в возрасте 96 лет, похоронен на Кипре. Был сведущим ученым, оставил труды. Память 12 мая. С. 486.

⁵³ - Никифор Ксанфопул (XIV в.) – византийский писатель, составил Церковную историю в 18 книгах (период до смерти императора Фоки, 610 г.). С. 486.

⁵⁴ - Патриарх Алексей I (Симанский Сергей Владимирович; 1877–1970) – тринадцатый Патриарх Московский и всея Руси. Окончил юридический факультет и Московскую Духовную академию, где принял монашество в 1899 г. В 1904 г. – инспектор Псковской духовной семинарии, 1906 – ректор

Тульской духовной семинарии в сане архимандрита, 1913 – епископ Тихвинский, 1921 – епископ Ямбургский, 1926 – архиепископ Хутынский, 1932 – митрополит Ленинградский и Новгородский, 1945 – Патриарх Московский и всея Руси. На годы патриаршества Алексия выпал огромный труд по умиротворению церковных расколов. В 1946 г. окончательно исчезло обновленчество, преодолены многие нестроения в среде русского православного Зарубежья. Во время его патриаршества, на рубеже 50 – 60 гг., Церковь пережила тяжелое «хрущевское» гонение. В течение многих лет Святейший владыка был активным членом Советского комитета защиты мира. В 68 лет возглавив Первосвятительскую кафедру, Алексий I оставался Предстоятелем Русской Православной Церкви 25 лет и скончался в возрасте 93 лет. Погребен в Троице-Сергиевой Лавре. С. 503.

⁵⁵ - Святитель Нов, Патриарх Московский и всея Руси (f 1607; годы патриаршества 1589–1605). Прославление патриарха Нова готовил еще патриарх Иосиф (f 1640; годы патриаршества 1642 – 1652). Для общецерковного почитания святитель Нов был прославлен на Освященном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в 1989 г. Празднование: 5 апреля – в память перенесения мощей в 1652 г. и 19 июня – в день праведной кончины. С. 512.

¹ - *Первое воскресенье после праздника Крещения Господня. – Ред.

² - **Сила, господство. – Ред.

³ - ***Всмотреться, вникнуть. – Ред.

⁴ - ****Кропилом. – Ред.

⁵ - *****Не имеющие оправдания и права отвечать, оправдываться. – Ред.

⁶ - *****См. Приложение о святом Григории Паламе.

⁷ - *****Далее будут приведены места еще о радости – особенно в концах тропарей 1-й песни 1-го канона в радости поюще, в радости пояху и так далее.

⁸ - *****Воспитатель. – Ред.

9 - *****В русской переводе: у которой нет изменения и ни тени перемены. – Ред.

10 - *****Говоря иностранными словами: о реальности сверхъестественного мира и о религиозной гносеологии.

11 - *****Полуостров на юго-западной стороне Италии, который одно время был под властью византийцев (VI -IX века), почему там и жили выселенцы греки.

12 - *****Один профессор Санкт-Петербургской духовной академии, протоиерей С-ский, утверждая, что все останется, как и сейчас, и с «Публичной библиотекой» (он, как ученый, настаивая на этом особенно!), но только не будет ни армий, ни тюрем, ни полиции, ни судов, так как все люди будут высоконравственными и эти карательные меры не будут нужны-де! Это он именовал «пантеизмом» (все в Боге). Я сам слышал это и, еще будучи студентом, горячо протестовал против такой ереси.

13 - *****Созданном при царе Юстиниане Великом, в 525 году, – ныне он в руках турок-мусульман. Это – чудо архитектуры!

14 - *****Тогда он был игуменом монастыря Спасителя в Константинополе.

15 - *****Умер он в 1348 году.

16 - *****Можно думать, что преображение было не днем, а ночью; так что у евангелиста Луки сказано: апостолы отягчены были сном (9, 32) и что они со Христом сошли с горы... в следующий день после преображения (ст. 37). Это дает нам основание предполагать, что самое преображение было ночью или к утру. А у архимандрита Михаила написано: «Ученики были отягчены сном не во время самого события преображения, а в предшествующее этому время. Вероятно, что Господь взял их с Собою на гору вечером; молился всю ночь; к утру последовало преображение. Утомленные дневными трудами (и добавлю: восходом на высокую гору), ученики не выдержали продолжительной молитвы Господа (как и впоследствии в саду Гефсиманском), и сон одолел их... И, может быть, ученики проснулись от необыкновенной) света, осиявшего Господа и

явившихся Ему Моисея и Илию. И они, в таком же положении полулежания, видели чудо преображения, поэтому и Господь сказал им: встаните, не бойтесь (Мф. 17, 7)» (Толкование на Евангелие от Луки).

17 _ *****От церк. – слав. испрати – мыть, стирать.
– Ред.

18 _ *****Избирает. – Ред.

19 _ *****Ветвями. – Ред.

20 _ *****Увенчала. – Ред.

21 _ *****Далее часть текста оригинала
утрачена. – Ред.

22 _ *****Я думаю, потому, что наддверная часть строилась или полукружием, или под острый углом, напоминая остроконечные шапки татар (прежде они правили Русью), коих называют и доселе «князь».

23 _ *****В славянском языке удивление выражается в родительном падеже, как в греческом.

24 _ *****По-русски: «служите».

25 _ *****В переводе на русский язык с греческого: Воспользуйтесь научением, дабы не прогневался Господь, и вы не погибли с правою пути, когда воспламенится вскоре ярость Его (Пс. 2, 11–12). – Ред.

26 _ *****Кстати, всякие «хилиастические» мечты о 1000-летнем земном царстве – в высшей степени пусты, поверхностны... Да это святым людям просто – скучно... Им даже хочется отказаться от этого.

27 _ *****От слова «сень» – тень, мрак. – Ред.

28 _ *****Как бы на фундаменте возводит здание, – сравнение апостола Павла (Еф. 2, 13–22).

29 _ *****В русском переводе: кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся. – Ред.

30 _ *****Дщи – звательный падеж от дщерь – дочь. – Ред.

- 31 _ *****Погребальной пещере,
гробнице. – Ред.
- 32 _ *****Мы печатаем этот абзац по
авторской машинописи. – Ред.
- 33 _ *****Глава 45 «Жизнь инокa,
подвизавшегося на горе Елеонской, и о почитании образа
Пресвятыe Богородицы» из книги «Луг Духовный», творение
блаженного Иоанна Мосха. СТСЛ. 1896.
- 34 _ *****Преподобный Феодор
Илиотский славился даром вразумления. Подвизался в лавре
Фаран, «милях в шести от святого града», в VI веке.
- 35 _ *****Луг Духовный...
- 36 _ *****Луг Духовный...
- 37 _ *****Равным образом. – Ред.
- 38 _ *****Причислен к лику
святых в 1994 г. – Ред.
- 39 _ *****Видом, обликом. – Ред.
- 40 _ *****Прот. Г. С.
Дебольский. Дни богослужения православной Церкви. Т. 1. Спб.
1901.
- 41 _ *****Даты празднования
иконам даны по старому стилю. – Ред.
- 42 _ *****В памяти Владыки
соединились истории двух икон – Ченстоховской и Виленской
Остробрамской. Продолжение истории первой таково: она
досталась тогдашнему правителю царства Польского
Владиславу, князю Опольскому. После того как икона защитила
город от татар, Владислав перенес ее из замка на гору
Ченстоховскую, где возник монастырь. Икона хранилась у
монахов Паулинского ордена. В 1813 г., когда Ченстоховскую
крепость взяли русские войска, настоятель и братия лавры
преподнесли генералу Сакену список с Ченстоховской иконы.
Император Александр I украсил икону богатой ризой с
драгоценными камнями. Она хранилась в Санкт-Петербургском
Казанском соборе, и перед ней горела неугасимая лампада.